

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЛАДИВОСТОКСКИЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ АТР

На правах рукописи

Киреев Антон Александрович

**Уссурийское казачество в политическом процессе
на Дальнем Востоке России**

Специальность 23.00.02 – Политические институты, этнополитическая
конфликтология, национальные и политические процессы и технологии.

Диссертация на соискание учёной степени кандидата политических наук

Научный руководитель
доктор исторических наук
профессор Кузнецов А.М.

Владивосток 2002

Оглавление

Введение	3
Глава I. Общие условия формирования и функционирования социальной общности уссурийского казачества	23
§ 1. Казачество в природном и общественном пространстве России (середина XVI – первая треть XX вв.).....	23
§ 2. Уссурийское казачество в природных и общественных условиях Дальнего Востока России (середина XIX – первая треть XX вв.).....	40
Глава II. Системная организация уссурийской казачьей общности и основные внутренние факторы ее политического функционирования ...	90
§ 1. Политические интересы уссурийского казачества.....	90
§ 2. Культурные основы политической жизни уссурийского казачества.....	124
§ 3. Институциональная структура политической жизни уссурийского казачества.....	145
Глава III. Политическое поведение уссурийского казачества: историческая динамика и ее факторы	165
§ 1. Политическое поведение уссурийского казачества в период 1858 – 1884 гг.....	165
§ 2. Политическое поведение уссурийского казачества в период 1884 – 1917 гг.....	176
§ 3. Политическое поведение уссурийского казачества в период 1917 – 1922 гг.....	229
§ 4. Политическое поведение уссурийского казачества в период 1922 – 1930 гг.....	274
Заключение	298
Список использованных источников и литературы	303
Приложение	311

Введение

Актуальность. В странах Запада проблематика политического поведения уже в течение нескольких десятилетий является одним из важнейших направлений развития политологических исследований. В России процесс специализации и теоретической концептуализации политико-поведенческих исследований только начинается. Тем не менее, уже сегодня можно указать на ряд значимых недостатков и упущений в подходе к изучению политического поведения (во многом общих для отечественной и западной политологии), безусловно, ограничивающих результативность научной работы в этой области. Так, в методологическом плане, для отечественной научной литературы часто свойственна спекулятивность теоретического моделирования политического поведения¹, его оторванность от конкретных исследований, посвященных главным образом текущей электоральной активности россиян². При этом, предметом как теоретического, так и эмпирического анализа в большинстве случаев выступает поведение индивидуального субъекта, атомизированного или массовидного³. Подобный подход к проблемам политического поведения определил разрозненность, несистематичность и, в конечном счете, неполноту рассмотрения его факторов. Внимание современных отечественных политологов, как ранее их западных коллег, сосредоточено преимущественно на культурных, психологических и микросоциальных поведенческих факторах, анализируемых, как правило, статически, в краткосрочном, ситуативном масштабе. Политические интересы и институты, исторические и макросоциальные (в т.ч. неполитические) условия политического поведения регулярно остаются за рамками его изучения.

Преодоление указанных недостатков, стоящих на пути дальнейшего развития поведенческих исследований, на наш взгляд, должно начаться с их предметной переориентации. Работа политологов должна быть направлена на анализ поведения действительно основополагающего и специфического для поли-

тической жизни субъекта – социальной группы. Это не только облегчит выявление и учет ускользающих сегодня от внимания исследователей макрофакторов политического поведения, но и будет способствовать изживанию крайностей эмпиризма и неограниченного теоретизирования в его изучении. Кроме того, именно раскрытие механизмов политической активности группового субъекта способно послужить основой для построения более сложных и точных моделей вторичного, индивидуального и массового политического поведения. Нацеленность на апробацию предлагаемого нового подхода к политико-поведенческой проблематике и определяет теоретическую актуальность нашей работы.

В качестве непосредственного объекта приложения применяемой в работе концептуальной модели формирования политического поведения нами было выбрано уссурийское казачество. Этот выбор обусловлен рядом причин. Прежде всего, представляя собой достаточно четко обособленную и даже институционально оформленную социальную общность (группу) национального значения, уссурийское казачество, обладает, вместе с тем, весьма ценной с исследовательской точки зрения пространственной и временной компактностью. История уссурийского казачества, в сравнении с другими социальными группами региона, относительно более плотно освещена в источниках и существующих социально-экономических и культурно-этнографических исследованиях, что создает достаточную базу для перехода к реконструкции, при помощи системного подхода, ее менее изученного политического аспекта. Кроме того, актуальность выбранного объекта исследования связана с заметной ролью уссурийцев в рассматриваемый период в политической жизни региона в целом и, таким образом, значимостью результатов изучения их поведения для решения общих проблем политической и неполитической истории Дальнего Востока. Наконец, важность исследованию истории уссурийского казачества придают предпринимаемые сегодня попытки его возрождения и вовлечения в региональный политический процесс, сравнительный материал и методологию для осмысления и

политико-государственного регулирования которых может дать предлагаемая работа.

Цель и задачи исследования. Целью настоящего исследования является выявление основных этапов и тенденций исторического развития политического поведения уссурийского казачества в контексте дальневосточного политического процесса, и раскрытие их обусловленности изменениями в содержании, соотношении и взаимодействии участвовавших в формировании данного поведения средовых и внутрисистемных факторов.

Достижение поставленной нами цели требует последовательного решения трех промежуточных задач:

- 1) определения состава и описания исторической эволюции внешних, средовых условий (факторов) политического поведения уссурийского казачества;
- 2) определения состава и описания исторической эволюции внутрисистемных факторов политического поведения уссурийского казачества;
- 3) характеристики внутренней динамики политического поведения уссурийского казачества как результирующей ситуативного взаимодействия совокупности средовых и внутрисистемных факторов.

Объект и предмет исследования. Исходя из требований используемого нами методологического подхода, в качестве объекта данного исследования мы рассматриваем как изучаемую нами социальную систему – уссурийскую казачью общность, - так и взаимодействующую с ней среду, включая ее природный и общественный компоненты, региональный, социетальный и внешнесоциетальный уровни. В пределах означенного объекта мы выделяем предмет диссертационной работы, каковым является политическое поведение (функционирование) уссурийского казачества, а также участвующие в формировании данного поведения внешние и внутрисистемные структурные и ситуативные (структурно-позиционные) факторы.

Хронологические рамки исследования. Хронологически настоящее исследование охватывает период с 1858 по 1930 гг., с появления на берегах Уссури первых казаков-переселенцев и до начала проведения в районах проживания уссурийцев массовой и принудительной коллективизации, которая нанесла решающий удар по существованию уссурийского казачества как самостоятельной социокультурной общности.

Географические рамки исследования. Пространственные пределы исследования в основном включают в себя земли Дальнего Востока России (Российской империи, а затем РСФСР), располагающиеся к югу от Амура, и наиболее близко соответствуют административным границам Приморской области периода 1909 – 1917 гг.

Степень изученности проблемы. Проблема политического поведения впервые была поставлена в политологии в 20-е гг. XX в. Именно к этому времени принадлежат первые политологические исследования, базирующиеся на позаимствованных из психологии теоретических и методологических положениях бихевиоризма (работы Ч. Мерриама, Г. Госнелла и С. Райса⁴) и психоанализа (труды З. Фрейда, У. Буллита и Г. Лассуэла⁵). Однако подлинное признание и широкий интерес научных кругов пришли к проблематике политического поведения лишь в 40-е гг., когда в США были начаты систематические исследования электоральной активности населения страны.⁶

В 60-е гг. распространение бихевиористского (бихевиорального) подхода приобрело характер проблемно-методологической революции, в результате которой эта исследовательская парадигма надолго стала доминирующей не только в американской, но и во многом в западной политической науке в целом. Вместе с тем, концептуальные положения бихевиоризма в процессе их внедрения в политологию претерпели значительную модификацию и дифференциацию. Уже в 50-е – 60-е гг. в исследованиях политического поведения сложились три научных направления – политико-социологическое (П. Лазарсфельд, В. Ки, Ф. Мангер, А. Пшеворский, Р. Хакфельд, Дж. Спраг⁷), социально-

психологическое (Э. Кемпбелл, Дж. Клаппер, С. Айенгард, Э. Карминес, Дж. Мондак⁸) и политэкономическое (Э. Даунс, М. Олсон, М. Фиорина, Э. Остром⁹), - развитие которых продолжается по сей день. Для каждого из указанных направлений была характерна сосредоточенность на изучении отдельных микросоциальных и индивидуально-психологических факторов политического поведения, сопряженная, как правило, с существенной переоценкой их значимости. Лишь в 80-е – 90-е гг. наметилась тенденция к сближению и согласованию позиций различных школ поведенческого анализа, равно как и к расширению предметной области их поисков, распространяющейся сегодня также на факторы институционального и культурного порядка.

Обособленное, но при всем том очень важное место в западных исследованиях проблем политического поведения занимает концепция политической культуры. Впервые ее принципы были сформулированы во второй половине 50-х – начале 60-х гг. в работах Г. Алмонда и С. Верба.¹⁰ Позднее данная концепция уточнялась и перерабатывалась в трудах Д. Кванаха, Л. Пая, К. фон Бойме, У. Розенбаума¹¹ и др. Политико-культурная теория родилась из критики недостатков институционального и психологического истолкований политической жизни общества и была призвана синтезировать их наиболее жизнеспособные идеи. Хотя сторонники данной теории так и не пришли к однозначному решению вопроса о соотношении понятий политическая культура и политическое поведение, их тесная связь и взаимная эвристическая значимость являлись для них несомненными. Историческая типология политической культуры и концептуальное описание ее основных компонентов, предложенные Алмондом и Верба, с некоторыми поправками были использованы автором в настоящей работе.

Несмотря на молодость российской политологии, для отечественной науки в целом проблематика политического поведения отнюдь не нова. Ранее всего в советском обществознании были рассмотрены ее философские аспекты. Позднее, в более конкретном и операциональном плане, к изучению политического поведения приступили психологи, использовавшие в своей работе прин-

ципы т.н. «деятельностного подхода». Именно достижения отечественной психологии (социальной психологии) послужили основой для построения первых в нашей стране собственно политологических концепций политической деятельности, появившихся в 80-е гг.¹² Здесь следует выделить работу Ф.М. Бурлацкого и А.А. Галкина, содержащую наиболее полный и обоснованный, по мнению автора, обзор факторов политического поведения, а также ряд его основополагающих типологий.

Большое и все возрастающее число публикаций, так или иначе относящихся к рассматриваемой нами проблеме, выходит в свет в самом конце 80-х и в 90-х гг. Следует заметить, что их авторы редко пользуются самим термином «политическое поведение». Во многом, это связано с тем, что исследования последних лет сосредоточены в большей степени на специальном изучении отдельных факторов политического поведения, нежели на создании его общей, системной модели.

Безусловно, наибольшее внимание российских исследователей привлекает к себе феномен политической культуры. Вместе с тем основная масса научных работ в этой области носит описательный, конкретно-исторический характер, тогда как число теоретических политико-культурных исследований невелико. Среди последних необходимо, прежде всего, выделить статьи таких авторов как Э.Я. Баталов, К.С. Гаджиев и А.И. Соловьев¹³, на основе критики достижений главным образом западной политологической мысли выработавших собственные, оригинальные концепции политической культуры.

Значительно меньше в отечественной науке изучаются другие факторы политического поведения. Так, в 90-е гг. по сравнению с 80-ми заметно снизилась интенсивность разработки российскими исследователями проблематики социально-политических интересов. В ряду немногих публикаций последних лет, затрагивающих данный предмет, можно назвать работы С.Е. Заславского, М.В. Ильина, С.П. Перегудова.¹⁴ Крайне недостаточно внимания уделяется в современной российской политологии теории политических институтов, и в

особенности изучению роли институциональных структур в формировании политической активности гражданина.¹⁵

Особую методологическую значимость для настоящей диссертации имеет ряд предпринятых в российской политической науке в 90-е гг. попыток создания генерализующей, универсальной модели политического поведения. На базе общей концепции интериорной структуры человеческой деятельности, выработанной в отечественной психологии, такие модели построены в работах Г.Г. Дилигенского, Л.Я. Гозман и Е.Б. Шестопаля.¹⁶ Интересная типология когнитивных процессов принятия политических решений и выбора поведенческих тактик, своеобразно развивающая идеи структурного функционализма, представлена в статье В.Л. Цымбурского.¹⁷ Достоинством упомянутых теоретических моделей политического поведения является дифференциация и системная (функциональная) интеграция самого широкого круга его ментальных факторов. Вместе с тем, они полностью или значительной степени отвлекаются от макросоциальных и институциональных детерминант, и во многом – от групповой (мезосоциальной) обусловленности активности индивида. В силу этого, их непосредственное применение в эмпирических исследованиях политического поведения в его, единственной социально-значимой, групповой, типизированной форме едва ли может быть эффективным и эвристичным.

Переходя к характеристике степени изученности конкретного предмета данной диссертации – политического поведения уссурийского казачества, следует сразу же отметить, что число специальных научных работ по этой теме крайне невелико. Вместе с тем, отдельные факторы и аспекты, периоды и события политической жизни уссурийских казаков неоднократно затрагивались в исследовательской литературе по истории дальневосточного казачества, других социальных групп населения региона (главным образом, крестьянства) и Дальнего Востока в целом.

Первые краеведческие работы исследовательского плана, в той или иной мере освещающие социально-экономическое положение уссурийского казаче-

ства и дающие тем самым основу для реконструкции его интересов, были созданы в 70 – 90-е гг. XIX в. К ним можно отнести труды А.А. Алябьева, Ф.Ф. Буссе, А.В. Елисеева, Н.А. Крюкова, И.Г. Надарова, Г. Назарова, А.А. Риттиха.¹⁸ Для работ этого периода характерны опора во многом на личные наблюдения и собственную осведомленность автора, сближающая их с произведениями жанра записок, сосредоточенность в основном на современном, исторически синхронном состоянии объектов рассмотрения, слабая тематическая дифференцированность или узкая специализированность приводимой информации.

На рубеже XIX – XX вв. региональные обществоведческие исследования вступают в новый период своего развития, что выразилось, прежде всего, в расширении задач и изменении жанровой специфики работ, заметном повышении их качественного уровня. В 1900 – 1917 гг. наряду с мемуарами, записками и литературой очеркового характера выходят в свет развернутые, многоаспектные и хорошо систематизированные описания текущего состояния и исторического прошлого Приамурья и Уссурийского края, созданные с использованием опубликованных к тому времени источников и с учетом опыта и достижений предшествующей историографии. Большинство из этих работ, в т.ч. книги П.Ф. Унтербергера, П. Головачева, Н.В. Слюнина и Н. Холодова,¹⁹ содержат некоторые сведения об уссурийском казачестве, его хозяйственной и социальной жизни, военной службе, а в некоторых случаях также административном устройстве и культурных традициях. В тот же период был опубликован и ряд коллективных описаний Сибири и Дальнего Востока, в которых приводятся исторический, справочный и статистический материал об уссурийских казаках.²⁰

Значительной части вышеупомянутых работ свойственна публицистическая направленность, нацеленность на разрешение актуальных общественно-политических проблем жизни дальневосточной окраины и, в той или иной степени, критическое отношение к региональной политике царской администрации, в т.ч. в казачьем вопросе. Наиболее ярким воплощением этой публицистической, полемической тенденции в историографии региона 1900 – 1917 гг. яви-

лись работы Д. Янчевецкого и С.Д. Меркулова,²¹ где с либерально-буржуазных позиций, в частности, давалась резко отрицательная оценка значения казачьих войск для экономического развития и военно-политической безопасности Дальнего Востока. Быстрая кристаллизация и поляризация феодально-консервативного и буржуазно-реформистского подходов к будущему дальневосточного казачества, нашедшие свое отчетливое отражение в исследовательской литературе начала XX в., сами по себе являются весьма ценным и содержательным свидетельством состояния политической среды изучаемой нами социальной группы в этот период.

Новым шагом и важным достижением в развитии историографии уссурийского казачества стало появление в период 1900 – 1917 гг. нескольких специальных работ по истории казачьих войск Дальнего Востока.²² Две из них – работы А.Ю. Савицкого и А. Жернакова – были посвящены непосредственно уссурийским казакам. Обе брошюры содержат краткие описания истории уссурийского казачества, лишенные какой-либо внутренней проблемно-хронологической организации и аналитической составляющей. Большой интерес с точки зрения изучения жизни уссурийских казаков до получения ими статуса самостоятельной войсковой общины, т.е. до конца 80-х гг. XIX в., представляет книга Р. Иванова об Амурском казачьем войске (АКВ). Особую ценность в работе Иванова для нас имеет внимание автора к эволюции административной политики в отношении местного казачества, осуществлявшимся в войске институциональным преобразованиям и отношению к ним казачьего населения. Необходимо упомянуть в нашем обзоре и о фундаментальном труде А.П. Васильева. Хотя основным объектом данного исследования являлось Забайкальское казачье войско (ЗКВ), в нем можно найти также богатый фактический материал по истории уссурийских казаков, связанных с забайкальцами тесными генетическими узами. Следует отметить, что в отличие от уже упомянутых авторов, Васильев, как исследователь, занимает самостоятельную, отличную от официальной, позицию, что, в частности, нашло свое выражение в

его особом интересе к общественно-политическому положению казачьих масс Забайкалья и Дальнего Востока.

Несмотря на очевидные достижения дореволюционной историографии в изучении дальневосточного казачества, ее научность и профессионализм, теоретическая и методологическая оснащенность и отрефлексированность находились в целом на весьма низком уровне. Кроме того, в ней так и не была поставлена задача реконструкции и объяснения политической истории, группового политического поведения уссурийских казаков. В силу этого работы данного периода будут использованы в нашей диссертации не столько как исследования, значимые сделанными в них обобщениями и выводами, сколько как вторичные источники недоступного нам иным путем фактического материала.

В советскую эпоху на долгое время развитие историографии уссурийского казачества было не только замедлено, но и во многом обращено вспять, что было связано как с общей идеологически мотивированной проблемной переориентацией исторических исследований, так и забвением большого объема фактического материала, накопленного в этой области дореволюционными авторами. Вплоть до начала 70-х гг. XX в. специальные обращения советских исследователей к истории дальневосточного, и в т.ч. уссурийского, казачества были единичны и разрозненны. Среди них можно выделить работы С.В. Бахрушина и В. Барановской,²³ освещающие главным образом военную деятельность казаков и их участие в первоначальном заселении территории юга Дальнего Востока по присоединении ее к России. Вместе с тем, в это время казачья тематика, так или иначе, затрагивалась во многих неспециальных научных исследованиях, посвященных вопросам колонизации дальневосточных земель, социально-экономическому развитию местной деревни, истории общественно-политической борьбы, революции и гражданской войны в регионе.²⁴

В указанных проблемных ракурсах, в общерегиональном и метарегиональном контексте, дальневосточное казачество продолжало рассматриваться в советской историографии и в 70 – 80-е гг.²⁵ Однако наряду с этим, начиная с 70-

х гг., происходит заметная активизация специальных изысканий по истории местного казачества, явившаяся следствием с одной стороны, некоторого ослабления и модификации в эти годы идеологического руководства наукой, а с другой, - общего прогресса и закономерно связанной с ним предметной дифференциации краеведческих исследований. Наиболее важными, с точки зрения проблематики настоящей диссертации, работами 70-х гг. по истории казачьих войск Забайкалья и Дальнего Востока, которые, в силу определенной общности происхождения и развития, часто рассматривались в это время как единый объект изучения, стали исследования Т.В. Махниборода и О.И. Сергеева.²⁶ Главным предметом статьи Махниборода явилось социально-экономическое положение дальневосточных казаков в начале XX в. В диссертационном исследовании Сергеева, охватывающем огромный период с середины XVII по конец XIX вв., помимо экономических, изучаются также военные и административно-институциональные аспекты истории казаков Забайкалья, Приамурья и Приморья, анализируется их роль в присоединении, освоении и обороне территории юга Дальнего Востока в означенную эпоху. Определенное внимание в этих работах уделено и проблемам политических интересов и поведения казачества, осмысляемым посредством категорий классовой и сословной борьбы.

В 80-е гг. и особенно в перестроечный период интенсивность исследований казачьих сообществ Дальнего Востока неуклонно возрастала. Научные поиски шли в это время по пути более глубокой и специальной разработки намеченных ранее вопросов казачьей истории и историографии.²⁷ В конце 80-х гг. в качестве особого направления исследований истории казачества Забайкалья и Дальнего Востока выделяется и политическая проблематика.²⁸

Революционные перемены в социально-политической жизни страны послужили предпосылкой к бурному росту в первой половине 90-х гг. числа научных, научно-популярных и публицистических работ, освещающих историческое прошлое казачества региона. В дальнейшем его темпы несколько замедлились, но произошло это главным образом за счет работ популярного и публици-

стического жанра. Напротив, количество научных исследований в этой области, разнообразие и специализированность решаемых в них задач продолжают расти. Именно в 90-е гг. некогда единая проблематика казачества Забайкалья и Дальнего Востока отчетливо разделяется по социально-территориальному признаку, в результате чего уссурийская казачья общность все чаще начинает выступать в качестве самостоятельного объекта изучения. Одновременно с этим, в рамках быстро формирующейся историографии уссурийского казачества происходит обособление историко-политического направления исследований. К нему на наш взгляд, могут быть отнесены статьи В.Д. Иванова, О.Д. Исхаковой, А.И. Коваленко, Б.И. Мухачева и С.Н. Савченко,²⁹ в которых произведен анализ ряда эпизодов и частных вопросов политической истории уссурийцев, в особенности связанных с участием последних в событиях революции и гражданской войны. Наиболее же крупной и значимой работой последнего десятилетия XX в. по данной теме стала диссертация С.Н. Савченко,³⁰ посвященная военно-политическим аспектам истории Уссурийского казачьего войска (УКВ) в 1917 – 1922 гг. Основываясь на обширном источниковом материале, ее автор обстоятельно описывает событийную динамику политической жизни войска в сложном контексте происходившей в это время в крае борьбы сил красного и белого лагерей. Определенный итог предшествующим исследованиям политики государства в отношении уссурийцев и их собственной политической активности подведен в изданной в 1999 г. коллективом авторов первой обобщающей работе по истории уссурийского казачества.³¹

Среди научных работ последних лет, касающихся предмета настоящего исследования, важное место занимает диссертация Е.Ю. Титлиной,³² где впервые был дан политологический анализ государственной политики в отношении дальневосточных казачьих войск в изучаемый нами период. Материалы данной диссертации освещают также некоторые вопросы политического поведения дальневосточного казачества, и в т.ч. уссурийцев.

Заметные успехи были достигнуты в 90-е гг. и в изучении внутренних структурных предпосылок и факторов политического функционирования уссурийской казачьей общности. На основе достижений советской историографии в работах Л.И. Галлямовой, Е.А. Лыковой, О.И. Сергеева,³³ а также упомянутом нами выше коллективном труде «УКВ: история и современность», в это время было продолжено исследование экономической и социальной истории дальневосточного казачества. Однако, пожалуй, наиболее динамично и плодотворно развивающимся направлением научных поисков в этот период стало изучение проблем социокультурной жизни уссурийских казаков. Здесь, прежде всего, следует указать на статьи и научные доклады Г.Г. Ермак, В.Д. Иванова, А.И. Коваленко, М.А. Кутузова,³⁴ авторы которых исследуют генезис и этносоциальный состав, культурные связи, хозяйственный и семейный быт, традиционные представления и ценности уссурийского казачества. Результаты интенсивной разработки этой проблематики нашли свое отражение и обобщение в диссертационных работах А.И. Коваленко и Г.Г. Ермак.³⁵

Различные вопросы как социально-экономической и культурной, так и политической жизни уссурийского казачества рассматривались в 90-е гг. и в неспециальных научных публикациях, в первую очередь посвященных общим проблемам развития края, истории местного крестьянства и событиям революции и гражданской войны.³⁶ Среди них, прежде всего, необходимо назвать такие фундаментальные труды как «История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.)» и «Крестьянство Дальнего Востока СССР XIX – XX вв.». Кроме того, эта и другая научно-краеведческая литература, наряду с работами по общей истории российского казачества, были использованы нами в целях реконструкции структуры региональной и общесоциетальной среды уссурийской казачьей общности.

Источниковая база. Основу источниковой базы нашего исследования образуют неопубликованные материалы трех фондов (ф. 1, 702, 704) Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (РГИА ДВ) и

шести фондов (ф. 1, 4, 6, 998, 1094, П-2921) Государственного архива Приморского края (ГАПК). В указанных фондах автором были выявлены нормативно-правовые и делопроизводственные документы, освещающие казачью политику центральных и местных властей дореволюционного и советского периодов, деятельность войсковой администрации УКВ и сословных органов самоуправления, внеинституциональную политическую активность уссурийских казаков.

Значительный объем информации по политическому и неполитическим аспектам истории уссурийского казачества был получен нами при анализе опубликованных источников, которые могут быть разделены на следующие группы: 1) своды и сборники законодательных и нормативных актов³⁷; 2) делопроизводственная и отчетная документация государственной и войсковой администрации³⁸; 3) проблемно-тематические публикации официальных материалов и статистики³⁹; 4) научные сборники государственно-административных и общественно-политических документов⁴⁰; 5) записки и воспоминания непосредственных участников и очевидцев изучаемых событий, а также путешественников-бытописателей уссурийского казачества⁴¹; 6) региональная периодическая печать (газеты⁴², журналы⁴³, альманахи⁴⁴).

Новизна работы. Автором впервые осуществлена реконструкция содержания и развития политических интересов, культуры и институтов уссурийских казаков, определены основные тенденции эволюции их политического поведения, выявлены состав, соотношение и способ взаимодействия ее ситуативных и структурных факторов. В работе представлены периодизации изменения структурных оснований политического поведения уссурийского казачества (политических интересов, культуры и институтов), ситуационная периодизация динамики политической среды уссурийского казачьей общности и внутренняя историческая хронология политического функционирования последней. Научная новизна работы связана также с проведенным в ней анализом ряда неиспользованных до сих пор исследователями исторических источников.

Научная и практическая значимость работы. Выработанные в процес-

се проведения настоящего диссертационного исследования концептуальные решения могут быть использованы в целях совершенствования теории группового политического поведения и построения системной методологии его изучения. Материалы и выводы диссертации имеют значение для развития региональных историко-политологических и исторических исследований и в особенности для подготовки обобщающего труда по истории, в т.ч. политической, уссурийского казачества. Кроме того, они могут найти свое применение в разработке учебного курса по истории российского Дальнего Востока.

Методологические основы исследования. Характер поставленных автором основных и промежуточных задач определил специфику состава и структуры методологического комплекса диссертационной работы. На этапе сбора информации, ее первичной обработки и упорядочивания нами использовались эмпирические методы анализа, внутренней и внешней критики исторических источников, в т.ч. статистических. Необходимой частью методологического фундамента настоящего исследования стали различные логические методы, имеющие общенаучную значимость и в большинстве своем применимые в равной степени, как на эмпирическом, так и на теоретическом уровне познания. Среди них наиболее важное место в решении сформулированных в работе задач принадлежит генетическому, сравнительному и типологическому познавательным подходам. Важность этих методов обусловлена основными особенностями самого предмета нашего исследования. Политическое поведение уссурийского казачества и его факторы представляют собой явления, во-первых, развивающиеся и исторические, во-вторых, стадийные, хронологически дифференцированные, а значит требующие построения сравнительных структурных и ситуативных периодизаций, и, в-третьих, внутренне сложные, включающие в себя различные множества качественно сходных феноменов, которые могут быть описаны при помощи обобщающих типологических моделей (формы и типы политического поведения, политической культуры, политических институтов).

На этапе обобщения и концептуализации фактического материала автором использовался ряд применяемых в современной политологии специально-теоретических подходов, связанных по своему происхождению с различными социо-гуманитарными дисциплинами. Среди них, прежде всего, следует выделить поведенческий (модели и типологии социального и политического поведения М. Вебера⁴⁵, Ф.М. Бурлацкого и А.А. Галкина, В.Л. Цимбурского), социологический (социально-экономическая концепция групповых интересов Е. Вятра⁴⁶), культурологический (теории политической культуры Г. Алмонда и С. Верба, Ф.М. Бурлацкого и А.А. Галкина, Э.Я. Баталова, К.С. Гаджиева) и институциональный (принципы теории политических институтов в работе А.А. Дегтярева⁴⁷) подходы.

Общетеоретическим, парадигмальным методологическим инструментом нашей работы, обеспечившим координацию и итоговый синтез специально-теоретических исследований политического поведения уссурийского казачества и различных его факторов, стал системный подход. Его принципы и категории послужили основой для построения автором рабочей модели системной организации социальной группы (группового политического субъекта), структуры ее политической и неполитической среды и их функционального (поведенческого) взаимодействия. Исходя из требований указанного подхода была определена и композиция работы. В своей интерпретации системного подхода мы опирались на идеи таких зарубежных и отечественных теоретиков исследования физических, общественных и политических систем как Т. Парсонс, Д. Истон, Г. Алмонд, И.В. Блауберг и Э.Т. Юдин, А.И. Ракитов и И.Д. Ковальченко⁴⁸.

¹ См., например: Андреев С.С. Политическое сознание и политическое поведение // Социально-политический журнал. 1992. №8; Страхов А.П. Особенности политического поведения российских избирателей: политико-культурный аспект // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 1998. №5.

² См., например: Афанасьев М.Н. Поведение избирателей и электоральная политика в России // Полис. 1995. №3; Любарев А.Е. Корреляционный анализ результатов парламентских выборов 1995 года // Полис. 1996. №2; Чугров С. Об особенностях политического сознания российского Дальнего Востока // МЭ и МО. 1999. №10.

- ³ Наиболее определенно данный подход выражен в работах: Гозман Л.Я., Шестопал Е.Б. Политическая психология. Ростов н/Д, 1996; Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. М., 1994; Цымбурский В.Л. Человек политический между ratio и ответами на стимулы // Полис. 1995. №5.
- ⁴ Merriam C.E., Gosnell H.F. Non-voting. Chicago, 1924; Rice S. Quantitative methods in politics. New York, 1928.
- ⁵ Lasswell H. Psychopathology and Politics. Chicago, 1931; Фрейд З., Буллит У. Томас Вудро Вильсон, 28-й президент США. Психологическое исследование. М., 1992.
- ⁶ Lazarsfeld P.F., Berselson B., Gaudet H. The people's choice. New York, 1944.
- ⁷ Key V.O. (Jr.), Munger F. Social determinism and electoral decision: The case of Indiana // American voting behavior / Ed. by E. Burdick, A.J. Brodbeck. Glencoe (Ill.), 1959; Przeworski A. Contextual models of political behavior // Political Methodology. 1974. Vol. 1; Huckfeldt R. Politics in context: Assimilation and conflict in urban neighborhoods. New York, 1986; Huckfeldt R., Sprague J. Citizens, Politics, and social communication. New York, 1995.
- ⁸ Campbell A., Converse P.E., Miller W.E., Stokes D.E. The American voter. New York, 1960; Klapper J.T. The effects of mass communication. New York, 1960; Carmines E.G., Stimson J.A. Issue evolution: Race and the transformation of American politics. Princeton (N.J.), 1989; Iyengar S. Is anyone responsible? Chicago, 1991; Mondak J.J. Cognitive heuristics, heuristic processing, and efficiency in political decision making // Research in micropolitics / Ed. by M.X. Delli Cappini, L. Huddy, R.Y. Shapiro. Greenwich (Conn.), 1994. Vol. 4.
- ⁹ Downs A. An economic theory of democracy. New York, 1957; Olson M. The logic of collective action. Cambridge (Mass.), 1965; Fiorina M.P. Retrospective voting in American national elections. New Haven (Conn.), 1981; Ostrom E. Governing the commons. New York, 1990.
- ¹⁰ Almond G. Comparative political systems // Journal of politics. Gainesville, 1956. Vol. 18. № 3; Almond G., Verba S. The Civic Culture: Political attitudes and democracy in five nations. Princeton, New York, 1963.
- ¹¹ Kavanagh D. Political culture. London, 1972; Pye L. Culture and political science. Problems in the evaluation of the concept of political culture // Social science quarterly. 1972. Vol. 53. № 2; Beyme K. von. Die politischen Theorien der Gegenwart: Eine Einführung. Munchen, 1972; Rosenbaum W. Political culture. New York, 1978.
- ¹² Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. М., 1985; Демидов А.И. Политическая деятельность. Саратов, 1987.
- ¹³ Баталов Э.Я. Политическая культура: понятие и феномен // Политика: проблемы теории и практики. М., 1990. Вып. 7, Ч. 2; Гаджиев К.С. Политическая культура: концептуальный аспект // Полис. 1991. №6; Соловьев А.И. Политическая культура: проблемное поле метатеории // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 1995. №2 – 3.
- ¹⁴ Заславский С.Е. Интересы и ценности: два лика российской многопартийности // Вестник МГУ. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1993. №3; Ильин М.В. Слова и смыслы: интерес // Полис. 1995. №2; Перегудов С.П. Организованные интересы и государство: смена парадигм // Полис. 1994. №2,5.
- ¹⁵ В качестве первых попыток подхода к этой проблеме можно рассматривать публикации: Голосов Г.В. Политические институты и мотивация законодательной деятельности в российском парламенте // Общественные науки и современность. 2001. № 6; Лапкин В.В., Пантин В.И. Политические ориентации и политические институты в современной России: проблемы коэволюции // Полис. 1999. №6.
- ¹⁶ Гозман Л.Я., Шестопал Е.Б. Политическая психология. Ростов н/Д, 1996; Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. М., 1994.

- ¹⁷ Цымбурский В.Л. Человек политический между *ratio* и ответами на стимулы // Полис. 1995. №5.
- ¹⁸ Алябьев А.А. Далекая Россия: Уссурийский край. СПб., 1872; Буссе Ф.Ф. Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край в 1883 – 1893 гг. СПб., 1896; Елисеев А.В. Южно-Уссурийский край и его русская колонизация // Русский вестник. 1891. Т. 216. № 10; Крюков Н.А. Очерки сельского хозяйства Приамурского края. СПб., 1893; Надаров И.Г. Очерк современного состояния Северо-Уссурийского края. Владивосток, 1884; Назаров Г. Материалы для военно-статистического обзора Приамурского военного округа и Маньчжурии. СПб., 1888; Риттих А.А. Переселенческое и крестьянское дело в Южно-Уссурийском крае. СПб., 1899.
- ¹⁹ Головачев П. Россия на Дальнем Востоке. СПб., 1904; Слюнин Н.В. Современное положение нашего Дальнего Востока. СПб., 1908; Унтербергер П.Ф. Приморская область. 1858 – 1898 гг. СПб., 1900; Холодов Н. Уссурийский край. СПб., 1908.
- ²⁰ Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 1 – 3; Приамурье (Цифры. Факты. Наблюдения). М., 1909; Столетие военного министерства (1802 – 1902). СПб., 1902.
- ²¹ Меркулов С.Д. Русское дело на Дальнем Востоке. СПб., 1912; Янчевецкий Д. Гроза с Востока. Ревель, 1907.
- ²² Васильев А.П. Забайкальские казаки. Исторический очерк. Чита, 1916. Т. 1, 2; Чита, 1918. Т. 3; Жернаков А. О казаках уссурийских в связи с краткой историей Уссурийского казачьего войска. Владивосток, 1915; Иванов Р. Краткая история Амурского казачьего войска. Благовещенск, 1912; Савицкий А.Ю. Краткий исторический очерк Уссурийского казачьего войска. Хабаровск, 1908.
- ²³ Барановская В. Организация казачьих переселений в Приамурье // Научные записки Всесоюзной высшей финансовой школы. 1956. Вып. 1. Ч. 2; Бахрушин С.В. Казаки на Амуре. Л., 1925.
- ²⁴ Асалханов И.А. Социально-экономическое развитие юго-восточной Сибири во второй половине XIX в. Улан-Уде, 1963; Георгиевский А.П. Русские на Дальнем Востоке // Труды ДВГУ. Сер. 3. № 9. Вып. 4. Владивосток, 1929; Горюшкин Л.М. Сибирское крестьянство на рубеже двух веков, конец XIX – начало XX в. Новосибирск, 1967; Крушанов А.И. Октябрь на Дальнем Востоке. Владивосток, 1968. Ч. 1,2; Нарочницкий А.Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке, 1860 – 1896 гг. М., 1956; Рябов Н.И., Штейн М.Г. Очерки истории русского Дальнего Востока, XVII – начало XX век. Хабаровск, 1958 и др.
- ²⁵ Алексеев А.И., Морозов Б.Н. Освоение русского Дальнего Востока (конец XIX – 1917 г.). М., 1989; Кабузан В.М. Дальневосточный край в XVII – начале XX вв. (1640 – 1917). М., 1985; Лыкова Е.А. Земельная политика советского государства на Дальнем Востоке (окт. 1917 – 1929 гг.) Дис... канд. ист. наук. Владивосток, 1981; Хозяйственное освоение Дальнего Востока в эпоху капитализма. Владивосток, 1989; Щагин Э.М. Октябрьская революция в деревне восточных окраин России (1917 – лето 1918 г.). М., 1974 и др.
- ²⁶ Махнборода Т.В. К вопросу о социально-экономическом расслоении дальневосточного казачества // Социально-экономические проблемы истории Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1977; Сергеев О.И. Социально-экономическое положение забайкальского и дальневосточного казачества на рубеже XIX – XX вв. // Крестьянство Дальнего Востока СССР (XIX – XX вв.). Владивосток, 1979; Его же. Русское казачество и проблемы заселения, хозяйственного освоения и обороны дальневосточных рубежей России в XVII – XIX вв. Дис...канд. ист. наук. Владивосток, 1979. (См. также: Сергеев О.И. Казачество на русском Дальнем Востоке в XVII – XIX вв. М., 1983).

- ²⁷ Сергеев О.И. Дореволюционная историография забайкальского и дальневосточного казачества // Социально-экономическое развитие дальневосточной деревни (дореволюционный период). Владивосток, 1982.
- ²⁸ Сергеев О.И. Классовая борьба дальневосточного и забайкальского казачества во второй половине XIX – начале XX вв. // Классовая борьба и революционные выступления на Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX в. Владивосток, 1988.
- ²⁹ Иванов В.Д. Эволюция государственного управления и самоуправления УКВ // Азиатско-тихоокеанская политика России: исторический опыт, современное состояние, перспективы развития. Хабаровск, 2000; Исхакова О.Д. К вопросу о контрреволюционности уссурийского казачества // Арсеньевские чтения (VI). Уссурийск, 1992; Коваленко А.И. Казачье самоуправление под влиянием реформ 60 – 70-х гг. XIX в. // Государственная служба российского казачества. Владивосток, 1998; Мухачев Б.И. Документы государств Антанты о политической позиции казачьего руководства Дальнего Востока и Забайкалья на первом этапе гражданской войны (1918 – нач. 1920 г.) // Там же; Савченко С.Н. Автономия Уссурийского казачьего войска в годы гражданской войны (1918 – 1919) // Вопросы истории гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке России. Владивосток, 1994; Его же. Дальневосточный казачий сепаратизм в годы гражданской войны (1918 – 1919 гг.) и поездка атамана Дутова на Дальний Восток // Из истории гражданской войны на Дальнем Востоке (1918 – 1922 гг.). Хабаровск, 1999.
- ³⁰ Савченко С.Н. Уссурийское казачье войско в годы гражданской войны на Дальнем Востоке. 1917 – 1922 гг. Дис... канд. ист. наук. Владивосток, 1998.
- ³¹ Уссурийское казачье войско: история и современность. / Сост.: В.Д. Иванов, О.И. Сергеев. Владивосток, 1999.
- ³² Титлина Е.Ю. Политика российского государства в формировании дальневосточного казачества: сущность, особенности, перспективы. Автореферат дис. ... канд. пол. наук. М., 1996.
- ³³ Галлямова Л.И. Казачество на дальневосточном рынке труда // Казачество Дальнего Востока: проблемы современности и перспективы развития. Владивосток, 1996; Лыкова Е.А. Казачья деревня на Дальнем Востоке в 20-е гг. // Арсеньевские чтения (VI). Уссурийск, 1992; Сергеев О.И. Казачество на тихоокеанском побережье России // Известия РГИА ДВ. Владивосток, 1996.
- ³⁴ Ермак Г.Г. Бытовые условия жизни семьи дальневосточного казачества // Семья и семейный быт в восточных регионах России. Владивосток, 1997; Ермак Г.Г. Культура уссурийского казачества: традиции и современность // Первая общероссийская научно-практическая конференция «Казачество как фактор исторического развития России». СПб., 1999; Иванов В.Д. Взаимоотношения уссурийских казаков с приграничным населением сопредельных территорий (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Многонациональное Приморье: история и современность. Владивосток, 1999; Кутузов М.А. Уссурийские казаки: национальный состав социальной группы // Многонациональное Приморье: история и современность. Владивосток, 1999.
- ³⁵ Ермак Г.Г. Семейный и хозяйственный быт казаков юга Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Дис... канд. ист. наук. Владивосток, 2000; Коваленко А.И. Культура дальневосточного казачества: история формирования, проблемы возрождения. Дис... канд. ист. наук. Владивосток, 1995.
- ³⁶ Аргудяева Ю.В. Крестьянская семья у восточных славян на юге Дальнего Востока России (50-е гг. XIX в. – начало XX в.). М., 1997; Дальний Восток в контексте мировой истории: от прошлого к будущему. Владивосток, 1997; Исторический опыт освоения восточных районов России. Вып. 1. Владивосток, 1993; История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и

капитализма (XVII – февр. 1917 г.). М., 1991; Крестьянство Дальнего Востока СССР. XIX – XX вв. Владивосток, 1991 и др.

³⁷ Наставление станичным и поселковым обществам и должностным в сих обществах лицам УКВ при исполнении ими служебных обязанностей. Владивосток, 1914; Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. Т. 15. Ч. 2. СПб., 1880. Свод законов Российской империи. Учреждение гражданского управления казаков. Т. 2. СПб., 1903.

³⁸ Всеподданнейший отчет военного губернатора Приморской области генерал-лейтенанта Чичагова за 1900 год. Владивосток, 1901; Годовой отчет Уссурийского казачьего войска по гражданской части за 1908 г. Владивосток, 1909; Годовой отчет Уссурийского казачьего войска по гражданской части за 1911 г. Владивосток, 1912; Годовой отчет Уссурийского казачьего войска по гражданской части за 1914 г. Владивосток, 1915; Журналы местного совещания по вопросу об определении территории Амурского и Уссурийского казачьих войск, вместе с особыми мнениями представителей УКВ. Хабаровск, 1901; Отчет высочайше командированного на Дальний Восток по переселенческому делу товарища главноуправляющего землеустройством и земледелием сенатора Иваницкого. СПб., 1909.

³⁹ Два года Советской власти в Приморье. Владивосток, 1925; Материалы к отчетному докладу Владивостокского окрисполкома 3-му окружному съезду Советов. Владивосток, 1929; Материалы, относящиеся до земельного и экономического положения Амурского и Уссурийского казачьих войск. СПб., 1902. Вып. 1 – 4; Материалы по земельному вопросу в Азиатской России. Пг., 1917. Вып. 2; Материалы по экономическому районированию Приморья. Владивосток, 1925; Труды Амурской экспедиции. СПб., 1911 – 1913. Вып. 1 – 16.

⁴⁰ Борьба за власть Советов в Приморье (1917 – 1922 гг.). Сб. док. Владивосток, 1955; Местные советы Приморья. Страницы истории. Сб. док. Владивосток, 1990.

⁴¹ Богданов Р.К. Воспоминания амурского казака о прошлом, с 1849 по 1880 г. Хабаровск, 1900; Венюков М.И. Путешествия по Приамурью, Китаю и Японии. Хабаровск, 1970; Краснов П. По Азии. Путевые очерки Маньчжурии, Дальнего Востока, Китая, Японии и Индии. СПб., 1903; Лигин Ю. На Дальнем Востоке. М., 1913; Максимов А. Уссурийский край // Русский вестник. 1888. Т. 197; Муров Г.Т. Люди и нравы Дальнего Востока. Томск, 1901; Никифоров П.М. Записки премьера ДВР. М., 1963; Пржевальский Н.М. Путешествие в Уссурийском крае. Владивосток, 1990; Хохлов Г.Т. Путешествие уральских казаков в «Беловодское царство». СПб., 1903; Шевченко Г. Фронтвики-уссурийцы // Вместе со всей Россией. Хабаровск, 1988.

⁴² Вестник Маньчжурии. 1918; Далекая окраина. 1917; Дальний Восток. 1913; Красное знамя. 1925; Приамурская жизнь. 1919; Приамурье. 1919; Уссурийский казачий вестник. 1917, 1921.

⁴³ Земская жизнь Приморья. 1920. № 5 – 6; Сибирские вопросы. 1908. № 35 – 36; Советское Приморье. 1925. № 3 – 4, 11.

⁴⁴ Настольный календарь-справочник по Дальнему Востоку. Владивосток, 1919.

⁴⁵ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.

⁴⁶ Вятр Е. Социология политических отношений. М., 1979.

⁴⁷ Дегтярев А.А. Основы политической теории. М., 1998.

⁴⁸ Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1998; Чилкот Р.Х. Теории сравнительной политологии. М., 2001; Блауберг И.В., Юдин Э.Т. Становление и сущность системного подхода. М., 1973; Ракитов А.И. Историческое познание. М., 1982; Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М., 1987.

Глава I. Общие условия формирования и функционирования социальной общности уссурийского казачества.

§1. Казачество в природном и общественном пространстве России (середина XVI – первая треть XX вв.).

Реконструкцию социальной системы уссурийского казачества, и, в конечном счете, ее политической структуры и функций, должно предварять последовательное, нисходящее рассмотрение метасистем по крайней мере двух высших уровней – 1) общероссийского, объемлющего основополагающие факторы истории уссурийских казаков как представителей великорусской казачьей общности в целом, и 2) регионального, включающего в себя особенные местные условия, опосредующие влияние общих детерминант и образующие ближайшую среду изучаемого нами социального объекта.

Анализ природных и общественных условий общероссийского уровня правомерно начать с середины XVI в., т.е. с момента возникновения великорусского казачества. Именно с середины XVI в. в составе российского социума появляется особая социальная общность, статус которой по отношению к материнскому обществу (системе) можно квалифицировать как субсистемный.

Особенностью субсистемного положения вольного великорусского казачества (прежде всего, казачества Дона) в начальный период его истории (середина XVI – конец XVII вв.) была высокая степень автономности. Исходной предпосылкой к тому являлась уже сама пространственная обособленность казачьих общин, компактно населявших территории, расположенные в отдалении от этнических и политических границ тогдашней России. Эта обособленность поставила казаков в условия природной среды, которая существенно отличалась от естественных условий подавляющей части ареала великорусского этноса. Слабо освоенные человеком степные ландшафты Дикого поля, речные долины Дона и Яика, предгорья Северного Кавказа предоставляли необходимую

ресурсную базу для широкого развития промыслового охотничьего и рыболовного хозяйства, а по достижении им пределов своих возможностей – для скотоводческой деятельности. В то же время традиционное хлебопашество великороссов наталкивалось здесь на серьезные препятствия своему распространению, препятствия, прежде всего, социального происхождения. К ним следует отнести большую трудоемкость земледелия и его плохую совместимость с занятостью военным промыслом, тревожную жизнь казаков в обстановке постоянной боевой опасности, и наконец, их известную предубежденность против крестьянских занятий, прочно ассоциировавшихся с феодальной зависимостью.

Упомянутые обстоятельства сформировали своеобразные и долгое время удовлетворявшие насущные потребности казачества военно-промысловую экономику и общинно-артельную социальную организацию, сочетавшую в себе относительный демократизм с высокой сплоченностью и управляемостью. Закономерным следствием длительного самостоятельного экономического и социального развития вольного казачества стало возникновение у него собственных политических институтов. Наиболее далеко процесс складывания казачьей государственности зашел на Дону, где образовалась централизованная, по крайней мере, двухступенчатая (станичные круги – войсковой круг) войсковая организация казачьих общин, включенная в качестве полноправного субъекта в сложную сеть международных отношений в рамках Северного Причерноморья.

Интенсивные экономические, социальные и политические контакты вольных казачьих общин с татарскими и калмыцкими ордами причерноморских степей, народами Северного Кавказа и Казахстана, Крымом, Турцией и Польшей сами по себе являлись мощным фактором, который способствовал укреплению независимого положения казачества, и в немалой степени определял специфичность основных структур его жизнеобеспечения и социального воспроизводства. Регулярные связи с иными социетальными системами требовали от казачьих обществ определенной адекватности своей организации, мини-

мальной изоморфности социокультурному облику своих постоянных контрагентов.

Вместе с тем, меру автономности казачества в рассматриваемый период не следует преувеличивать. На протяжении полутора веков своего вольного существования казакам так и не удалось занять относительно России вполне самостоятельную позицию, и установить с ней отношения того же рода, что и с остальными соседями. Прежде всего, к России казаков влекло культурное родство, близость важнейших мирских и особенно религиозных ценностей. Эта духовная комплиментарность подпитывалась регулярно воспроизводимыми генетическими, брачными связями станичников с жителями Московского государства, которые не позволяли ушедшей в Дикое поле вольнице окончательно выпасть из коммуникативного пространства русской народной культуры. Кроме того, на протяжении XVII в., казачество, прежде всего донское, постепенно попадает во все большую экономическую зависимость от России, что было вызвано как слабостью собственного в основном присваивающего хозяйства казаков, так и целенаправленной политикой царского правительства.

Несамоадекватность, субсистемность казачьих обществ отчетливо проявилась и в их политическом функционировании, а точнее – в их внешнеполитической деятельности. Можно указать немало примеров тому, как военные акции «вольницы» наносили косвенным образом немалый ущерб интересам Московского государства. Однако «самовольство» казаков, по сути, никогда не переходило грани, за которой оно превратилось бы в прямое противопоставление себя России и тем более в открытую политическую борьбу с ней. Вольное казачество так и не выработало отношения к России как к части своей внешнесоциетальной среды, предназначенной быть лишь основой и средством для обеспечения его собственного благополучия и выживания. Функционирование вольных казачьих обществ, в конечном счете, носило характер деятельности ориентированной во вне, подчиненной потребностям и ограниченной безопасностью иной, более крупной и вполне самодовлеющей социетальной системы.

Вероятно, что в более благоприятной геополитической обстановке тенденция к выделению вольных казачьих обществ в обособленные социетальные организмы в обозримой перспективе могла бы возобладать над всеми центристскими факторами. Однако встречная экспансия в Северном Причерноморье России и Турции неуклонно уменьшала временные и пространственные ресурсы, необходимые для самостоятельного развития казачьего общества. Выживание казачества требовало от него принятия прямого покровительства со стороны одного из своих могущественных соседей. Тесные культурно-религиозные связи с Россией делали этот выбор по сути безальтернативным. Очередной кризис в отношениях с Москвой, связанный с участием казачьей гольтыбы в крестьянской войне 1670 – 1671 гг., лишь ускорил процесс, увенчавшийся принесением в 1671 г. войсковым кругом Дона присяги русскому царю.

Разумеется, сам по себе формальный акт присяги не мог стать достаточным фактором для коренной перестройки отношений двух к тому времени уже довольно непохожих друг на друга обществ – «военно-демократического» казачьего и сословно-феодалного российского. Отношения подданства, соединившие Россию и донцов, носили в это время во многом поверхностный и верхушечный характер, ощущались, прежде всего, на уровне контактов московского правительства с войсковой старшиной и, по-видимому, воспринимались казаками как своего рода личная уния русского царя с Войском Донским.

Действительно поворотной вехой в истории казачества, открывшей период его адаптации к феодальной организации российского общества того времени, стали, на наш взгляд, петровские преобразования 10-х – 20-х гг. XVIII столетия. С точки зрения интересов обновленной абсолютистской монархии, созданного Петром имперского, «регулярного» государства, двусмысленное, полуинтегрированное – полунезависимое, положение степного казачества, безусловно, должно было восприниматься как нетерпимое и даже деструктивное. В конце XVII – начале XVIII вв. российское правительство пытается найти адекватную форму контроля над казачьими общинами, попеременно поручая надзор

за ними различным центральным ведомствам¹. Наконец, в 1721 г. казачьи дела были отнесены к компетенции Военной коллегии, что свидетельствовало об окончательном принятии Петербургом курса на включение бывшей степной вольницы в состав военно-служилого сословия. В 1723 г. атаманы казачьих войск стали назначаться по воле царя, и казачество впервые получило официальное наименование «военно-служилого народа»².

Петровские реформы положили начало постепенному сближению бывшего вольного казачества по своему социальному и правовому положению со служилыми казаками, составлявшими одну из множества прослоек русского феодального общества, по крайней мере, с XV в., и сыгравших некогда роль одного из важнейших источников формирования «вольницы».

Закрепощение крестьянства и постепенное объединение бояр и служилых людей «по отечеству» в единый помещичий класс к концу XVII в. подвели правительство к необходимости более четко зафиксировать границы этих экономически полярных друг другу частей общества в его социальной структуре. Решение этой задачи было неразрывно связано с определением судьбы промежуточных социальных страт, оказавшихся за пределами категорий душевладельцев и крепостных и, прежде всего, весьма многочисленной прослойки служилых людей «по прибору», к которым принадлежали и служилые казаки. В начале 20-х гг. XVIII в. правительство Петра I приступило к переводу всех худородных служилых в состав податной части населения. По окончании первой подушной ревизии служилые казаки наряду с другими разновидностями служилых «по прибору» были причислены к категории государственных крестьян³. Начавшаяся эмансипация дворянства обернулась для них дальнейшим закабалением – к прежним натуральным государственным повинностям прибавилось отныне тяжелое налоговое бремя.

Превращение служилых казаков в особый род государственных крепостных, по всей видимости, призвано было задать нормативный образец для выстраивания отношений государства с казачеством, как единым в будущем со-

словием, на длительную перспективу. Свидетельством же стремления властей к слиянию различных по своему происхождению казачьих общностей в однородную социальную группу могут служить неоднократные переселения служилого люда на территории Донского и Терского (Гребенского) войск, а также одновременное использование служилого и бывшего вольного казачьего населения как источников для формирования новых войсковых образований.

Впрочем, политика принудительных переселений так и не привела к исчезновению исторически сложившейся социокультурной неоднородности российского казачества, которая укреплялась удаленностью его анклавов друг от друга. Так, несмотря на активное участие вольных станичников в покорении Сибири и распространенную практику ссылки в колонизируемые районы «воровских» казаков, ядром населения зауральских войск явилось именно служилое казачество⁴. Меньшую роль служилые люди сыграли в создании новых казачьих войск на западе страны, – Астраханского, Кубанского (Черноморского) и Оренбургского, - образованных правительством в середине и второй половине XVIII в.⁵. Важное значение для формирования социокультурной специфики этих общностей имело также и то, что потомки вольных казаков образовали их исходный, исторически наиболее ранний субстрат. Наконец, менее всего переселения служилых людей и государственных крестьян отразились на традициях и социальной организации древнейших оплотов казачьей независимости – общин Дона, Терека и Урала. Поэтому особенную значимость в деле нивелировки своеобразия общественной жизни и быта казачества, его приспособления к потребностям самодержавного режима, здесь приобрело методическое применение нормативно-юридических регуляторов, а порой и прямого насилия.

Расселение российских казаков к началу XVIII в. на протяжении практически всей территории страны, от ее юго-западных до северо-восточных границ, поставило их в весьма различные региональные условия природной и экономической среды. Так, несмотря на то, что уже с конца XVII в., казаки Сибири в широких масштабах стали переводиться с жалования на пашню, даже и во

второй половине XVIII в. размеры и эффективность казачьего земледелия здесь были крайне невелики⁶. К причинам этого явления, по-видимому, можно отнести как напряженность самой казачьей службы, так и внешние обстоятельства – суровый климат и высокую трудоемкость окультуривания местных ландшафтов, неразвитость рыночной инфраструктуры. В целом, в данный период зауральское казачество существовало во многом в отрыве от складывающейся в стране системы экономических связей, в условиях господства натуральных, экстенсивных и присваивающих форм хозяйства.

Иной была экологическая и экономическая среда западных казачьих войск. В XVIII в. местные ландшафты были уже в достаточной степени подчинены хозяйственным потребностям человека, и казачье население смогло без помех приступить к эксплуатации их естественных богатств⁷. Кроме того, казачество Европейской России уже явственно ощущало на себе последствия складывания в стране национального рынка и распространения капиталистического способа производства. Вместе с тем, темпы и масштабы развития у казаков собственного производящего хозяйства и, прежде всего, земледелия, оставались относительно низкими. В XVIII в. и значительно позднее (до 1917 г.) высокий удельный вес в хозяйстве казаков Дона, Северного Кавказа и Южного Приуралья имело скотоводство и различные промыслы (особенно, рыболовство)⁸. Это было обусловлено сравнительной трудоемкостью земледелия и его плохой совместимостью с военной службой казаков, культурной предубежденностью станичников против земледельческого труда, а также, возможно, их осознанным противодействием появлению в своих землях экономической основы для распространения крепостнических порядков. Нельзя забывать и о малой истощенности промысловых ресурсов войсковых земель, замедлявшей вытеснение присваивающих отраслей казачьего хозяйства производящими. Таким образом, хотя в целом в XVIII – первой трети XIX вв. казачество центра России находилось в более благополучном экономическом состоянии, чем зауральское, ряд факторов серьезно ограничивал и деформировал его хозяйственную активность.

Более разнообразными в этот период становятся внешнесоциетальные контакты российского казачества. Очень тесные и, как правило, мирные контакты связывали донское и уральское казачество с татарами и калмыками, астраханское и оренбургское – с ногаями, башкирами и казахами, забайкальское – с тунгусами и бурятами. Содержание этих отношений не исчерпывалось товарным обменом, но охватывало весь спектр социальных связей от организационно-производственных до брачно-родственных. Отнюдь не сводились к военным столкновениям и отношения казачества со своими соседями по ту сторону российских границ – народами Кавказа, Казахстана и Средней Азии, Монголии и Китая. Активные межэтнические контакты различных групп российского казачества способствовали дифференциации их культурного облика и даже физико-антропологических характеристик.

Следствием и в то же время причиной незавершенности интеграции казачества и сохранения его социокультурной неоднородности являлась недостаточно централизованная структура управления казачьими войсками. В послепетровскую эпоху часть казаков была выведена из непосредственного ведения Военной коллегии и подчинена надзору нескольких региональных инспекций. Кроме того, ряд казачьих подразделений, в частности в Забайкалье и на Дальнем Востоке, находились в распоряжении местных властей⁹.

Во второй половине XVIII в. правительство продолжало политику адаптации бывших вольных казачьих общин к феодальным устоям российского общества¹⁰. Ее результатом стало вытеснение исторически сложившихся социальных норм и регуляторов казачьего быта привнесенными извне военно-бюрократическими, административными механизмами организации и контроля, что уничтожило основные институциональные препятствия к включению бывших вольных общин в состав единой сословной группы служилых казаков.

Однако полного превращения жителей «старых» казачьих войск в наиболее угнетенную разновидность государственных крестьян, «повинных» государю одновременно и «тяглом» и «кровью», так и не произошло. В самом конце

XVIII в. процесс закрепощения казаков был приостановлен. Можно предположить, что свою роль здесь сыграло осознание властями того, что дальнейшая интеграция казачества в общественную систему империи исключительно за его собственный счет может разрушить хрупкий социальный мир в стране. Как бы то ни было, в 1793 г. бремя служебных обязанностей донских казаков было компенсировано широкими социальными и экономическими привилегиями¹¹. Распространение позднее этих привилегий на остальные казачьи общества поставило все сословие на более высокую ступень в общественной иерархии по сравнению с основной, крестьянской, массой населения России.

Сгладив, таким образом, негативные для бывших вольных казачьих общин последствия их присоединения к империи, с начала XIX в. государственная власть приступает к окончательному оформлению и унификации всей совокупности своих отношений с казачеством. Начиная с 1802 г., когда было издано «Положение о военной службе Войска Донского», и до конца царствования Александра I, почти все казачьи сообщества страны подчиняются единообразным правилам отбывания службы и порядку военной организации. Параллельно с этим, в первой трети XIX в. осуществляется последовательная централизация управления казачьими войсками¹².

Итогом более чем вековой политики правительства по формированию единого казачьего сословия и определению его места в структуре российского общества стало «Положение об управлении Войском Донским» 1835 г.¹³. Закрепив ряд исторически сложившихся казачьих традиций и подтвердив привилегии казачества, оно, вместе с тем, завершило превращение иерархии поселковых, станичных и войсковых общин в инструмент всеобъемлющего военно-административного контроля и государственной эксплуатации казаков. Положение 1835 г., распространенное позднее без принципиальных изменений на все казачьи войска империи, придало казакам особое положение привилегированных государственных крепостных, несущих множество казенных повинно-

стей (основной среди которых была военная служба) и практически лишенных возможности изменить свой статус.

В последней трети XIX в. казачество, – уже вполне интегрированный, прежде всего, на институционально-правовом уровне, компонент российской социетальной системы, - вступает в новый период своей истории, продолжавшийся вплоть до 1917 г. Приближение казачества к параметрам ординарного сословия российского общества вовлекало его в круг типичных для последнего внутрисоциетальных отношений, сильнее, чем прежде, подчиняло общим метасистемным закономерностям. Если ранее основное содержание истории великорусского казачества (в первую очередь, вольного происхождения) составляла его собственная адаптация к естественной среде и политико-административное взаимодействие с государственными органами, то отныне в гораздо большей степени состояние казачьей общности начинает определяться характером объективных изменений в социальной и экономической жизни России.

Неожиданно провальная Крымская война убедила правительство в необходимости кардинального пересмотра своего внутривнутриполитического курса. В свою очередь, рост революционно-демократического и либерального движения в последующие годы способствовал расширению сферы буржуазного переустройства российского общества. Реформы Александра II, имевшие значение пусть и незавершенной, но системной реконструкции России, коснулись, так или иначе, всех значимых элементов ее социальной структуры. Разносторонне, прямо и косвенно, воздействие этих реформ ощутило на себе и казачество.

В практические шаги реформаторские планы властей в отношении казачьего сословия начали воплощаться в основном после 1861 г. Именно исходя из базовых положений крестьянской реформы, царское правительство сформировало более или менее ясную программу «освобождения» казачества. Эта программа предполагала облегчение военной службы казаков, сложение с них наиболее тяжелых натуральных повинностей, преодоление крайней замкнутости казачьего сословия. Данные преобразования должны были обеспечить мини-

мальную адаптацию казачества к быстро меняющимся общественным условиям, без них сословию грозило бы превращение в лишенный будущего социальный изолят. Но, как показали последующие события, органы власти империи не были последовательны даже в реализации этих, весьма умеренных, задач.

Даже на территории европейских войск процесс реформирования затянулся почти на пятнадцать лет. Непосредственно вслед за освобождением в 1861 г. крестьян казаки были избавлены от выполнения наиболее тяжелых принудительных работ. В 1868 – 1869 гг. правительство разрешило неказачьему населению заводить земельные участки на территориях войск, а казакам предоставило право выхода из общины и отказа от своего сословного статуса. С введением в действие устава 1875 г. на казаков были распространены некоторые льготы по призыву, а общий срок их воинской службы был сокращен с 25 до 20 лет¹⁴. Вместе с тем, общая модернизаторская направленность указанных законов была во многом нейтрализована предусмотренными в них ограничениями. Так, серьезным препятствием для проникновения неказачьих на войсковые территории стал запрет для иногородних приобретать казачью землю в собственность. Что же касается выхода из казачьего сословия, то воспользоваться этим правом станичники могли только в случае согласия начальства, при условии выплаты всех недоимок и отказа от земельного пая¹⁵.

Противоречивый характер имела и новая регламентация общинного устройства и землепользования казаков. «Закон о поземельном устройстве в казачьих войсках», изданный в 1869 г., подтвердил повышенную норму обеспечения казаков землей (30 дес. «удобной» земли) и незыблемость общих владельческих прав войск на занимаемые территории. «Положение об общественном управлении» 1870 г. расширило полномочия станичного и поселкового самоуправления, передало ряд функций управления казачьи населением в мирное время из рук военного начальства общегражданской администрации, способствовало демократизации казачьего быта¹⁶. Однако уже в самой концепции этих документов была заложена не подлежащая сомнению посылка о необходимости

безусловного сохранения общинной организации, игравшей, как известно, роль фундаментальной ячейки феодально структурированного и управляемого общества. Царское правительство не желало лишать себя важнейших рычагов не только стратегического, но и оперативного контроля над казачеством, и предоставление казачьей общине права самостоятельного решения хозяйственных и судебных вопросов локального значения, по всей видимости, казалось ему приемлемой ценой сохранения дальнейшей дееспособности возвышавшейся над общинными структурами административной вертикали.

С начала 80-х гг. XIX в. вместе со всей Россией казачество вступает в период политической реакции, получивший наименование эпохи «контрреформ». Вставшие у власти поборники народного благочестия были озабочены слишком вольными порядками, утвердившимися в казачьем общежитии и подрывавшими, по их мнению, воинскую дисциплину и боеготовность станичников. Главным средством излечения мнимых и действительных недугов казачьего сословия стало новое «Положение об общественном управлении», изданное в 1891 г. Оно значительно ограничило внутреннюю самоуправляемость казачьих общин, одновременно повысив их ответственность за материальное обеспечение готовности своих членов к несению воинской службы. Основными мерами по достижению первой из этих целей явились перераспределение полномочий между общинным и войсковым уровнями управления и уменьшение числа казаков, допускаемых к участию в сходах. Вторая задача решалась за счет восстановления общественной пашни и усиления круговой поруки¹⁷.

В межреволюционный период направленность казачьей политики правительства диктовалась не только заботой о материальном обеспечении несения казаками военной службы, но и в значительно большей, чем раньше, степени, стремлением монархии приобрести в казачестве надежного политического союзника и мощную полицейскую силу. Помимо усиления экономической поддержки казачества, царское правительство отказывается в это время от планов ликвидации особенностей административного устройства казачьих областей,

способствуя тем самым замыканию сословия и его противопоставлению другим слоям российского общества. Как никогда широко казаки привлекаются в эти годы к борьбе с революционным и национальным движением, прочно закрепляя за собой прозвище «нагаечников»¹⁸.

По сравнению с первой третью XIX в., к началу XX столетия позиции казачества в экономической и социальной структуре вмещающей социетальной системы значительно изменились. Территориальная экспансия и интенсификация капиталистических отношений сглаживали хозяйственные особенности, исторически присущие казачьим областям. Ряд казачьих территорий в Европейской России утрачивают периферийное положение в экономике страны, превращаясь в крупные центры промышленного производства, либо вовлекаясь в национальное разделение труда в качестве поставщиков товарной сельхозпродукции. Менее активно новые экономические отношения вторгались в жизнь азиатских войск. Прежде всего, это следует отнести к самым поздним по времени образования Амурскому, Семиреченскому и Уссурийскому войскам, располагавшимся в слабо освоенных, вновь колонизируемых частях страны. Адаптация к сложной естественной среде требовала от казаков-переселенцев огромных трудовых, материальных и духовных затрат, приводила к вынужденному возрождению архаичных, экстенсивных производящих и присваивающих форм хозяйства, а порой и к его полному упадку. Однако издержки колониационного процесса носили преходящий характер и не могли надолго задержать проникновения в азиатские казачьи войска рыночных отношений, распространению которых особенно способствовало железнодорожное строительство.

Подчинение законам развития индустриальной экономики привело к иным формам взаимодействия казаков с природной средой (в т.ч. к ослаблению зависимости от ее условий), к разрушению или интенсификации традиционных казачьих промыслов. Вместе с тем, внешние препоны в виде сословного законодательства, а отчасти и собственные культурные ценности казачества способствовали сохранению в его среде, в большей мере, нежели в иных социаль-

ных группах российского общества, общинных форм хозяйствования и высоко-го удельного веса промысловых отраслей экономической деятельности¹⁹.

Трансформация феодальной стратификации российского общества изменила юридическое и фактическое положение казачества относительно крестьянской массы населения страны. Утратив статус своего рода верхушки слоя крепостных, обладавшей некоторыми правовыми, материальными и моральными преимуществами, оно оказалось, по существу, единственным поголовно обязанным государству сословием, повинности которого все в меньшей мере компенсировались обесценивавшимися в новых условиях привилегиями. Кроме того, к началу XX в. казачество было вовлечено в процесс имущественной и классовой дифференциации, под влиянием сословных ограничений приобретшей искаженные и крайне тяжелые для многих станичников формы²⁰. С одной стороны, экономически крепкая часть казачества была лишена возможности основать свое землепользование на праве частной собственности и влиться тем самым в формирующийся слой сельской буржуазии. С другой, - обедневшие казаки не могли сложить с себя непосильные казенные повинности и пополнить ряды пролетариата, превращаясь, таким образом, в дисфункциональную прослойку люмпенов, потерявших свое место в обществе.

Казачество не вошло в состав основных движущих сил революции февраля 1917 г. Однако, оно в целом положительно отнеслось к свержению монархии и первым политическим шагам Временного правительства. Тем самым, казаки не только отвергли прежние принципы социально-политической организации российского общества, но и, казалось, выразили готовность принять участие в его структурировании на новых началах. Тем не менее, начиная с весны 1917 г., под влиянием растущих в стране анархии и аномии, казачество постепенно склоняется к альтернативному варианту выхода из кризиса – варианту самоопределения и самоорганизации. В это время практически во всех казачьих войсках России, хотя и в разных масштабах, развернулся процесс регенерации

социальных и политических норм и институтов казачества периода его независимости.

Впрочем, этап самоопределения оказался недолгим. Радикальные системные социальные и политические преобразования большевиков и разразившаяся летом 1918 г. гражданская война вместо дилеммы единения с обновленным российским обществом или отделения от него поставили перед казачеством более актуальную альтернативу, состоявшую в необходимости выбора между двумя военными лагерями – «белых» и «красных». В невозможности обойти этот выбор сказалась глубокая объективная зависимость казачества от состояния вмещающей социетальной системы. Степень этой зависимости оказалась такова, что сама ситуация выбора была перенесена внутрь казачьего общества, расколов его на вступившие в жестокую борьбу «красную» и «белую» части.

События 1918 – 1922 гг. показали, что для проведения независимого политического курса казачеству не хватает ни военных, ни экономических ресурсов, что его внешние социальные и культурные границы уже размыты, а состав чрезвычайно неоднороден, что традиционные нормы общежития казаков не могут служить достаточной основой для их самоорганизации в современных условиях. Вместе с тем, неудачный опыт конституирования казачества как самостоятельной социетальной системы еще не исключал возможности для пересмотра его структурного положения в качестве одного из компонентов российского социума. Но решающая роль в реализации такой возможности принадлежала уже не самому казачеству, а тем силам, которые по окончании революционного конфликта закрепили за собой место главных творцов новой России.

С первых лет существования советской власти ее отношение к казачеству как социальному слою отличалось особенной подозрительностью и недоверием. Опасения большевиков имели как объективные, так и субъективные основания. Как наиболее обеспеченная землей и относительно зажиточная категория сельских жителей, казачество неизбежно должно было стать серьезной помехой на пути проведения социалистической аграрной политики. Сравнительно

высокая, на фоне крестьянских масс, организованность и боеспособность этой социальной группы еще более обостряли проблему. Наконец, и в оценке событий гражданской войны и перспектив будущих отношений с казачеством над сознанием партийно-советского руководства, также как и рядовых большевиков, довлел сложившийся десятилетием ранее, во многом несправедливый, но широко распространенный образ казака как верного слуги старого режима, заклятого врага революции, монархиста и реакционера.

Общая либерализация коммунистического режима в период НЭПа отразилась и на казачестве. В начале 20-х гг. большая часть казаков-участников белого движения была амнистирована, многие из них, оказавшиеся по окончании войны в эмиграции, получили возможность вернуться на родину²¹. Советские власти продолжили курс на отказ от форсированного и насильственного сокращения надельных земель казачества. В результате средняя обеспеченность казаков землей значительно превосходила соответствующие показатели для крестьянства вплоть до проведения в деревне сплошной коллективизации²².

Вместе с тем, в 20-е гг. казачество, в большей степени, чем многие иные социальные группы, испытало ограничение своей общественной и политической активности. Значительное число казаков было лишено избирательных прав. В ходе выборов в местные органы власти, советские и партийные инстанции навязывали казакам кандидатов из числа коммунистов и иногородних, всеми способами препятствуя выдвижению ими руководителей из своей среды. С большим тщанием из практики созданных в казачьих районах советов, равно как и из повседневного быта казаков изгонялись обычаи, нормы и понятия, отражающие своеобразие их социальной организации и исторического пути. Из официального употребления выводилось само наименование казачества²³.

Процесс расказачивания, ставший набирать особенно быстрые темпы во второй половине 20-х гг., конечно не был обусловлен только лишь политикой государственных органов. В конечном счете, в нем нашла свое продолжение тенденция, проявившаяся впервые еще в дореволюционную эпоху и связанная с

перестройкой социальной структуры российского общества под давлением новых экономических механизмов его воспроизводства и развития. Революция разрушила те законодательные ограждения, которые препятствовали всеобъемлющему вовлечению казачества в общесистемную динамику модернизации России, и как только экономика страны стала выходить из состояния разрухи, казачье население ощутило на себе силу предъявляемых ей требований. Освобожденные от сословных повинностей и лишены своей важнейшей ранее военной функции, казаки получили возможность активно заняться сельским хозяйством. В результате их образ жизни стремительно сближается с крестьянским. Кроме того, в 20-е гг. казачество начинает втягиваться в миграционное движение населения страны из села в город. Причинами этому являлись не только неудовлетворенность части казаков уровнем своего материального благосостояния и общая для российской деревни перенаселенность, но и желание избежать дискриминационных ограничений, связанных со своим прежним социальным статусом. Таким образом, под действием двустороннего процесса окрестьянивания и пролетаризации казачье общество постепенно утрачивает свое специфическое положение в социетальной системе.

«Великий перелом» рубежа 20-х – 30-х гг. открыл собой завершающий этап расказачивания. Форсированное параллельное осуществление индустриализации и коллективизации буквально взорвало до сих пор медленно изменяющуюся экономическую и социальную структуру советского общества. Темпы и масштабы разрушения казачества резко возросли. Насажение колхозного строя ликвидировало остатки хозяйственной специфики казаков, растворив их в составе вновь закрепощенного советского крестьянства. Характер массового бегства от государственной кабалы приобрела миграция казачьей молодежи в города и новые промышленные центры. Огромный демографический и культурный урон нанесли казачеству репрессии и принудительные переселения²⁴.

В 30-е гг. казачество как самостоятельный компонент советского общества фактически прекращает свое существование. Однако социальная смерть

казачества не была полной и окончательной. Духовное, культурное ядро этого социального феномена, в силу присущих ему свойств автономности, ригидности и инерционности, оказалось устойчивым к разрушающему воздействию неблагоприятной среды. Основные идеалы и ценности казачьего образа жизни, его важнейшие атрибуты были сохранены в мировосприятии и самосознании потомков казаков, на личностном и микрогрупповом уровнях. Перестройка советского общества, новый социальный, экономический и идеологический климат, установившийся в конце 80-х – 90-х гг. XX в. на пространствах бывшего СССР, вдохнули в это культурное наследие новую жизнь, предоставив казачеству исторический шанс для возрождения и обновления.

§2. Уссурийское казачество в природных и общественных условиях Дальнего Востока России (середина XIX – 30-е гг. XX вв.).

До сих пор в фокусе нашего исследования находились наиболее общие и основополагающие условия существования уссурийского казачьего общества, по сути представляющие собой важнейшие параметры, характеризующие исторически изменявшееся положение отечественного казачества в целом в физическом и общественном пространстве России. Как мы стремились показать, роль объединяющей основы истории российского казачества с начала XVIII в. выполняла, прежде всего, политико-административная структура вмещающей общественной системы. Менее единообразный характер носили экономические и социальные условия жизнедеятельности казачьих общин, хотя в своем главном содержании они все же могут быть дедуцированы и объяснены исходя из общей формационной природы российского общества в каждый конкретный период его исторического развития. Наибольшие же затруднения вызывает выделение универсального в экологических и внешнесоциетальных аспектах метасистемной позиции казачества. Можно указать лишь ограниченное число крупных особенностей природной и этнополитической среды, которые были бы в

равной степени присущи всему казачьему населению России: в этом отношении его типологическое единство выражалось в тяготении к пограничным, «контактным» зонам, к степной полосе и берегам больших судоходных рек.

Переходя от описания всего российского казачества к исследованию одного из его территориальных анклавов, мы должны дополнить нашу характеристику общероссийских факторов казачьей истории анализом региональных условий жизни казаков. Выделение в составе среды уссурийского казачества общероссийского (системного) и регионального (субсистемного) уровней, дифференцированное исследование их содержания и отношений, а также их сравнительной значимости для формирования и эволюции указанной социальной общности, способно повысить точность реконструкции ее строения.

Региональная среда уссурийского казачества будет рассмотрена нами в ее историческом развитии, в последовательной смене ее важнейших, качественно особенных состояний. Используемая в данной работе периодизация истории Дальнего Востока основана на хронологии крупнейших экономических и политических трансформаций, оказавших кардинальное системное воздействие на все структурные уровни регионального общества. Она включает в себя следующие периоды: 1) конец 50-х – конец 80-х гг. XIX в.; 2) 90-е гг. XIX в. – 1917 г.; 3) 1917 – 1922 гг.; 4) 1922 – начало 30-х гг. XX в.

Первый выделяемый нами период (конец 50-х – конец 80-х гг. XIX в.) был временем первичного колонизационного и хозяйственного освоения Дальнего Востока, его окончательного политического закрепления в составе Российской империи. Характерными чертами этого периода являлись крайняя малочисленность и низкая плотность местного населения, чрезвычайная слабость коммуникаций, соединяющих регион с центром страны, и наличие между ними резкого разрыва в уровне социально-экономического развития.

Обращаясь к рассмотрению природных условий жизни уссурийских казаков, следует, прежде всего, заметить, что если климат Дальнего Востока в целом можно охарактеризовать как весьма суровый и малоблагоприятный для

проживания человека, то климатические условия мест расселения уссурийских казаков – долины Уссури и Приханкайской равнины, – безусловно, представляют собой один из его оптимальных в антропологическом отношении вариантов. За исключением территории, лежащей к северу от р. Бикин, с точки зрения температурного режима – это наиболее теплый район Дальнего Востока. Вместе с тем, по среднегодовому количеству осадков долина Уссури и Приханкайская равнина является одной из самых влажных местностей региона.

С точки зрения природных условий казачья территория достаточно четко разделяется на две части – северную и южную. Отличительными чертами естественной среды северного района являлись горный рельеф, бедные лесные и таежные почвы, доминирование лесных массивов, обилие и разнообразие зверя и рыбы. Для природы южного района расселения уссурийцев были характерны равнинные лесостепные, степные и луговые ландшафты, плодородные и относительно легкие в обработке почвы, приближающиеся по своим параметрам к черноземным, ограниченность промысловых ресурсов местной фауны²⁵. Указанные особенности послужили объективной предпосылкой для хозяйственной специализации Севера и Юга, проявившейся уже в 80-е гг. XIX в. и длительное время углублявшейся. В этой специализации за северным районом (Гленовский и Бикинский станичные округа УКВ) закрепились роль области преимущественного развития промысловых, присваивающих отраслей, а за южным (три южных округа) – зоны преобладания производящего земледельческого хозяйства. Экономика территории между низовьями Имана и восточным берегом Ханки (Донской округ) заняла здесь, на наш взгляд, промежуточное положение, характеризующееся отсутствием явного преобладания тех или иных отраслей.

Говоря об экологической специфике казачьих земель, следует особо выделить обстоятельства, осложнявшие процесс хозяйственной и физической адаптации уссурийцев на заселяемой территории. Их можно разделить на микрофакторы, связанные с необходимостью первичного окультуривания природного ландшафта, и макрофакторы, сопряженные с мало зависящими от челове-

ческой деятельности, но значимыми для нее местными климатическими, рельефными и почвенными особенностями. К факторам первого рода, наиболее актуальным для начального периода истории уссурийского казачества, следует отнести то разнообразное неблагоприятное влияние, которое оказывали на переселенцев условия местных коренных биоценозов. Так, огромного труда требовала работа казаков по сведению леса для устройства пашни. Существование в окружении лесных массивов – места обитания хищников, ядовитых змей, множества грызунов и птицы, таежного гнуса – не только создавало серьезные помехи в ведении хозяйства, но и нередко угрожало самой жизни казаков. Со своими трудностями оказалось сопряженным и использование казаками природных богатств пойменных лугов. Плохие кормовые качества местных трав вызывали болезни и гибель скота. Густая растительность речных пойм поддерживала постоянную сырость и способствовала размножению насекомых²⁶. Что касается неблагоприятных природных макрофакторов, то здесь следует выделить такие явления, как большая амплитуда сезонных температур (очень холодная сухая зима и жаркое влажное лето), большое количество осадков и неравномерность их выпадения, высокая паводковая опасность²⁷. Данные климатические особенности придавали местному земледелию рискованный характер, а также негативным образом сказывались на здоровье казачьего населения.

Огромное значение для проживавших в приграничной полосе окраинного и слабо освоенного региона России уссурийских казаков имело их внешнесоциетальное окружение. Во взаимодействие с внешнесоциетальной средой уссурийцы были вовлечены уже в начальный период своей истории (конец 50-х – конец 80-х гг. XIX в.). Предпосылками к этому стали, во-первых, наличие к моменту первой волны казачьей колонизации на заселяемой территории автохтонного населения и мест компактного оседлого проживания китайцев и маньчжур, неприкосновенность которых была оговорена в тексте Айгуньского и Пекинского договоров, а во-вторых, - предусмотренная теми же русско-

китайскими соглашениями, открытость границы двух государств для свободной и беспошлинной торговли²⁸.

В силу относительной малочисленности и, в еще большей мере, крайней бедности казаков, переселенных в 1858 – 1862 гг. из Забайкалья в долину Уссури, в отношениях с широко промышлявшими и торговавшими на российской территории китайцами долгое время они были вынуждены играть пассивную и зависимую роль²⁹. В 80-е гг., после отселения части казаков на юг, благосостояние казачьего населения долины Уссури несколько повысилось, но, в связи с почти двукратным сокращением его численности, это мало способствовало укреплению его позиций в отношениях с китайцами и инородцами.

Казаки, расселившиеся начиная с 1879 г. в Южно-Уссурийском крае, также существовали в условиях многочисленного иносоциетального окружения, основную долю которого составляли в 60-е – 80-е гг. XIX в. корейские колонисты, прибывавшие в Приморье с 1864 г.³⁰. Тем не менее, благодаря наличию в Южно-Уссурийском крае восточнославянского крестьянского населения и большей развитости структур российской администрации, численное преобладание корейцев и китайцев над местным казачеством не оказывало на него какого-либо негативного влияния. Кроме того, в отличие от казаков Уссури, казачьи насельники Приханкайской равнины в короткие сроки достигли относительно высокого благосостояния. Материальная обеспеченность южноуссурийского казачества и особенно сосредоточение в его руках значительной части наиболее плодородных земель района ставили местных станичников в доминирующую позицию в отношениях с азиатскими земледельцами, и, в первую очередь, страдавшими от малоземелья корейцами. По-видимому, уже в это время, в 80-е гг. XIX в., берут свое начало такие значимые явления истории уссурийского казачества как иммигрантский труд и аренда.

В качестве сил пограничной и полицейской охраны в рассматриваемый период уссурийским казакам приходилось принимать участие и в международных конфликтах как межсоциального, так и межгосударственного уровня. Чаше

всего эти конфликты были связаны с деятельностью многочисленных и иногда достаточно крупных банд китайских разбойников – хунхузов. Наиболее значительное столкновение уссурийцев с хунхузами периода конца 50-х – конца 80-х гг. XIX в. произошло в 1868 г., в ходе т.н. «манзовой войны»³¹. Для уссурийцев это был первый опыт мобилизации и ведения боевых действий. Кроме того, события 1868 г. способствовали выравниванию и стабилизации отношений казаков с китайцами: практически ничем не ограниченному самоуправству последних в Уссурийском крае был нанесен ощутимый удар³².

Вместе с тем, уже в первый период своей истории уссурийскому казачеству довелось участвовать и в собственно политико-государственных отношениях России со своими соседями. В 70-е – 80-е гг. XIX в. Дальнему Востоку дважды угрожала опасность внешнего вторжения. В 1877 – 1878 гг. эта угроза была обусловлена противоречиями России с Англией и Китаем, которые обострились в виду русско-турецкой войны и действий русских войск в Средней Азии. В 1884 г. причиной нового осложнения обстановки на дальневосточных рубежах империи послужил очередной всплеск англо-русских разногласий по поводу разграничения сфер влияния на Балканах и в Корее. И в 1877 – 1878, и в 1884 гг. в рамках общего экстренного укрепления обороноспособности окраины были проведены мобилизации строевых частей АКВ, и в т.ч. уссурийских сотен. Казаки передислоцировались в наиболее угрожаемые южные районы края, ближе к побережью Японского моря и областному центру. Однако в обоих случаях до прямого вооруженного столкновения дело не дошло³³.

Внешнеполитические кризисы 1877 – 1878 и 1884 гг. (особенно первый среди них) сыграли в судьбе уссурийских казаков немаловажную роль. Прежде всего, они привлекли внимание центральной и местной власти к вопросам обеспечения боеготовности, а, в конечном счете, и общего благосостояния дальневосточного казачества, результатом чего стали в частности преобразования 1879 г. Функция несения военной и пограничной службы с этого времени все более превращается в ведущий фактор внутреннего структурирования уссу-

рийской казачьей общности. Во многом исходя из опыта вынужденной передислокации казачьих сил в 1877 – 1878 гг. была изменена и конфигурация самого пространства размещения уссурийцев: в 1879 г. вдоль китайской границы к западу и юго-западу от оз. Ханка были основаны 10 казачьих поселений.

Переходя к характеристике положения уссурийского казачества в структуре вмещающей социетальной системы, обратимся, прежде всего, к ее экономическому уровню. В конце 50-х – конце 80-х гг. XIX в. экономическое состояние Сибири и Дальнего Востока резко контрастировало с хозяйственной жизнью европейской части страны, при чем различия между ними касались не только достигнутого уровня и темпов, но и самой направленности развития экономики. На фоне бурного прогресса центра России, общие отсталость и малая динамичность хозяйства ее азиатских территорий в этот период были особенно очевидны. Экономическая отсталость Дальнего Востока как слабо обособленной части азиатской окраины империи была обусловлена тремя крупнейшими факторами – сохраняющимися здесь, во многом под влиянием политики государства, элементами докапиталистических форм хозяйства, зависимым, колониальным способом капиталистического освоения этой территории, а также незавершенностью формирования материальной инфраструктуры экономики, недостатком общей мощности местных производительных сил. При этом именно последнему из этих факторов принадлежала, на наш взгляд, важнейшая, определяющая роль. Огромное влияние на темпы развития экономики Дальнего Востока, даже в большей степени, чем Сибири, оказывала острая нехватка человеческих ресурсов³⁴. Серьезной помехой экономическому прогрессу края в период до начала 90-х гг. XIX в. служило отсутствие достаточно надежной и разветвленной сети транспортных коммуникаций³⁵.

Основной производящей отраслью экономики Азиатской России в 60-е – 80-е гг. XIX в. являлось сельское хозяйство, причем на Дальнем Востоке доля аграрного сектора в общем производстве была большей, чем в большинстве районов Сибири. Однако абсолютные масштабы земледельческого и скотовод-

ческого хозяйства края (площадь посевов, сбор зерна, поголовье скота) были недостаточны для удовлетворения потребностей населения в важнейших продуктах питания. Сельскохозяйственное производство в крае имело преимущественно натуральный характер. Важным направлением экономической деятельности для населения края служили различные потребительские промыслы – в первую очередь, рыболовство, охота, заготовка леса и извоз³⁶.

Что касается промышленности Дальнего Востока, то она формировалась как на местной мелкотоварной промысловой базе, так и под влиянием распространения российского капитализма «вширь», сразу и непосредственно в мануфактурной и фабричной форме³⁷. Доминирующее положение в ней занимали добывающие отрасли³⁸. Доля же в валовом промышленном продукте края обрабатывающих отраслей вплоть до конца 80-х гг. XIX в. оставалась незначительной. Вместе с тем, в сравнении с добывающей промышленностью, обрабатывающие отрасли региона в целом стояли на технически более высоком уровне, и переход к фабричному производству начался в них уже в 80-е гг.³⁹.

Редкость населения и слабость транспортной сети края, неразвитость местного производящего хозяйства и в особенности низкая степень его товарности определяли состояние и специфику дальневосточной торговли. В конце 50-х – конце 80-х гг. XIX в. гипертрофированное значение в ее составе имели внешние и внутренние межрегиональные торговые связи. Особенно регулярные и интенсивные торговые отношения связывали Дальний Восток с соседней китайской Манчжурией. При этом и во внешней, и в межрегиональной торговле Дальний Восток играл в это время в основном потребляющую роль. Что же касается внутреннего рынка Дальнего Востока, то в данный период его формирование только начиналось⁴⁰.

Общий низкий уровень развития экономики Сибири и Дальнего Востока в конце 50-х – конце 80-х гг. XIX в., безусловно, негативно отражался на состоянии и темпах прогресса хозяйства уссурийских казаков. Неблагоприятное влияние региональной экономической среды усугублялось сохранявшейся

вплоть до начала 70-х гг. XIX в. практически неограниченной эксплуатацией труда местного казачества со стороны военного ведомства. Полное же прекращение прямой экономической зависимости казаков от государства следует отнести к 1879 г., когда со станичников были сняты наиболее тяжелые трудовые повинности, а также аннулирована их огромная задолженность казне⁴¹. С этих пор и до 1917 г. главным фактором, ограничивавшим и деформировавшим экономическую активность уссурийцев, становятся их сословные обязанности по несению военной и пограничной службы.

Частичное раскрепощение казачества и его расселение на земли Приханкайской равнины способствовали быстрому подъему казачьего хозяйства, который происходил на фоне общей для юга Дальнего Востока в 80-е гг. XIX в. благоприятной экономической конъюнктуры. Уссурийцы все шире вовлекаются в функционирование рынков товаров и труда, причем теперь они чаще выступают в роли продавцов и работодателей, нежели покупателей и наемных работников. Это было связано с повышением товарности и капитализацией ряда казачьих промыслов (извоз, почтовая гоньба, лесозаготовка), а также зернового земледелия в южных округах⁴². Однако в условиях узости внутренних рынков края процесс разрушения натурального хозяйства в этот период в целом протекал у казаков очень медленно.

В конце 50-х – конце 80-х гг. XIX в. на Дальнем Востоке шло формирование того специфического комплекса отношений, который послужил непосредственной социальной средой генезиса и эволюции уссурийского казачества. При этом, как и в случае с экономикой, с точки зрения специфики своей социальной жизни в этот период Дальний Восток России представлял собой достаточно типичную часть зауральского региона страны. Также как в Европейской России в Сибири и на Дальнем Востоке большую часть населения составляло крестьянство, однако здесь это были главным образом бывшие государственные крепостные, а также вольные переселенцы. Практически отсутствовал в регионе слой помещиков, относительно невелика была численность духовенства

и мещан. В то же время более высокий удельный вес в составе населения здесь имело чиновничество. Весьма значительную долю жителей региона в конце 50-х – конце 80-х гг. XIX в. составляло казачество, при чем на Дальнем Востоке процент казаков был даже большим, чем в среднем по зауральской России⁴³.

В процесс капиталистического классовообразования население азиатских территорий империи было вовлечено в целом на несколько десятилетий позже жителей центра страны. Так, на Дальнем Востоке глубокая и массовая имущественная поляризация крестьянства впервые обнаруживает себя не ранее 80-х гг. XIX в.⁴⁴. Примерно в те же годы подъем промышленности создает условия для появления в дальневосточных городах прослоек предпринимателей и наемных рабочих. Процесс образования новых классов на Дальнем Востоке замедляли низкий уровень местных производительных сил, обилие свободных природных ресурсов и интенсивное переселенческое движение⁴⁵.

Немаловажной чертой социальной жизни Азиатской России вообще и Дальнего Востока в особенности являлся несбалансированный половой состав местного населения. Мужское население здесь долгое время значительно преобладало над женским. Даже в самом конце XIX в. это преобладание в целом по Дальнему Востоку было более чем полутора кратным⁴⁶. В конце 50-х – конце 80-х гг. XIX в. данный показатель был еще внушительнее.

Макросоциальный состав дальневосточного общества (обусловленный сословным характером российского законодательства, а также мозаичностью культурных традиций жителей Дальнего Востока), наряду с экстрасоциальными (демографическими и экономическими) факторами (редкостью населения региона и господством в нем натуральных форм хозяйствования) определили низкую степень его однородности и интегрированности в изучаемый период, крайнюю слабость поддерживающих его целостность социальных связей. Особенно ярко это проявлялось на уровне микросоциальных отношений. Для микросоциальной организации регионального общества в период конца 50-х – конца 80-х гг. XIX в. были свойственны такие черты как непрочность семейных

институтов и распространенность девиантных отношений между полами, территориальная и социальная узость брачных ареалов, гипертрофированная хозяйственная и распределительная роль общины и высокая замкнутость ее быта, малочисленность специализированных социализирующих, образовательных учреждений и их сословно-ведомственное деление, незрелость специфических городских форм социальной коммуникации.

Особенности социальной структуры дальневосточного общества конца 50-х – конца 80-х гг. XIX в. нашли свое отражение в том способе, которым в этот период было включено в свою социальную среду уссурийское казачество. Занимая законодательно и культурно фиксированное место в сословной иерархии, местное казачество жило в эти годы своей внутренней, обособленной жизнью и в основном самостоятельно выполняло функции физического и социального воспроизводства своих представителей. Этому способствовали общая малая плотность населения края и оторванность казачьих поселений (особенно в нижнем и среднем течении Уссури) от основных мест расселения крестьян, слабая развитость межсословного обмена товарами и рабочей силой, а также само по себе своеобразие образа жизни казаков. Социальная автаркия уссурийцев наиболее ярко выражалась в их сословной эндогамии, в особой прочности и замкнутости общинных структур, в полном подчинении казачьей школы задачам воспитания специфических характеристик служилого сословия. В 80-е гг., вслед за переселением части казаков в Южно-Уссурийский край, возросло значение факторов, подрывавших обособленность социальной жизни казачества. Рост населения и освоение новых территорий привели к более близкому соседству и активизации общения представителей разных сословий, что раньше всего проявилось на Приханкайской равнине, где казачьи и крестьянские селения и наделы располагались чересполосно. Одновременно подъем сельскохозяйственного производства в Южно-Уссурийском крае стимулировал расширение экономических связей казаков и крестьян. Заметно возрастает в конце 70-х – 80-е гг. и количество межсословных браков⁴⁷. Впрочем, вплоть до начала 90-х

гг. XIX в. интенсивность внесловных отношений уссурийского казачества была в целом не сравнима с частотой и плотностью его внутренних социальных (брачно-родственных, социализационных, информационных) связей.

Политико-административное устройство Дальнего Востока как территориальной единицы всякого унитарного государства, не имело каких-либо значимых отличий от формы управления другими территориями империи подобной же площади и правового статуса. Большая часть слабо освоенных, азиатских районов России во второй половине XIX – начале XX вв. была разделена на генерал-губернаторства. До 1884 г., уссурийское казачество территориально и административно было включено в состав генерал-губернаторства Восточной Сибири, границы которого простирались от берегов Енисея до Тихого океана, а центром являлся Иркутск. Глава генерал-губернаторства был наделен очень широкими и разнообразными полномочиями – административными, дипломатическими, хозяйственными, финансовыми и судебными. Генерал-губернатор подчинялся распоряжениям министра внутренних дел и предоставлял ему ежегодный отчет, что, впрочем, мало ограничивало оперативную свободу действий и инициативу руководителя местной администрации. Менее свободны в своих действиях были более непосредственно контролируемые вышестоящей властью главы восточно-сибирских губерний и областей, полномочия которых в пределах подведомственных территорий по содержанию были аналогичны генерал-губернаторским. Губернии и области разбивались на возглавляемые исправниками (позднее, уездными начальниками) округа (уезды), которые в свою очередь делились на волости. Управление на волостном уровне осуществлялось волостными старостами (крестьянскими начальниками)⁴⁸.

Главы администраций различных уровней сосредотачивали в своих руках огромную власть, все управленческие решения общего значения принимались ими по существу единолично⁴⁹. Подобная авторитарная организация управления, универсальность власти местных руководителей, отсутствие на верхних этапах административной структуры представительских институтов вместе с

отдаленностью центральных контролирующих инстанций и трудностью апеллирования к ним, с одной стороны, способствовали развитию в деятельности сибирско-дальневосточной бюрократии произвола и репрессивности, а с другой, - создавали условия для распространения различных форм «теневого» представительства и коррупции.

В 1884 г. в административном делении азиатской части Российской империи произошли важные изменения. Восточная часть территории Восточно-Сибирского генерал-губернаторства в составе Забайкальской, Приморской, Амурской областей, Владивостокского военного губернаторства и о. Сахалин была выделена в самостоятельное административное образование – Приамурское генерал-губернаторство. Основными предпосылками к его созданию послужили рост населения дальневосточных земель, ускорившийся с налаживанием в начале 80-х гг. XIX в. доставки переселенцев морским путем, и связанный с ним общий подъем местного хозяйства. Непосредственной же побудительной причиной принятого царским правительством решения являлась, на наш взгляд, его озабоченность безопасностью тихоокеанских рубежей страны. Эти опасения были обусловлены постоянным усилением во второй половине 70-х – первой половине 80-х гг. XIX в. напряженности в отношениях России с сильнейшей державой того времени – Великобританией, а также заметным обострением русско-китайских противоречий⁵⁰.

Как показало будущее, создание Приамурского генерал-губернаторства имело значимые последствия не только для внешней безопасности региона, но всех других сфер его жизни. Прежде всего, возросла общая управляемость края, повысилась способность центральных правительственных органов к получению информации о состоянии местных дел и к контролю над исполнением принимаемых ими решений. Это, в свою очередь, не могло не вызвать роста интереса к Дальнему Востоку со стороны столичной бюрократической элиты. Воплощением этого интереса явились казенные капиталовложения и субсидии, значение

которых в стимулировании дальневосточного хозяйства и отчасти социальной инфраструктуры стало особенно заметным несколько позднее, в 90-е гг. XIX в.

Одним из важных последствий появления на Дальнем Востоке собственного центра власти, напрямую связанного с высшими властными инстанциями страны, явилась активизация политического общения различных слоев местного общества с управленческими структурами и между собой. В первые десятилетия по присоединении Приамурья и Приморья к России общественно-политическая жизнь здесь только складывалась. Лишь в конце 70-х – 80-х гг. XIX в. демографическое и хозяйственное освоение региона, укрепление его связей с западными районами России создали, наконец, необходимую основу для оживления социальных контактов, для приобретения этими контактами массового масштаба и организованных форм. Уплотнение населения наиболее удобных для земледельческой колонизации территорий в это время начинает приводить ко все более частым внутри- и особенно межсословным поземельным конфликтам в деревне⁵¹. Одновременно, в связи с активизировавшимся в 80-е гг. ростом дальневосточной промышленности, происходила интенсификация классовых противоречий местных буржуазии и пролетариата, что выражалось в подъеме стачечного движения. Подлинными очагами общественной жизни становятся дальневосточные города, до сих пор выполнявшие почти исключительно роль военных форпостов и административных центров. К 80-м гг. можно отнести и возникновение на Дальнем Востоке периодической печати, которая вскоре стала настоящим выразителем интересов различных групп населения края, важнейшим инструментом формирования общественного мнения⁵².

Новое административное устройство Дальнего Востока послужило дополнительным фактором развития общественно-политического сознания и деятельности местного населения. Большая, чем раньше, доступность органов управления генерал-губернаторского уровня для запросов подданных, с одной стороны, и более широкие возможности краевых властей, в сравнении с областными, в том, что касалось удовлетворения этих запросов, с другой, стимули-

ровали выявление и артикуляцию интересов различных социальных слоев, усиление их давления на власть, как в форме разного рода прошений, так и скрытого, бюрократического, лоббирования.

На протяжении периода конца 50-х – конца 80-х гг. уссурийские казаки в административном отношении являлись структурным подразделением Амурского казачьего войска (АКВ). Созданное императорским указом от 29 декабря 1858 г., войско было организовано в соответствии с «Положением об АКВ», утвержденном 1 июня 1860 г. Согласно данному Положению, «главное управление» войском, как по военным, так и по гражданским вопросам находилось в компетенции генерал-губернатора Восточной Сибири. Непосредственными военными и гражданскими начальниками частей АКВ, расположенных на вверенных им территориях, были губернаторы Амурской и Приморской областей, наделенные правами и обязанностями наказных атаманов⁵³. В 1879 г. в военном и хозяйственном отношениях все войско было подчинено губернатору Амурской области, который стал единственным носителем звания наказного атамана. Однако казачьи общины войска, находившиеся вне пределов Амурской области, в гражданских вопросах продолжали пребывать под властью приморского губернатора. Функции военного и хозяйственного руководства реализовывались наказным атаманом через созданное тогда же Войсковое правление АКВ, располагавшееся в г. Благовещенске. В общем же административном отношении казачье население было передано в ведение гражданских управлений Амурской и Приморской областей⁵⁴. С 1884 г. верховное руководство АКВ и входившими в его состав уссурийцами перешло в руки генерал-губернатора Приамурского края. Как командующий войсками Приамурского военного округа, генерал-губернатор принял на себя звание войскового наказного атамана Приамурских казачьих войск⁵⁵.

Развитие административного управления уссурийским казачеством в период с конца 50-х по конец 80-х гг. определялось двумя главными, близкими, но самостоятельными тенденциями. Одна из них была связана с социологиче-

ской закономерностью функционирования всякой длительно существующей организации, которая рано или поздно сталкивается с необходимостью дифференциации и специализации своей деятельности и внутренней структуры. Другая – была обусловлена конкретными историческими обстоятельствами и заключалась в постепенной либерализации самодержавного режима, раньше всего затронувшей органы местного и регионального управления. Проявлением первой из этих тенденций был продолжавшийся на протяжении всего рассматриваемого периода процесс деления универсальной военной войсковой власти, усложнения и более тщательной регламентации ее обязанностей; воплощением второй – частичное организационное разграничение функций военного и гражданского управления казаками и предоставление поселковым и станичным общинам прав самоуправления. Конечно, наряду с упомянутыми тенденциями действовали и другие, обусловленные «охранительными» убеждениями центральной и региональной военно-бюрократической элиты, а также объективными потребностями в централизации управления казачеством как военной силой. Однако функционально-структурная дифференциация казачьей администрации и ее либеральное реформирование имеют для нас особый интерес, поскольку они создавали необходимые институциональные условия для реализации и развития общественно-политической активности уссурийских казаков.

Другой предпосылкой формирования у уссурийского казачества качеств осознающего специфику своего социального положения и интересов политического субъекта стали обнаружившие себя на Дальнем Востоке впервые в конце 70-х гг. XIX в. межсословные противоречия казачьего и крестьянского населения по вопросу о земельном размежевании⁵⁶. Спорадические поначалу земельные споры казачьих и крестьянских общин выросли позднее в сложную управленческую и политическую проблему регионального и даже государственного масштаба, сыгравшую огромную роль в судьбе уссурийского казачества.

Наконец, в самом конце первого периода истории региональной среды местного казачества царское правительство приняло решение, которое карди-

нально изменило его социальный, а, в итоге, и политический статус – в 1889 г. на базе Уссурийского пешего полубатальона АКВ было образовано Уссурийское казачье войско (УКВ). Создание УКВ, несмотря на сугубо прагматические административные мотивы, объективно явилось новым шагом по пути расширения возможностей бюрократического представительства интересов казачества.

С начала 90-х гг. XIX в. Дальний Восток, а точнее его южная часть, практически одновременно с наиболее освоенными районами Сибири, вступает в новый период своего исторического развития. Особенности этого периода стали завершение в основном первичной демографической и хозяйственной колонизации южнодальневосточных земель, значительное укрепление всех видов связей края с центром страны, интенсивный рост и распространение на Дальнем Востоке капиталистических отношений, быстрое сокращение его колоссального прежде отставания от Европейской России в уровне социально-экономического развития. При этом, хотя важнейшими критериями для выделения указанного периода являются состояние экономики и социальной жизни края, как наиболее динамично меняющихся в этот период сфер, его хронологические рамки имеют значимость и с точки зрения специфики протекания процессов в иных (природном, внешнесоциетальном и политическом) компонентах среды уссурийской казачьей общности.

В период с начала 90-х гг. XIX в. и до событий 1917 г. зримо изменили свой облик естественные ландшафты колонизируемых территорий Дальнего Востока. Особенно наглядно, это проявляло себя в районах наиболее раннего и интенсивного освоения, к которым принадлежала и территория расселения уссурийских казаков. Прежде всего, под влиянием как целенаправленной борьбы местных жителей с неблагоприятными природными факторами (порубки и палы), так и их стихийной активности (случайные пожары) резко сократилась площадь лесов, что существенно уменьшило общую влажность климата. Это привело к осушению многих болот и заливных лугов, чему также способство-

вало проведение дренажных работ. Кроме того, результатом сведения лесов стало сокращение близ населенных пунктов численности грызунов и птиц, крупных хищников, змей и таежного гнуса⁵⁷. Прекращение или ослабление воздействия многих негативных факторов окружающей среды значительно улучшило условия жизни и хозяйственной деятельности казаков. Труд, затрачиваемый ранее на борьбу с дикой природой, отныне мог быть направлен на развитие и расширение земледельческого и скотоводческого производства, промыслов, других отраслей хозяйства. Создание обширных окультуренных ландшафтов объективно снижало потребность в организации коллективных работ и общинной взаимопомощи. В то же время, оно способствовало более широкой и регулярной коммуникации казачьих общин между собой и с внешним миром.

С другой стороны, уже в войсковой период истории уссурийского казачества, казачье природопользование столкнулось с серьезными эколого-хозяйственными проблемами, во многом им же и порожденными. Так, активная и нерациональная промысловая деятельность казаков и крестьян уже к началу XX в. привела к появлению первых признаков оскудения ряда наиболее широко эксплуатируемых природных ресурсов, в первую очередь рыбы, зверя и (на Приханкайской равнине) деловой древесины⁵⁸. Не меньшее, а быть может и большее, значение для уссурийского казачества имело состояние другого естественного ресурса, основы всего сельскохозяйственного производства – земли. Несмотря на то, что с 1894 г. УКВ являлось владельцем обширнейшей территории (свыше 9 млн. дес.), уже в начале XX в. уссурийцы испытывали определенный дефицит сельхозугодий. Не касаясь сейчас социальных и политических аспектов этого сложного вопроса, заметим, что в немалой мере он был обязан своим происхождением природным характеристикам войсковых земель и низкому уровню казачьего земледелия. Они явились причинами того, что значительная часть (по разным оценкам, от 25 до 75%) территории, отведенной УКВ генерал-губернатором Приамурья Духовским была зачислена в категорию «неудобных» земель и фактически выключена из сельскохозяйственного оборота⁵⁹.

В конце XIX – начале XX столетий происходит быстрое усложнение и активизация внешнесоциетальной среды дальневосточной региональной подсистемы российского общества. В этот период в системе внешних связей Дальнего Востока стремительно растет значение таких «молодых» империалистических держав как Япония и США, тогда как вес и активность «старых» колониальных империй, – Англии и Франции, – относительно уменьшаются. С начала XX в. свои экономические позиции в дальневосточном регионе начинает укреплять Германия. Однако наиболее тесные, постоянные, массовые и разнообразные контакты в эти годы дальневосточные области страны по-прежнему поддерживали со своими традиционными партнерами – Китаем и Кореей.

Важным фактором развития российско-китайских отношений явилась развернувшаяся в широких масштабах с конца 70-х гг. XIX в. колонизация северо-восточных провинций Цинской империи и сопровождавший ее бурный подъем местного сельскохозяйственного производства⁶⁰. В условиях недостаточной обеспеченности российского Дальнего Востока сельхозпродукцией и режима беспошлинной приграничной торговли, эти перемены вызвали многократное расширение экономического обмена, а вместе с ним и социальных контактов между странами. В то же время, начавшийся на Дальнем Востоке особенно с 90-х гг. XIX в. промышленный подъем и капиталистическая интенсификация сельского хозяйства создали большой спрос на дешевую рабочую силу, что стимулировало массовую миграцию в край работников из Китая⁶¹.

В отличие от Китая, слабо развитая Корея в данный период не представляла для российского Дальнего Востока большого экономического интереса. Вместе с тем, из этой страны в дальневосточные области продолжал идти широкий, нарастающий миграционный поток⁶². Корейские иммигранты стремились, как правило, к прочному оседанию на российских землях. Временных отходников среди них было немного⁶³. Основную категорию корейских переселенцев составляли земледельцы, которые вели хозяйство как на своей, так и на

арендованной у соседнего восточнославянского населения земле. Часть корейцев нанималась в батраки к местной сельской буржуазии.

Уссурийское казачество и ранее являлось одной из наиболее активных с точки зрения внешнесоциетальных контактов групп дальневосточного населения. Под влиянием описанных нами новых факторов среды внешнесоциетальные связи казаков стали еще более многочисленными и разнообразными. Время своего расцвета переживает приграничная торговля с Китаем, обеспечивавшая значительную часть потребностей казаков в товарах повседневного спроса. В качестве наемной силы (перевозчиков, охранников), а иногда и как предприниматели, казаки участвовали и в торговых операциях более крупного масштаба. По коммерческим делам многие из них совершали поездки во внутренние районы Манчжурии, оседая порой на длительное время в китайских городах, особенно Харбине. Кроме того, китайская территория служила для казаков привычным местом развлечений и отдыха, – они являлись обычными посетителями расположенных по ту сторону границы кабаков и борделей⁶⁴.

Особое значение для внешнесоциетальных отношений уссурийского казачества имела осуществлявшаяся им в огромном объеме контрабандная торговля. В начале 10-х гг. XX в. контрабанда (прежде всего, китайской водки) была практически поголовным занятием уссурийского казачьего населения⁶⁵. Она доставляла казакам значительный доход и, что немаловажно, порождала постоянную ситуацию конфликта между русской администрацией, с одной стороны, и казаками и их китайскими контрагентами, с другой.

Однако наиболее массовые, устойчивые и значимые внешнеэкономические отношения связывали уссурийцев с иммигрантским, как китайским, так и корейским населением. Располагая обширными земельными наделами и испытывая недостаток рабочих рук, казаки закономерно превращались в арендо- и работодателей для искавших пропитания и заработка корейцев и китайцев. С 90-х гг. XIX в. иностранный (т.н. «желтый») труд и аренда становятся одной из основ экономики уссурийского казачества.

Активные хозяйственные контакты и постоянное общение представителей соседних народов заложили основу для укрепления их социокультурных связей. Устойчивые дружеские контакты и взаимное гостеприимство, совместное проведение досуга и национальных праздников, боевое побратимство соединяли казаков с иноэтническим населением как на территории России, так и за ее пределами⁶⁶. Увеличивается число смешанных китайско- и корейско-казачьих семей, что расширяет важнейший канал межэтнического генетического и культурного обмена. Более того, в конце XIX в. среди части корейцев, проживавших на территории УКВ, возникает стремление к вступлению в войсковое сословие⁶⁷. По некоторым данным, впоследствии среди уссурийских казаков действительно появляются представители корейского этноса⁶⁸.

Отношения казаков с китайцами и корейцами в рассматриваемый период имели в целом мирный, добрососедский характер. Некоторые осложнения в них вносила продолжавшаяся в приграничной полосе все эти годы деятельность хунхузов. Действия мелких групп китайских разбойников обычно не представляли серьезной опасности для местного населения. Однако, во время крупных международных конфликтов масштаб их деятельности, человеческий и материальный ущерб от нее, заметно возрастали.

В конце XIX – начале XX вв. уссурийским казакам довелось трижды участвовать в международных военно-политических конфликтах. Первые два из них напрямую затрагивали дальневосточные границы России и были связаны, хотя и в различной степени, с интересами ее непосредственных соседей – Китая и Кореи. В 1900 – 1901 гг. уссурийцы в составе 3-сотенного конного дивизиона были привлечены к подавлению т.н. «боксерского восстания», вспыхнувшего в результате подъема антиимпериалистического движения китайского народа и усиления российско-китайских противоречий на государственном уровне. В короткие сроки русские войска очистили от восставших зону КВЖД и прилегающие к ней районы Манчжурии. В 1904 – 1905 гг. в составе 6-сотенного Уссурийского конного полка, сражавшегося на маньчжурском театре боевых дей-

ствий, и Уссурийского конного отряда генерала Мищенко, действовавшего в Северной Корее, казаки приняли участие в войне с Японией. В ходе борьбы с японцами уссурийские казачьи подразделения проявили себя как одна из наиболее боеспособных частей русской армии⁶⁹.

В 1914 – 1917 гг. Дальний Восток, как составная часть Российской империи, вместе со всей страной был втянут в первый военный конфликт планетарного масштаба, конфликт, главные события которого разворачивались в Европе, за тысячи километров от границ региона. За период боевых действий УКВ отправило на запад 6-сотенный конный полк (1914 г.) и 3-сотенный конный дивизион (1915 г.). В составе Уссурийской конной дивизии эти части в разное время действовали на различных фронтах – Северном, Юго-Западном, Румынском. Кроме того, для несения пограничной службы и подготовки пополнения в крае было дополнительно сформировано 6 особых сотен. В общей сложности, в годы войны было мобилизовано свыше 2,5 тыс. представителей УКВ⁷⁰.

Войны, в которых участвовало уссурийское казачество, оказывали на его жизнь разностороннее и противоречивое влияние. С одной стороны, они развивали военную функцию казачества, наращивали его боевой опыт, вели к закреплению в его культуре соответствующих представлений и ценностей. Исходя из сложной внешнеполитической ситуации вокруг юга Дальнего Востока, царское правительство долгое время проводило курс на расширение военных штатов УКВ и пополнение его переселенцами. С другой стороны, мобилизации наносили ощутимый урон материальному благосостоянию казаков, благоприятствовали развитию у уссурийцев экстенсивных форм хозяйствования, косвенно обостряли межсословные противоречия. Особую роль в судьбе местного казачества сыграла первая мировая война, способствовавшая усиленной политизации казачьего общества и его последующему расколу.

Последнее десятилетие XIX и дореволюционные годы XX вв. – время чрезвычайно быстрых и глубоких перемен, охвативших практически все структурные этажи российской социетальной системы. При этом наибольшей интен-

сивностью, как на общероссийском, так и на региональном уровне в этот период отличалось развитие экономических отношений, что, по нашему мнению, дает основание рассматривать их в качестве основной детерминанты трансформации системы в целом.

По-видимому, ведущим фактором стремительного подъема хозяйства Сибири и Дальнего Востока, явились качественные изменения, произошедшие в экономике Европейской России. К 90-м гг. XIX в. в центре страны завершился промышленный переворот, начались бурный рост фабрично-заводского производства, его концентрация и монополизация. Железнодорожное строительство объединило все европейские губернии в единый рынок, быстро поделенный между различными финансово-промышленными группировками. Ощущая потребность в расширении сбыта своих товаров и отчасти капиталов, капиталисты центра в определенной мере пересматривают свои задачи в Азиатской России. На смену поиску «легких прибылей», хищнической эксплуатации природных богатств постепенно приходит стремление к планомерному торговому освоению колонизируемых земель, а в некоторых случаях и к долговременному инвестированию местного производства⁷¹. Практически одновременно с этими процессами в Европейской России углубляется аграрный кризис. Одним из его последствий стало усиление крестьянского переселения в Сибирь и на Дальний Восток. Позднее под влиянием столыпинской реформы переселенческое движение крестьян за Урал приобрело еще больший размах.

В начале 90-х гг. XIX в. мощный толчок развитию Дальнего Востока дают очередной всплеск переселенческого движения (с 1892 г.) и начало строительства Уссурийской ветки Транссиба (с 1891 г.). Взаимосвязанные процессы колонизации и создания железнодорожных сообщений оставались мощными двигателями экономического прогресса в крае на протяжении всего рассматриваемого периода. Переселение и расширение железнодорожных коммуникаций способствовали развитию морских и речных сообщений, а также сети грунтовых дорог⁷².

Уже само строительство транспортной системы края стимулировало приток государственных и частных капиталовложений, квалифицированных кадров из центра страны. Функционирование же транспортной сети вызвало подъем производства почти во всех добывающих и обрабатывающих промышленных отраслях региона⁷³. В 90-е гг. XIX в. ускорился начавшийся в крае в 80-х промышленный переворот. К началу первой мировой в местной обрабатывающей промышленности он был в основном завершен. С конца XIX в. в дальневосточной экономике начинается характерный для развитого капитализма процесс концентрации и централизации капитала⁷⁴. Развитие добывающей капиталистической промышленности и транспорта с конца 80-х, и особенно с 90-х гг. XIX в. ведет к сокращению мелкотоварного и потребительского промысла⁷⁵.

Прилив крестьян-переселенцев ускорил развитие дальневосточного сельского хозяйства: быстро росли посевные площади, валовой сбор зерна, поголовье скота. Этот рост не был только экстенсивным. С 90-х гг. XIX в. в крае шла быстрая капитализация сельскохозяйственной экономики. Применение новых форм севооборота, современных орудий и машин, широкое использование наемной рабочей силы повысили производительность труда. Многие старожильческие хозяйства приобрели устойчивую товарную ориентацию. Тем не менее, в силу крайне высоких темпов механического прироста городского населения край не обеспечивал себя сельхозпродуктами⁷⁶.

Налаживание надежных и регулярных сухопутных и морских сообщений Дальнего Востока с центром России и странами зарубежья привело к полноценному включению региона в национальный и мировой рынок. Вместе со строительством транспортной инфраструктуры, подъемом местной промышленности и сельского хозяйства оно способствовало формированию единого регионального рынка, который в форме широкой ярмарочной торговли сложился уже в 90-е гг. XIX в. При этом, и в отношениях с центром России, и с другими странами Дальний Восток оставался потребляющим краем⁷⁷.

Проживавшее в одном из наиболее бурно заселяемых и осваиваемых районов Дальнего Востока уссурийское казачество достаточно сильно ощущало на себе происходившие в крае и вокруг него экономические процессы. В изучаемый период население долины Уссури и Приханкайской равнины значительно уплотняется, по войсковым землям протягивается Уссурийская ветка Транссиба, по Уссури начинается регулярное пароходное сообщение. Немалое значение для расширения как производящей, так и промысловой деятельности уссурийцев имел и произведенный генерал-губернатором Духовским в 1894 г. отвод УКВ земельных угодий площадью свыше 9 млн. дес. Воздействие экономической среды способствовало росту и капиталистической перестройке хозяйства казаков, его втягиванию в рыночные отношения. Однако данный процесс у казаков имел ряд особенностей, обусловленных их географическим положением, ресурсообеспеченностью, сословным статусом и культурой.

Прежде всего, обладание заключенными в пределах отвода Духовского обширнейшими земельными и промысловыми ресурсами и во многом монополия их эксплуатация создавали благоприятные условия для консервации экстенсивных и даже хищнических форм хозяйствования. Именно эта высокая обеспеченность естественными ресурсами, а не активная производительная деятельность как таковая являлась базой для важнейших форм вовлечения казаков в рыночные отношения – арендодательства и найма сельхозрабочих. В силу сказанного, а также под влиянием сословных ограничений и повинностей, определенного рода культурных ценностей, казаки в целом не стремились к широкому развитию товарного земледелия и скотоводства. Земледелие и скотоводство казаков находилось в основном на мелкотоварной стадии. Кроме того, уссурийцы активно практиковали мелкую торговлю продуктами промысла и огородничества, а также криминальные способы добывания «легких денег», в т.ч. контрабанду и продажу ими самими выращенного опиума. Близость границы, ее «прозрачность», этнокультурная толерантность казаков, а с другой стороны, межсословная конфронтация способствовали тому, что местное казачество

во было экономически связано с населением Манчжурии едва ли не теснее, чем с соседним крестьянством.

Расширение колониционного потока и быстрое капиталистическое развитие окраин привели к тому, что демографический, этнический и социальный состав населения Сибири и Дальнего Востока в конце XIX – начале XX вв. значительно приблизился к показателям, характерным для европейской части страны. Возросла плотность населения (прежде всего, на юге Дальнего Востока), сократился дисбаланс численности мужчин и женщин. Резко увеличилась доля горожан⁷⁸. Свыше 80% дальневосточников (1916 г.) принадлежали к восточнославянским этносам (в основном украинцам и русским)⁷⁹.

В соответствии с действовавшим законодательством, сохраняло свое значение сословное деление. Вместе с тем, рост товарно-денежных отношений и имущественная дифференциация, начиная с 80-х, и особенно с 90-х гг. 19 в. ведут к интенсивному реструктурированию населения Дальнего Востока на новой классовой основе. Разорение крестьянской бедноты (около 35% сельских жителей края на 1910 г.) сопровождалось быстрым ростом в крае контингента лиц наемного труда⁸⁰.

В конце XIX – начале XX вв. под действием активизации рыночных механизмов, роста населения края и его урбанизации, технического прогресса (прежде всего в сфере транспорта и связи) значительно трансформируется и уплотняется микросоциальная структура сибирско-дальневосточного региона. С укреплением института семьи в приросте населения Дальнего Востока постоянно увеличивается доля его естественных источников. В городах и даже в сельских районах возрастает удельный вес этно- и социально-смешанных браков⁸¹. Быстрыми темпами в регионе происходит разрушение сельской общины, связанное прежде всего с потерей ею прежнего хозяйственного значения. Огромный количественный рост, стадильную дифференциацию и специализацию переживает местная образовательная система. С 90-х гг. XIX в. в дальневосточных городах отмечается рост числа культурных и просветительских обществ.

Развивается книгоиздательство, на основе местной и привозной книгопродукции формируются фонды публичных библиотек, которые появляются и в деревне⁸². Рост общего тиража и распространенности в крае прессы включает в национальное и мировое информационное пространство не только городское, но и часть сельского населения Дальнего Востока.

Макро- и микросоциальная перестройка дальневосточного общества, интенсификация генетического и культурного обмена между различными его частями, развитие пронизывающих его информационных коммуникаций не могли не затронуть жизни уссурийского казачества. Однако казачья политика правительства и региональной администрации, правовые основания быта и деятельности казаков, их культурные традиции придавали процессу социальной адаптации и интеграции сословия своеобразный, сложный характер.

К 1917 г. казаки УКВ составляли только около 5,3% жителей Приморской области. В то же время, численность и плотность местного крестьянского населения резко возросли, не только в южных, но и в северных округах войска умножилась сословная чересполосица. С одной стороны, это способствовало активизации общения казаков и крестьян, с другой, - расширило, в буквальном, физическом смысле, пространство межсословной конфронтации. Сословную замкнутость казачества укрепляла особая прочность поддерживаемой прямым вмешательством государства казачьей общины. Общинная круговая порука в соединении с высокой земельной и иной ресурсной обеспеченностью и сословными запретами серьезно замедляли процесс классового размежевания казаков, их пролетаризацию. В сфере социализации наряду с общиной самобытность сословия поддерживалась автономной войсковой системой образования. Содержание книжных фондов и деятельность существовавших в УКВ школьных и народных библиотек были подчинены задачам религиозного просвещения и официальной пропаганды и крайне мало отражали процессы, происходившие в общественной жизни страны⁸³.

Вместе с тем, изолированность казачества была относительной. В соответствии с характером своей экономической деятельности (торговля, наем рабочей силы, арендодательство) уссурийцы в массе своей находились в постоянном социальном взаимодействии с населением близлежащих городов и городских поселений (Иман, Хабаровск, Никольск-Уссурийский, Владивосток), с корейской и китайской иммигрантскими общинами, а также с жителями Манчжурии. Сокращая брачные контакты с крестьянами⁸⁴, казаки восполняли сохраняющийся дефицит женщин за счет увеличения браков с горожанами (мещанами) и представителями иных этносов. Подобная направленность коммуникации уссурийцев оставила свой след в их быту, материальной и духовной культуре. Кроме того, широкая сфера общения, проживание вблизи важнейших транспортных артерий края, наряду с относительно высоким уровнем грамотности войсковых жителей, не могли не способствовать их лучшей (в сравнении с крестьянством) осведомленности о происходящем в стране и за ее пределами.

В конце XIX – начале XX вв. значительно усложняется и отчасти обновляется структура административно-политических отношений в дальневосточном регионе. Заметно большее влияние на политическую жизнь Дальнего Востока в этот период начинают оказывать внешесоциетальные (особенно внешнеполитические) процессы регионального и общероссийского порядка.

Уже в 90-е гг. XIX в. интересы царского правительства в Корее и Манчжурии и разрастание международных противоречий вокруг вопроса о доминировании в Восточной Азии привели к повышению внимания государства к внутреннему состоянию Приамурского края. Центральная власть предприняла активные действия по заселению, транспортному и экономическому освоению, укреплению обороноспособности восточной окраины, насыщению ее войсками. Необходимо отметить, что в фокусе внимания правительства в это время находились именно внешнеполитические цели и, в первую очередь, упрочение своих позиций в Северо-Восточном Китае, тогда как развитию Приамурского края придавалось скорее вспомогательное, инструментальное значение.

Свою деятельность на Дальнем Востоке расширяют в эти годы Военное и Морское министерства. Кроме того, с 90-х гг. XIX в. одна за другой формируются различные правительственные структуры, в ведение которых передается реализация ряда важнейших задач государственной переселенческой и хозяйственной политики в регионе. Они стали важным опосредующим звеном во взаимодействии правительства и региональной администрации, их функционирование увеличило возможности центра по контролю и оперативному вмешательству в действия краевых и областных органов управления.

В первые годы после русско-японской войны интерес к региону со стороны правительства ослабел, но затем вновь обострился, с еще большей силой и в новом качестве. Теперь, перестав быть средством империалистической экспансии, Дальний Восток во многом приобрел для правящих кругов страны самоудовлетворяющее значение. На повестку дня встала задача удержания этой ключевой для России в стратегическом отношении территории, как путем усиления ее оборонительного потенциала, так и ускоренного демографического и экономического развития и интеграции в структуру общероссийских связей. К новому курсу на Дальнем Востоке правительство подталкивало также усиленное столыпинской реформой разорение и вызванная им политическая активизация крестьянства европейских губерний. Эту проблему власти рассчитывали если не снять, то сгладить с помощью массового переселения на восток.

Отправной вехой для очередного этапа в отношениях Российской империи со своей далекой окраиной стал 1909 г. В этом году был образован Комитет по заселению Дальнего Востока во главе с председателем Совмина П.А. Столыпиным. Разработанная Комитетом и утвержденная в 1910 г. программа предусматривала в качестве основных направлений государственной политики в регионе поощрение переселенческого движения и строительство Амурской железной дороги⁸⁵. Положения программы продолжали реализовываться, хотя и в меньшем объеме, и в годы первой мировой войны. Перемены коснулись и административной структуры края. В 1909 г. обширная и трудноуправляемая

Приморская область была разделена на три областных административных единицы – Приморскую, Сахалинскую и Камчатскую⁸⁶.

Институциональная организация управления регионом в конце XIX – начале XX вв. принципиальных изменений не претерпела. Вместе с тем, интенсивная колонизация и экономический прогресс края, преодоление его оторванности от жизни европейской части страны, все же заставили правящий режим внести в эту сферу отдельные коррективы. Общая суть последних заключалась в продолжении функциональной дифференциации и либерализации местного управления, сближении его нормативной базы с общероссийским законодательством⁸⁷.

Под воздействием общего подъема общественно-политического движения в стране, правительственных реформ, частичной либерализации режима местного управления, но, прежде всего, в силу качественного изменения социально-экономического состояния региона, с конца XIX в. все более весомой составляющей политической жизни Дальнего Востока становится деятельность различных негосударственных, прямых и косвенных, субъектов политики. В населении края наибольшей общественной и политической активностью отличались новые, растущие классы наемных рабочих и буржуазии. В 90-е гг. продолжается наметившийся ранее рост рабочего забастовочного движения, повышается его организованность. Впрочем, требования рабочих носят еще в основном экономический характер⁸⁸. В начале XX в. институализированные формы приобретает давление на администрацию со стороны дальневосточной буржуазии. В 1901 г. во Владивостоке, а затем и в других городах края возникают биржевые комитеты, которые берут на себя функции представительства интересов предпринимателей⁸⁹. Относительно низкой оставалась в целом активность дальневосточного крестьянства. Некоторый рост внутри- и межсословной социальной борьбы и конфликтов с администрацией происходит в деревне в первые годы XX в., в связи с началом «новосельческой» волны колонизации.

Огромное значение для развития общественно-политического движения в крае имели революционные потрясения 1905 – 1907 гг. Революционный процесс на Дальнем Востоке получил большой размах и весьма ожесточенные, в т.ч. вооруженные, формы, в него были втянуты в различной степени практически все слои местного населения. Демократические завоевания первой революции послужили оживлению общественно-политической жизни региона. В межреволюционный период политическое участие различных слоев населения края приобретает более массовый, организованный и разнообразный характер. На Дальнем Востоке появляются организации многих левых и центристских, буржуазно-либеральных партий. В некоторых отраслях промышленности в годы революции возникают профсоюзы, перешедшие в дальнейшем на нелегальное положение. В более комфортных условиях происходила артикуляция интересов дальневосточной буржуазии, представители которой имели возможность собираться на областных и краевых съездах. Широкое распространение в 1908 – 1914 гг. получили крестьянские выступления бедноты и новоселов, в борьбе за землю порою оказывавших прямое противодействие властям⁹⁰.

В конце XIX – начале XX вв. значительно обновляется и расширяется совокупность политико-административных отношений, в которые было вовлечено уссурийское казачество. Это было вызвано как общей трансформацией региональной и общероссийской среды казачества, так и целенаправленным воздействием на него органов центральной и региональной власти. Важнейшим по своим последствиям результатом такого воздействия явились административная реорганизация уссурийского казачества, придавшая ему статус самостоятельного войскового образования.

Главой войска (с 1890 г.) являлся военный губернатор Приморской области, носивший звание наказного атамана УКВ. Наказной атаман соединял в своей особе общеадминистративную и хозяйственную власть над войсковыми жителями на правах начальника губернии, военную и военно-судебную власть - на правах начальника дивизии⁹¹. С момента создания УКВ земли, отведенные

уссурийским казакам, получили статус особой административно-территориальной единицы в составе Приморской области – округа Уссурийского казачьего войска. Заведование этой территорией с 1889 г. было соединено с должностью командира Уссурийского пешего полубатальона (позднее, конного дивизиона), а с 1898 г. перешло к Войсковому правлению⁹².

Основное содержание административной политики в отношении уссурийского казачества в конце XIX – начале XX вв. по-прежнему определялось взаимодействием факторов общегосударственного и регионального порядка. При этом, особенностью данного периода явилось то, что наряду с внешнесоциетальными условиями не менее важной детерминантой казачьей политики правительства и местной администрации в это время стала внутренняя ситуация в стране. Продолжился процесс дифференциации структур управления уссурийским казачеством, что проявилось как в самом создании нового казачьего войска, так и в постепенном усложнении его внутренней военной и гражданской (окружной) организации. Вместе с тем, приостанавливается и даже обращается вспять деятельность по разделению универсальной, по сути абсолютной, власти войсковых институтов. В отсутствие в крае полноценной общегражданской администрации казачество практически всецело находилось в распоряжении военного ведомства.

В качестве совершенно особого этапа в состоянии среды уссурийской казачьей общности следует, на наш взгляд, выделять период 1917 – 1922 гг. Это обусловлено не только «внешним», функциональным значением данного периода в истории российского общества, его переломной ролью в эволюционном развитии последнего, но и спецификой его внутренней организации, а точнее организации самой социетальной системы России в годы революции и гражданской войны. Динамика развития российского общества, и его дальневосточного компонента в частности, в 1917 – 1922 гг. была столь интенсивна, что это практически исключает возможность его обобщенного структурного описания. Это, конечно, не означает того, что такое описание должно быть заменено мало

что объясняющими определениями типа «хаос», «смута» или «анархия». Революционные годы были временем коренной ломки, но не уничтожения структур, в течение этого краткого периода распад старых экономических, социальных и политических связей непрерывно и закономерно переходил в поиск и создание новых, которые в свою очередь очень быстро «приходили в негодность» и уступали место комплексам отношений, более адекватным «требованиям момента». Образно говоря, пространственные и временные рамки относительно стабильных состояний общественных отношений в России 1917 – 1922 гг. значительно сжались под мощным напором событийных разрывов и скачков. Этому же способствовало и повышение роли «человеческого фактора» - сознательного, творческого (прежде всего, политического) воздействия на исторический процесс отдельных личностей и групп, что вообще составляет характернейшую черту всех революционных переворотов. Исходя из сказанного, нам представляется необходимым перенести рассмотрение всех внешних, функциональных, также как и внутренних, структурных, отношений уссурийского казачества периода 1917 – 1922 гг. в третью главу настоящей работы, которая будет посвящена ситуационному анализу политической жизни казачьей общности.

Период с окончания гражданской войны и до начала 30-х гг. был временем реинтеграции Дальнего Востока в обновленную политико-правовую структуру вмещающего общества, восстановления экономики края, его транспортных, хозяйственных и демографических связей с центром страны. Он был связан с началом социалистических преобразований. Однако, как и в стране в целом, на Дальнем Востоке созданный революцией политический режим в эти годы еще не поставил остальные, неполитические сферы жизни общества под свой прямой и полный контроль. Это произошло позднее, в результате «революции сверху» рубежа 20-х – 30-х гг., которая открыла новый, тоталитарный этап истории России и ее дальневосточного региона.

По сравнению с предыдущим периодом, в 20-е гг. сила воздействия естественной среды на жителей юга Дальнего Востока, и местное казачество в т.ч.,

заметно ослабевает. Хозяйственная деятельность осуществлялась в эти годы в основном в пределах уже окультуренных ранее ландшафтов. Борьба с дикой природой отошла в жизни дальневосточного крестьянина и казака на второй план. Нейтрализовав негативное влияние непосредственных микрофакторов окружающей среды, переселенцы приспособили свое хозяйство и быт к ее основополагающим, рельефным, почвенным и климатическим характеристикам.

Вместе с тем, в 20-е гг. XX в. возрастает значение ряда новых экологических факторов – факторов антропогенного происхождения. Наиболее ярко этот процесс был выражен на Приханкайской равнине, где проживали казаки бывших южных округов УКВ. Многолетняя и все более интенсивная перестройка ландшафта равнины для нужд земледелия и скотоводства резко изменила ее первоначальный облик. Широкомасштабное сведение лесов, распашка земель и расширение пастбищ, сенокосение усилили наметившуюся еще в конце XIX в. тенденцию к осушению местного климата. С начала 20-х гг. в Приханкайском районе наблюдалось совсем не типичное ранее для этой местности сухое лето⁹³. Изменение экологических условий, благоприятное для сельскохозяйственного производства, прямо противоположным образом сказывалось на развитии присваивающих отраслей – лесные, рыбные и охотничьи ресурсы района были истощены. Существенно изменяются к 20-м гг. и природные условия долины среднего и нижнего течения Уссури, что во многом было связано с размещением здесь в 1906 – 1914 гг. значительного количества крестьян-новоселов. Этот, прежде крайне слабо колонизированный в сельскохозяйственном отношении, район в данный период приближается по показателям экстенсивного освоения к южной части территории казачьего расселения.

В 20-е гг. XX в. внешнесоциетальное положение советского Дальнего Востока характеризовалось постоянной и растущей напряженностью в военных и внешнеполитических отношениях региона, с одной стороны, и обрывом многих внешнеэкономических и внешнесоциальных контактов с его ближайшими и отдаленными партнерами, углублением тенденций внешней изоляции края, - с

другой. В 20-е гг. в АТР продолжает возрастать влияние Японии и США, которые практически полностью перехватывают инициативу у своих основных европейских конкурентов – Англии и Франции. При этом наибольшей внешней активностью в рассматриваемый период отличалась Япония, со второй половины 20-х гг. твердо берущая курс на достижение безраздельного политического господства в странах бассейна Тихого океана.

Предметом особого интереса Японии и в значительной мере других мировых держав остается стратегически важная территория Северо-Восточного Китая. В то же время, большую значимость налаживанию экономических отношений с Манчжурией придавала Советская Россия, ограниченная в силу политических причин в возможностях вести торговый обмен со многими из своих прежних партнеров, как на западе, так и на востоке. В 1924 г. советское правительство заключило с Пекином соглашение, которое установило дипломатические связи между двумя странами и урегулировало основные вопросы двусторонних отношений, в т.ч. в сфере коммерции⁹⁴.

Во второй половине 20-х гг. советско-китайские отношения ухудшаются. Ряд вооруженных инцидентов с участием белогвардейцев и китайских войск на границе и в зоне КВЖД и, наконец, крупный военный конфликт между Китаем и СССР в 1929 г. способствовали спаду в двусторонней торговле и разрыву контактов на политическом уровне⁹⁵. Японская оккупация Манчжурии в 1931 г. привела к фактическому закрытию границы и сворачиванию всех форм не только официальных, но и, в значительной мере, негосударственных связей между советским Дальним Востоком и соседними китайскими провинциями.

Важную роль в жизни Дальнего Востока в 20-е гг. продолжали играть общины корейских и китайских иммигрантов. Новый широкий наплыв выходцев из-за границы, главным образом из Кореи, начался в период революции и гражданской войны. Механический рост корейского населения продолжался и в дальнейшем, и к 1929 г. оно составляло уже около 150 тыс. человек⁹⁶. Интенсивность китайской иммиграции и доля китайцев среди проживавших в регионе

иностранцев несколько снизилась⁹⁷. В отличие от корейской, китайская иммиграция сохраняла в основном временный характер.

Развитие советско-китайских отношений на маньчжурском направлении и иммиграционная обстановка в регионе имели прямое влияние на все основные сферы жизни уссурийского казачества. Под воздействием событий 1917 – 1922 гг. зависимость уссурийцев от состояния внешнесоциетальной среды значительно возросла. В эти годы особенно крупных размеров достигла приграничная русско-китайская торговля, в первую очередь контрабандная. Приток переселенцев из-за рубежа привел к расширению использования в хозяйстве казаков иностранного труда и аренды. Кроме того, по окончании гражданской войны в Манчжурии образовалась огромная колония российских эмигрантов, среди которых были и уссурийцы. Это не могло не привести к еще большему оживлению связей оставшихся на советской территории казаков с Китаем.

Однако новая власть не долго мирилась с таким положением вещей. Упрочение ее положения во внутренних районах региона, национализация внешней и частично внутренней торговли, а также урегулирование в 1924 г. советско-китайских отношений и восстановление пограничного и таможенного контроля ограничили возможности беспошлинного и контрабандного торгового обмена приграничного населения с Китаем. Но наибольшие затруднения в контактах с зарубежьем уссурийские казаки стали испытывать с конца 20-х – начала 30-х гг., когда в условиях советско-китайского, а затем советско-японского противостояния на маньчжурской границе с обеих сторон был ужесточен охранный режим, началась концентрация войск и создание укрепрайонов⁹⁸.

Важные изменения произошли в 20-е гг. и в отношениях уссурийских казаков с иммигрантами. По мере увеличения численности пришлого корейского населения соседство с ним все чаще стало доставлять казачеству не только выгоды, но и серьезные проблемы. Они были связаны, прежде всего, с участвовавшими самовольными захватами безземельными корейцами казачьих наделов⁹⁹. Самым драматичным в этой ситуации для уссурийцев было то, что, пре-

пятствуя самоуправству иммигрантов, советские органы принципиально поддерживали идею масштабного перераспределения казачьих земель. Наряду с переделом земли сложившиеся отношения казаков с иммигрантским населением нарушала все более широко развертываемая властью борьба с «нетрудовой» арендой и наймом сельхозрабочих.

Изменения в характер корейско-казачьих отношений вносили и новые социально-политические реалии. Получившие полноценные гражданские права, возможности для развития своей культуры и образования, корейцы стали более высоко оценивать свой социальный статус и национальную принадлежность. Вместе с тем, ощущавшие недоверие и различные ограничения со стороны советской власти многие казаки болезненно относились к благодеяниям, которые эта власть оказывала их вчерашним арендаторам и батракам. Таким образом, по целому ряду причин в 20-е гг. взаимоотношения корейского и казачьего населения переживали определенный кризис. На недоброжелательное отношение уссурийцев к корейским переселенцам в это время указывают и наблюдения современников¹⁰⁰.

Экономическая жизнь Дальнего Востока СССР в 20-е гг. определялась двумя важнейшими процессами – восстановлением разрушенной войной структуры хозяйственных отношений и началом их переустройства на социалистических началах. Общий демографический и материальный урон, понесенный Сибирью и Дальним Востоком в ходе мировой и гражданской войн, был не столь велик как в европейской части страны. И все же для достижения собственных предвоенных показателей экономического развития краю понадобилось несколько лет. В 1926 г. общий объем сельскохозяйственного производства был почти полностью восстановлен, а товарность этой отрасли по сравнению с уровнем 1913 г. возросла на 14%¹⁰¹. Еще быстрее восстановительный этап был завершён в промышленности и торговле. Лидером промышленного развития региона остаются добывающие отрасли (лесозаготовка, рыболовство и добыча угля). В 20-е гг. Дальний Восток наряду с другими территориями азиатской

части СССР продолжал играть роль промышленно отсталой и зависящей от ввоза товаров извне окраины, поставщика необработанного сырья¹⁰².

Задолго до завершения реконструкции дальневосточной экономики ее структура начала приводиться в соответствие идеологическим максимам нового большевистского руководства страны. Тем не менее, до конца 20-х гг. коренного перелома в пользу государственного и коллективного уклада в хозяйстве Дальнего Востока так и не произошло. Без учета сельского хозяйства в дальневосточной экономике периода НЭПа частный сектор охватывал почти 58% предприятий¹⁰³. В сельском хозяйстве преобладало общинное землепользование. К 1929 г. в колхозах Дальнего Востока находилось не более 9% сельскохозяйственных земель¹⁰⁴. Ситуация изменилась лишь после начала коллективизации (с 1929 г.) и окончательного свертывания НЭПа в торгово-промышленной сфере (с 1931 г.).

К окончанию гражданской войны экономическое положение уссурийского казачества в сравнении с приморским крестьянством было более благоприятным. Вовлеченные в активную приграничную торговлю, в массовые отношения аренды и найма с пришлым корейским и китайским населением казаки не столь остро ощущали на себе последствия нарушения региональных, национальных и международных рыночных связей. Во второй половине 20-х гг. происходит быстрое восстановление и расширение регионального рынка Дальнего Востока. Однако для уссурийского казачества условия хозяйствования изменяются в целом в неблагоприятном направлении, что явилось следствием общей экономической политики государства. Как мы уже отмечали, ослабевают экономические отношения казаков с зарубежным и иммигрантским китайским и корейским населением. Новое землеустройство и государственная поддержка уменьшают число потенциальных казачьих арендаторов и батраков среди новосельского крестьянства. Арендо- и работодателство, воспринимаемые как показатели принадлежности к кулачеству, становятся основанием для пресле-

дований со стороны властей, что также не могло не сказаться на активности казачков в этих сферах.

Последствия мировой и гражданской войн, упадок и последующее восстановление хозяйства страны, сохранение в условиях НЭПа большей части сложившихся до 1917 г. капиталистических и традиционных форм экономических отношений обусловили замедление темпов демографического и социального развития российского (советского) общества 20-х гг., неизменность в своих основных параметрах его состава и структуры. Указанные общие тенденции с некоторыми особенностями проявились и в социально-демографическом состоянии сибирско-дальневосточного региона, менее затронутого военной разрухой и экономическими преобразованиями большевиков.

В результате резкого сокращения переселения из европейской части страны, в 20-е гг. существенно снизилась скорость прироста населения Дальнего Востока. В 1926 г. оно составляло лишь 1291 тыс. чел. (против 960 тыс. в 1917 г.), причем значительную часть прироста обеспечила корейская иммиграция. Начиная с 1926 г. отмечается некоторое усиление переселенческого движения из центральных областей СССР¹⁰⁵. Примерно на дореволюционном уровне остается показатель урбанизации края (27,3% горожан на 1926 г.). Продолжает уменьшаться, хотя так и не исчезает, диспропорция между женским и мужским населением – в 1926 г. на 100 женщин приходилось 110 мужчин¹⁰⁶.

Новое, советское законодательство уничтожило сословное деление общества. Что же касается классовой дифференциации, то революция модифицировала, но не прекратила этот процесс. В годы НЭПа собственность на средства производства была разделена между государством (чиновничеством) и надежно контролируемой им прослойкой частных предпринимателей. Функционирование государственных и негосударственных промышленных и торговых предприятий обслуживалось растущим классом наемных работников. Вместе с тем, последствия экономического обвала времен гражданской войны обусловили уменьшение абсолютной численности рабочего класса. Вплоть до начала пер-

вой пятилетки количество лиц наемного труда, занятых в хозяйстве Дальнего Востока и Забайкалья, так и не достигло показателей 1914 г.¹⁰⁷. Под действием экономических факторов и политики партии процесс имущественного и классового расслоения замедляется и в деревне. Как и по всей стране, на Дальнем Востоке в 20-е гг. происходит т.н. «осереднячивание» крестьянства, уменьшение удельного веса его полярных групп¹⁰⁸.

В силу различных, но в первую очередь правовых и политических, причин более заметно изменяется микросоциальная структура общества. Ликвидация социальных перегородок расширяет ареалы брачных контактов разных общественных групп. Продолжает свое существование на Дальнем Востоке сельская община. Лишенная административных полномочий, которые перешли к местным советам, она сохранила, все же, значение регулятора хозяйственной и социальной жизни крестьян. Вместе с тем, часть экономических функций общины в 20-е гг. были закреплены за кооперативами, а ряд социальных – за крестками¹⁰⁹. Самым же опасным конкурентом общины стала наиболее универсальная форма кооперирования – колхозы.

Характерным явлением для советского общества 20-х гг. было бурное развитие формальных и специализированных институтов социальной коммуникации, так или иначе связанных с государством. Система учреждений образования и воспитания приобрела в эти годы унифицированный и централизованный облик, расширение программы и продолжительности обучения сопровождалось усилением надзора со стороны партийных и советских органов¹¹⁰. Невиданные ранее масштабы получило распространение опекаемых властью общественных организаций. Во второй половине 20-х гг. завершается формирование на краевом и областном уровнях государственной системы печати¹¹¹. Приметой времени становится широкое проникновение современных, городских форм социальной коммуникации в дальневосточную деревню¹¹². Необходимо отметить, что основным компонентом всей массовой культурной и просветитель-

ской работы, проводившейся с населением государством или под контролем государства, являлось политическое воспитание и пропаганда.

Принадлежавшее до 1917 г. к одному из самых замкнутых сословий российского общества, уссурийское казачество, несомненно, сильнее иных групп населения региона ощутило на себе воздействие социальных преобразований новой власти. Уничтожение сословных обязанностей и запретов, ликвидация войсковой организации создавали объективные условия, как для расширения социальных контактов казаков, так и для сглаживания накопившихся в прошлом в процессе этих контактов противоречий. Наметившийся в 20-е гг. переход многих уссурийцев к личному занятию сельскохозяйственным трудом, «окрестьянивание» хозяйства и быта казачества, также благоприятствовали интенсификации его отношений с крестьянским населением. С другой стороны, традиционно значимые для уссурийских казаков внешнесоциетальные связи в эти годы неуклонно ослабевали. В то же время существовал ряд средовых факторов, препятствовавших размыванию групповой идентичности и границ казачьей общности. К ним можно отнести замедление темпов экономического роста, ограничивавшее процессы расслоения и пролетаризации сельского населения, и в особенности относительно зажиточного казачества, а также спланированную казаков дискриминационную политику государства.

Среди всех компонентов общественной системы России наиболее глубоким и определенным образом революция трансформировала сферу политических отношений. Уже к началу 20-х гг. в стране были сформированы основные звенья той жестко централизованной структуры партийных и советских органов, которая в различных модификациях оставалась каркасом советского государства вплоть до его разрушения в начале 90-х гг. Опережающая иные сферы модернизация политической жизни России и исповедование новой правящей элитой идеологии еще более радикальных, всеобъемлющих преобразований вели к превращению политики в руководящую (а не только регулирующую) и монополюбно иницирующую, т.е., по сути, главную движущую силу общества.

И хотя в 20-е гг. политические решения еще не стали ведущими факторами экономического и социального развития страны, с ростом государственного аппарата и концентрацией власти в его все более однородном высшем эшелоне, воздействие этих решений на общество неуклонно возрастало.

Вхождение в ноябре 1922 г. ДВР в состав РСФСР положило начало приведению административно-политической структуры дальневосточного региона в соответствие с общими принципами организации советской политической системы. На территории бывшей ДВР, включавшей в себя земли Приамурского генерал-губернаторства (в границах до 1906 г.), а также Прибайкалье, в 1923 г. была образована Дальневосточная область (ДВО), в которую вошли 6 губерний – Амурская, Забайкальская, Камчатская, Прибайкальская, Приамурская и Приморская. Губернии делились на уезды и волости. Административная власть на всех уровнях первоначально была сосредоточена в руках ревкомов – чрезвычайных органов, создававшихся в годы гражданской войны для выполнения функций управления в прифронтовых и вновь освобожденных районах¹¹³. По мере укрепления позиций новой власти ревкомы на территории Дальнего Востока постепенно уступали место выборным советским органам. Процесс советизации затронул в первую очередь сельский, городской и волостной уровни управления. В дальнейшем на съездах делегатов местных советов были сформированы исполкомы уездного и губернского масштаба. Территориально советизация охватила раньше всего юг Дальнего Востока. Первый в ДВО Приморский губисполком был создан уже в марте 1923 г.¹¹⁴.

В январе 1926 г. административное устройство дальневосточных земель было изменено. Территория ДВО, за исключением Прибайкалья, вошла в состав нового административного образования – Дальневосточного края (ДВК), в границах которого было создано 9 округов (земли уссурийцев оказались разделенными между Владивостокским и Хабаровским округами), разбитых на районы. С некоторыми изменениями эта территориальная организация управления сохранялась до 1938 г.¹¹⁵. В 1926 г., уже в условиях нового административного

деления, процесс советизации Дальнего Востока был завершен. На I краевом съезде Советов был избран Далькрайисполком, который принял от Дальревкома функции высшего управления регионом. Как и свой предшественник, Далькрайисполком находился в прямом подчинении СНК и ЦИК СССР¹¹⁶.

Законодательные и исполнительные органы Советов с момента революционного переворота октября 1917 г. фактически никогда не являлись полноценной, суверенной властью в стране. Реальная высшая власть в советском государстве на протяжении практически всего периода его существования была сосредоточена в руках коммунистической партии. Структура органов партийной власти существовала параллельно с советской, оперативно контролируя последнюю и дублируя ее основные функции. На Дальнем Востоке сеть парторганизаций была создана в основном еще в годы гражданской войны и реорганизовывалась в дальнейшем в соответствии с осуществлявшимися в регионе административно-территориальными преобразованиями. До 1926 г. руководящим органом партии на Дальнем Востоке являлось Дальбюро ЦК ВКП(б), позднее – Далькрайком. В 1928 г. в дальневосточной парторганизации состояло менее 27 тыс. человек, однако в местной административной (советской), общественной (в первую очередь, профсоюзной) и хозяйственной элите коммунисты безусловно доминировали¹¹⁷. Путем рекомендаций к избранию (а по сути путем назначений) партийные органы регулярно вводили своих представителей, число которых постоянно росло, в состав Советов всех уровней. В 20-е гг. коммунисты так и не достигли численного перевеса среди депутатов низовых (от уезда (района) и ниже) советских организаций, особенно в деревне. Тем не менее, уже в этот период политический диктат партии в целом практически не знал ограничений. Важнейшие вопросы управления всеми сферами жизни края, намечаемые к рассмотрению в советских органах, предварительно обсуждались партийными инстанциями соответствующих уровней. Принятые решения, как правило, без особых трудностей и сбоев, воплощались делегатами и депутатами-коммунистами в постановлениях съездов и исполкомов советов. Такого рода

«согласованная работа» парткомов и советов дополнительно обеспечивалась периодическими чистками соваппарата по инициативе партии¹¹⁸.

Политическое развитие Дальнего Востока в 20-е гг. было противоречивым. С одной стороны, в регионе, как и в стране в целом, происходило не всегда последовательное, но, в общем, неуклонное ужесточение политического режима, усиление его тоталитарных черт. В том числе благодаря совершенствованию транспортных и информационных связей в эти годы были достигнуты большие, чем до 1917 г., централизованность и оперативность государственного управления окраинами. В политической жизни закрепились в эти годы такие явления как однопартийное правление, идеологическая монополия, систематическое применение методов террора и внесудебных репрессий, восприятие всех общественных сфер сквозь призму текущих политических задач. С другой стороны, нельзя не видеть достаточно ярко проявивших себя в этот период тенденций демократизации политических отношений, расширения участия масс в государственном управлении. Трагический для царского режима разрыв коммуникации власти и общества во многом был преодолен. В поставленных властью пределах, в санкционированных ею институциональных формах, население получило возможность прямо или через своих представителей формировать советские органы всех уровней, обращаться к ним с коллективными предложениями и запросами, осуществлять в большем, чем ранее, объеме функции самоуправления, создавать различные общественные организации. Конечно, масштабы активности масс и ее реальное политическое значение были не сопоставимы, – во многом эта искусственно стимулируемая активность играла роль эффективного средства направленной мобилизации и упреждающего контроля партии над обществом. Однако, как бы то ни было, вовлечение в политическую жизнь огромного числа граждан, до сих пор с ней практически не знакомых, не могло не оказать глубокого воздействия на массовое поведение и сознание.

Стимуляция политической активности общества со стороны советского государства касалась, прежде всего, «трудящихся слоев» – пролетариата и бед-

нейшего крестьянства. К участию в политике иных общественных групп власти относились достаточно осторожно. Часть же общества, получившая общее определение «неблагонадежных» граждан, законодательным порядком была лишена политических (избирательных) прав. В состав этой категории населения входили сельская и городская буржуазия, духовенство, бывшие служащие полиции, а в азиатской части страны также и бывшие участники белого движения. На практике же местные избирательные комиссии нередко применяли меру лишения прав ко всем лицам, замеченным во «враждебных действиях» по отношению к Советской власти¹¹⁹. Политически изолированные и, вместе с тем, подвергаемые постоянному административному и налоговому нажиму «лишенцы» прибегали к различным нелегальным формам защиты собственных интересов. Именно они играли роль ведущей силы антисоветской и антикоммунистической борьбы, с разной интенсивностью продолжавшейся в дальневосточной деревне на протяжении всех 20-х гг. К наиболее острым проявлениям этой борьбы можно отнести белобандитизм, терроризм и массовые крестьянские выступления (в т.ч. вооруженные) против налоговой политики государства, а затем против развернутой им насильственной коллективизации.

Уссурийское казачество являлось одной из тех групп населения Дальнего Востока, политические условия существования которых с установлением советского режима изменились наиболее кардинальным образом. Провозгласившая своей основной социальной опорой угнетенные ранее классы, новая власть одновременно резко понизила политико-правовой статус бывших привилегированных слоев, к которым относилось и казачество. Прежде всего, в 1922 г. было ликвидировано особое сословное положение уссурийского казачества, а также его войсковая организация. Государство более не нуждалось в казачьей службе как средстве своей внешней и внутренней политики. Прежняя функциональная, а с ней и институциональная связь казачьей общности с органами государственной власти прервалась. Казачество лишилось таких инструментов выражения своих корпоративных интересов на местном и центральном уровнях как

войсковая администрация, институт наказного атаманства, депутатское представительство в Думе. Тем самым, оно фактически перестало существовать как единый и самостоятельный организованный субъект политической жизни края и страны в целом. Вслед за этим, при посредстве созданной на территории УКВ сети советских органов, правящий режим приступил к проведению политики разрушения социальных основ независимой политической активности казачества.

Наряду с общими идеологическими установками и указаниями центрального руководства, к жесткости и настороженности в отношении казаков дальневосточные власти побуждали и факторы регионального значения. Во-первых, в отличие от других районов страны, где изъятие земельных излишков у казаков было приостановлено в начале 20-х гг., на Дальнем Востоке под давлением безземельного крестьянства советская администрация во второй половине 20-х гг. была вынуждена произвести значительное (почти на 40%) ограничение казачьего землепользования, что вызывало закономерное недовольство уссурийцев. Во-вторых, немалое беспокойство партийным и советским органам края доставляло соседство уссурийского казачества с Манчжурией – источником постоянной угрозы безопасности дальневосточных границ, местом концентрации оппозиционных советскому режиму сил. Указанные факторы, безусловно, накладывали свой отпечаток на оценку местной властью допустимости политических послаблений в отношениях с казачеством.

¹ Отечественная история: энциклопедия. М., 1996, Т.2. С.452.

² Казачий словарь-справочник. М., 1992. Т.1. С.204; Отечественная история, Т.2. С.74, 452.

³ История Европы. М., 1994. Т.4. С. 292.

⁴ Сергеев О.И. Казачество на русском Дальнем Востоке в XVII – XIX вв. М., 1983. С.36.

⁵ Казачьи войска / Под ред. В.К. Шенк. М., 1992. С. 216; Казачий словарь-справочник. Т. 1. С.40, 113; Т.2, С.96 – 100, 239.

⁶ Сергеев О.И. Указ. соч. С.36 – 37.

⁷ Агафонов А.И. Казачество Российской империи: некоторые теоретические и методологические проблемы изучения // Проблемы истории казачества XVI – XX вв. Ростов н/Д, 1995. С. 24

⁸ Отечественная история. Т.2. С. 454.

⁹ Отечественная история. Т.2. С.452; Сергеев О.И. Указ. соч. С. 42.

- ¹⁰ Отечественная история. Т.2. С.74.
- ¹¹ Маркедонов С.М. Донское казачество и Российская империя // *Общественные науки и современность*. 1998. №1. С. 106.
- ¹² Отечественная история. Т.2. С.453.
- ¹³ Азиатская Россия. СПб., 1914. Т.1. С. 363 – 364, 371.
- ¹⁴ История казачества Азиатской России. Екатеринбург, 1995. Т.2. С.36 – 37; Казачий словарь-справочник. Т.1. С.209 – 210; Отечественная история. Т.2. С.453.
- ¹⁵ История казачества Азиатской России. Т.2. С. 37 – 38.
- ¹⁶ История казачества Азиатской России. Т.2. С.38; Коваленко А.И. Культура дальневосточного казачества: история формирования, проблемы возрождения. Дис...канд. ист. наук. Владивосток, 1995. С.56 – 58.
- ¹⁷ История казачества Азиатской России. Т.2. С. 48; Коваленко А.И. Указ. соч. С.58.
- ¹⁸ Казачий словарь-справочник. Т.1. С.210 – 211.
- ¹⁹ Отечественная история. Т.2. С.453 – 454.
- ²⁰ Маркедонов С.М. Указ. соч. С.108.
- ²¹ История казачества Азиатской России. Т.3. С. 101, 103.
- ²² История казачества Азиатской России. Т.3. С.116; Чернопицкий П.Г. О судьбах казачества в советский период // *Проблемы истории казачества XVI – XX вв.* Ростов н/Д, 1995. С. 165.
- ²³ История казачества Азиатской России. Т.3. С. 104 – 107, 110 – 111.
- ²⁴ История казачества Азиатской России. Т.3. С.128; Чернопицкий П.Г. Указ. соч. С.165 – 166.
- ²⁵ Ивашинников Ю.К. Физическая география Дальнего Востока России. Владивосток, 1999. С.176 – 183, 188 – 192, 199 – 204.
- ²⁶ Алябьев А.А. Далекая Россия. Уссурийский край. СПб., 1872. С.102; Савицкий А.Ю. Краткий исторический очерк УКВ. Владивосток, 1996. С.13; Побережников И.В. Освоение восточных районов России в казачьем фольклоре // *Исторический опыт освоения восточных районов России*. Вып. 1. Владивосток, 1993. С. 108.
- ²⁷ Ивашинников Ю.К. Указ. соч. С.172 – 175, 193 – 196.
- ²⁸ История Дальнего Востока. М., 1991. Т.2. С.200 – 201; Сухачева Г.А. Азиатские этнические меньшинства // Доступно из URL: <http://www.fegi.ru/PRIMORYE/HISTORY/>
- ²⁹ В первые годы после переселения тяжелые условия жизни вынуждали многих уссурийцев идти в батраки к китайцам «из-за чашки буды в день». Позднее, в 70-е гг. XIX в., зависимость казаков от левого берега Усури определялась монопольным положением Китая как источника необходимых для них товаров повседневного спроса, в особенности соли и спирта. (РГИА ДВ. Ф.1. Оп.1. Д.594. Л.8.)
- ³⁰ Сухачева Г.А. Указ. соч.
- ³¹ Пржевальский Н.М. Путешествие в Уссурийском крае. Владивосток, 1990. С.118 – 119; УКВ: история и современность / Сост. В.Д. Иванов, О.И. Сергеев. Владивосток, 1999. С.12.
- ³² Пржевальский Н.М. Указ. соч. С. 116 – 117.
- ³³ РГИА ДВ. Ф.702. Оп.5. Д.241. Л.500; Унтербергер П.Ф. Приморская область. 1858 – 1898 гг. СПб., 1900. С.56 – 57.
- ³⁴ К моменту переписи 1897 г. на территории Дальнего Востока проживало немногим более 340 тыс. чел., при чем значительную часть (не менее трети) этого населения составляли родившиеся в крае и переселившиеся в него уже в 90-е гг. XIX в. (История Дальнего Востока. Т.2. С. 224)
- ³⁵ Галлямова Л.И., Ковальчук М.А. Транспортное освоение Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX вв. // *Хозяйственное освоение русского Дальнего Востока в эпоху капитализма*. Владивосток, 1989. С.110 – 113; История Дальнего Востока. Т.2. С.256 – 258.

- ³⁶ История Дальнего Востока. Т.2. С. 254; Мандрик А.Т. Формирование и развитие рыбной промышленности на Дальнем Востоке России (XVII – XIX вв.) // Хозяйственное освоение русского Дальнего Востока в эпоху капитализма. Владивосток, 1989. С.60.
- ³⁷ Галлямова Л.И. Промышленное освоение юга Дальнего Востока во второй половине XIX в. // Хозяйственное освоение русского Дальнего Востока в эпоху капитализма. Владивосток, 1989. С.24 – 25.
- ³⁸ История Дальнего Востока. Т.2. С.252 – 255.
- ³⁹ Галлямова Л.И. Указ соч. С.24 – 27.
- ⁴⁰ История Дальнего Востока. Т.2. С.262 – 264; Романова Г.Н. Значение русско-китайских торговых связей в хозяйственном освоении русского Дальнего Востока // Хозяйственное освоение Дальнего Востока в эпоху капитализма. Владивосток, 1989. С.135 – 137.
- ⁴¹ Иванов Р. Краткая история АКВ. Благовещенск, 1912. С.162 – 163; Материалы, относящиеся до земельного и экономического положения Амурского и Уссурийского казачьих войск. СПб., 1902. Вып.1. С.22.
- ⁴² Крестьянство Дальнего Востока СССР XIX – XX вв. Владивосток, 1991. С.60 – 61.
- ⁴³ На начало 60-х гг. из 49 тыс. жителей Амурской и Приморской областей к казачьему сословию принадлежало свыше одной трети, тогда как среди населения юга Дальнего Востока, по некоторым данным, казаков было более половины (около 57% на 1859 г.). С прекращением массового переселения казаков на берега Амура и Уссури, их доля в населении Дальнего Востока стала сокращаться, достигнув в 1897 г. 10, 3%. (История Дальнего Востока. Т.2. С.223; Сергеев О.И. Указ. соч. С.80)
- ⁴⁴ История Дальнего Востока. Т.2. С.270 – 271.
- ⁴⁵ История Дальнего Востока. Т.2. С.270; Крестьянство Дальнего Востока. С.61.
- ⁴⁶ История Дальнего Востока. Т.2. С.224.
- ⁴⁷ Аргудяева Ю.В. Крестьянская семья у восточных славян на юге Дальнего Востока России (50-е гг. XIX в. – начало XX в.) М., 1997. С.149.
- ⁴⁸ Дальний Восток России: из истории системы управления. Владивосток, 1999. С.17 – 18.
- ⁴⁹ Умрихин А.В. Политико-административное устройство Дальнего Востока России во второй половине XIX – начале XX вв. Дис...канд. ист. наук. Благовещенск, 1998. С. 48 – 52, 84 – 86.
- ⁵⁰ История Дальнего Востока. Т.2. С.227 – 228; Сергеев О.И. Указ. соч. С.61 – 62.
- ⁵¹ Крестьянство Дальнего Востока. С.72 – 73.
- ⁵² История Дальнего Востока. Т.2. С.284 – 285, 411; Позняк Т.З. Динамика численности городского населения Приморской области и изменение основных источников его пополнения во второй половине XIX в. // Четвертая дальневосточная конференция молодых историков. Доклады и тезисы. Владивосток, 1996. С.63 – 67.
- ⁵³ Сергеев О.И. Указ. соч. С. 59; Писаренко В.В. Губернаторское управление казачьими войсками и охраной границы на российском Дальнем Востоке // Государственная служба российского казачества. Владивосток, 1998. С.67 – 68.
- ⁵⁴ Сергеев О.И. Указ. соч. С.61; УКВ: история и современность. С.13 – 14.
- ⁵⁵ В понятие «Приамурские казачьи войска» с 1884 г. включались ЗКВ (до 1906 г.) и АКВ, с 1889 г. к ним присоединилось и УКВ.
- ⁵⁶ Крестьянство Дальнего Востока. С.72 – 73.
- ⁵⁷ Савицкий А.Ю. Указ. соч. С.14 – 15.
- ⁵⁸ Годовой отчет УКВ по гражданской части за 1911 г., Владивосток, 1912. С.46; Журналы местного совещания по вопросу об определении территории Амурского и Уссурийского казачьих войск, вместе с особыми мнениями представителей УКВ. Хабаровск, 1901. С.24 – 25; Егоров Н.Г. Рыбные промыслы дальневосточного крестьянства во второй половине XIX –

- начале XX вв. // Хозяйственное освоение русского Дальнего Востока в эпоху капитализма. Владивосток, 1989. С.105.
- ⁵⁹ Приамурье: Факты. Цифры. Наблюдения. М., 1909. С.89 – 90.
- ⁶⁰ История Северо-Восточного Китая. Владивосток, 1987. Кн.1. С.260 – 261, 265 – 266, 269.
- ⁶¹ Сухачева Г.А. Указ. соч.
- ⁶² Если в 1868 г. в Приморской области насчитывалось около 8 тыс. корейцев, то в 1898 – до 23 тыс., а в 1910 г. – свыше 51 тыс. (Торопов А.А. К вопросу о депортации корейского населения // Политические репрессии на Дальнем Востоке СССР в 1920 – 1950 – х гг. Владивосток, 1997. С.246)
- ⁶³ Сухачева Г.А. Указ. соч.
- ⁶⁴ Труды Амурской экспедиции. СПб., 1911. Т.9. С.276.
- ⁶⁵ Кротова М.В. Борьба с контрабандной торговлей в приграничных районах Дальнего Востока и полосе отчуждения КВЖД (1900 – 1917 гг.) // Дальний Восток в контексте мировой истории: от прошлого к будущему. Владивосток, 1997. С.119.
- ⁶⁶ Иванов В.Д. Взаимоотношения уссурийских казаков с приграничным населением сопредельных территорий (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Многонациональное Приморье: история и современность. Владивосток, 1999. С.81 – 82.
- ⁶⁷ Материалы... Вып.1. С.179.
- ⁶⁸ Кутузов М.А. Уссурийские казаки: национальный состав социальной группы // Многонациональное Приморье: история и современность. Владивосток, 1999. С.75.
- ⁶⁹ УКВ: история и современность. С.36 – 37; Приморский край: Краткий энциклопедический справочник. Владивосток, 1997. С.96.
- ⁷⁰ Савченко С.Н. Уссурийское казачье войско в годы гражданской войны на Дальнем Востоке. 1917 – 1922 гг. Дис... канд. ист. наук. Владивосток, 1998. С.46; УКВ: история и современность. С.38.
- ⁷¹ Троицкая Н.А. Участие буржуазии Европейской России в освоении Дальнего Востока в период домонополистического капитализма // Хозяйственное освоение русского Дальнего Востока в эпоху капитализма. Владивосток, 1989. С.131 – 133.
- ⁷² Галлямова Л.И., Ковальчук М.А. Указ. соч. С.113 – 115; История Дальнего Востока. Т.2. С.232 – 233, 260 – 261, 309.
- ⁷³ Галлямова Л.И., Ковальчук М.А. Указ. соч. С.115; История Дальнего Востока. Т.2. С.318
- ⁷⁴ История Дальнего Востока. Т.2. С.256, 315, 317.
- ⁷⁵ Галлямова Л.И. Указ. соч. С.29 – 30; Егоров Н.Г. Указ. соч. С.102, 106 – 107.
- ⁷⁶ История Дальнего Востока. Т.2. С.244 – 247, 324 – 325.
- ⁷⁷ Галлямова Л.И., Ковальчук М.А. Указ. соч. С.115; История Дальнего Востока. Т.2. С.264, 330 – 332.
- ⁷⁸ История Дальнего Востока. Т.2. С.226.
- ⁷⁹ Сидоркина З.И. Демографические процессы и демографическая политика на российском Дальнем Востоке. Владивосток, 1997. С.9.
- ⁸⁰ По некоторым данным, в 1913 – 1914 гг. общее число наемных рабочих на Дальнем Востоке и в Забайкалье достигало 246 тыс. человек. Однако кадровыми пролетариями, работавшими на постоянной основе, среди них являлись не более трети. (История Дальнего Востока. Т.2. С.354 – 358)
- ⁸¹ Аргудяева Ю.В. Указ. соч. С.154.
- ⁸² История Дальнего Востока. Т.2. С.400, 407 – 409.
- ⁸³ Коваленко А.И. Указ. соч. С.142 – 145, 149 – 150.
- ⁸⁴ Аргудяева Ю.В. Указ. соч. С.149.
- ⁸⁵ История Дальнего Востока. Т.2. С.309.

- ⁸⁶ Саначев И.Д. История Дальнего Востока. Владивосток, 1997. Ч. 1. С.90 – 91.
- ⁸⁷ В 90-е гг. XIX в. на дальневосточные территории были частично распространены законы о городском самоуправлении и независимом суде (земская реформа не была осуществлена здесь вплоть до 1917 г.). В середине 90-х гг. местная администрация была лишена права применения телесных наказаний. В 1911 г. произошло отделение поста генерал-губернатора Приамурского края от должности командующего войсками Приамурского военного округа.
- ⁸⁸ История Дальнего Востока. Т.2. С.285.
- ⁸⁹ Приморский край. С.82.
- ⁹⁰ Крестьянство Дальнего Востока. С.92 – 93.
- ⁹¹ Годовой отчет УКВ по гражданской части за 1908 г. Владивосток, 1909. С.1.
- ⁹² Приморский край. С.507.
- ⁹³ Шишкин И.К. Типы лугов Приханкайского района и их хозяйственная ценность // Производительные силы Дальнего Востока. Хабаровск – Владивосток, 1927. Вып. 3. С.138.
- ⁹⁴ История Северо-Восточного Китая. Владивосток, 1989. Кн.2. С.85 – 86.
- ⁹⁵ История Северо-Восточного Китая. Кн.2. с.95 – 101.
- ⁹⁶ Торопов А.А. Указ. соч. С.246 – 247, 249.
- ⁹⁷ Приморский край. С.521.
- ⁹⁸ Абеленцев В.Н. Вехи истории амурского казачества в первой половине XX в. // Первая общероссийская научно-практическая конференция «Казачество как фактор исторического развития России». СПб., 1999. С.36.
- ⁹⁹ Лыкова Е.А. Казачья деревня на Дальнем Востоке в 20-е гг. // Арсеньевские чтения (VI). Усурийск, 1992. С.99; Торопов А.А. Указ. соч. С.247.
- ¹⁰⁰ Георгиевский А.П. Русские на Дальнем Востоке // Труды ДВГУ. Сер. 3. Владивосток, 1929. № 9. Вып. 4. С.72.
- ¹⁰¹ Крестьянство Дальнего Востока. С.180 – 181.
- ¹⁰² Унпелев Г.А. Социалистическая индустриализация Дальнего Востока. Владивосток, 1972. С. 73 – 74.
- ¹⁰³ Чернолуцкая Е.Н. Приморский край в советский период // Доступно из URL: <http://www.fegi.ru/PRIMORYE/HISTORY>
- ¹⁰⁴ Крестьянство Дальнего Востока. С.190.
- ¹⁰⁵ Приморский край. С.521; Сидоркина З.И. Указ. соч. С.11.
- ¹⁰⁶ Сидоркина З.И. Указ. соч. С.11.
- ¹⁰⁷ Унпелев Г.А. Указ. соч. С.74 – 75.
- ¹⁰⁸ Крестьянство Дальнего Востока. С.181.
- ¹⁰⁹ Крестьянство Дальнего Востока. С.189 – 190.
- ¹¹⁰ История культуры Дальнего Востока России XVII – XX веков. Владивосток, 1998. С.232 – 235.
- ¹¹¹ История культуры... С.228 – 230, 233 – 235.
- ¹¹² Крестьянство Дальнего Востока. С.177 – 178; Приморский край. С.227 – 228.
- ¹¹³ История казачества Азиатской России. Т.3. С.105 – 106.
- ¹¹⁴ Время. События. Люди. Владивосток, 1982. С.63.
- ¹¹⁵ Время. События. Люди. С.87; Унпелев Г.А. Указ. соч. С.156, 160.
- ¹¹⁶ Время. События. Люди. С.57.
- ¹¹⁷ Унпелев Г.А. Указ. соч. С.91, 106, 108, 111.
- ¹¹⁸ Унпелев Г.А. Указ. соч. С.106, 161 – 162.
- ¹¹⁹ История казачества Азиатской России. Т.3. С.106 – 107.

Глава II. Системная организация уссурийской казачьей общности и основные внутренние факторы его политического функционирования.

В настоящей главе мы рассмотрим политическое функционирование уссурийской казачьей общности с точки зрения его системной детерминации, постараемся раскрыть структурные основания политической жизни казачества и объяснить их формирование в процессе внутри- и метасистемной координации.

§ 1. Политические интересы уссурийского казачества.

Задачей настоящей части нашей работы станет выявление основных объективно обусловленных политических интересов уссурийского казачества, особенностей их отражения и распространения в сознании данной социальной группы, а также раскрытие исторической динамики изменений во внутреннем содержании, наборе и соотношении этих интересов. Решение поставленной нами задачи предполагает параллельное и взаимосвязанное исследование двух предметных срезов, аспектов реконструируемого явления. С одной стороны, мы рассмотрим исходные предпосылки формирования политических интересов уссурийцев, каковыми являлись важнейшие и устойчивые направления экономической, социальной и политической деятельности уссурийского казачества, его реальные функциональные связи и структурная организация. С другой стороны, мы проанализируем содержание политических интересов казачьей общности с точки зрения их конечного воплощения и субъективного определения в гласно выражавшихся казаками коллективных намерениях и требованиях.

В качестве первого этапа эволюции групповых интересов уссурийского казачества, на наш взгляд, может быть выделен период конца 50-х – конца 70-х гг. XIX в. Первые два десятилетия истории уссурийских казаков характеризовались глубоким своеобразием состояния всех сфер их жизни и деятельности. Главными внешними факторами этого своеобразия являлись условия природ-

ной среды, с которыми столкнулись на Уссури казаки-переселенцы, а также проводимая в их отношении в эти годы государственная политика. Принудительное и плохо организованное переселение, неудачное размещение многих вновь образованных поселков, резко неблагоприятный характер и сама новизна местного климата и ландшафта изначально серьезно осложнили процесс становления хозяйства уссурийцев. В дальнейшем значительный урон экономике казачества нанесли меры войсковых властей по обобществлению и тщательной административной регламентации труда казаков по обустройству на новом месте. Еще одним важным препятствием для налаживания казаками нормальной хозяйственной деятельности служили многочисленные обременявшие их в это время натуральные трудовые повинности, как внутривойсковые, так и государственные. К наиболее тяжелым среди этих повинностей относились устройство путей сообщения, провоз почты и пассажиров, поставка дров для курсировавших по Уссури пароходов, заготовка леса и строительство войсковых зданий¹. В выполнении общественных работ и повинностей участвовало практически все казачье население, включая женщин и детей. Выдача нарядов на работы и надзор за их исполнением осуществлялись станичными и сотенными командами, которые могли по собственному усмотрению подвергать провинившихся телесным наказаниям. Предусмотренная законом оплата некоторых повинностей (извоз, поставка дров на казенные пароходы) постоянно задерживалась или не производилась вовсе².

В совокупности указанные обстоятельства обусловили застой, хроническое депрессивное состояние собственного хозяйства казаков. Вплоть до конца 70-х гг. уссурийцам так и не удалось достичь таких масштабов развития земледелия и скотоводства, которые бы обеспечивали их потребности. Так, на 1 января 1876 г. 60% уссурийцев имели посевов менее 0,5 дес. на душу³. Значительно более важным, чем производящие отрасли, источником существования казаков являлись в это время промыслы – охота и особенно рыболовство. За исключением приобретения ряда необходимых потребительских товаров у китайцев,

в 60 – 70-е гг. XIX в. маломощные казачьи хозяйства практически не участвовали в торговом обмене.

Крайне тяжелое материальное положение казачьего населения вынуждало государство постоянно оказывать ему помощь продовольствием и семенами. За 10 лет, с 1860 по 1869 гг., доля казенных поставок в общем объеме потребленного уссурийскими казаками хлеба составила 68%⁴. К 1876 г. долг казаков Уссурийского батальона АКВ казне превысил 113 тыс. руб.⁵.

Широкая государственная эксплуатация труда казаков и их постоянное снабжение из казны повлекли за собой соответствующую им реорганизацию и всех остальных сторон казачьей жизни. В 60-е – начале 70-х гг. XIX в. традиционные формы общинного и семейного быта были перестроены на началах военной субординации и дисциплины, тщательного административного контроля и обобществления. Местное управление было основано по существу на единоличной и практически не ограниченной власти сотенных и станичных командиров. Всеобъемлющий, строго централизованный и уравнительный (по едокам) характер приобрело внутриобщинное распределение. Нередко несколько казачьих семей объединялись в своего рода коммуны, которые не только вместе вели хозяйство, но и, обладая общим жильем и имуществом, совместно организовывали свой быт и потребление. И семейная жизнь, и досуг первых поселенцев проходили согласно распоряжениям и под бдительным надзором непосредственного войскового начальства⁶. По словам историка АКВ Р. Иванова, в эти годы для казаков «на все было расписание, все делалось по барабану и трубе»⁷.

Экстремальные условия существования уссурийских казаков в первое время после переселения, поглощенность их сил и внимания обеспечением элементарного выживания, всесторонняя зависимость от государства объективно препятствовали формированию у них устойчивых, осознанных и самостоятельных представлений о собственных групповых интересах. По отзывам современников, казаки относились к своему наличному состоянию апатично. Они фактически примирились с ним, полагаясь на то, что их минимальные потреб-

ности в любом случае будут удовлетворены за счет казенного пособия. Пожалуй, единственным заметным выражением недовольства казаков своим положением являлись в это время широко распространенные среди них ожидания возможного скорого возвращения в Забайкалье⁸. Тем не менее, нет никаких свидетельств того, что эти упования когда-либо облекались казаками в форму коллективных требований и направлялись властям.

В 70-е гг. XIX в. условия жизни уссурийцев несколько улучшились. Реформирование низовых структур местного войскового управления в 1872 и 1879 гг. уменьшило возможности для прямого административного контроля и произвола в отношении казачьего населения. Постепенная адаптация к природной среде региона и расширение промысловой деятельности способствовали относительному росту благосостояния казаков. Следствием указанных перемен стало повышение активности, самостоятельности и сплоченности группового сознания казаков. Это проявилось в ходе обсуждения органами местной власти в 1875 – 1878 гг. проекта переселения части уссурийцев в южное Приморье, когда казаки впервые смогли организованно сформулировать и представить войсковому начальству свою собственную общую позицию. По крайней мере, дважды, в 1876 и 1877 гг., в общинных приговорах они выражали свое несогласие с планами властей. При этом отказ от переселения обосновывался тем, что оно губительно отразится на наметившемся укреплении хозяйства казаков⁹.

Тем не менее, применительно ко второй половине 70-х гг. XIX в. можно говорить лишь о зачатках политической субъектности уссурийского казачества. Примечательно, что свои первые требования уссурийцы выдвинули в ответ на запрос администрации. В конечном же итоге, власти просто проигнорировали мнение казаков, осуществив в 1879 г. запланированное переселение принудительным порядком¹⁰. Это, на наш взгляд, свидетельствует о том, что собственные экономические интересы казачества еще не приобрели для него той определенности и жизненной важности, чтобы угроза их ущемления могла побудить казаков к какой-либо решительной и последовательной политической борьбе.

Формирование специфического набора устойчивых групповых экономических и социальных интересов уссурийских казаков стало содержанием следующего периода их истории, который продолжался с конца 70-х гг. XIX в. вплоть до революционных событий 1905 – 1907 гг. Именно в это время в основном завершился процесс складывания уссурийского казачества как особой социокультурной, территориальной и институциональной (войсковой) общности, определились главные направления его экономической и социальной деятельности, были заложены предпосылки важнейших связанных с ней внутри- и межгрупповых проблем и противоречий.

Переселение части населения Уссурийского батальона в Южно-Уссурийский край, сложение с казаков ряда повинностей и аннулирование их огромного долга казне¹¹ оказали благотворное влияние на развитие казачьего хозяйства. Особенно заметно изменилось экономическое положение переселившихся казаков. В условиях плодородной Приханкайской равнины значительно большее место в их хозяйстве заняли хлебопашество и скотоводство. Налаживание сельскохозяйственного производства позволило переселенцам в короткие сроки достичь прочного материального достатка¹². Возросший уровень жизни, повышение товарности хозяйства и избыток земель вовлекали южноуссурийское казачество в рыночные отношения. К началу 90-х гг. XIX в. местные казаки уже регулярно занимались мелкой торговлей, в т.ч. контрабандной, и нередко использовали труд арендаторов-иммигрантов. Хотя и в меньшей мере экономический подъем наблюдался и в северных казачьих поселках¹³.

Сокращение государственной эксплуатации и казенного обеспечения, появление условий для развития разнообразной самостоятельной хозяйственной деятельности, складывания свободных от прямого регулирования «сверху» форм общинного и семейного быта казаков вырабатывали со временем соответствующие им постоянные коллективные потребности. Примерно вплоть до середины 90-х гг. XIX в. удовлетворение этих потребностей уссурийцев не встречало каких-либо серьезных препятствий. Сравнительно медленная социально-

экономическая эволюция казачьего общества в это время еще не исчерпала всех возможностей, предоставленных ей преобразованиями 1872 и 1879 гг., а также обусловленных редконаселенностью колонизируемых территорий и слабой освоенностью их естественных ресурсов. Кроме того, субъективно казаки во многом просто не успели привыкнуть к своему резко повысившемуся общественному статусу, и поэтому были еще не способны вполне оценить его изъяны.

Проявления недовольства казаков своим положением, которые все-таки имели место в этот период, носили спорадический и частный характер. Вместе с тем, в частной форме они отразили начало осознания казаками своих новых коренных групповых интересов: в отношениях с государством уссурийцы добивались дальнейшего улучшения условий своей экономической деятельности, в отношениях с крестьянами – отстаивали свои права на приобретающую для них все большую хозяйственную ценность землю¹⁴.

С 90-х гг. XIX в. темпы заселения и освоения российского Дальнего Востока, его хозяйственного и социального развития заметно ускорились. С середины 90-х гг. XIX в. общерегиональные процессы начинают активно вторгаться и в жизнь уссурийского казачества. Особое значение для последнего имели завершившееся в 1897 г. строительство прошедшей по казачьим землям Уссурийской железной дороги и развернувшаяся с 1893 г. массовая иммиграция в край китайских отходников. Огромное и неоднозначное влияние на интенсивность и характер развития местного казачьего общества оказали также отвод генерал-губернатором Духовским УКВ обширных земельных владений (1894 г.) и принятое правительством переселение в Приморье более 7 тыс. казаков европейских войск и ЗКВ (1895 – 1902 гг.).

Указанные обстоятельства способствовали резкому оживлению экономической деятельности уссурийского казачества, затронувшему все отрасли его хозяйства. Вместе с тем, развитие экономики казачества несло на себе печать сословной специфики. Обремененность сословными обязанностями препятствовала обращению казаков к интенсивному и самостоятельному производи-

тельному труду, вынуждая их искать иных, более «легких» заработков. Это отразилось в частности на состоянии казачьего земледелия. С 1895 по 1906 гг. общая площадь посевов на войсковой территории увеличилась с 6600 до 17597 дес.¹⁵, а размеры засеянной земли приходящейся в среднем на казачий двор с конца XIX в. до 1906 г. возросли с 4,8 до 7,1 дес.¹⁶. Однако урожайность казачьих посевов в этот период еще заметно уступала урожайности крестьянских¹⁷. Почти половина (44,8%) казачьих хозяйств, согласно данным выборочного исследования 1901 г., была вынуждена покупать хлеб, в т.ч. у китайских торговцев¹⁸. Характерной особенностью казачьего земледелия являлась та огромная роль, которую в его существовании играла пришлая рабочая сила, и, прежде всего, китайские и корейские арендаторы и наемные работники. Так, в конце XIX в. уссурийские казаки, по некоторым сведениям, сдавали в аренду иммигрантам половину распаханной земли¹⁹. Удельный вес личного труда казаков в их земледельческом хозяйстве был незначителен.

Бóльших успехов уссурийские казаки достигли в скотоводстве. Даже после связанного с притоком новоселов сокращения показателей количества скота на душу войскового населения (с 0,99 лошадей и 1,05 крупного рогатого скота в 1892 г. до 0,62 и 0,62 соответственно в 1905 г.), казаки сохранили свое превосходство в этом отношении над крестьянами²⁰. Относительно широкие масштабы развития казачьего скотоводческого хозяйства обуславливались его меньшей (в сравнении с земледелием) трудоемкостью, а также сословной обязанностью казаков нести службу на собственных лошадях. Культурный уровень казачьего скотоводства был низок, казаки почти не уделяли внимания племенной и ветеринарной работе, стационарному содержанию скота²¹.

Обладание богатейшими естественными угодьями отвода Духовского способствовало тому, что одним из важнейших (в северных округах – ведущим) источников дохода уссурийцев стали промыслы, прежде всего рыбный и лесной, а также охота. Так, только добыча рыбы по сведениям отчета УКВ за 1906 г. приносила казакам в среднем по 25 – 30 руб. на семью. По неофициальным

же подсчетам эта цифра могла достигать 200 руб.²². Свою промысловую деятельность казаки вели примитивными методами, нередко хищнически используя природные ресурсы. Особенно широкий размах и нерациональный характер имела эксплуатация казачьим населением лесных угодий войска²³.

Значительное место в хозяйстве уссурийских казаков принадлежало торговле. Выгодное расположение казачьих поселений (вблизи китайской границы и рядом с главными железнодорожными и пароходными сообщениями края) и освобожденность войскового населения от уплаты пошлин и выкупа разрешительных документов определяли высокую прибыльность торговых занятий уссурийцев. Кроме того, основным предметом сбыта казаков являлись продукты не производящих отраслей, а промыслов (в первую очередь, дрова, строевой лес и рыба)²⁴. Большинство казаков вели мелкую торговлю, удовлетворяя тем самым свои насущные потребности. Вместе с тем, уже в конце XIX в. в населении УКВ выделилась прослойка состоятельных промышленников, осуществлявших крупные поставки леса²⁵.

Таким образом, к началу XX в. сформировались основные направления экономической деятельности уссурийского казачества, значительно укрепились его хозяйственная самостоятельность и материальное благосостояние. Наряду с этим, в данный период хозяйство уссурийцев приобрело отчетливо выраженные сословные черты. Такими его специфическими чертами стали общая экстенсивность, относительная слаборазвитость производящих отраслей (прежде всего земледелия) и высокий удельный вес промыслов, широкое применение казаками иностранного труда и аренды, массовое распространение мелкой торговли продуктами промысла, различных побочных заработков, а также контрабанды.

Особая структура хозяйства уссурийцев требовала наличия ряда необходимых для своего существования и воспроизводства условий – повышенной обеспеченности казачьего населения естественными ресурсами и монополии в их использовании, льготного и просто бесконтрольного режима ведения хозяйственной деятельности, внутренней и внешней торговли, значительного, сво-

бодного притока иностранной рабочей силы. Подобные потребности уссурийского казачества, предполагавшие серьезное ограничение хозяйственной активности приморских крестьянства и буржуазии, объективно вставали на пути нормального капиталистического развития края. Более того, такие явления казачьей жизни как иностранный труд и контрабанда были неприемлемы даже для стоявшего в целом на страже феодальных прав УКВ самодержавного государства.

Если в своем экономическом аспекте сословный статус уссурийского казачества в большей мере ущемлял интересы других общественных групп, то в социальном отношении он ложился тяжелым бременем всецело на самих казаков. Привилегии и связанные с ними материальные выгоды далеко не компенсировали того негативного воздействия, которое на экономическое и социальное развитие казачества оказывали его сословные обязанности. При общем уменьшении государственной эксплуатации и в начале XX в. казаки продолжали нести множество натуральных и денежных повинностей. Согласно действовавшим вплоть до 1917 г. законодательным нормам казачьи повинности делились на три разряда: 1) «общие по войску» (дорожная, мостовая, постоянно-квартирная и другие повинности), 2) «станичные» (подводная повинность, почтовая гоньба и др.) и 3) «хозяйственные» (устройство поскотин, дорог, общественных запашек и проведение других работ в пользу поселкового общества)²⁶. По своему размеру казачьи повинности существенно превышали крестьянские: в соответствии с данными статистического обследования 1908 г., приамурские казаки несли «на бойца» денежных повинностей больше чем крестьяне в 1,5 раза, а натуральных (в пересчете на деньги) – почти в 4 раза²⁷.

В том числе под влиянием осложняющейся внешнеполитической обстановки уссурийские казаки начали значительно шире чем раньше привлекаться к исполнению своих главных сословных функций – военной и пограничной службы. Если в 60 – 70-е гг. XIX в. обязанности службы занимали среди повинностей уссурийцев едва ли не последнее место, то после похода Уссурийского

батальона в Южно-Уссурийский край в 1877 – 1878 гг. их значение в жизни местного казачества начинает неуклонно возрастать. Это было связано как с усилением внимания властей к вопросам боевой подготовки казаков, так и с их участвовавшими мобилизациями, происходившими в дальнейшем в 1884, 1895, 1900 – 1901, 1904 – 1905 гг.²⁸. Последние две из этих мобилизаций завершились для уссурийских казаков участием в крупномасштабных военных конфликтах, которые принесли войску немалый людской и материальный урон. Особенно тяжело войсковым населением переживалась «китайская война» 1900 – 1901 гг., на время которой казачьи хозяйства практически полностью лишились мужских рабочих рук²⁹. Впрочем, и в мирные годы тяготы, сопряженные с несением службы, были весьма ощутимы. На воинскую службу постоянно отвлекалось в среднем около 11% взрослых членов казачьей семьи. При этом общая стоимость военного снаряжения (вместе с конем) одного казака обходилась семье примерно в 300 руб.³⁰.

Сословные функции уссурийского казачества и призванная обеспечивать их исполнение его традиционная социальная структура в конце XIX – начале XX вв. приходят во все более острое столкновение с охватившими казачье общество стихийными процессами экономического и социального обновления. Так, рост хозяйственной активности уссурийского казачества был сопряжен с развитием потребности казаков в расширении свободы распоряжения своей личностью и имуществом. Однако возможности расширения такой свободы в условиях, с одной стороны, необходимости почти поголовного несения службы и натуральных повинностей, а с другой, - незыблемости общинного землевладения, были очень ограничены. Наметившаяся в начале XX в., в связи с общим повышением благосостояния и имущественной дифференциацией уссурийцев, тенденция к модернизации и либерализации их социальных отношений встретила сильное сопротивление патриархальных общинных и семейных порядков, санкционированных законом и войсковой властью. Это сопротивление выражалось в активной защите государством и общиной уравнительного принципа

распределения земли и повинностей, механизма круговой поруки, их противодействию семейным разделам и сохранению надзора над заключением браков и внутрисемейными отношениями³¹. Не отвечала новым насущным нуждам казачьего населения и сословная система социального финансирования. Осуществляя значительные затраты на выполнение повинностей и несение военной службы, казаки, вместе с тем, не получали от войсковой казны какой-либо ощутимой социальной помощи. Свои быстро возраставшие с конца XIX в. потребности в развитии местной образовательной, медицинской, культурной и иной инфраструктуры уссурийцы были вынуждены удовлетворять главным образом за счет средств общинных капиталов³².

Активизация и резкое усложнение экономической и социальной жизни казачьих общин объективно требовали расширения функций местного самоуправления, его дальнейшей (в развитие реформы 1879 г.) демократизации. Однако царское правительство занимало в этом вопросе прямо противоположную позицию. Распространенное им на УКВ в 1900 – 1901 гг. «Положение об общественном управлении» 1891 г. существенно урезало самостоятельность и представительность станичных и поселковых сходов. Тем самым была заложена основа еще одного важного конфликта между уссурийскими казаками и государством.

Давая характеристику основных экономических и социальных потребностей уссурийского казачества, следует принять во внимание внутреннюю неоднородность этой социальной группы. Так, уже в начале XX в. она заметно расслаивается по имущественному признаку. В 1901 г. в УКВ насчитывалось 60,5% хозяйств, не имевших посевов или засевавших менее 5 дес., и 13% дворов, имевших посевов свыше 10 дес. Глубокое материальное неравенство зажиточных и бедняцких казачьих хозяйств отражалось и в показателях их обеспеченности скотом³³.

Имущественное расслоение казачьего общества не могло не найти своего проявления в определенной дифференциации его интересов. Маломощные ка-

зачьи хозяйства, как правило, были не в состоянии в достаточной мере использовать те возможности хозяйственной деятельности, которые обеспечивались привилегиями войска, тогда как свои сословные обязанности им неизбежно приходилось выполнять в полном объеме. Повышенные земельные наделы, иностранный труд и аренда, контрабанда и промыслы интересовали казачью бедноту, прежде всего, как средства выживания, как источники необходимой компенсации связанных с осуществлением социальных функций сословия затрат. Напротив, зажиточная часть уссурийцев, широко и с немалой выгодой для себя использовавшая особые условия экономической жизни войска, была объективно значительно больше заинтересована в неприкосновенности, как феодальных прав УКВ, так и его обширной территории, отвода Духовского. С другой стороны, состоятельные казаки меньше ощущали тяжесть сословных повинностей, в т.ч. натуральных и даже службы, от личного исполнения которых они могли себя избавить. Таким образом, исходя из своих актуальных потребностей, именно зажиточное казачество должно было являться главным и самым последовательным сторонником сохранения сословного статуса. Приверженность же последнему значительной части казачьей бедноты в большей мере обуславливалась иными, культурными мотивами.

Необходимо отметить, что расслоение и дифференциация интересов в уссурийском казачестве в целом не имели классового и тем более антагонистического характера. Внутрисословная эксплуатация, отношения аренды и найма между казаками, хотя и имели место, широкого распространения не получили³⁴. Этому способствовали замедленные темпы социально-экономической эволюции казачьего общества, особая прочность в нем общинных отношений, а также его сословные обязанности. Значительно большую роль в жизни уссурийцев играли отношения экзоэксплуатации: использование труда иностранцев и представителей иных социальных групп, а также собственные феодальные повинности казаков, отправляемые в пользу государства. В силу этого, внесословные противоречия намного превосходили в своей интенсивности внутреннюю кон-

фронтацию в казачьей среде и даже в определенной степени становились дополнительным фактором ее ослабления.

Обособленной прослойкой уссурийского казачьего общества являлась его немногочисленная, но чрезвычайно влиятельная офицерско-чиновничья верхушка. Представляя по долгу службы интересы государства, она обладала, вместе с тем, и собственными специфическими потребностями. Тесная зависимость материального благополучия, социального положения и престижа войсковых чинов от богатства и мощи войсковой организации в целом превращала их в ревностных защитников ее прав. В своем стремлении к ограждению земель и привилегий УКВ от каких-либо посягательств извне, будь-то со стороны местного крестьянства, отдельных ведомств или даже правительства, войсковая верхушка объективно оказывалась в роли представителя нужд широких слоев уссурийского казачества, и в особенности его зажиточной части.

В то же время, между войсковым чиновничеством и офицерством, с одной стороны, и рядовыми казаками, с другой, существовали и весьма острые противоречия. Их важнейшей причиной служило внутрисословное неравноправие. Войсковые чины получали земельное обеспечение, многократно превышавшее наделы большинства казаков. Так, в 1901 г. средний размер пожизненного земельного участка офицера УКВ достигал 524 дес. (при норме не свыше 400 дес.), тогда как душевой надел рядового казака определялся цифрой в 30 дес. При этом войсковые чины могли занимать лучшие участки казачьих земель, по собственному выбору³⁵. Кроме того, офицеры и чиновники освобождались от несения войсковых и станичных повинностей³⁶. Однако наибольшие преимущества офицерско-чиновничьей элите давали ее должностные полномочия. Войсковые чины, и в первую очередь члены правления УКВ, монопольно и, по сути, бесконтрольно распоряжались огромными природными ресурсами и бюджетом войска. Закрытый, авторитарно-бюрократический характер войскового управления создавал благоприятные условия для его подчинения личным и корпоративным целям управляющих, для развития воровства и коррупции³⁷.

Таким образом, сословный и войсковой статус уссурийского казачества был необходим его офицерско-чиновничьей верхушке, прежде всего, как основа для обеспечения собственных юридически закрепленных и фактических привилегий. В отличие от большинства казаков, в т.ч. зажиточных, войсковая элита не испытывала на себе тяжести сословных обязанностей и ограничений, а потому относилась к ним наиболее примирительно и консервативно.

В последние годы XIX – первые годы XX вв. в основном завершается процесс формирования важнейших групповых интересов уссурийского казачества, и одновременно начинают складываться предпосылки для их массового осознания и политизации. Поскольку препятствия, возникающие на пути реализации главных, прежде всего, экономических, потребностей казачества, были еще далеко не очевидны, а объективно противостоящие ему социальные силы еще не перешли к решительным практическим действиям, созревание политического сознания и самосознания уссурийцев протекало крайне медленно. Тем не менее, во второй половине 90-х гг. XIX в. политическая активность уссурийского казачества пережила бурный подъем. Он был вызван главным образом развернувшимся в это время переселением на территорию УКВ казаков из Европейской России и Забайкалья, и связанным с ним усилением административного вмешательства в жизнь войскового населения. Непосредственной причиной большей части казачьих выступлений 1895 – 1899 гг. было недовольство новоселов предназначенными для них войсковым начальством местами поселения. При этом требования казаков обычно состояли в предоставлении им лучших, более удобно расположенных земель, либо даже организации их возвращения на родину. В ряде случаев предметом недовольства казаков становились чрезмерно тяжелые натуральные или денежные повинности³⁸.

Протест уссурийцев против социальных условий своей жизни и авторитарных методов их регулирования имел, как правило, индивидуальную и микрогрупповую, реже общинную форму. Часто такой протест не был сопряжен с выдвижением каких-либо определенных гласных требований, но напрямую вы-

ливался в различные самовольные действия недовольных, например, в несанкционированные властями переселения казаков из поселка в поселок³⁹. Если же намерения казаков все-таки получали свое открытое выражение, то по содержанию они носили сугубо конкретный, ситуативный характер, воплощая собственные, непосредственные нужды участников данного выступления. Примеры высказывания казачьим населением общего недовольства управленческой деятельностью войсковой администрации (казаки пос. Андреевского в 1899г.) в это время были единичны⁴⁰.

К началу XX в. политическая активность основной массы уссурийских казаков заметно падает. Вместе с тем, в эти годы в роли выразителя интересов казачества все чаще начинает выступать его офицерско-чиновничья верхушка. Предпосылками к этому послужили завершившееся в 1898 г. формирование административных структур УКВ, а также появление в правительственных кругах планов по пересмотру границ приамурских войск, определенных Духовским. По крайней мере с 1901 г. представители Войскового правления УКВ регулярно принимали участие в работе различных совещаний и комиссий, решавших судьбу отвода. Вопреки стремлениям правительства привести площадь войсковых земель в соответствие законодательно закрепленным нормам, они отстаивали необходимость сверхнормативного увеличения территории УКВ, объясняя это низким качеством казачьей земли, непрочностью финансового положения войска и будущим пополнением его состава переселенцами⁴¹.

Как уже отмечалось, действительные интересы войсковой верхушки в отношении оберегаемых ей земель УКВ серьезно расходились с интересами большинства уссурийских казаков. Тем не менее, постольку, поскольку требования войсковых институтов были направлены против правительственной политики ограничения привилегий казачества при сохранении его социальных обязанностей, они, безусловно, несли в себе и общесословное содержание.

События первой русской революции явились началом нового этапа в развитии политического сознания уссурийского казачества. Его особенностями

стали быстрая проблематизация и политизация экономических и социальных потребностей казачества, а также постепенное становление его собственных специально-политических интересов. Важнейшими факторами, обусловившими изменения в состоянии группового сознания уссурийцев, послужили общая трансформация в 1905 – 1917 гг. социально-политической, институциональной и внеинституциональной, структуры российского общества и тесно связанная с ней перестройка и обострение отношений уссурийского казачества с другими социальными группами и государством. Усиление конфликтности отношений уссурийского казачества в рамках вмещающей социетальной системы было результатом его недостаточной, неполноценной вовлеченности в общесистемные модернизационные процессы. Феодальные правовые основы жизни казачества продолжали тормозить и деформировать капиталистические тенденции в развитии этой общественной группы. Ее экономические и социальные функции и структура по-прежнему несли на себе отпечаток сословной специфики.

В межреволюционный период место ведущей отрасли хозяйства уссурийцев прочно заняло земледелие. Площадь казачьих посевов с 1906 по 1914 гг. выросла с 17201 до 42275,5 дес.⁴², средний посев на одно хозяйство с 1906 по 1912 гг. увеличился с 7,1 до 9,2 дес.⁴³. Улучшились и качественные показатели состояния отрасли. Во втором десятилетии XX в. производительность труда и урожайность в казачьих хозяйствах Дальнего Востока вплотную приблизились к крестьянским⁴⁴. Резко расширилось применение в хозяйствах уссурийцев сельхозмашин⁴⁵. Казачье население приняло свое участие и в процессе становления в крае кредитной и потребительской кооперации.

Однако общее количественное и качественное отставание казачьего земледелия от крестьянского преодолено все же не было⁴⁶. За исключением немногочисленных производителей товарного зерна Полтавского и Гродековского округов, основная масса казаков продолжала практиковать рутинные экстенсивные методы хозяйствования, что признавалось и самой войсковой администрацией⁴⁷. Важным и необходимым подспорьем в казачьем земледелии по-

прежнему оставались иммигрантский труд и аренда. В 1910 г. только в двух из шести округов УКВ, – Полтавском и Гродековском, – в корейской и китайской аренде находилось 7564 дес., при том, что общая площадь войсковых посевов в это время составляла около 30 тыс. дес.⁴⁸.

В рассматриваемый период в структуре доходов казачьего населения УКВ происходит постепенное падение доли промыслов. Промысловая деятельность утрачивала значение основной отрасли экономики северных округов войска⁴⁹. Впрочем, этот процесс, по-видимому, стал результатом не столько сознательной переориентации казачьего хозяйства, сколько давления внешних обстоятельств – прогрессирующего оскудения природных богатств войсковых земель (прежде всего рыбных), а также ограничения эксплуатации, а затем изъятия в казну к 1914 г. большей части лесных угодий УКВ⁵⁰. Так или иначе, диктуемая особенностями сословного образа жизни потребность казаков в продуктах промыслов была все еще очень велика⁵¹.

Сокращение возможностей ведения промысловой деятельности и связанной с ней торговли заставляли казаков в больших масштабах использовать другие источники столь необходимых им «легких денег». В конце 900-х – начале 10-х гг. XX в. огромный размах приобрела казачья контрабанда, посредством которой в Приамурье из Китая поступало значительное количество запрещенных к ввозу спирта и опиума. По данным статистического обследования 1914 г. взрослое население УКВ участвовало в этом промысле практически поголовно. Кроме того, особой, не менее, если не более, выгодной, чем сама контрабанда статьей дохода для многих уссурийцев стала сдача в аренду китайцам и корейцам земли под посевы опиумного мака⁵².

На протяжении всего межреволюционного периода условия удовлетворения важнейших экономических потребностей уссурийского казачества непрерывно ужесточались. Главной предпосылкой к этому стал пересмотр приоритетов дальневосточной политики России в рамках нового реформаторского курса правительства П.А. Столыпина. Поставленные правительством задачи по уско-

рению процесса заселения края и интенсификации его хозяйственного развития непосредственно затрагивали интересы УКВ. С резким ростом, особенно с 1907 г., масштабов колониционного движения из европейской части страны, проникновение крестьян на войсковую территорию заметно усилилось. Уже к 1908 г. на землях отведенных УКВ Духовским крестьянами было занято около 1 млн. дес.⁵³. Поощрявшие этот поначалу стихийный процесс государственные землеустроительные органы регулярно поднимали вопрос об отчуждении для нужд переселенцев тех или иных участков территории отвода. В конечном итоге, своим, утвержденным императором 3 апреля 1910 г., постановлением Совет Министров признал все свободные земли отвода Духовского открытыми для крестьянского заселения «в порядке общих правил»⁵⁴. Вслед за этим, в 1910 – 1914 гг. центральными и местными властями были приняты законодательные и административные меры по ограничению эксплуатации УКВ лесных угодий отвода⁵⁵, сокращению использования уссурийскими казаками иностранной рабочей силы⁵⁶, пресечению их контрабандной деятельности⁵⁷.

Разностороннее ущемление экономических интересов уссурийского казачества происходило на фоне сохранения, и даже усугубления «хронических» противоречий его социальной жизни. За исключением обязанности по заготовке дров для войсковых пароходов, снятой с уссурийцев в 1906 г.⁵⁸, они продолжали нести все свои многочисленные повинности. В целом прежним оставался и порядок отбывания казаками воинской службы. Незначительное сокращение ее сроков и выдача пособий призываемым казакам не могли серьезным образом ослабить то негативное влияние, которое эта главная сословная функция оказывала на экономическое состояние местного казачества. Это влияние стало особенно очевидным в годы первой мировой войны, когда массовая мобилизация взрослого мужского населения войска и значительного количества лошадей повлекла за собой упадок казачьего земледелия и промыслов, резкий рост потребности казачьих хозяйств в привлечении иностранной рабочей силы⁵⁹.

Еще одним постоянным источником острых противоречий являлось административное регулирование личной жизни, семейного и общинного быта казаков. В том числе в связи с продолжающимся пополнением УКВ переселенцами, большую значимость для войскового населения в межреволюционный период приобрела проблема социального обеспечения и развития местной инфраструктуры. Войсковая администрация все чаще оказывалась неспособной к необходимому финансированию строительства казачьих школ и больниц, устройства дорог, выплате в достаточном размере пособий для новоселов, требуя помощи от государственных ведомств⁶⁰. Однако фактически решение социальных проблем по большей части перекладывалось на поселковые и станичные общества.

Нарастающие трудности в удовлетворении важнейших экономических и социальных потребностей уссурийского казачества в разной степени ощущались различными его прослойками и объективно имели для них неодинаковое значение. Интересы зажиточных уссурийцев в первую очередь затрагивало изъятие у войска сельскохозяйственных и лесных угодий отвода Духовского. Угроза потери столь крупных источников монопольных прибылей побуждала торгово-промышленную часть казачества к активной борьбе за сохранение своих сословных привилегий. Сокращение войсковой территории косвенным образом (через дефицит войскового бюджета и ограничение прирезок земли к общинным наделам) сказалось и на благосостоянии казачьей бедноты и середняков. Еще более тяжелые последствия для них имели меры властей по ликвидации иностранного труда и аренды. Однако поскольку привилегии никогда не приносили большинству казаков прямого дохода, они не могли стать главным, действительно значимым предметом его устремлений. Во многом более насущной задачей, альтернативным путем выхода из сложившейся ситуации для этих уссурийцев являлось уменьшение или полное сложение сословных повинностей.

Ухудшение экономических и социальных условий жизни населения УКВ отразилось и на отношениях рядового казачества с офицерско-чиновничьей

верхушкой. Продолжая пользоваться всеми преимуществами своего положения, последняя оказалась не в состоянии обеспечить эффективную защиту интересов массы уссурийцев от последствий часто непродуманной и однобокой консервативно-реформаторской политики государства. Это способствовало дальнейшей дискредитации войсковых властей в глазах казачьего населения.

Практически все основные объективные противоречия в жизни уссурийского казачества 1905 – 1917 гг. в той или иной форме и степени нашли свое воплощение в его групповом сознании и требованиях. Предпосылками к этому послужили как сами по себе острота и фундаментальность этих противоречий, так и стимулирующее влияние общей либерализации массового сознания российского общества тех лет, появления новых возможностей и средств артикуляции и трансляции общественных настроений в виде представительских институтов и бурно развивавшейся периодической печати. Процесс осознания и распространения групповых интересов в местном казачьем обществе был сопряжен с их обобщением и дифференциацией.

Главные, наиболее часто выдвигавшиеся требования казачьего населения УКВ в период 1905 – 1917 гг. были связаны с обеспечением его прав на землю. В своих приговорах казачьи общины неоднократно выступали в защиту повышенных земельных наделов уссурийцев от притязаний активно расселявшихся по войсковой территории крестьян⁶¹. Массовые «нарекания» казаков вызывала также земельная политика государства, и в особенности изданное в 1911 г. генерал-губернатором распоряжение о приостановке прирезки земли казачьим обществам вплоть до грядущего землеустройства УКВ⁶². Еще одним предметом недовольства для многих уссурийцев стало предусмотренное законом отчуждение части душевого надела каждого казака в т.н. «войсковой запас»⁶³.

Резкий, категорический протест уссурийских казаков встретили меры краевых и областных властей по борьбе с применением иностранного труда и аренды. Так, Полтавский станичный сход ходатайствовал об отмене соответствующего распоряжения наказного атамана, указывая на то, что использование

«посторонней рабочей силы» является для казачества жизненной необходимостью, вытекающей из его социального положения⁶⁴.

В ряде обращений к войсковым властям периода 1905 – 1917 гг. казачье население выражало желание перевода части своих натуральных повинностей в денежную форму, с одновременным снижением их размера до уровня крестьянских⁶⁵. Более того, широкое распространение среди уссурийцев в эти годы получило убеждение в необходимости приведения всей системы войскового социального распределения и финансирования к земскому образцу⁶⁶.

На основе общих интересов уссурийского казачества свои специфические требования формулировала и его торгово-промышленная прослойка. Судя по заявлениям депутата от АКВ и УКВ в III Думе Н.А. Манькова, самыми важными для себя задачами зажиточное амурское и уссурийское казачество считало обеспечение рынков сбыта продуктов казачьих промыслов (в первую очередь, леса), устранение помех свободным торговым и иным экономическим отношениям приграничного населения с Китаем, а также закрытие войсковых земель для крестьян-переселенцев⁶⁷.

Что же касается офицерско-чиновничьей верхушки УКВ, то содержание требований этой наиболее политически активной части казачества было неоднородным. С одной стороны, время от времени, как правило, под давлением «снизу», войсковая администрация ставила перед вышестоящими инстанциями вопросы, волновавшие большинство уссурийцев – в т.ч. проблемы увеличения общинных наделов, сокращения повинностей, продолжения использования казаками иностранного труда и аренды. Однако постоянными приоритетами лоббистской деятельности членов правления УКВ являлись корпоративные интересы самой войсковой бюрократии. В своем противостоянии претензиям «посторонних ведомств» они отстаивали не столько сословные права казачьего населения, сколько неприкосновенность «доходных статей» войска, его экономическую и административную обособленность как «самодовлеющей общины»⁶⁸.

Отчужденность войсковой администрации от населения, ее неспособность к полноценному представительству и реализации экономико-политических и социально-политических интересов последнего создали почву для выдвижения казаками требований реформирования управленческой структуры УКВ. Стремление уссурийцев к передаче власти в войске в руки войскового схода и правления, сформированных выборным путем, впервые было открыто выражено ими в период революции 1905 – 1907 гг. Важно отметить, что ходатайство о реформе войскового управления, поданное в январе 1906 г. Полтавским станичным сходом, воспринималось его создателями как воплощение общих чаяний уссурийского казачества, и действительно нашло поддержку в других станицах войска⁶⁹. Идея политико-административной реорганизации войска имела немало сторонников в уссурийском казачестве и в межреволюционный период. При этом, наряду с созданием выборного казачьего самоуправления в качестве еще одного варианта такой реформы обсуждался проект подчинения казачества в хозяйственном отношении «всесословному земству», с сохранением, однако, его самостоятельности как «военной общины»⁷⁰.

Впрочем, не все представители уссурийского казачества связывали возможность улучшения условий своей жизни с усовершенствованием основ войскового и сословного быта. Часть войскового населения считала лучшим способом решения своих экономических и социальных проблем выход из казачьего сословия. Такие настроения были характерны, прежде всего, для жителей северных округов УКВ⁷¹. В силу неблагоприятности местной природной среды для развития земледелия, крупные земельные наделы не приносили им существенного дохода и значительно меньше, чем на юге войска компенсировали бремя сословных обязанностей. Кроме того, среди казаков северных округов было много вчерашних крестьян, не испытывавших большой привязанности к своему новому образу жизни.

Особым этапом в развитии политических интересов уссурийского казачества стал шестилетний период между Февральской революцией и окончанием

гражданской войны. С одной стороны, это было время, когда свое наиболее развернутое и массовое проявление получили все основные интенции группового сознания уссурийцев, сформированные предшествующей историей этой социальной группы, время активных попыток разрешения политическими и военными средствами ее давних экономических и социальных проблем, радикализации ее старых внешних и внутренних конфликтов. С другой же стороны, экстремальная, быстро меняющаяся обстановка революционного кризиса в значительной степени изменила как содержание, так и структуру политического сознания уссурийского казачества. Прежде всего это выразилось в акцентировании в поведении казаков специально-политических мотивов, потеснивших в этом отношении их экономико- и социально-политические интересы. Этому способствовали как создание демократических войсковых институтов, обеспечивавших оперативную артикуляцию и агрегацию настроений казачьего населения, его широкое вовлечение в политическую жизнь, так и скачкообразное расширение и активизация политических интеракций и коммуникаций уссурийского казачества на региональном, общесословном и социетальном уровнях. В период 1917 – 1922 гг. уссурийцы не только по-новому поставили и разрешили вопрос о принципах устройства собственной войсковой организации, но и впервые сформулировали свою позицию (а точнее, позиции) относительно интересов российского казачества в целом, программ ведущих политических сил страны и, в конечном счете, ее будущего социального и государственного строя. Вместе с тем, быстрому развитию и усложнению политического сознания казачества закономерно сопутствовал рост его мифологичности: пропагандистское воздействие извне, идеологическая индоктринация в эти годы нередко становились решающим фактором политической интерпретации и оценки уссурийцами своих действительных первичных групповых потребностей.

С точки зрения значимых изменений в содержании политических интересов и требований уссурийского казачества период 1917 – 1922 гг. может быть разделен, по нашему мнению, на три подпериода. Первый из них, начавшийся в

феврале 1917 г. и продолжавшийся до лета того же года, характеризовался относительной неопределенностью и несамостоятельностью политической позиции уссурийских казаков, в целом еще не выделявших своих требований в общем контексте демократических лозунгов, выдвинутых революционным движением. Наиболее актуальными для себя политическими задачами в это время уссурийцы считали ликвидацию офицерского и церковного землевладения, отмену натуральных повинностей, уничтожение сословных ограничений личной свободы казака, перестройку войскового управления на выборных началах⁷². Более того, большинство уссурийцев без особых колебаний поддержало провозглашенную Временным правительством отмену «всех сословий и состояний»⁷³, хотя до революции стремление к «расказачиванию» в местном казачестве никогда не имело столь широкого распространения. Впрочем, в массе своей казаки понимали упразднение казачьего сословия весьма своеобразно: ожидая от него ликвидации сословных обязанностей и ограничений, они ни в коей мере не собирались отказываться от сословного неравенства в наделении землей⁷⁴.

Дальнейшие события, прогрессирующая дифференциация и поляризация политических предпочтений различных слоев и групп российского общества, усиление конфронтации между ними вскоре обнаружили внутреннюю противоречивость и нежизнеспособность такой позиции уссурийцев. С конца весны 1917 г. уссурийское казачество активно вовлекается в процесс поиска собственной политической идентичности, политико-идеологического самоопределения. Решающую роль в формировании новых политических требований уссурийцев сыграли идеи сохранения сословной обособленности и привилегий казачества, широкого самоуправления казачьих войск и их объединения в межвойсковой союз, выдвинутые в апреле 1917 г. под общим наименованием «Программы казачьей партии» казаками фронтовых частей и в мае – июне того же года с делегациями агитаторов достигшие Дальнего Востока⁷⁵.

Эти идеи нашли поддержку, прежде всего, у зажиточной прослойки уссурийцев, взявшей власть в войске в свои руки и сумевшей увлечь за собой боль-

шинство станичников. Начиная с октября 1917 г. УКВ официально перешло на позиции отстаивания «самостоятельности» уссурийского казачества как «части трудового народа», имеющей свои «культурно-бытовые особенности». Одновременно с этим войско потребовало от Учредительного собрания признать земли отвода Духовского, находившиеся в распоряжении уссурийцев до 1913 г., войсковой собственностью⁷⁶. После Октябрьского переворота, в январе 1918 г., ссылаясь на отсутствие в центре и на местах авторитетной власти, 4-й Войсковой круг УКВ предпринял следующий, более радикальный политический шаг: вся полнота власти в войске была передана ему самому в лице Войскового правительства⁷⁷. Наряду с решением о возврате отвода Духовского данное постановление, по сути, превращало УКВ в полноценную политическую автономию, территориально включавшую в себя большую часть Приморской области.

Политика сохранения сословной обособленности и автономизации войска никогда не имела среди войскового населения полной и единодушной поддержки. Открытый же конфликт УКВ с пришедшими к власти в стране большевиками привел к сплочению в начале 1918 г. всех оппозиционных войсковой верхушке казачьих сил под лозунгами признания Советской власти, ликвидации автономии и полного слияния казачьего населения с крестьянством⁷⁸. Но в силу своей малочисленности, и в особенности под влиянием неблагоприятной политической ситуации в регионе в 1918 – 1919 гг. эта часть казачества потерпела поражение в борьбе за войсковые институты.

На наш взгляд, в 1918 – 1919 гг. требование автономии УКВ отвечало действительным интересам основной массы уссурийских казаков. Как на его важнейшую объективную предпосылку можно указать на дезорганизацию, широкое разрушение национальных и региональных экономических, социальных и политических связей. В обстановке прекращения государственного финансирования, правового беспорядка и острой межсословной борьбы, разно- и многовластия, автономия во многом была для уссурийцев необходимым механизмом выживания, средством удовлетворения насущных материальных потребно-

стей, обеспечения своей безопасности, определенной гарантией от использования казачества в качестве инструмента достижения чуждых ему политических целей. Важно отметить, что казаки не противопоставляли идею войсковой автономии принципу государственного суверенитета России, постоянно подчеркивая ее временный характер и собственную приверженность возрождению сильного и единого российского государства⁷⁹. Свои надежды на создание легитимных органов центральной власти и окончательное определение демократическим путем государственного и социального устройства России уссурийцы долгое время связывали с созывом Учредительного собрания⁸⁰.

Вместе с тем, на практике социальная и политическая самостоятельность уссурийского казачества часто ставилась на службу специфическим интересам самой войсковой верхушки во главе с атаманом Калмыковым. Стремясь, прежде всего, к укреплению собственной власти, экономической и политической независимости, Калмыков и его окружение вели политику балансирования между различными белыми правительствами Сибири и Дальнего Востока, а также интервентами. Эта авантюрная политика, выстраивавшаяся во многом без ведома и участия большинства казаков, постоянно создававшая вокруг войска обстановку недоверия и военной напряженности, а порою резко расходившаяся с национальными интересами России, в конечном счете, привела к очередному повороту в эволюции группового сознания уссурийского казачества. Другим важным фактором этого поворота явилось успешное наступление Красной Армии в Сибири и падение последнего белого правительства, реально претендовавшего на свое общенациональное значение – правительства Колчака.

С начала 1920 г. настроения основной массы уссурийских казаков склоняются в пользу скорейшего прекращения затянувшейся и игравшей на руку лишь иностранным державам гражданской войны. При этом, ради водворения мира в крае казаки выражали готовность к отказу от своей сословной и административной обособленности. Желания большинства уссурийцев воплотились в

создании на съезде делегатов войска в феврале 1920 г. Временного революционного комитета, приступившего к ликвидации институтов УКВ⁸¹.

Однако, оказавшиеся в меньшинстве зажиточные казаки ряда округов УКВ (Гродековского, Платоно-Александровского и части Донского) не признали этих решений, объявив о восстановлении войсковой организации в прежнем виде и на прежней политической платформе. Образование и длительное (вплоть до октября 1922 г.) существование второго центра войсковой власти в виде разместившегося в Гродеково Правительства Ю.А. Савицкого стало возможным в значительной мере благодаря совокупности благоприятных внешних обстоятельств. Произошедший раскол войска носил искусственный, верхушечный характер: население вышеупомянутых станичных округов в основном уже не желало вести активную и тем более вооруженную борьбу в защиту сословной обособленности и привилегий. Напротив, продвижению армии ДВР на юг сопутствовал рост открытых выступлений казаков против белых властей Приморья и связанного с ними войскового руководства⁸².

Эти выступления, безусловно, нельзя считать показателем кардинальных изменений в политической ориентации уссурийского казачества, признаком его «большевизации». Признание ДВР и, в конечном счете, власти Советов явилось скорее результатом растущей деполитизации (в узком смысле этого слова) сознания уссурийцев. Задачи прекращения кровопролития и обеспечения элементарного государственного порядка, необходимого для реализации основополагающих, первичных потребностей к окончанию гражданской войны заслонили для большинства уссурийцев все интересы вторичного и узко группового характера. Поддержка советской власти как силы, могущей решить эти задачи, была проявлением реализма казаков, их способности к адаптации к новым общественным условиям, к отказу от фанатического следования собственным, мнимым или действительным, политическим и неполитическим интересам, цена осуществления которых могла оказаться для казачества непомерно высокой.

Переломное значение в развитии группового сознания уссурийского казачества имел следующий, советский период его истории. Глубокая трансформация общественной среды и всех основных условий существования уссурийской казачьей общности, во многом ставшая результатом целенаправленной политики новой государственной власти, повлекла за собой коренные изменения не только в содержании и соотношении, но и в самом наборе важнейших интересов казаков.

В 20-е гг. XX в. широкомасштабной перестройке подверглась структура хозяйства уссурийских казаков. Прежде всего, в нем существенно возрос удельный вес такой отрасли как земледелие, что в частности было связано с неуклонным падением объемов казачьего промысла. Являвшиеся некогда главным районом промысловой деятельности уссурийцев три бывших северных округа УКВ еще в межреволюционный период стали зоной активного заселения и земледельческой колонизации. В начале 20-х гг. по общей площади освоенных земель они значительно приблизились к бывшим южным округам войска⁸³. Заметно выросла и площадь посевов североуссурийского казачества, уже по данным переписи 1917 г. составлявшая 11676 дес. (по 5 дес. на хозяйство)⁸⁴.

Показательные изменения происходили в 20-е гг. и в методах казачьего земледелия. С одной стороны, сложение сословных обязанностей, позволившее казакам активнее заняться хозяйством, способствовало более рациональному и полному использованию уссурийцами имевшихся у них земельных ресурсов. С другой стороны, политика советского государства лишила казаков возможностей широкого применения прежних сословных форм экстенсивного ведения хозяйства и в первую очередь – иммигрантского труда и аренды. В ходе государственных землеустроительных работ у казаков были изъяты все земельные площади, превышавшие установленную властями норму (от 5 до 7,5 дес. на едока). В итоге, в целом по Дальнему Востоку земельные наделы казачества сократились почти на 40%⁸⁵. Часть изъятых казачьих излишков передавалась земельными органами в руки безземельного корейского населения⁸⁶, являвшегося

до тех пор основным источником дополнительной рабочей силы для уссурийцев. Кроме того, рассматривая казачье арендодательство как средство получения нетрудового дохода, власти предпринимали меры и по его прямому налоговому и административному ограничению: все арендные договоры с конца 1922 г. подлежали регистрации в волисполкомах и могли быть ими расторгнуты⁸⁷.

Под воздействием такой политики масштабы привлечения уссурийцами рабочих рук со стороны стали быстро сокращаться. С середины 20-х гг. казачье хозяйство все более превращается в «трудовое», т.е. основанное, прежде всего, на труде самого казака и членов его семьи⁸⁸. Переход к трудовому хозяйству и уменьшение казачьих наделов втягивало казачество в общий для сельского населения страны тех лет процесс «осереднячивания».

Свою прежнюю значимость для казачьего населения в 20-е гг. потеряла и торговля. Широкая национализация этой сферы экономики вместе с отменой толкавших казаков к поиску «легких денег» сословных повинностей и упадком казачьих промыслов привели к тому, что торговые занятия перестали привлекать к себе массовый интерес уссурийцев. В меньшей степени это относилось к торговым отношениям приграничного населения с Китаем и, прежде всего, к традиционно развитой у казаков контрабанде. Еще в середине 20-х гг. поездки уссурийских казаков за кордон для покупки-продажи тех или иных товаров, в т.ч. контрабандных, были обыденным явлением⁸⁹. Однако ужесточение таможенного и пограничного контроля, особенно с конца 20-х гг., постепенно привело к их практическому прекращению.

Окрестьянивание не было единственным направлением социально-экономического перерождения уссурийского казачества. В соответствии с выбранными сферами профессиональной деятельности некоторая часть казаков в 20-е гг. переходит в состав социальных категорий рабочих и служащих. Данное явление, берущее свое начало в распространенных среди уссурийцев еще в до-революционную эпоху «посторонних заработках», было характерно в особенности для поселков, расположенных вблизи Уссурийской железной дороги⁹⁰.

Стихийные экономические процессы и преобразования нового правящего режима резко изменили социальный облик казачьего общества. С уничтожением законодательных оснований сословного статуса казаков, они были освобождены от особого порядка несения военной службы, множества натуральных и денежных повинностей, различных правовых ограничений. Ликвидация войсковой организации и сословного самоуправления избавила уссурийцев от постоянного мелочного административного вмешательства в их быт, сняла препятствия на пути естественного отмирания переживших свое время форм социальных отношений. Новое советское законодательство в целом значительно менее жестко регламентировало личную, семейную и общинную жизнь казачьего населения, предоставляя более широкие возможности для удовлетворения его современных потребностей, в т.ч. в социальной мобильности.

Высокими темпами в 20-е гг. развивалась социальная инфраструктура районов расселения уссурийских казаков. По уровню обеспеченности образовательными и культурными учреждениями казачьи селения Дальнего Востока превосходили в этот период крестьянские деревни. Значительно шире, чем раньше в казачью жизнь начинают входить книжная продукция и, особенно, периодическая печать⁹¹. Характерной особенностью социального и культурного строительства 20-х гг. являлось широкое, в т.ч. финансовое, участие в нем государства. Такое участие было тесно связано с решением принципиально важных для советского режима задач по идеологическому воспитанию и социально-политической адаптации сельского населения вообще и бывшего казачества в частности. Наиболее определенную идеологическую поддержку имела деятельность органов власти по вовлечению казаков, и в первую очередь молодежи, в работу различных общественных и общественно-политических организаций⁹². Вместе с тем, социальной политике советского государства был присущ отчетливо выраженный дифференцирующий, «классовый подход»: если основное и растущее бремя налоговых выплат государство возлагало на зажиточное

казачество, то социальной поддержкой с его стороны пользовались, прежде всего, малоимущие казаки, нередко вовсе освобождаемые от налогообложения.

Кардинальные и противоречивые перемены произошли в 20-е гг. в политической жизни уссурийского казачества. Создание в казачьих районах советских органов власти сопровождалось предоставлением избирательных прав подавляющей части их взрослого, как мужского, так и женского, населения. В то же время, лишению права участия в выборах подверглись казаки, связанные в прошлом с белым движением или причисленные к категории «эксплуататорских элементов», т.е. наиболее политически активная и зажиточная прослойка казачества. Местные сельские советы, в отличие от поселковых и станичных правлений, в значительно большей степени были доступны для демократического контроля «снизу», что в частности обеспечивалось их обязанностью периодически отчитываться перед своими избирателями. При этом сельсоветы действовали под бдительным надзором вышестоящих инстанций и в первую очередь партийных комитетов. Вместе с тем, до конца 20-х гг. вне компетенции сельсоветов находились хозяйственные вопросы местной жизни⁹³, в решении которых важную роль все еще играли общинные институты.

С уничтожением в 1922 г. войсковой организации уссурийское казачество фактически перестало существовать как единый и самостоятельный политический субъект. Новое административное деление Приморья, унифицированная советская система управления были призваны способствовать скорейшему изживанию прежней социальной обособленности казачества, и исключали возможность представительства его групповых интересов. После известного апрельского пленума ЦК РКП(б) 1925 г. местное партийное руководство ставило вопрос о необходимости выявления из казацкой среды «актива» для работы в советских органах различного уровня вплоть до краевого, и даже о возможном в перспективе создании «казацких территориальных частей»⁹⁴. Однако практического развития эти планы не получили.

Несмотря на тот всеобъемлющий характер, который имела трансформация общественной среды и собственной структуры уссурийской казачьей общности в 20-е гг., она не внесла в жизнь казачества значимых в групповом масштабе противоречий. Внешние условия существования казачьего общества и его структура, объективные социально-экономические процессы и государственная политика в отношении казаков развивались в этот период в целом параллельно, адекватно друг другу. В результате происходило не просто подавление, блокирование прежних функций и интересов казачества, но их последовательная перестройка и замещение иными функциями и интересами, адаптированными к новому состоянию вмещающей социетальной системы.

В послереволюционный период уссурийское казачество лишилось возможности реализации основополагающих для него ранее потребностей – в монопольной эксплуатации обширных земельных и промысловых ресурсов, в массовом использовании труда арендаторов и наемных рабочих, в льготном, свободном режиме ведения внутренней и внешней торговли. Тем не менее, подобное ущемление интересов вряд ли могло послужить причиной серьезного недовольства для огромного большинства уссурийцев. Ведь действительным источником этих потребностей для них являлись сословные обязанности, а точнее сопряженные с их исполнением образ жизни и денежные затраты. Ликвидация же сословных повинностей закономерно привела к существенному снижению объективной заинтересованности основной массы уссурийцев в своих экономических привилегиях. Новое социальное положение позволяло им, по крайней мере, не потерять прежнего уровня материального благосостояния даже в условиях перехода к трудовому и малоземельному крестьянскому хозяйству. Сбалансированность социальных и экономических, стихийных и управляемых аспектов процесса расказачивания 20-х гг. обусловила в целом спокойное и политически нейтральное отношение к нему большей части казаков.

Иначе изменилось положение зажиточного казачества. Приобретения, связанные с отменой сословных повинностей и ограничений, не могли компен-

сировать понесенных им потерь. Ликвидация войскового и надельного землевладения, иностранного труда и аренды, разного рода экономических льгот значительно понизили уровень жизни этой прослойки уссурийского казачества. Сравнительное ухудшение экономического статуса зажиточных уссурийцев усугублялось целенаправленной дискриминационной политикой, проводившейся в их отношении советским государством в социальной (налоговой) и политико-правовой сферах. Впрочем, несмотря на ущемление важнейших интересов верхушки казачества, политизированность ее сознания и ее политическая активность в 20-е гг. были высоки лишь относительно большинства казачьего населения. Основными причинами этого послужили тяжелые последствия и негативный для «белого» казачества политический опыт гражданской войны, а также эмиграция наиболее непримиримых противников нового режима. Кроме того, в силу, как указанных объективных факторов, так и интенсивной пропагандистской и организационной работы советских властей, зажиточные старичники не могли рассчитывать на сколько-нибудь широкую поддержку со стороны остальной части уссурийского казачества. Пожалуй единственной возможной основой политической солидарности различных слоев казачьего общества являлась задача сохранения его культурной специфики, особую актуальность которой придавали нередкие грубость и поспешность в деятельности государства по искоренению «сословных пережитков».

Успешная в целом адаптивная перестройка и рекоординация объективных интересов уссурийского казачества и связанная с ней значительная деполитизация его сознания, вкупе с изменением институциональных условий жизни казаков, отразились на специфике выдвигавшихся ими в 20-е гг. политических требований. Как по субъекту выражения, так и по своему буквальному содержанию данные требования носили в основном индивидуальный, микрогрупповой и общинный характер. Вопросы регионального, общесословного и национального масштаба, специально-политические проблемы привлекали внимание казаков лишь эпизодически.

На фоне общего снижения политической активности уссурийцев, главным объектом их требований выступала земля. При этом постановка земельного вопроса принимала различные формы: от поземельных споров с соседями-крестьянами и протестов против конкретных действий землеустроительных органов до требований возврата сословных привилегий в землепользовании в полном объеме. С вопросом о земле были тесно связаны выступления казаков против возобновившегося во второй половине 20-х гг. массового крестьянского переселения из центра страны на Дальний Восток. Инициаторами выдвижения указанных требований, как правило, являлись зажиточные казаки⁹⁵. Порою им удавалось привлечь на свою сторону и представителей других категорий казачьего населения, для которых было характерно, хотя и более спокойное, но в целом также недоброжелательное отношение к земельной и переселенческой политике новой власти. Впрочем, в данном случае такая недоброжелательность была обусловлена скорее культурными мотивами – живой еще межсословной рознью и привычкой уссурийцев к прежнему, традиционному хозяйственному укладу, - а также имевшими место в ходе землеустройства отдельными явными нарушениями гражданского равноправия казаков в обеспечении землей⁹⁶.

Постоянным и широко распространенным среди зажиточных уссурийских казаков в 20-е гг. являлось требование снижения налогов⁹⁷. Для верхушки казачьего общества налоговый вопрос имел, по крайней мере, не меньшую значимость, чем вопрос земельный. Однако основную, середняцко-бедняцкую часть казачества данное требование, как правило, оставляло безучастной.

Значительно реже активность казаков направлялась намерениями специально-политического характера. Требования такого рода исходили почти исключительно от зажиточного казачества. Богатые уссурийцы, в числе которых было немало «лишенцев», добивались, как правило, получения избирательных прав и введения своих представителей в состав местных советских органов⁹⁸. Меньшая же часть зажиточных казаков, принимавшая участие в деятельности проникавших в первой половине 20-х гг. на советскую территорию из Китая

белых банд, склонялась к более радикальной политической позиции. Вливаясь в ряды бандформирований, эти казаки выступали тем самым в поддержку выдвигаемых ими лозунгов уничтожения коммунистов, ликвидации Советов, возрождения «единой и неделимой», православной и монархической России⁹⁹. Характерной чертой казачьих выступлений специально-политического характера в рассматриваемый период было практическое отсутствие требований воссоздания институтов сословного самоуправления и представительства.

§2. Культурные основы политической жизни уссурийского казачества.

Переходя к рассмотрению политической культуры уссурийского казачества, отметим ее основные, наиболее значимые для нашего исследования, специфические черты. Самой очевидной особенностью политической культуры уссурийцев являлся ее сословный характер. Принадлежность к социально-правовой категории казачества, обладающей своеобразным положением в структуре российского общества и особым образом (через войсковые институты и органы сословного самоуправления) включенной в его политическую подсистему, имела, безусловно, основополагающее значение для формирования и воспроизводства политико-культурного облика уссурийцев.

Характерной чертой политической культуры уссурийского казачества (особенно до начала XX в.) была ее чрезвычайно слабая специализированность, выделенность в общем контексте духовного мира казаков. Эта черта, в равной мере присущая и многим другим социальным группам дореволюционного российского общества, являлась следствием его авторитарного устройства и феодально-сословной стратификации, длительное время обуславливавших низкую интенсивность политической жизни казачества и препятствовавших накоплению им собственного политико-исторического опыта.

Еще одним отличительным свойством политической культуры уссурийского казачества была ее мозаичность, внутренняя неоднородность. Ее причи-

ной являлось то, что уссурийская казачья общность формировалась путем организованных правительством массовых переселений на основе различных этнографических групп российского казачества и крестьянства, культурное родство которых порою было весьма отдаленным. Вплоть до 20-х гг. XX в. процесс культурной консолидации уссурийского казачества так и не был завершен, и вошедшие в его состав выходцы из разных социальных общностей во многом сохраняли свою территориальную обособленность¹⁰⁰.

Способ формирования уссурийского казачества и историческая краткость его существования предопределили особый характер динамики его политико-культурных представлений. Эволюция политической культуры уссурийцев была результатом не столько адаптивных процессов, аккумуляции собственного, местного опыта политической жизни, сколько процессов коммуникативных, связанных с привнесением культурных традиций в «готовом виде» извне в ходе переселений. С нашей точки зрения, крупнейшими факторами и важнейшими вехами генезиса и трансформации культурных, в т.ч. политико-культурных, представлений уссурийского казачества следует считать широкомасштабные казачьи переселения 1858 – 1862 гг. и 1895 – 1902 гг., а также массовое «перечисление» в УКВ крестьян в межреволюционный период.

Первыми казаками-уссурийцами стали переселенцы из Забайкалья, прибывшие в Приморье в 1858 – 1862 гг. Состав переселенцев был неоднороден. Часть из них принадлежала к «коренным» забайкальским казакам, предки которых несли здесь государственную службу с XVII в. Другую, по всей видимости, большую, часть первых переселенцев составили бывшие горнозаводские крестьяне, приписанные к пешим батальонам ЗКВ в 1851 г.¹⁰¹ Последние долго сохраняли культурные черты прежнего сословного состояния, медленно и с большим трудом осваивая свои новые, военные функции¹⁰².

Общей составляющей образа жизни забайкальцев, как коренных казаков, так и бывших крестьян, являлся постоянный принудительный труд по выполнению различных казенных работ и повинностей. Он и связанная с ним сла-

бость собственного хозяйства служилых казаков и заводских крестьян, их экономическая и социальная зависимость от государства неизбежно налагали свой отпечаток и на их мировоззрение. Кроме того, для переселенцев первой волны было характерно отсутствие каких-либо традиций самоуправления. Напротив, на протяжении длительного исторического периода казачество и горнозаводское крестьянство Забайкалья существовали в условиях прямого административного подчинения и регламентации, исключавших всякие проявления демократических начал и инициативы «снизу».

Сохранение в первые десятилетия после переселения упомянутых основных условий жизни казаков способствовало консервации основ их традиционного сознания. Вместе с тем, насильственный характер переселения, трудности адаптации к новой природной среде, значительное падение материального благосостояния казаков, неограниченный произвол со стороны войскового офицерства повлекли за собой усиление в культуре и психологии уссурийцев элементов пассивности, апатии и фаталистического восприятия действительности. Мировоззрение первых поселенцев длительное время находилось в состоянии кризиса и дестабилизации, крайними проявлениями которых являлись распространенные среди казаков девиантные формы поведения (повальное пьянство, проституция) и эсхатологические настроения¹⁰³.

Общий культурный облик и неразвитость политических отношений казаков-уссурийцев забайкальского происхождения определяли специфику их политико-культурных представлений. Политической культуре выходцев из Забайкалья были свойственны чрезвычайно низкая специализированность и содержательная бедность, особенно сильно отразившиеся на качествах ее когнитивного компонента. Представления уссурийцев-старожилов о политической системе России отличались крайними отрывочностью и упрощенностью. Их главными и практически единственными объектами выступали высшая, центральная государственная власть, обобщенно представляемая в понятии «казны», и власть местная, ближайшая, объединяемая под именем «начальства».

Высшая власть в стране во многом отождествлялась в сознании казаков с фигурой царя, личная воля и намерения которого, по их мнению, являлись основным источником всех значимых изменений в положении его подданных¹⁰⁴. Весьма неопределенно казаки представляли себе и структуру местной администрации. Первоначально главным воплощением местной власти для них являлись младшие войсковые чины, станичные и сельские начальники, о пределах полномочий и субординации которых точной и достоверной информации казаки не имели. Лишь позднее, особенно с 70-х гг. XIX в., уссурийцы вполне осознали значение таких должностных лиц как командир Уссурийского казачьего батальона (полубатальона) и губернаторы Приморской и Амурской областей. Их функции по представлениям казаков состояли, прежде всего, в защите населения от произвола низшего начальства и поддержке его прошений, направляемых вышестоящим властям¹⁰⁵.

Скудность политических знаний переселенцев первой волны отражала общую мифологическую схематичность и замкнутость их миропонимания, его традиционную самодостаточность и невосприимчивость к новому содержанию. Кроме того, вплоть до конца XIX в. развитию политико-культурных представлений уссурийцев препятствовали низкий уровень грамотности и обеспеченности казачьего населения печатной продукцией, недостаток учебных заведений (в 1889 г. в округе УКВ насчитывалось 5 школ) и крайняя ограниченность их программ, помимо Закона Божьего не включавших в себя никаких дисциплин социального цикла¹⁰⁶. В этот период свои знания о политической жизни уссурийские казаки получали в первую очередь из собственного, еще очень небогатого, опыта участия в ней.

Переходя к рассмотрению ценностного компонента политической культуры казаков-старожилов, нужно отметить, что для них в целом была характерна устойчивая негативная оценка деятельности властей. Огромное, длительно ощущавшееся влияние на восприятие старожилами государства оказало принудительное переселение 1858 – 1862 гг. и последующие лишения, испытанные

переселенцами на Уссури. Казаки не понимали значения колониционной политики «казны» на Дальнем Востоке, связывая с ней, прежде всего, разрушение привычного уклада своей жизни и разорение¹⁰⁷. В то же время, считая государство главным виновником своих бед, уссурийцы всецело полагались на него в своих надеждах на лучшую жизнь. По распространенному среди казаков убеждению, с момента переселения именно казна должна была нести основную и постоянную заботу об их материальном обеспечении¹⁰⁸.

Патерналистская ориентация казаков в значительной степени ослабляла негативность восприятия ими государственной власти. Часто неприязненно относясь к политике государства, они не подвергали сомнению правомерность основ его устройства, и в первую очередь его монархическую форму. Авторитет монархии и августейших особ среди уссурийцев во второй половине XIX в. был еще весьма высок. Прямые обвинения в адрес царя в это время были явлением исключительным. Так, в 1883 г. за «оскорбление императора» был арестован казак пос. Черняевского Н. Лалетин, неосторожно поделившийся с одним из своих односельчан мыслями о том, что покойный Александр II сделал при жизни «много зла». Примечательно, что Лалетин далеко не был типичным представителем уссурийского казачества. Перечисленный в казачье сословие из солдат, он в прошлом долгое время служил в городах Европейской России, и в т.ч. в столице. Кроме того, судя по употребляемой лексике («биография», «варвар» и т.д.), Лалетин был человеком грамотным и даже начитанным¹⁰⁹.

Заметно более критическим было отношение казаков к представителям местной администрации. Особенно мрачную память среди уссурийцев оставили по себе офицеры, командовавшие ими в первые годы после переселения. Прославившееся сумасбродствами и некомпетентностью, это «начальство», в целом не пользовалось уважением казаков, которые впоследствии вспоминали о нем с горькой и злой иронией¹¹⁰. Вместе с тем, длительная фактическая неограниченность власти офицеров-начальников формировала у казаков представление о неизбежности и обыденности такого положения вещей, вырабатывала у них

привычку к покорности, а порою и раболепию перед вышестоящими лицами¹¹¹. С созданием в 1872 – 1879 гг. официальных институтов общинного самоуправления, восприятие казачьим населением местного начальства изменилось мало. И в 90-е гг. XIX в. уссурийцы-старожилы смотрели на войсковую и областную администрацию как на чуждую им, стихийную силу, непонимающую и не желающую понимать и учитывать действительных потребностей казаков¹¹².

Терпимое, примирительное отношение казаков к весьма низко оцениваемой ими местной власти, кроме того, было напрямую связано с их общими представлениями об условиях жизни в крае и собственной самооценкой. Дело в том, что в силу как объективных, так и субъективных (в религиозной картине мира забайкальцев земли к востоку, Приамурье, рассматривались как область расположения ада и грядущего рождения Антихриста)¹¹³ причин, переселенцы из Забайкалья долго считали дальневосточный край местом аномальным, сакрально негативным, предназначенным не для нормальной жизни, но для ссылки и наказания. При этом, по словам А. Максимова, посетившего Уссурийский край в 80-е гг. XIX в., и самих себя местные казаки воспринимали как «ссылных за что-то», а значит, в какой-то мере обязанных смириться с ненормальностью своего положения. Подобные представления естественным образом сочетались с убежденностью уссурийцев в том, что «хорошего им не пошлют», и, что они должны терпеть власть начальников, которые «вероятно, не мало-таки натворили в России, если попали на такую службу в Сибирь, да еще на самую отдаленную ее окраину»¹¹⁴.

Ценностные ориентации и самооценка старожилов оказали непосредственное влияние на их политико-поведенческие установки. Как и во многом другом, в своих отношениях с начальством они обычно вели себя пассивно и апатично. Привыкнув не ожидать от власти ничего хорошего, казаки нередко предпочитали избегать всякого общения с ее представителями, порою, особенно в первое время после переселения, даже не осмеливаясь обращаться к ним с жалобами¹¹⁵. Типичной формой сопротивления властному принуждению для

них являлось скрытое саботирование распоряжений начальства, их небрежное исполнение или, при возможности, игнорирование.

Малоинтенсивное экономическое и социальное развитие казачьего общества долгое время практически не затрагивало культурного слоя его сознания. Лишь с начала 90-х гг. XIX в., под воздействием расширившихся контактов уссурийцев с внешним миром, в первую очередь строителями Уссурийской железной дороги и горожанами, в их культуре стали происходить заметные сдвиги, связанные с быстрым разложением патриархального быта, нравов и традиций казачьей деревни¹¹⁶. Однако действительно ключевой, поворотной вехой в культурной истории уссурийского казачества явилась середина 90-х гг. XIX в. – время начала второй волны массового переселения казаков в Приморье.

Инициированное правительством переселение 1895 – 1902 гг. увеличило численность казачьего населения УКВ более чем на 7 тыс. человек, т.е. примерно в 2 раза¹¹⁷. Небольшую часть переселившихся казаков (79 домохозяев, т.е. фактически 79 семей) составили выходцы из ЗКВ, однако подавляющее большинство переселенцев прибыли из Европейской России. По данным на 1901 г., среди последних первое место по численности принадлежало донцам (399 домохозяев), далее в порядке убывания шли оренбуржцы (333 домохозяина), кубанцы (207 домохозяев) и терцы (20 домохозяев). Помимо казаков из других войск в рассматриваемый период в УКВ зачислялись также крестьяне и запасные солдаты – 100 домохозяев на 1901 г.¹¹⁸.

Переселенцы из европейских казачьих войск принесли с собой на приморскую землю богатый опыт сословной жизни. Носителями наиболее древних, развитых и характерных культурных традиций российского казачества среди них, безусловно, являлись выходцы из старейших казачьих сообществ – донского и терского, а также связанного с ними тесными генетическими и историческими узами Кубанского войска. Культура населения этих казачьих войск, сформировавшаяся в своих основных чертах еще в XVI – XVII вв., в «вольный» период истории казачества, отличалась глубоким (по определению большинст-

ва современных исследователей, субэтническим) своеобразием содержания и структуры. Наряду с древними традициями вольного казачества влияние на политическую культуру переселенцев из европейских казачьих войск оказали и те относительно благоприятные условия, в которых протекала на родине их собственная политическая жизнь. Казачество центральной России смогло значительно раньше и шире воспользоваться плодами либеральных преобразований, осуществленных правительством Александра II в сфере сословного управления.

Более обширный исторический и современный опыт политических отношений казаков-переселенцев рубежа XIX – XX вв. обусловил сравнительную сложность их политико-культурных представлений. Так, казаки-новоселы обладали более развитыми, нежели старожилы, знаниями об устройстве государственного механизма империи. Их представления о центральной власти не ограничивались ее общим образом («Государство») и его персонификацией в лице «Государя». В некоторой степени они были осведомлены и о ее внутренней структуре, о чем свидетельствует поданное доверенными пос. Графского в 1910 г. посетившему Дальний Восток с ревизией сенатору Глицинскому прошение о возвращении части общинных земель, занятых для своих нужд военным ведомством¹¹⁹. Весьма полно и точно новоселы представляли себе вертикаль местной администрации. Они неоднократно обращались с ходатайствами и жалобами к различным войсковым чинам и Войсковому правлению УКВ, а в случае необходимости к приморскому губернатору и даже генерал-губернатору Приамурья.

Знания о политике переселенцы из европейских войск черпали не только из собственного опыта. Заметно превосходя старожилов по уровню грамотности и общей образованности, они значительно активнее использовали такие источники политической информации, как книги и периодическая печать. Период второй волны массового казачьего переселения и первые годы после него ознаменовались резким ростом обеспеченности населения УКВ учебными заведениями (в 1905 г. в войске было уже 35 школ), появлением в поселках и станциях школьных и народных библиотек¹²⁰.

Большим своеобразием и отчетливой преемственностью по отношению к традициям вольного казачества отличался ценностный компонент политической культуры уссурийцев-новоселов. В первую очередь, это относилось к социально-политическим ценностям переселенцев с Дона. Именно бывшие донцы особенно бережно и полно сохраняли в песенном фольклоре, архаичных обычаях и ритуалах память о славном боевом прошлом своих предков¹²¹. И в начале XX столетия для них не утратили своей значимости идеальные представления о казаке как, прежде всего, прирожденном воине, защитнике своей страны, высокое и ответственное призвание которого наделяет его чувством собственного достоинства и чести.

Исполнение жизненно важной для государства военной функции обуславливало, по убеждению донцов, непосредственность их отношений с высшей властью, их особую близость к монарху. Несение службы воспринималось ими не столько как отбывание тяжелой повинности, сколько как поддержание, воспроизводство своего привилегированного социального статуса: «служить» для них означало собственно «служить Государю»¹²². По сообщению современника, переселенцы с Дона были уверены в том, что «вызваны» в Уссурийский край «Высочайшей волей», и при этом не по экономическим соображениям (т.е. не по причине нехватки в Донском войске надельной земли), но «исключительно» в целях охраны строящейся здесь железной дороги¹²³.

Необходимо заметить, что при всей своей значимости образ «Государя» далеко не замещал и не исчерпывал в сознании донцов, да и других казаков-новоселов, идеи «Государства» как общенародного, национального блага и достоинства. Имевшие глубокие и самостоятельные исторические корни «государственные» мотивы в политической культуре казаков, как показали последующие события, обладали значительно большей устойчивостью и фундаментальностью, нежели их монархические ценности.

Особенности оценки донцами своего общественного положения наложили отпечаток и на их отношение к местному «начальству». Последнее, и, преж-

де всего, войсковые чины, не представлялось переселенцам-донцам ни достаточно авторитетным, ни вполне компетентным. Очень часто распоряжения местной власти воспринимались ими «с ропотом и неудовольствием», а порою просто пренебрежительно. Представителями администрации неоднократно отмечалась склонность донцов к «своевольству», их стремление обустроиваться на новом месте «по своему», без ведома и контроля со стороны начальства. Вместе с тем, новоселов отличала высокая требовательность к властям, и даже (в случае с донцами) ожидание от них «уважения и почета»¹²⁴.

Для понимания политического поведения уссурийских казаков в последующий период необходимо также учитывать то, что переселение 1895 – 1902 гг. заметно изменило и характер внутренних отношений в местном казачьем обществе. Усложнение его социокультурного состава создало почву для появления между казаками различного происхождения разнообразных бытовых трений, а иногда и устойчивой взаимной неприязни. Подобная неприязнь, особенно в первые годы после переселения, разделяла новоселов со старожильческим населением УКВ. Культурные конфликты возникали и в среде самих новоселов, между выходцами из «старых» и «новых» войск. Такого рода «сильная рознь» обнаружилась в ходе переселения между донцами и оренбуржцами¹²⁵. Следует сказать, что в силу высокой самооценки, развитого субэтнического самосознания и культурной специфики, переселенцы с Дона, четко отделяли себя от других групп казаков и тем более от неказачьего населения. Так, традиционное для донцов негативное восприятие крестьянского образа жизни находило проявление в их демонстративном презрении к приписанным к составу УКВ малороссам¹²⁶. В целом же, культурные процессы, связанные с притоком в УКВ казаков из европейских войск, сыграли роль важного фактора усиления сословной конфронтации между войсковым населением и приморским крестьянством.

Характеризуя поведенческие ориентации уссурийцев-новоселов, можно отметить, что их общими чертами были относительные активизм и инструментальное разнообразие. В наибольшей мере эти черты отличали политико-

поведенческие установки бывших донцов. Подобно старожилам-забайкальцам, они часто облекали свое недовольство в форму скрытого сопротивления властям. Однако не менее широко донцы прибегали и к другим, более эффективным способам отстаивания своих интересов, в т.ч. к критике деятельности администрации на общинных сходах, а также к подаче индивидуальных и коллективных жалоб в инстанции различного уровня. Как писал в своем отчете объехавший в 1899 г. территорию расселения уссурийских казаков полковник Коцурик, - «Общая в этом крае привычка Донцов – непременно о чем-нибудь просить начальство, или на что-либо или на кого-либо жаловаться...»¹²⁷.

Самой же радикальной и вместе с тем характерной формой политического поведения донцов являлись бунты. За особую склонность к ним переселенцы с Дона даже приобрели у жителей края прозвище «бунтарей»¹²⁸. Бунты донских казаков отличались большим упорством и длительностью, а их участники, руководимые обычно несколькими вожаками из числа стариков или зажиточных казаков, вели себя довольно организованно и сплоченно. Впрочем, оказывая неповиновение властям, донцы, как правило, предпочитали занимать оборонительную позицию, избегая слишком активных и тем более насильственных действий. В случае же применения силы со стороны властей они чаще всего отказывались от дальнейшего сопротивления¹²⁹.

По окончании второго массового казачьего переселения развитие политической культуры уссурийцев происходило под влиянием двух основных факторов. К первому из них мы относим процессы внутрикультурные, собственно коммуникативные, ко второму – процессы преимущественно функциональные, связанные с адаптацией казачьей культуры к изменениям во внешней среде. Главное содержание внутренней динамики культуры уссурийского казачества в этот период составляла интерференция и консолидация культурных представлений различных по происхождению групп войскового населения и в первую очередь старожилов и новоселов. Хотя и довольно медленно, повседневное общение и брачно-родственные связи все же нарушали обособленность их быта и

сглаживали его специфику. Культурной консолидации благоприятствовало единство важнейших естественных и общественных условий жизни войска. Духовному сплочению уссурийцев, кроме того, способствовали породнившие их «кровью» военные конфликты конца XIX – XX вв.¹³⁰.

Консолидация затронула и сферу политико-культурных представлений уссурийских казаков. По нашему мнению, культурный обмен в этой сфере был далеко не эквивалентным. Содержательно более богатая и активистки ориентированная политическая культура новоселов, безусловно, не могла не оказать более сильного влияния на соответствующие представления старожильского населения. Кроме того, по своей направленности это влияние совпадало с объективными тенденциями развития общественно-политической среды и таким образом имело непосредственную адаптивную ценность.

Впрочем, и обратные культурные заимствования были явлением нередким и неслучайным. Порою очень тяжело переживавшееся новоселами столкновение с непривычными условиями жизни в крае, невольно заставляло их обращаться за помощью к опыту местного населения. Так, через нескольких лет после переселения, некоторые донцы, усвоив характерный для старожилов взгляд на место своего проживания как на «каторжную страну», по собственному определению «переменялись». Суть этой «перемены» состояла в резком снижении уровня притязаний переселенцев, в появлении у них готовности к принятию «каторжного» образа жизни. По словам одного из таких «переменявшихся», он прекратил «беспокоить начальство» просьбами, предпочитая заставить его в полном удовлетворении своим обустройством в крае. Убежденность в бессмысленности обращений к властям сочеталась у бывшего донца с негативной оценкой своего прежнего поведения: переселенческий бунт, участником которого он был, характеризовался им теперь как «глупость» и «срам»¹³¹.

Другим важным фактором изменений в политико-культурных представлениях уссурийских казаков явилась трансформация вмещающей социетальной

системы. Модернизация в период первой революции и послереволюционные годы институционально-правовой и социально-экономической структуры российского общества, обновление его массового сознания и сопряженная с этим перестройка интрасоциетальных функциональных и коммуникативных связей уссурийского казачества оказались достаточно глубокими и масштабными, чтобы отразиться на содержании всех компонентов его политической культуры.

Более полными и разносторонними становятся знания казаков об организации политической системы империи. Объектом пристального внимания части казаков в межреволюционный период стала Государственная Дума и ее законодательная деятельность¹³². Следует отметить, что интерес к закону, стремление к его знанию и практическому использованию превращаются в это время в одну из доминирующих черт сознания казачества. Судя по частым ссылкам уссурийцев, в т.ч. в обращениях к властям, на действующие законы, их правовая информированность, в первую очередь в области сословного, особенно земельного, законодательства, была довольно высока¹³³.

Еще одним направлением развития когнитивного компонента политической культуры уссурийцев стало расширение их представлений о структуре общегражданского, в т.ч. земского, местного управления. Вследствие участвовавших столкновений с крестьянами казакам доводилось достаточно часто общаться с представителями приморской крестьянской администрации¹³⁴. Кроме того, казаки были осведомлены и об особенностях организации земских органов, существовавших в европейской части страны. Это было связано с тем, что последние рассматривались ими как возможная альтернатива бюрократизированной системе войскового управления¹³⁵.

Хотя большую часть своих знаний о политике в этот период уссурийцы по-прежнему извлекали из собственной политической практики, роль в этом процессе информационных коммуникаций заметно возросла. С ростом грамотности и уровня жизни казаков книги и периодическая печать становятся необходимым элементом их быта. Станичные и поселковые правления войска начи-

нают проводить регулярную выписку законов и газет¹³⁶. Более важным, чем прежде, источником социально-политической информации для казаков стало школьное образование, что явилось в т.ч. результатом введения в школах УКВ новых учебных программ, предусматривавших преподавание основ отечественной истории с упором на сведения о российском казачестве вообще и уссурийском в частности¹³⁷.

Еще более активно, чем когнитивные представления, на изменения в общественной и политической среде казачества отреагировал ценностный компонент его культуры. Впрочем, столь быструю трансформацию его содержания, на наш взгляд, вряд ли правомерно рассматривать как сугубо инновационный процесс, продукт непосредственной адаптации или рецепции «готовых», адекватных модернизирующейся общественной действительности политических идеалов извне. Во многом данная трансформация являлась актуализацией собственных, вполне традиционных, но долгое время подавляемых и цензурируемых ценностных ориентаций казачества. Революционный кризис 1905 – 1907 гг. «напомнил» уссурийцам (в первую очередь, выходцам из «старых» казачьих войск) об «исконной свободе» казачества, о его приверженности принципам широкого самоуправления, демократии и выборности власти¹³⁸. Революционные события вскрыли непрочность, историческую и ценностную «вторичность» царистского мифа в культурном сознании казаков. Начиная, по крайней мере, с 1906 г., в общественных приговорах, адресованных властям, уссурийцы неоднократно подчеркивали обусловленность своих требований необходимостью исправного исполнения службы «Государству» («России», «родине»), вовсе не упоминая при этом о «Государе»¹³⁹. Показательно в этом смысле прошение о созыве войскового схода, направленное в январе 1906 г. Полтавским станичным сходом наказному атаману УКВ. Убеждая атамана в отсутствии в их предложении какой-либо «политической подкладки», казаки, тем не менее, сочли необходимым изменить в тексте прошения официальную формулу – «преданность Царю и Отечеству», на – «преданность Отечеству и Царю»¹⁴⁰.

Если для обнаружения непрочности в сознании казаков авторитета самодержавной власти понадобился «революционный шок», то оценка ими авторитетности власти местной, и в т.ч. войсковой администрации, и до событий 1905 – 1907 гг. была весьма невысока. Революция и политика местных властей в межреволюционный период лишь ускорили и обострили процесс их делегитимации в глазах большинства уссурийских казаков. Очень характерными для уссурийцев в это время были высказывания о «чуждости» войскового начальства, о «бесполезности, если не вредности» его деятельности¹⁴¹.

Переосмысление и саморазвитие традиционного опыта, конечно, не было единственным механизмом приспособления ценностного компонента политической культуры уссурийских казаков к бурно меняющимся общественным условиям. Свою, на наш взгляд, вспомогательную, роль в этом процессе выполняло и прямое усвоение казаками культурных и идеологических представлений различных политических сил и социальных групп. Наиболее мощной направленной формой внешнего коммуникативного воздействия на ценностные ориентации казачьего населения являлась политическая пропаганда, активно осуществлявшаяся в 1905 – 1917 гг. как левой и либеральной оппозицией, так и правящим режимом. Возможности последнего в ведении идеологической работы с казачеством были особенно велики: в своих целях власти использовали школьную сеть, местные библиотеки, деятельность и фонды которых находились под бдительным надзором администрации, церковную инфраструктуру, войсковые и иные официальные праздники¹⁴². В межреволюционный период внимание правительства к вопросам политического воспитания казачества заметно повысилось, что в отношении уссурийских казаков выразилось в ряде царских пожалований и грамот, – пожалование войску знамени и атаманской насеки в 1907 г., высочайшая грамота 1912 г. о «нерушимости настоящего образа служения» УКВ, дарование УКВ в 1913 г. «старшинства» с 20 августа 1655 г.¹⁴³, - призванных символическими средствами укрепить их верность трону. Вместе с тем, по своему содержанию усиленно внедряемая государством в умы

казаков идеология была чрезвычайно схематичной и косной, все еще замыкавшейся в рамках сформулированных в первой половине XIX в. универсальных принципов «самодержавия, православия и народности». Лишь последний из них, в соответствии со спецификой объекта пропаганды, был трансформирован в идею «казачьего духа» – обобщенное и утрированное выражение наиболее привлекательных с точки зрения царского режима качеств казака, заслуживающих поощрения и развития со стороны власти, – воинской доблести, патриархальной добродетельности и преданности самодержавию. Правительственная пропаганда, находившаяся в разительном противоречии с действительностью и неспособная отвечать на возбуждаемые ей вопросы, оказывала в целом слабое влияние на политические ценности уссурийцев. В этом отношении далеко не столь интенсивное воздействие на сознание уссурийцев оппозиционной прессы было более эффективным. Впрочем, быть может за исключением упоминавшейся выше идеи «законности», ограничения действий власти правом, оно также не внесло в ценностные представления казаков значительных новаций.

Сходным с ценностным компонентом образом, т.е. прежде всего за счет внутреннего смещения акцентов, эволюционировала и поведенческая составляющая политической культуры казачества. В рассматриваемый период в жизнь уссурийцев вошли некоторые новые для них формы политической деятельности и поведения, в т.ч. участие в выборах своих представителей в высший законодательный орган страны (Думу) и на региональные общественные форумы (областной сельскохозяйственный съезд 1912 г.), выступления на страницах местной печати, попытки межобщинной координации отношений с войсковой администрацией. Однако в силу спорадичности своего использования и малой распространенности данные формы поведения еще не приобрели подлинно культурной устойчивости и общезначимости. Поэтому вовлечение казаков в политическую жизнь происходило в основном в соответствии с уже укоренившимися поведенческими образцами, соотношение и содержание которых несколько изменились. После событий 1905 – 1907 гг. в политическом поведе-

нии уссурийцев сократился удельный вес пассивных и негласных форм неповиновения властям, и возросла роль открытых индивидуальных и особенно коллективных форм протеста. В свою очередь, среди последних практически исчезают бунты, место которых занимают более рационально организованные, легальные действия общинных сходов, добивающихся своих целей в основном вполне институализированным методом подачи прошений и ходатайств. Примечательной чертой подобных выступлений становится их возрастающая публичность: в некоторых случаях казачьи сходы адресовали свои постановления не только властям, но и, при помощи прессы, местной общественности¹⁴⁴.

Немалый интерес для раскрытия структуры и динамики политической культуры уссурийского казачества имеет изучение того воздействия, которое оказало на нее массовое «перечисление» в 1907 – 1911 гг. в войсковое население УКВ крестьян (из числа новоселов, а также «иногородних» европейских войск), составлявших к 1917 г., по-видимому, не менее трети общего состава войска. К сожалению имеющиеся у нас источники дают слишком мало материала для реконструкции содержания политико-культурных представлений этой части местного казачества. Тем не менее, на наш взгляд, можно с высокой степенью достоверности указать на такие черты политической культуры «показанных» крестьян как сравнительная ограниченность политических знаний, негативно-отчужденное восприятие войсковой администрации и весьма низкая мотивированность к активному политическому поведению. Важнейшим препятствием развитию когнитивных представлений бывшего крестьянского населения о политике являлась его почти поголовная неграмотность¹⁴⁵. Кроме того, основная масса крестьян-новоселов находилась в тяжелом материальном положении, что, безусловно, заметно снижало их политическую информированность и активность. Вместе с тем, для них было характерно постоянное и глубокое недовольство деятельностью властей, часто выливавшееся в форму эмоционального бунтарства или девиантного поведения: на родине многие из новоселов были участниками аграрных волнений 1905 – 1906 гг., а после переселения

оценивались администрацией как наиболее нравственно неустойчивая и склонная к нарушению закона часть войсковых жителей¹⁴⁶.

Значимой чертой социально-политических представлений показаченных по решению властей крестьян являлась их неприязнь к образу жизни казака и сопряженным с ним повинностям, и в первую очередь к военной службе¹⁴⁷. В свою очередь, «коренное» казачье население УКВ смотрело на «переселенцев не из казаков» свысока и относилось к ним недружелюбно¹⁴⁸. Это обстоятельство затрудняло нормальное общение между различными частями казачьего общества, поддерживая его культурную расколотость.

Обращаясь ко второму революционному периоду в истории уссурийского казачества, следует подчеркнуть, что события 1917 – 1922 гг., по нашему мнению, не могут рассматриваться в качестве самостоятельного этапа в развитии политической культуры уссурийцев. Период 1917 – 1922 гг. был сам по себе слишком непродолжителен для того, чтобы в его рамках успели оформиться и проявить себя какие-либо определенные культурные тенденции. Кроме того, его чрезвычайная событийная насыщенность и сложность препятствовали выработке у казаков глубинных, обобщающих представлений, фиксируясь главным образом в актуальном слое их сознания. Это, конечно, не означает, что революции 1917 г. и гражданская война не оказали влияния на культурную историю уссурийского казачества. Во-первых, они ускорили развернувшиеся еще в предреволюционный период долговременные модернизационные процессы в политической культуре уссурийцев, сопряженные с разложением их патриархального, мифологического мировосприятия, дифференциацией и рационализацией их представлений о политике. Во-вторых, непосредственным эффектом революционного кризиса стали обнажение «предельных» ценностных оснований культурного сознания казаков, резкое оживление их исторической памяти, и особенно ее «вольного» пласта. Наконец, в-третьих, период 1917 – 1922 гг. имел для политической культуры уссурийского казачества и безусловное инновационное значение. Однако объективно необходимым фактором позитивного

содержательного обновления политико-культурных представлений казаков завоевания революции стали главным образом в постреволюционную эпоху, после своего закрепления в политической системе Советской России.

Кардинальное преобразование общественной среды уссурийского казачества в 20-е гг. XX в. отразилось не только на его политической жизни. Резкому изменению подверглись и его статусные позиции в экономической и социальной сферах. Всеобъемлющий характер перемен, объективно уничтожавших специфику положения уссурийского казачества в структуре вмещающей социальной системы, поставил под вопрос самоидентичность и самостоятельность его существования как социокультурной общности. 20-е гг. стали временем коренной трансформации культуры уссурийцев, которая неуклонно вела к их растворению в крестьянском населении Приморья. Весьма быстрые темпы этого процесса в 20-е гг. во многом были обусловлены тем, что его начальная фаза была пройдена казачеством еще в дореволюционную эпоху.

Ликвидация сословного статуса резко усилила разрушающее воздействие на культурные традиции уссурийских казаков объективных процессов социально-экономического развития российского общества. Кроме того, в 20-е гг. уссурийское казачество как часть сельского населения стало объектом целенаправленной политики советского государства, направленной на ускорение административно-нормативными и идеологическими средствами культурной нивелировки и модернизации деревни.

Таким образом, эволюция политико-культурных представлений уссурийцев в 20-е гг. стала результатом взаимоналожения процессов общекультурного перерождения казачьего общества и перестройки его политических отношений. Подобное «кумулятивное» воздействие повлекло за собой как никогда ранее глубокие изменения в содержании политической культуры казаков. Реструктуризация политической системы страны потребовало обновления когнитивных представлений уссурийцев о политике. При этом их культурное сознание не всегда было в состоянии адекватно отображать стремительные и сложные ин-

ституциональные и нормативные преобразования, происходившие в советском государстве. Это особенно сказывалось на качестве знаний уссурийцев об организации центральной государственной власти: ее образ оставался очень общим и неопределенным, сохраняя в себе анахронические черты.

Значительно более полными и дифференцированными были представления уссурийских казаков о региональной политической подсистеме. Казаки были осведомлены об иерархической соподчиненности местных советских органов, и в некоторой степени об их полномочиях (в особенности, о полномочиях сельских советов). Работа местных советов и отражавшие ее результаты периодические отчеты были предметом постоянного внимания казачьего населения и, прежде всего, его зажиточной части¹⁴⁹. Помимо собственно государственных структур казаки обладали информацией и о различных общественно-политических организациях (кресткомы, комсомол и др.), действовавших в приморской деревне. Росту и повышению качества политических знаний казаков способствовали как резкое расширение их политического участия, так и значительное усиление притока информации извне. Последнее было связано с быстрым развитием в казачьих районах сети образовательных и культурных учреждений, и, в конечном счете, с особой заинтересованностью советского режима в направленном политическом просвещении населения. Следует отметить, что уже с середины 20-х гг. все основные массовые средства политического информирования населения Приморья находились в руках государства.

Важнейшими и тесно взаимосвязанными тенденциями развития ценностного компонента политической культуры уссурийского казачества в рассматриваемый период стали объективно обусловленное интенсивное выхолащивание социокультурной специфики его политических ценностей и возрастающее идеолого-пропагандистское воздействие на их содержание со стороны государства. Под действием различных факторов, и в т.ч. успешного завершения большевиками гражданской войны и восстановления российской государственности в ее практически прежних территориальных границах, демократизации соци-

альной и политической жизни, а также упомянутой государственной пропаганды, у основной массы казаков сложился в целом позитивный образ новой власти¹⁵⁰. Советские органы, в первую очередь местного уровня, значительно более доступные и открытые для населения в сравнении с прежними структурами царской администрации, пользовались большим доверием казаков. К ликвидации войсковых институтов и сословных форм самоуправления большинство уссурийцев отнеслись спокойно и даже равнодушно.

Впрочем, процесс культурной трансформации казачества не был лишен противоречий. Предубежденное отношение многих работающих в административных органах коммунистов к казакам, политика форсированного искоренения пережитков сословного деления общества (а, по сути, во многом культурных традиций), болезненное (для большинства уссурийцев, прежде всего, в психологическом плане) ограничение надельного землепользования и связанные с советским землеустройством конфликты уссурийцев с крестьянами, а также корейским населением, порождали среди казаков ощущение незаслуженной «обиды», причиненной властями¹⁵¹, способствовали обострению их самосознания и, в конечном счете, замедлению процесса их ассимиляции. При этом у большинства уссурийцев сопротивление ассимиляции было спонтанным и малоинтенсивным. Осознанно и упорно самобытность казачьего общества отстаивали, прежде всего, зажиточные казаки. Они активно поддерживали и использовали в своих интересах такие традиционные явления казачьей жизни как высокий авторитет атаманов и командиров, особая прочность и влияние общинных форм самоорганизации и самоуправления¹⁵². Стремление зажиточных уссурийцев к сохранению культурной специфики казачества имело вполне отчетливую политическую направленность: оно было тесно связано с их борьбой за восстановление сословных привилегий, за ограничение всепроникающего государственного контроля и регулирования.

Для поведенческого компонента политической культуры уссурийцев в 20-е гг. было характерно вытеснение традиционных образцов политического

поведения новыми, санкционированными и институционально подкрепленными советским режимом, осуществляющим в отношении с обществом стратегию мобилизации его активности. Обыденной и массовой формой участия казаков в политической жизни становится электоральное поведение. Часть казачьего населения приобрела в этот период опыт работы в сельских советских органах, многие его представители (особенно из числа молодежи) были вовлечены в деятельность общественных и общественно-политических организаций. Параллельно с этим, неуклонно падало значение и привлекательность для казаков общинных институтов, лишенных новой властью всех административных функций. Наиболее самостоятельная и активная зажиточная прослойка уссурийского казачества пыталась выразить свой протест в форме индивидуального и группового прямого политического действия, терроризма (или, по определению советской администрации тех лет, «политического бандитизма»), однако широкого распространения данный тип политического поведения не получил.

§3. Институциональная структура политической жизни уссурийского казачества.

В настоящем параграфе предметом нашего исследования станет политико-институциональная структура и функциональные связи уссурийской казачьей общности, т.е. совокупность институтов, служивших непосредственными организационными рамками политической жизни уссурийских казаков и их представителей. При этом, данные институты будут рассматриваться нами, прежде всего, как регуляторы политической активности казачества, как формы реализации его политической субъектности. Регламентация ими административного воздействия на казаков со стороны государства, отчасти уже описанная нами в первой главе, будет анализироваться здесь лишь в целях более точного решения нашей основной задачи.

Институциональная структура политической жизни казаков формировалась главным образом «сверху» и была в значительной мере формализована. Подчиненная потребностям государственного управления, она имела в основном однонаправленный, авторитарный характер. Однако в процессе своего практического использования, под действием стихийных факторов, официальная политико-административная организация уссурийского казачества приобрела разного рода дополнительные, теневые функции и структурные связи. Именно эти теневые отношения длительное время выполняли роль важнейшего институционального канала политического влияния уссурийцев на органы государственной власти.

Специфической чертой большинства политических институтов уссурийского казачества была их слабая выделенность из общей институциональной структуры казачьего общества. Так, войсковые и общинные институты уссурийцев и по своему формальному статусу и на практике представляли собой полифункциональные организации. Политико-управленческая функция являлась для них лишь одной из направлений деятельности, наряду с реализацией экономических и социальных задач.

Политико-институциональная структура уссурийской казачьей общности в своем развитии прошла через несколько связанных, как правило, с реформаторскими инициативами государства, крупных перестроек, разделивших ее историю на ряд периодов. В течение первого из этих периодов, продолжавшегося с момента казачьего переселения на Уссури по начало 70-х гг. XIX в., управление уссурийскими казаками осуществлялось на основе Положений о ЗКВ (до 1860 г.) и АКВ. Задаваемая этими документами административная организация казачества фактически лишала его всяких легальных средств и механизмов самоуправления и тем более влияния на органы государственной власти. Войсковое управление сверху донизу, от поселкового до областного уровня, имело облик централизованной иерархии военных чинов, функционировавшей в соответствии с принципами единоначалия и субординации. Каждый из этих чинов

был наделен в отношении подведомственного ему населения всей полнотой как военной, так и гражданской исполнительной власти, а также судебными полномочиями. Все войсковые командиры и начальники, в т.ч. станичные и сельские, назначались и смещались вышестоящими офицерами и были ответственны только перед ними¹⁵³. В подобной структуре управления казачьему населению уделялась роль исключительно объекта политической деятельности, безмолвного орудия реализации государственных интересов. Пожалуй, единственным допускаемым законом средством информирования казаками властей о собственных потребностях в это время являлись индивидуальные жалобы и прошения. Впрочем, поскольку закон не устанавливал определенной и гарантированной процедуры их подачи и рассмотрения, такие обращения казаков к властям были занятием рискованным и, в конечном счете, малоэффективным¹⁵⁴.

Новой вехой в политико-институциональной истории уссурийского казачества стал 1872 г. По сообщениям некоторых источников в этом году сельские (поселковые) и станичные начальства в войске были заменены выборными органами¹⁵⁵. Если эти сведения достоверны, то реформа 1872 г. может рассматриваться как первый шаг в процессе становления в АКВ институтов сословного самоуправления. Документально же существование в войске казачьего самоуправления можно проследить с 1879 г., когда рядом законодательных актов на него было распространено «Положение об общественном управлении в казачьих войсках» от 13 мая 1870 г.¹⁵⁶

В соответствии с указанным Положением главным, представительным-распорядительным, органом местной власти становился станичный (поселковый) сход (сбор), в работе которого могли участвовать все домохозяева данного «общества». На полном станичном сходе интересы входящих в станичный округ поселков представляли их выборные. В сферу ведения сходо-входили все основные вопросы внутренней жизни казачьих общин – разверстка повинностей и формирование общинных капиталов, распределение земель и социальное обеспечение, рассмотрение материалов дознаний и направление дел в суд¹⁵⁷.

Общинные сходы избирали и распускали исполнительные органы самоуправления – станичные и поселковые правления. В компетенцию правлений входили различные частные вопросы, которые решались ими по поручению сходов. Деятельность правлений контролировалась сходами через своих доверенных лиц. Во главе общинных правлений стояли атаманы, также избираемые участниками сходов путем тайного голосования, а затем утверждаемые в своей должности вышестоящей администрацией (Войсковым правлением). Осуществлявшие текущее руководство делами станичного (поселкового) общества, атаманы концентрировали в своих руках обширную административную и полицейскую власть, обладая в т.ч. и правом применения к подведомственному населению карательных санкций вплоть до ареста и назначения на общественные работы (на срок до 3-х дней)¹⁵⁸.

С созданием институтов общинного самоуправления у казаков появился легальный механизм для артикуляции своих коллективных интересов. Отныне они получили возможность отправлять «по команде», т.е. при посредстве и с одобрения поселковых и станичных атаманов, своему непосредственному командованию и вышестоящим инстанциям оформленные в виде приговоров общинные жалобы и прошения. Для обеспечения гарантированной доставки этих прошений и поддержания прямых контактов с высшим начальством вообще ускорительцы использовали институт выборных доверенных лиц¹⁵⁹. Тем не менее, коллективные обращения казаков по-прежнему не имели для властей никакой обязательной, юридической силы и нередко просто игнорировались ими.

В том же 1879 г. важные изменения были внесены и в административную структуру АКВ. С введением в действие «Временного наказа войсковому управлению Амурского казачьего войска» высшая административная власть в нем перешла к коллегиальному совещательному органу - Войсковому правлению, между двумя отделениями (присутствиями) которого было разграничено ведение военными и хозяйственными вопросами. Одновременно с этим, ускорительские казаки были подчинены в общеадминистративном отношении граж-

данскому управлению Приморской области¹⁶⁰. Разделение единой и универсальной власти военного начальства, с одной стороны, стало препятствием на пути неограниченного административного произвола, а с другой, - расширило возможности коммуникации казачьего населения с войсковыми институтами. Последние же, укрепляя свои связи с управляемой территорией и ее населением и превращаясь в инструмент бюрократического представительства корпоративных интересов войска, постепенно политизировались, чему весьма способствовало появление в 1884 г. в дальневосточном регионе собственного центра высшей административной власти - Приамурского генерал-губернаторства.

Преобразования 70 – 80-х гг. XIX в., несмотря на свою ограниченность, резко ослабили контроль администрации за жизнью уссурийского казачества, создав некоторые институционально-правовые условия для роста его политической активности, и особенно для накопления казаками опыта участия в работе местного самоуправления, в формировании и функционировании его представительных и исполнительных органов. Вместе с тем, в силу недостаточной развитости в данный период экономической и социальной жизни уссурийцев и их соответствующих групповых интересов, особенностей политической культуры переселенцев первой волны, казаки далеко не полностью использовали предоставленные им институциональные возможности, что заметно ослабляло влияние последних на формирование казачьего политического поведения.

Следующим рубежом в истории политической организации уссурийского казачества явилось придание ему в 1889 г. статуса отдельного войскового общества. Тем самым, сословно-территориальная общность уссурийских казаков была институционально оформлена в качестве самостоятельного военного, хозяйственного и, что особенно важно, административного субъекта, обособленного структурного подразделения в системе государственного управления империей. Хотя создание УКВ по изначальному замыслу было подчинено исключительно задачам усовершенствования административного регулирования жизни и службы уссурийцев, с точки зрения своих объективных последствий оно

представляло собой важный шаг в процессе институционального обеспечения и стимулирования собственной политической активности последних.

Безусловно, наибольшие выгоды от создания войсковой организации достались на долю появившейся вместе с ней бюрократической элиты УКВ, ядро которой офицеры и чиновники, входившие в состав Войскового правления. Монополю контролируя огромные естественные ресурсы войска, его хозяйство и бюджет, этот орган не подвергался сколько-нибудь регулярному и строгому надзору со стороны областных и краевых властей, и без того обремененных своими основными обязанностями. Вместе с тем, обладая правом прямого обращения к губернатору Приморской области и в канцелярию генерал-губернатора Приамурья (а с одобрения приморского губернатора и лично к главному начальнику края), Войсковое правление активно использовало этот механизм для отстаивания своих корпоративных интересов. Кроме того, образование войсковых институтов положило начало развитию между их представителями и главами областной и краевой администрацией устойчивых неформальных отношений. Их налаживанию благоприятствовало то, что губернатор Приморья и генерал-губернатор Приамурья получили звания «наказных атаманов», имевшие не столько административное, сколько социальное, символическое значение и обязывавшие своих носителей выступать в роли покровителей и попечителей местного казачества.

Создание УКВ повысило доступность для рядовых уссурийцев как высших сословных, так и общегражданских органов местной власти. С уменьшением числа посредствующих инстанций, расширением штата и дифференциацией структуры сословного управления процедура подачи казаками жалоб и прошений собственному начальству, а при необходимости и его поддержке, областным и краевым властям, значительно упростилась, а вероятность их рассмотрения возросла. Оживлению общения администрации с населением способствовало также учреждение (с 1890 г.) должности участковых начальников¹⁶¹, образовавших низовое звено второй, гражданской, вертикали войскового

управления, и обязанных помимо прочего доводить требования казаков до сведения Войскового правления.

Новой структуре управления уссурийским казачеством по-прежнему была свойственна слабость контроля над внутренней жизнью казачьих общин. Как представители администрации УКВ на местах, участковые начальники были наделены лишь надзорными и полицейскими функциями и не могли напрямую, без санкции Войскового Правления, вмешиваться в дела местного самоуправления и самостоятельно подвергать казаков дисциплинарным взысканиям. В условиях устойчивого недовольства казаков деятельностью властей, это приводило к систематическим нарушениям приказов войскового начальства, широкому распространению в поведении уссурийцев проявлений «самовольства»¹⁶².

Началом следующего периода в развитии политических институтов уссурийского казачества, продолжавшегося с 1901 по 1917 гг., стала очередная реформа казачьего самоуправления, связанная с введением в УКВ «Положения об общественном управлении» 1891 г. Новое Положение урезало политические права казаков, ограничивало самостоятельность и активность казачьих общинных институтов в их отношениях с администрацией. В соответствии с ним большинство казаков-глав семейств было отстранено от участия в работе станичных и поселковых сходов. Согласно новому закону во всех казачьих селениях, насчитывавших более 30 дворов, сходы должны были состоять из выбранных из числа «исправных» домохозяев¹⁶³. Положение 1891 г. более тщательно регламентировало хозяйственную, финансовую и административную деятельность казачьих обществ, сужая сферу возможных проявлений инициативы «снизу». Больше, чем раньше, значение в функционировании казачьего самоуправления приобрели его исполнительные структуры, контроль за которыми со стороны населения был ослаблен. На атаманов возлагались дополнительные обязанности и полномочия по надзору за жизнью общины и работой ее представительных институтов. В структуре казачьего самоуправления им была придана роль агентов государственной власти, ее осведомителей и защитников ее

интересов. Наконец, новый закон расширял возможности вмешательства в дела обществ войсковой администрации, получившей право проведения (не реже 1 раза в год) ревизии деятельности их институтов, смещения и назначения общественных должностных лиц и временной приостановки работы сходов¹⁶⁴.

После реформы 1901 г. общинные институты оказались по существу в руках представителей зажиточной части уссурийского казачества, из числа которых теперь формировались не только исполнительные, но и во многом представительные органы самоуправления. Власть занимающих общественные должности «домовитых» хозяев не в меньшей степени, чем на силе закона, основывалась на неформальных имущественных отношениях и родственных связях. Осведомленное об этом войсковое начальство УКВ в своем «Наставлении станичным и поселковым обществам...» неоднократно предостерегало казаков от «увлечения» при решении вопросов управления общиной «родственными соображениями» и от попыток подкупа (как правило, в форме угощения вином) выборных, участвующих в утверждении общественного приговора¹⁶⁵.

Свое доминирующее положение в органах самоуправления зажиточные уссурийцы широко использовали в целях оказания давления на вышестоящую администрацию. Отстаивая свои экономические интересы, они активно инициировали подачу «наверх» коллективных прошений, нередко выходя при этом за определенные законом рамки компетенции общинных институтов. Характерным примером подобного незаконного применения институциональных механизмов самоуправления может служить прошение, направленное наказному атаману УКВ В.Е. Флугу от урядника пос. Графского С. Неткачева в 1908 г. Помимо личной жалобы Неткачева на причиненный ему действиями войсковых властей материальный ущерб, данное прошение включало в себя приговор поселкового схода, поддерживавший требования урядника¹⁶⁶. Также неофициальный и, вместе с тем, достаточно регулярный и устойчивый характер в структуре войскового управления имела «горизонтальная» коммуникация, связывавшая между собой станичных и поселковых атаманов и других должностных лиц ка-

зачьих общин различных округов УКВ. Следует отметить, что теневые функции и структурные связи институтов казачьего самоуправления использовались не только для удовлетворения частных потребностей представителей состоятельной верхушки казачества. В период революции 1905 – 1907 гг. именно эти неформальные отношения сыграли роль главного средства организации выступления уссурийцев в поддержку реформы войскового управления.

Еще более активной политизации подверглось в рассматриваемый период функционирование войсковых институтов. Лоббистская практика, оказание организованного влияния на принятие управленческих решений органами местной и центральной власти, в начале XX в. превратилась в не менее важную и постоянную функцию Войскового правления УКВ, чем его официальные административные обязанности. Основными предпосылками к этому стали быстрое укрепление войскового хозяйства и финансов, появление у представителей войсковой администрации личных экономических интересов на территории УКВ, а также растущие претензии на огромные ресурсы войска со стороны «посторонних ведомств». Безусловно, свою роль в политизации деятельности войсковой элиты сыграло усилившееся давление на нее органов казачьего самоуправления и наладившиеся неформальные отношения с офицерами и предпринимателями из числа местных казаков. Однако политическая коммуникация войсковых институтов с казачьим населением была неустойчива и недостаточна для того, чтобы обеспечивать полноценное выявление и артикуляцию потребностей последнего. Поэтому доля политического представительства в лоббистской деятельности войсковой администрации в основном была ограничена сферой объективного совпадения ее собственных задач с интересами управляемых.

Свои неофициальные политические функции Войсковое правление осуществляло главным образом при помощи вполне официальных институциональных средств – представлений и ходатайств, работы в различных совещаниях и комиссиях областного и краевого уровня. Вместе с тем, на протяжении периода 1901 – 1917 гг. войсковой администрации долгое время удавалось под-

держивать весьма прочные и доброжелательные неформальные отношения с главами Приморской области, а иногда и с руководителями Приамурского края. Отмечаемая современниками «особая симпатия» глав местной власти к казакам¹⁶⁷, покровительство с их стороны являлись одним из важнейших факторов длительного успешного противостояния войсковой администрации политическому давлению центрального правительства.

В межреволюционный период перед уссурийским казачеством открылись новые институциональные возможности для политического участия. К этому времени относится появление в рамках вмещающей социетальной системы значительного числа межгрупповых (всесловных), ассоциативных и специализированных политических институтов национального и регионального уровня. В деятельность некоторых из этих институтов были вовлечены и уссурийские казаки. Так, с 1907 г. они участвовали в выборах в депутаты от АКВ и УКВ в Государственную Думу. В 1912 г. ряд округов УКВ выдвинули своих представителей на областной сельскохозяйственный съезд. Однако поскольку участие уссурийцев в формировании и работе указанных институтов носило эпизодический характер и очень мало способствовало реализации их интересов, оно не оказало существенного влияния на эволюцию их политического поведения.

Временем коренной перестройки, интенсивного развития и усложнения политических институтов уссурийского казачества стал период 1917 – 1922 гг. Политико-институциональная структура казачества в эти годы формировалась в основном в процессе его самоорганизации и зачастую без какого-либо санкционирования со стороны высших органов власти.

Важнейшей тенденцией развития политических институтов уссурийцев в революционный период явилась их демократизация. Большинство мужского казачьего населения получило в это время возможность принять участие в работе станичных и поселковых сходов, а через своих представителей – и в деятельности войскового круга, осуществлять прямое избрание исполнительных

органов местного самоуправления и косвенное (при посредстве депутатов круга) – администрации войска.

Однако на практике, в особенности с ужесточением борьбы между сторонниками и противниками войсковой автономии и сохранения казачьегословия, в функционировании демократических институтов казачьего самоуправления часто допускались серьезные искажения и сбои. Противоборствующие группировки политически активного меньшинства уссурийского казачества, путем нарушения порядка формирования представительного органа войска, оказания давления на депутатов, блокирования механизмов контроля за деятельностью войсковых исполнительных структур, использования методов закулисной политики, стремились (и не безуспешно) к превращению войска в инструмент реализации собственных интересов. Возникавшие в ответ сопротивление и протест со стороны казачьего населения нейтрализовывались нередко при помощи угроз и даже прямого насилия.

В своих внешних политических контактах в период 1917 – 1922 гг. войско занимало в целом весьма активную, и вместе с тем, подчеркнуто независимую позицию, оберегая свою институциональную самостоятельность и даже суверенность. Стремясь к получению представительства в сменяющих друг друга различных властных органах национального (до разгона Учредительного собрания), регионального и местного уровня, УКВ избегало возлагать на себя какие-либо конкретные обязательства перед ними. Все внешние политико-институциональные связи войска в этот период носили конъюнктурный и условный характер и часто оформлялись в виде двусторонних соглашений.

Быстро трансформируясь под влиянием крайне неустойчивого состояния политической среды, политико-институциональная структура уссурийского казачества в 1917 – 1922 гг. прошла в своем развитии через ряд этапов. Начиная с марта 1917 г. УКВ приступило к демонтажу своей прежней управленческой структуры и замене ее новыми институтами, основанными на общедемократических принципах всеобщего избирательного права (для мужчин), разделения

властей, коллегиальности и отчетности. На повестку был поставлен вопрос о ликвидации сословной обособленности казачества и введении на территории войска земства¹⁶⁸. Однако с конца весны 1917 г., в силу ряда факторов, основная масса казаков стала склоняться к признанию необходимости укрепления войсковой организации и традиционных форм казачьего самоуправления. Высшей точки в своем развитии эта тенденция достигла в январе 1918 г., когда УКВ, где к этому моменту уже действовало положение о самоуправлении, разработанное по образцу устройства Войска Донского, было провозглашено автономным политическим образованием¹⁶⁹. Практически одновременно с этим, часть уссурийцев принявшая сторону советской власти, развернула борьбу за контроль над войсковыми институтами. «Красным» казакам удалось на некоторое время захватить власть в войске, приступить к ликвидации его структур и советизации войсковой территории, наладить связь с областными и краевыми советскими органами. Но после падения советской власти в Приморье, к ноябрю 1918 г. организация войсковой автономии была полностью восстановлена¹⁷⁰.

Четвертый этап эволюции политической организации уссурийского казачества периода 1917 – 1922 гг., характеризовавшийся относительной стабильностью институциональной структуры УКВ, установлением им официальных отношений с правительством Колчака и окончательным отказом войсковой верхушки от осуществления земской реформы, продолжался до февраля 1920 г. Разгром Колчака, успехи партизанского движения и переход власти в области к правительству Приморской областной земской управы позволили уссурийцам-сторонникам упразднения сословия, сменив Войсковое правление УКВ Военно-революционным комитетом, вновь приступить к подготовке создания на войсковой территории органов общегражданской (земской) администрации. Однако с прибытием в июле 1920 г. в Гродеково из Китая соратников бывшего атамана УКВ Калмыкова во главе с полковником Савицким политическая организация войска периода его автономии в очередной раз была восстановлена¹⁷¹.

Начало последнего этапа в истории политических институтов уссурийского казачества в рассматриваемый период было связано с деятельностью правительства ДВР по укреплению своей власти в Приморье. По его инициативе и с его помощью в марте 1921 г. казаками северных станичных округов были созданы собственные органы войскового управления, главной задачей которых стало скорейшее осуществление административного объединения казачьего населения с крестьянством. В состоянии организационно оформленного таким образом политического раскола уссурийское казачество находилось вплоть до окончания гражданской войны¹⁷².

С включением в ноябре 1922 г. ДВР в состав РСФСР войсковая структура уссурийского казачества была ликвидирована. Новая власть приняла меры к нивелированию специфики административных институтов местного казачества, а в дальнейшем к полному уничтожению следов его прежней организационной и территориальной обособленности. В ходе перестройки административно-территориального деления Приморья, начавшейся еще в ДВР и продолжавшейся до конца 1922 г., на войсковых землях, разделенных между Приморской и Приамурской губерниями, были образованы волости, границы которых в целом совпадали с территориями бывших станичных округов. Позднее, в 1924, а затем в 1926 гг., в результате новых изменений в административной структуре Приморья, земли казачьих волостей были поделены между волостями и районами, имевшими в основном смешанное, крестьянско-казачье население.

В конце 1922 – начале 1923 гг. в пределах бывшей округи УКВ действовали органы власти переходного периода – сельские и волостные ревкомы. Наделенные чрезвычайными, в т.ч. судебными и карательными, полномочиями, они должны были подготовить условия для осуществления советизации казачьих станиц и поселков. Кроме того, в целях завершения демонтажа структур войскового управления, заведование территорией трех южных станичных округов УКВ было передано в это время специально созданному ревкому Приграничного района, размещавшемуся в Гродеково. В основном ревкомы формиро-

вались путем назначений, производимых обычно вышестоящими гражданскими, реже военными властями. Исключение составляли сельревкомы, избираемые на общем собрании жителей поселения, однако их состав также мог быть изменен по приказу «сверху». Ревкомы разных уровней были связаны между собой отношениями строгого, беспрекословного подчинения¹⁷³.

С весны 1923 г. управление казачьим населением перешло к выборным советским учреждениям. По сравнению с прежней организацией сословного самоуправления уссурийцев, в т.ч. периода 1917 – 1922 гг., советская административная система была во многом более демократичной. Формируемая на основе всеобщего избирательного права (распространявшегося и на женщин), она предоставляла казакам довольно широкие возможности по контролю за деятельностью представительных и исполнительных органов, в т.ч. посредством механизма их периодической отчетности и права отзыва депутатов. Вместе с тем, система Советов имела и такие недемократические черты, как многоступенчатый, непрямой порядок выборов в советские органы разных уровней, практикуемая на них открытая форма голосования, а также неполное структурное и функциональное разграничение различных ветвей власти. К ним можно отнести и, весьма значимую для казачества, конституционную норму, лишавшую по социальным и политическим критериям часть граждан РСФСР, а затем СССР, избирательных прав. Но главный и во многом объясняющий все остальные изъяны советских институтов заключался в характере отношений, сложившихся между ними и единственной политической партией в стране – партией коммунистов. Де-факто, помимо официально действующей конституции, структуры РКП(б) (ВКП(б)) всецело контролировали работу советов, превратив их по сути в свой исполнительный инструмент. Местные партийные органы широко вмешивались в процесс выборов советов в казачьих селениях, навязывая населению кандидатов-коммунистов и блокируя продвижение казачьих депутатов в советы высших уровней.

В 20-е гг. уссурийские казаки стали активно вовлекаться в деятельность местных отделений различных общественных и общественно-политических объединений – комсомола, организаций крестьян (кресткомов), женщин, МОПР, ДОДД¹⁷⁴. Построенные на началах добровольной ассоциации по интересам и выборности, эти массовые организации являлись важным институциональным средством артикуляции насущных потребностей населения, его оперативной коммуникации с властью. В то же время, с их помощью партийные органы манипулировали политической активностью казачества, предупреждая ее нежелательные проявления.

Находящиеся под бдительным надзором партии легальные институты политического участия не удовлетворяли всех прослоек казачьего населения и канализировали далеко не все существующие у него интересы. Не поощряемые правящим режимом требования концентрировались и артикулировались посредством иных, теневых институциональных структур. К таковым относились, прежде всего, утратившие свой официальный административный статус общинные органы, к содействию которых казаки порою прибегали при возникновении земельных конфликтов с крестьянами или государством. Другим неформальным механизмом организации политического протеста казаков, более радикального толка, служили отряды белобандитов, в террористической деятельности которых в 20-е гг. принимала участие часть зажиточных уссурийцев. Впрочем, распространенность и влиятельность указанных теневых институтов были слишком незначительны, чтобы они могли оказать существенное влияние на формирование политического поведения уссурийского казачества в целом.

¹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 241. Л. 500; Приамурье (Факты. Цифры. Наблюдения). М., 1909. С. 75.

² Богданов Р.К. Воспоминания амурского казака о прошлом, с 1849 по 1880 г. Хабаровск, 1900. С. 57; Приамурье. С. 75.

³ Материалы, относящиеся до земельного и экономического положения Амурского и Уссурийского казачьих войск. СПб., 1902. Вып.1. С. 20 – 21.

⁴ Алябьев А.А. Далекая Россия. Уссурийский край. СПб., 1872. С. 101.

⁵ Материалы... Вып. .1. С. 20 – 21.

- ⁶ Богданов Р.К. Указ. соч. С. 57, 70 – 71; Ермак Г.Г. Бытовые условия жизни семьи дальневосточного казачества // Семья и семейный быт в восточных регионах России. Владивосток, 1997. С.29; Ермак Г.Г. Семейный и хозяйственный быт казаков юга Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Дис.... канд. ист. наук. Владивосток, 2000. С. 83, 100; Иванов Р. Краткая история АКВ. Благовещенск, 1912. С. 122.
- ⁷ Иванов Р. Указ. соч. С. 122.
- ⁸ Алябьев А.А. Указ. соч. С. 96 – 97, 103, 105 – 106; Максимов А. Уссурийский край // Русский вестник. 1888. т. 197. С. 261 – 262.
- ⁹ Материалы... Вып.1. С. 23, 24.
- ¹⁰ Материалы... Вып. 1, 1902. С. 23, 24 – 25.
- ¹¹ Иванов Р. Указ. соч. С. 162 – 163; Материалы... Вып. 1. С. 22.
- ¹² Елисеев А.В. Южно-Уссурийский край и его русская колонизация // Русский вестник. 1891. т. 216. № 10. С. 99, 102; Максимов А. Указ. соч. С. 263.
- ¹³ РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1310. Л. 334, 359об.
- ¹⁴ Крестьянство Дальнего Востока. С. 73; Максимов А. Указ. соч. С. 263.
- ¹⁵ Слюнин Н.В. Современное положение нашего Дальнего Востока. СПб., 1908. С. 63; Унтербергер П.Ф. Приморская область. 1858 – 1898. СПб., 1900. Прил. 2
- ¹⁶ Слюнин Н.В. Указ. соч. С. 62 – 63.
- ¹⁷ Алексеев А.И., Морозов Б.Н. Освоение русского Дальнего Востока (конец XIX – 1917 г.) М., 1989. С. 180; Слюнин Н.В. Указ. соч. С. 62.
- ¹⁸ Крестьянство Дальнего Востока. С. 71; Всеподданнейший отчет военного губернатора Приморской области генерал-лейтенанта Чичагова за 1900 год. Владивосток, 1901. С. 40.
- ¹⁹ Слюнин Н.В. Указ. соч. С. 62.
- ²⁰ Приамурье. С. 517; УКВ: история и современность / Сост. В.Д. Иванов, О.И. Сергеев. Владивосток, 1999. С. 22.
- ²¹ Коваленко А.И. Культура дальневосточного казачества. Дис... канд. ист. наук. Владивосток, 1995. С. 85, 90.
- ²² Приамурье. С. 234.
- ²³ Коваленко А.И. Указ. соч. С. 100; РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 339. Л. 26 – 27.
- ²⁴ РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1310. Л. 335; Ф. 702. Оп. 5. Д. 239. Л. 380об.
- ²⁵ Крестьянство Дальнего Востока. С. 61; Сергеев О.И. Казачество на российском Дальнем Востоке в XVII – XIX вв. М., 1983. С. 109 – 110.
- ²⁶ Наставление станичным и поселковым обществам и должностным в сих обществах лицам УКВ при исполнении ими служебных обязанностей. Владивосток, 1914. С. 22 – 23.
- ²⁷ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 239. Л. 326об.
- ²⁸ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 241. Л. 500, 500об.; Унтербергер П.Ф. Указ. соч. С. 56 – 57.
- ²⁹ Ермак Г.Г. Указ. соч. (2000). С. 103.
- ³⁰ Коваленко А.И. Указ. соч. С. 51; РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 241. л. 140.
- ³¹ Ермак Г.Г. Указ. соч. (2000). С. 101; Коваленко А.И. Указ. соч. С. 53; Наставление... С. 12 – 14, 17 – 23, 54.
- ³² Труды Амурской экспедиции. СПб. 1911. Вып. 9. С. 105, 112, 140, 162.
- ³³ Коваленко А.И. Указ. соч. С. 84; Сергеев О.И. Указ. соч. С. 103.
- ³⁴ Сергеев О.И. Указ. соч. С. 106 – 107.
- ³⁵ Сергеев О. И. Указ. соч. С. 97.
- ³⁶ Наставление... С. 24.
- ³⁷ Сергеев О.И. Указ. соч. С. 98.
- ³⁸ Материалы... Вып. 1. С. 212 – 215; Сергеев О.И. Указ. соч. С. 114 – 118.
- ³⁹ Сергеев О.И. Указ. соч. С. 115.

- ⁴⁰ Сергеев О.И. Указ. соч. С. 114.
- ⁴¹ Журналы... С. 6 – 8, 10, 24 – 27, 29 – 30.
- ⁴² Приамурье. С. 345; УКВ: история и современность. С. 21.
- ⁴³ Приамурье. С. 345; История Дальнего Востока. Т. 2. С. 322.
- ⁴⁴ Алексеев А.И., Морозов Б.Н. Указ. соч. С. 180.
- ⁴⁵ Савченко С.Н. Уссурийское казачье войско в годы гражданской войны на Дальнем Востоке. 1917 – 1922 гг. Дис... канд. ист. наук. Владивосток, 1998. С.38.
- ⁴⁶ Савченко С.Н. Указ. соч. С. 35 – 36.
- ⁴⁷ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 241. Л. 140; Щагин Э. М. Октябрьская революция в деревне восточных окраин России (1917 – лето 1918 г.). М., 1974. С. 79.
- ⁴⁸ ТАЭ. Вып. 1. С. 78.
- ⁴⁹ Годовой отчет УКВ по гражданской части за 1908 г. Владивосток, 1909. С. 18 – 19.
- ⁵⁰ Галлямова Л.И. Промышленное освоение юга Дальнего Востока во второй половине XIX в. // Хозяйственное освоение Дальнего Востока в эпоху капитализма. Владивосток, 1989. С. 105; Годовой отчет УКВ по гражданской части за 1911 г. Владивосток, 1912. С. 46; Годовой отчет УКВ по гражданской части за 1914 г. Владивосток, 1915. С. 14 – 15.
- ⁵¹ Годовой отчет УКВ за 1911 г. С. 46; РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 239. Л. 326об., 380 об.
- ⁵² Кротова М.В. Борьба с контрабандной торговлей в приграничных районах Дальнего Востока и полосе отчуждения КВЖД (1900 – 1917 гг.) // Дальний Восток в контексте мировой истории: от прошлого к будущему. Владивосток, 1997. С. 119, 121.
- ⁵³ Приамурье. С. 89.
- ⁵⁴ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 241. Л. 3.
- ⁵⁵ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 339. Л. 26 – 27; Годовой отчет УКВ за 1914 г. С. 15, 23.
- ⁵⁶ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 339. Л. 8об.; Ф. 1. Оп. 12. Д. 772. Л. 17об.
- ⁵⁷ История Северо-Восточного Китая. Владивосток, 1987. Кн. 1. С. 296; Кротова М.В. Указ. соч. С. 119.
- ⁵⁸ ТАЭ. Вып. 9. С. 241.
- ⁵⁹ Крестьянство Дальнего Востока. С. 94 – 95; РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 12. Д. 772. Л. 17 об.; Савченко С.Н. Указ. соч. С. 36, 42.
- ⁶⁰ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 739. Л. 8, 22; Ф. 702. Оп. 5. Д. 339. Л. 5 – 5об.
- ⁶¹ ГАПК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 7. Л. 6 – 7; РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 607. Л. 302об. – 303.
- ⁶² Годовой отчет УКВ за 1911 г. С. 5.
- ⁶³ ТАЭ. Вып. 9. С. 243 – 244.
- ⁶⁴ РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 12. Д. 772. Л. 17 – 17об.
- ⁶⁵ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 339. Л. 6об., 8.
- ⁶⁶ ТАЭ. Вып. 9. С. 243 – 244.
- ⁶⁷ У Н.А. Манькова, депутата АКВ и УКВ // Сибирские вопросы. 1908. № 35 – 36. С.58 – 61.
- ⁶⁸ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 241. Л. 110 – 112.
- ⁶⁹ Далекая окраина. 1917. 23 марта.
- ⁷⁰ У Н.А. Манькова... С. 60.
- ⁷¹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 739. Л. 6 – 8, 20об.
- ⁷² Далекая окраина. 1917. 23 марта; Щагин Э.М. Указ. соч. С. 130 – 131.
- ⁷³ Савченко С.Н. Указ. соч. С. 56 – 57.
- ⁷⁴ Щагин Э.М. Указ. соч. С. 131.
- ⁷⁵ Савченко С.Н. Указ. соч. С. 57 – 58; Щагин Э.М. Указ. соч. С. 132.
- ⁷⁶ Савченко С.Н. Указ. соч. С. 64 – 65, 66.
- ⁷⁷ Савченко С.Н. Указ. соч. С. 72.
- ⁷⁸ Савченко С.Н. Указ. соч. С. 74 – 77.

- ⁷⁹ Приамурье. 1919. 14 сентября; Савченко С.Н. Указ. соч. С. 137, 139.
- ⁸⁰ Савченко С.Н. Указ. соч. С. 72, 84.
- ⁸¹ УКВ: история и современность. С. 49 – 50.
- ⁸² УКВ: история и современность. С. 52 – 53.
- ⁸³ Материалы по экономическому районированию Приморья. Владивосток, 1925. С. 46, 180, 182.
- ⁸⁴ Чарнецкий Л. Ближайшие колонизационные мероприятия в Приморье // Советское Приморье. 1925. № 4. С. 90.
- ⁸⁵ Лыкова Е.А. Казачья деревня на Дальнем Востоке в 20-е гг. // Арсеньевские чтения (VI). Уссурийск, 1992. С. 99 – 100.
- ⁸⁶ Торопов А.А. К вопросу о депортации корейского населения // Политические репрессии на Дальнем Востоке СССР в 1920 – 1950 – х гг. Владивосток, 1997. С. 247 – 248.
- ⁸⁷ ГАПК. Ф. 998. Оп. 2. Д. 5. Л. 10об.; Лыкова Е.А. Земельная политика советского государства на Дальнем Востоке (окт. 1917 – 1929 гг.). Дис... канд. ист. наук. Владивосток, 1981. С. 112.
- ⁸⁸ Георгиевский А.П. Русские на Дальнем Востоке // Труды ДВГУ. Сер. 3. Владивосток, 1929. № 9. Вып. 4. С. 72 – 73.
- ⁸⁹ Красное знамя. 1925. 23 декабря.
- ⁹⁰ ГАПК. Ф. 998. Оп. 2. Д. 5. Л. 5, 9.
- ⁹¹ Красное знамя. 1925. 23 декабря; Лыкова Е.А. Указ. соч. (1992). С. 100 – 101.
- ⁹² Лыкова Е.А. Указ. соч. (1992). С. 100.
- ⁹³ Лыкова Е.А. Указ. соч. (1981). С. 163.
- ⁹⁴ Красное знамя. 1925. 18 сентября.
- ⁹⁵ Лыкова Е.А. Указ. соч. (1981). С. 131; Указ. соч. (1992). с. 100.
- ⁹⁶ Красное знамя. 1925. 23 декабря.
- ⁹⁷ Лыкова Е.А. Указ. соч. (1992). С. 100.
- ⁹⁸ Местные советы Приморья. Страницы истории. Сб. док. Владивосток, 1990. С. 83 – 84.
- ⁹⁹ Флеров В.С. Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства. Томск, 1973. Т. 1. С. 368 – 369.
- ¹⁰⁰ Ермак Г.Г. Указ. соч. (2000). С. 6, 43, 59.
- ¹⁰¹ Ермак Г.Г. Указ. соч. (2000). С. 51.
- ¹⁰² Венюков М.И. Путешествия по Приамурью, Китаю и Японии. Хабаровск, 1970. С.80; Ермак Г.Г. Указ. соч. (2000). С. 52.
- ¹⁰³ Максимов А. Указ. соч. С. 261 – 262; Муров Г.Т. Люди и нравы Дальнего Востока. Томск, 1901. С. 145 – 146, 149 и др.
- ¹⁰⁴ РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 6. Д. 427. Л. 8 – 8об.
- ¹⁰⁵ Богданов Р.К. Указ. соч. С. 71, 76; РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 688. Л. 1 – 4.
- ¹⁰⁶ Коваленко А.И. Указ. соч. С. 142; УКВ: история и современность. с. 27.
- ¹⁰⁷ Муров Г.Т. Указ. соч. С. 145 – 146; Савицкий А.Ю. Краткий исторический очерк Уссурийского казачьего войска. Владивосток, 1996. С. 11.
- ¹⁰⁸ Алябьев А.А. Указ. соч. С. 96 – 97; Максимов А. Указ. соч. С. 262.
- ¹⁰⁹ РГИА ДВ. Ф. 704, Оп. 6. Д. 427. Л. 8 – 8об.
- ¹¹⁰ Муров Г.Т. Указ. соч. С. 147.
- ¹¹¹ Богданов Р.К. Указ. соч. С. 70 – 71; Максимов А. Указ. соч. С. 260.
- ¹¹² Муров Г.Т. Указ. соч. С. 157 – 158.
- ¹¹³ Муров Г.Т. Указ. соч. С. 145.
- ¹¹⁴ Максимов А. Указ. соч. С. 261 – 262, 264.
- ¹¹⁵ Богданов Р.К. Указ. соч. С. 70 – 71.

- ¹¹⁶ Коваленко А.И. Указ соч. С. 194, 197; РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1310. Л. 332.
- ¹¹⁷ Савицкий А.Ю. Указ. соч. С. 16; УКВ: история и современность. С. 16 – 17.
- ¹¹⁸ Материалы... Вып. 3. С. 384.
- ¹¹⁹ ГАПК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 12. Л. 39, 43, 43об.
- ¹²⁰ Коваленко А.И. Указ соч. С. 130, 149.
- ¹²¹ Георгиевский А.П. Указ. соч. С. 73, 85; Ермак Г.Г. Указ. соч. (2000). С. 95 – 99.
- ¹²² Краснов П. По Азии. Путевые очерки Маньчжурии, Дальнего Востока, Китая, Японии и Индии. СПб., 1903. С. 159.
- ¹²³ Материалы... Вып. 1. С. 213.
- ¹²⁴ Материалы... Вып. 1. С. 169, 170, 184, 213.
- ¹²⁵ Унтербергер П.Ф. Указ соч. С. 104.
- ¹²⁶ Материалы... Вып. 1. С. 191 – 192.
- ¹²⁷ Материалы... Вып. 1. С. 190; Вып. 3. С. 298.
- ¹²⁸ Краснов П. Указ. соч. С. 158, 162; Материалы... Вып. 1. С. 197.
- ¹²⁹ Краснов П. Указ. соч. С. 159; Материалы... Вып. 1. С. 214 – 215; Унтербергер П.Ф. Указ. соч. С. 105.
- ¹³⁰ Ермак Г.Г. Указ. соч. (2000). С. 105.
- ¹³¹ Краснов П. Указ. соч. С. 158, 160.
- ¹³² У Н.А. Манькова... С. 61.
- ¹³³ Дальний Восток. 1913. 7 февраля; ТАЭ. Вып. 9. С. 243 – 244.
- ¹³⁴ ГАПК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 7. Л. 6 – 7.
- ¹³⁵ ТАЭ. Вып. 9. С. 243 – 244.
- ¹³⁶ ГАПК. Ф. 6. Оп. 1. Д. 3а. Л. 2.
- ¹³⁷ Годовой отчет УКВ за 1914 г. С. 30
- ¹³⁸ Далекая окраина. 1917. 23 марта.
- ¹³⁹ ГАПК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 7. Л. 6 – 7; РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 12. Д. 772. Л. 17.
- ¹⁴⁰ Далекая окраина. 1917. 23 марта.
- ¹⁴¹ Далекая окраина. 1917. 23 марта; ТАЭ. Вып. 9. С. 243 – 244.
- ¹⁴² Коваленко А.И. Указ соч. С. 147 – 150.
- ¹⁴³ Жернаков А. О казаках уссурийских в связи с краткой историей Уссурийского казачьего войска. Владивосток, 1915. С. 4 – 5; Савицкий А.Ю. Указ соч. С. 18.
- ¹⁴⁴ Дальний Восток. 1913. 7 февраля.
- ¹⁴⁵ Коваленко А.И. Указ. соч. С. 132.
- ¹⁴⁶ Годовой отчет УКВ за 1914 г. С. 35.
- ¹⁴⁷ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 739. Л. 6, 8, 8об.
- ¹⁴⁸ Дальний Восток. 1913. 7 февраля.
- ¹⁴⁹ Лыкова Е.А. Указ. соч. (1992) С. 100.
- ¹⁵⁰ Лыкова Е.А. Указ. соч. (1992) С. 100.
- ¹⁵¹ Красное знамя. 1925. 23 декабря.
- ¹⁵² Лыкова Е.А. Указ соч. (1981). С. 147; Указ. соч. (1992). С. 100; Флеров В.С. Указ. соч. Т. 1. С. 48.
- ¹⁵³ РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 5. Д. 466. Л. 2об. – 5.
- ¹⁵⁴ Богданов Р.К. Указ. соч. С. 70 – 71.
- ¹⁵⁵ Богданов Р.К. Указ. соч. С. 91; Иванов Р. Указ. соч. С. 145.
- ¹⁵⁶ Материалы... Вып. 1. С. 74; Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. СПб., 1880. Т. 15. Ч. 2. С. 340, 342, 404.

- ¹⁵⁷ Коваленко А.И. Указ. соч., С. 35 – 36; Некрасов Е.Е. Правовые вопросы эволюции казачьего самоуправления // Первая общероссийская научно-практическая конференция «Казачество как фактор исторического развития России». СПб., 1999. С. 173.
- ¹⁵⁸ Коваленко А.И. Указ. соч. С. 36; Некрасов Е.Е. Указ. соч. С. 173.
- ¹⁵⁹ Материалы... Вып. 1. С. 23 – 24.
- ¹⁶⁰ Сборник ... Т. 15. Ч. 2. С. 385 – 405; Сергеев О.И. Указ. соч. С. 61.
- ¹⁶¹ Годовой отчет УКВ за 1908 г. С. 1; УКВ: история и современность. С. 15.
- ¹⁶² Материалы... Вып. 1. С. 170.
- ¹⁶³ История казачества Азиатской России. Т. 2. С. 48; Свод законов Российской империи. Учреждение гражданского управления казаков. Т. 2. СПб., 1903. С. 110 – 111.
- ¹⁶⁴ Свод законов Российской империи. Т. 2. С. 113 – 119, 130 – 132, 140 – 142; Некрасов Е.Е. Указ. соч. С. 174 – 175.
- ¹⁶⁵ Наставление... С. 3, 4, 60, 112.
- ¹⁶⁶ ГАПК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 12. Л. 15 – 15 об., 27 – 28 об.
- ¹⁶⁷ Приамурье. С. 89 – 90.
- ¹⁶⁸ Савченко С.Н. Указ. соч. С. 50 – 51, 56 – 57.
- ¹⁶⁹ Савченко С.Н. Указ. соч. С. 65 – 66, 72.
- ¹⁷⁰ УКВ: история и современность. С. 46.
- ¹⁷¹ УКВ: история и современность. С. 49 – 51.
- ¹⁷² УКВ: история и современность. С. 51 – 54.
- ¹⁷³ Исаева Т.С. Особенности становления и развития органов Советской власти на Дальнем Востоке в восстановительный период // Организационно-политическое укрепление советов на Дальнем Востоке СССР (окт. 1922 – 1983 г.). Владивосток, 1985. С. 5 – 6; История казачества Азиатской России. Т. 3. С. 105.
- ¹⁷⁴ Лыкова Е.А. Указ. соч. (1992). С. 100.

Глава III. Политическое поведение уссурийского казачества: историческая динамика и ее факторы.

В настоящей главе ситуация станет основной единицей масштаба нашего исследования. В хронологическом континууме отдельной политико-исторической ситуации мы будем давать описательную характеристику поведения казаков, с учетом ситуационного опосредования будет оцениваться нами воздействие на становление казачьего поведения внешних и внутренних структурных детерминант. В итоге мы должны получить целостное описание истории уссурийского казачества второй половины XIX – первой трети XX вв. как процесса последовательной смены политических ситуаций и соответствующих им целей и форм политического поведения казаков. Создание такого описания позволит нам решить главные вопросы настоящей работы – выявить важнейшие тенденции развития политического поведения уссурийцев, определить сравнительную значимость и способ взаимодействия выделяемых нами макро- и микрофакторов в его ситуационном и историческом генезисе.

§ 1. Политическое поведение уссурийского казачества в период 1858 – 1884 гг.

В качестве первой специфической по содержанию ситуации в политической истории уссурийского казачества, на наш взгляд, может быть выделен период с 1858 по 1872 гг. С точки зрения макроусловий жизни казачества данная политическая ситуация была связана с начальным этапом первой структурной стадии (1858 – начало 90-х гг. XIX в.) в развитии дальневосточного региона после его окончательного включения в состав Российской империи. Специфика состояния общественных отношений на российском Дальнем Востоке на этой стадии обуславливалась в первую очередь отсталостью и оторванностью региона от центра страны, его положением вновь колонизируемой окраины. По-

следнее, в частности, определяло и основные особенности политической структуры региональной среды уссурийского казачества, в т.ч. ее политико-институциональной организации, устойчивых интересов преследуемых здесь государством и типичных для него методов их реализации. Как мы уже отметили в I главе, для управленческой организации региона в этот структурный период была характерна слабая территориальная и функциональная дифференцированность. Основной заботой царского правительства в это время являлось удержание региона в составе империи, а также использование его в целях защиты сибирских владений России и обеспечения ее дальнейшей экспансии в Азии. Ориентированная на выполнение этих задач местная административная система имела ярко выраженный военизированный, авторитарный характер.

Главным и единственным контрагентом уссурийского казачества в ситуации 1858 – 1872 гг. (как и практически на протяжении всего первого структурного периода истории его региональной среды) являлось государство, представленное в отношениях с ним в лице трех в разной степени самодовлеющих и самостоятельных в своих интересах и действиях политических субъектов – центрального правительства, администраций генерал-губернаторства Восточной Сибири и военного губернаторства Приморской области.

В первые десятилетия после присоединения Приамурья дальневосточные земли еще не привлекали к себе сколько-нибудь постоянного и систематического интереса со стороны правительства, участие которого в судьбе окраины ограничивалось главным образом санкционированием общих дипломатических и военных мер по обеспечению ее внешней безопасности. Мало вникая в вопросы внутренней жизни Дальнего Востока, высшие правительственные органы практически не вмешивались в это время в управление АКВ и тем более входившими в его состав уссурийскими казаками. Государственная политика в отношении дальневосточного казачества формировалась в основном на уровне местной администрации и, прежде всего, Восточно-Сибирского генерал-губернаторства. Впрочем, вряд ли возможно говорить о существовании в 1858 –

1872 гг. какой-либо определенной «казачьей политики» и на местном уровне. В эти годы восточно-сибирские и приморские власти воспринимали казачество не столько как самостоятельный объект государственного регулирования, сколько как средство реализации иных, неизмеримо более значимых и актуальных для империи военно-политических задач. Для них, смысл государственной политики в отношении местного казачества заключался в подчинении всех его потребностей и деятельности целям защиты новой границы России на востоке, скорейшего создания в крае необходимой военной инфраструктуры, обеспечения его транспортной и почтовой связи с центром страны¹.

С другой стороны, для местных властей в это время было характерно совершенное неведение относительно желаний и чаяний самого казачества. Местное начальство имело собственное понимание потребностей казаков и в своих распоряжениях исходило именно из него, несмотря на очевидно плачевные результаты многих подобных инициатив, начиная от выбора мест казачьих поселений до обязательного принуждения казаков к земледелию и пополнения их состава штрафованными солдатами². Отдельные жалобы, все же доходившие до высшей местной администрации, не вносили в ее деятельность никаких заметных корректив и могли скорее ухудшить положение жалобщика³.

Власти генерал-губернаторского и областного уровня в 1858 – 1872 гг. вообще не отличались активностью в отношениях с уссурийскими казаками, фактически перекладывая основной объем административной работы с ними на низших войсковых чинов, почти не ощущавших контроля «сверху». В свою очередь, сама высшая местная администрация осуществляла управление казачеством по существу без всякого надзора со стороны правительства. Пожалуй, единственным исключением здесь стала ревизия состояния Приамурского края, проведенная в 1869 г. генерал-адъютантом Сколковым и выявившая бедственное положение дальневосточного казачества. Сколков выступил с предложением о переводе казаков АКВ в крестьянское сословие, однако это предложение

встретило категорические возражения военного министра Милютина, и в итоге, результаты ревизии не получили никакого практического развития⁴.

Переходя к рассмотрению политического поведения уссурийского казачества, остановимся прежде на его внутренних структурных факторах. Как это было выявлено нами в предыдущей главе, в конце 50-х – начале 70-х гг. XIX в. уссурийцы еще не обладали сложившимися групповыми интересами. Их потребности, направленные в основном на элементарное выживание, носили непосредственный (специально-экономический) и индивидуализированный характер. Политическая культура переселенцев первой волны характеризовалась крайней бедностью своей когнитивной составляющей, отчужденно-неприязненным, фаталистическим восприятием власти, ярко выраженными патерналистскими ценностями. Для нее были чрезвычайно типичны поведенческие установки на избегание представителей власти и негласное саботирование их распоряжений. Официальная институциональная организация уссурийского казачества в 1858 – 1872 гг. была в максимальной степени деполитизирована и практически не обеспечивала «обратной связи» органов местного государственного управления с населением.

Самой распространенной формой политического поведения уссурийских казаков в рамках ситуации 1858 – 1872 гг. являлось «политическое бездействие», иммобилизм. Несмотря на тяжелые лишения, понесенные казаками по вине государства, на жестокость, несправедливость и нередкую безрассудность действий начальства, в отношениях с властями они, как правило, вели себя пассивно, проявляя поразительное терпение и, по крайней мере, внешнюю, покорность. Безусловно, отчасти политический иммобилизм уссурийцев был результатом военно-авторитарной организации управления УКВ, делавшей представителей власти практически недоступными, а логику их решений – часто непостижимой для казачьего населения. Свою роль здесь играли тщательный надзор со стороны станичных и поселковых начальников и регулярная «профилактика» серьезных проявлений недовольства казаков посредством разнообразных

наказаний (порка, штрафные работы, высылка в город и т.д.). Но все же важнейшей его причиной, на наш взгляд, было состояние интересов и культурных представлений казачества. Находясь в огромной экономической и социальной зависимости от казны, уссурийцы не имели никаких не связанных с нею общих интересов, необходимость защиты которых могла бы привести их к глубокому конфликту с властями. Примирению казаков с произволом начальства способствовал и их предшествующий культурный опыт. Наконец, нельзя забывать о психологическом потрясении, пережитом казаками в связи с насильственным переселением, и обусловленной этим шоком, а также чрезвычайными трудностями хозяйственной адаптации переселенцев на Уссури последующей депрессией, многие годы проявлявшей себя в пресловутой «апатии» уссурийцев первой волны. В пользу того, что именно состояние интересов, культурного и психологического слоев сознания казаков, а не институциональный фактор и даже не текущая деятельность местной и войсковой администрации в наибольшей мере определяли характер казачьего поведения свидетельствует отсутствие каких-либо заметных внеинституциональных действий со стороны уссурийцев, а также дальнейшая эволюция их политической активности.

Под влиянием объективных интересов и культурных представлений казаков, их недовольство начальством выражалось главным образом в форме т.н. «пассивного сопротивления». Указания властей часто выполнялись уссурийцами только «для отвода глаз», а при отсутствии прямого наблюдения с их стороны систематически не выполнялись вовсе⁵. Неоднократно упоминаемые современниками «лень», бесхозяйственность местных казаков, их склонность к иждивенчеству за счет казны в значительной степени также представляли собой своеобразные проявления протеста против постоянного грубого вмешательства властей в жизнь казачьего населения.

Что касается собственно политической активности уссурийцев, то в 1858 – 1872 гг. она проявлялась почти исключительно в своей «минимальной», вербальной форме, в виде отдельных, как правило, негативных оценок деятельно-

сти «казны» и ближайшего поселкового и станичного начальства. Такие оценки охотно и часто высказывались казаками проезжающим по Уссури частным лицам, в которых, судя по всему, уссурийцы нередко видели посланцев высшей власти⁶. Высказывать свое недовольство собственным командирам казаки остерегались: за это можно было понести жестокое наказание – порку в 200 – 300 ударов плетью⁷. Наиболее же активной и крайне редкой в это время формой политического поведения казаков являлось уже упоминавшееся обращение с жалобами непосредственно к высшей войсковой и областной администрации⁸.

Хронологическими вехами следующей политической ситуации в рамках первой структурной стадии в истории уссурийского казачества стали 1872 и 1879 гг. Период 1872 – 1879 гг. явился для уссурийского казачества временем масштабных и глубоких преобразований, затронувших все основные сферы его жизни. Инициаторами данных реформ выступили центральное правительство и восточно-сибирская администрация, внимание которых к дальневосточному казачеству в 70-е гг. XIX в. заметно возросло. Активизация казачьей политики государства на Дальнем Востоке была связана с необходимостью решения как национальных, так и региональных задач. Прежде всего, в 70-е гг. перед правительством встала задача приведения организации и службы местного казачества в соответствие с нормами реформированного сословного законодательства, уже действовавшего в казачьих войсках европейской части страны. Кроме того, пришедшееся на эти годы обострение внешней угрозы безопасности дальневосточной окраины требовало от властей скорейшего укрепления боевого потенциала АКВ, как одного из важнейших компонентов в системе обороны региона. Наконец, власти уже не могли игнорировать ставшие широко известными вопиющие бедность и социальное неблагополучие местных казаков, тем более что они подрывали боеготовность последних.

Новизна политической ситуации 1872 – 1879 гг. была обусловлена изменениями не только в целях, но и в методах государственной политики. В соответствии с духом времени, в практику управления дальневосточным казачест-

вом постепенно внедряются принципы внутриведомственного контроля, экспертных оценок и обследований управляемого населения, коллегиального принятия решений. Власти начинают демонстрировать готовность к двустороннему диалогу с казаками, к учету их мнения и пожеланий. Однако, как мы увидим, подобный «либерализм» администрации, по крайней мере, на местном уровне, был поверхностным и во многом показным.

Обращаясь к структурным параметрам противоположной стороны рассматриваемого политического взаимодействия – уссурийской казачьей общности, - отметим, что в целом по сравнению с предшествующей ситуацией, в период 1872 – 1879 гг. они изменились незначительно. Наибольшую трансформацию претерпела официальная политико-институциональная организация казачества, в рамках которой уссурийцы приобрели относительно широкие права общинного самоуправления. Под влиянием некоторого прогресса хозяйства казаков и, прежде всего, расширения промысловой деятельности, в сознании уссурийцев начинают формироваться представления о собственных экономических интересах. Однако на фоне продолжающейся в огромных объемах казенной помощи, значимость данных интересов для казаков все еще была очень невелика. Что же касается культурных представлений казачьего населения, то за три десятилетия, прошедшие со времени переселения забайкальцев на Уссури, их содержание практически не изменилось.

Первое из преобразований 1872 – 1879 гг., – легализация общинных институтов в АКВ в 1872 г., – осуществленное, по-видимому, по инициативе областной администрации, было направлено на повышение эффективности наиболее проблемного, низового (станичного и поселкового) звена войскового управления. Ликвидировав прямой и тотальный административный контроль над казаками и сократив возможности начальственного произвола в их отношении, реформа 1872 г. оказала благотворное влияние на развитие казачьего общества и его политической активности в т.ч. Однако само проведение указанной реформы было воспринято казаками достаточно равнодушно: внимание на-

селения АКВ было в значительной мере поглощено преодолением последствий случившегося в том же году сильного наводнения. Осознание значения дарованных институтов самоуправления и возможностей их практического использования пришло к казакам гораздо позднее⁹.

С приходом в 1874 г. на пост генерал-губернатора Восточной Сибири П.А. Фредерикса, состоянием дальневосточного казачества всерьез заинтересовалась региональная администрация. Направленный в том же году генерал-губернатором для обследования населения АКВ штаб-офицер Нестеров подтвердил сведения о крайне тяжелом экономическом положении казаков. При этом было отмечено, что казаки Уссури находятся в этом отношении в еще худших условиях, нежели амурцы¹⁰.

Вслед за этим, в 1875 г. генерал-губернатор предложил уссурийцам выдвинуть из своего числа добровольцев для переселения в Южно-Уссурийский край. Переселиться пожелали 338 семей. Однако отправленные ими в Южно-Уссурийский край доверенные не одобрили определенных к вселению казаков мест, и казачьи общины представили командиру Уссурийского батальона АКВ приговоры об отказе от переселения. После этого администрация, организовав вторую экспедицию на приханкайские земли, наметила новые места для поселений, но доверенные лица казачьих общин вновь подали начальству приговоры об отказе казаков переселяться. Обосновывая свой отказ, казаки указывали, что переселение губительно скажется на их постепенно укрепляющемся хозяйстве и, прежде всего, лишит их промыслов и побочных заработков¹¹.

Тем не менее, администрация твердо решила довести задуманное до своего завершения. Такая решимость была связана с тем, что, по словам самого генерал-губернатора Фредерикса, переселение казаков в Южно-Уссурийский край было желательно не только «в видах их хозяйственного устройства, но и в видах чисто политических», т.е. в целях охраны границы и общей обороны южного Приморья¹². В 1877 г. для всестороннего рассмотрения вопроса, результат которого по существу был уже predetermined, распоряжением генерал-

губернатора была создана специальная комиссия. Итогом ее работы стал вывод о необходимости ввиду «нерешительности» казаков прибегнуть к их «обязательному переселению». Получившее санкцию императора и Госсовета переселение 389 казачьих семей с берегов Уссури в приграничную полосу Южно-Уссурийского края было осуществлено летом 1879 г.¹³.

С подготовкой и проведением указанного переселения была связана еще одна попытка защиты уссурийцами своих экономических интересов. Весной – летом 1879 г. жители двух северных станичных округов (Козловского и Графского) представили командиру Уссурийского батальона приговоры сходов с просьбой о временном освобождении их от земской повинности ввиду значительной убыли населения. Обоснованные и продиктованные очевидной необходимостью требования казаков получили поддержку командира батальона и были переданы им губернатору Приморской области¹⁴. Об их дальнейшей судьбе источники, к сожалению, умалчивают.

1879 г. вообще оказался богатым для дальневосточных казаков на разного рода преобразования. Часть из них, реализованная в законе «О мерах к улучшению быта АКВ» - исключение из войска штрафованных нижних чинов, сложение с казаков казенного долга и ряда натуральных повинностей – были предложены восточно-сибирской администрацией. Еще раньше по инициативе местных властей с казачьего населения была снята почтовая повинность. Другие реформы 1879 г. – военная и административная реорганизация АКВ, введение в нем устава о воинской службе в казачьих войсках 1875 г., а также Положения об общественном управлении 1870 г. – воплощавшие в себе общие приоритеты новой казачьей политики правительства Александра II и дополненные некоторыми специальными мерами (сокращение военных штатов АКВ) к облегчению тяжелого положения дальневосточного казачества, разрабатывались центральными ведомствами, хотя, по-видимому, и при участии местной администрации¹⁵. Практически все из перечисленных реформ объективно соответствовали интересам казаков, при чем в большинстве случаев, это соответствие было

вполне очевидным. Поэтому можно с достоверностью предположить, что эти реформы были встречены казачьим населением доброжелательно и спокойно.

Характеризуя политическое поведение уссурийского казачества в ситуации 1872 – 1879 гг., прежде всего, следует отметить рост его активности. Настойчивое сопротивление казачьих общин переселенческим планам администрации в 1875 – 1877 гг. показало, что уссурийцы в определенной мере успели уяснить себе значение и возможности институтов самоуправления, предоставленных им реформой 1872 г. Кроме того, у казаков впервые появились собственные коллективные экономические интересы, которые они были готовы отстаивать даже перед высшим начальством. В результате политическая активность уссурийцев вышла на новый уровень: своими общинными приговорами при посредстве командира Уссурийского батальона АКВ казаки попытались оказать влияние на выработку властями генерал-губернаторства Восточной Сибири значимых для них и региона в целом административных решений.

Однако тот факт, что администрации все же удалось заставить уссурийцев переселиться в Южно-Уссурийский край на ее условиях и что, в конце концов, казаки отказались от продолжения борьбы, свидетельствовал о непрочности и недостаточности предпосылок к активизации их политического поведения. Экономические интересы уссурийцев были еще не настолько развиты, чтобы угроза их удовлетворению могла побудить казаков к решительным действиям. Кроме того, сопротивление казаков планам администрации во многом было спровоцировано ей самой. Отказ администрации, в конечном счете, от своих оказавшихся слишком обременительными «либеральных манер», не мог серьезно задеть казаков, поскольку возвращал их к привычным и казавшимся естественными формам общения с властью. Наконец, рост политической активности уссурийцев не имел под собой необходимой культурной опоры, ценностного обоснования: как мы говорили выше, культурные представления казаков практически не изменились со времен переселения 1858 – 1862 гг.

С прекращением в 1879 г. реформаторской деятельности властей, уссурийское казачество вступает в новый этап политической истории, продолжавшийся до 1884 г. В эти годы казачество Дальнего Востока вновь отходит на периферию интересов центральной и местной государственной администрации, приоритетными для которой становятся вопросы крестьянской колонизации региона. Резкое уменьшение интенсивности административного регулирования жизни казаков стало одним из факторов снижения их политической активности.

Почти неизменными остаются внутренние структурные детерминанты политического функционирования уссурийской казачьей общности. Некоторую эволюцию среди них претерпели лишь интересы уссурийцев. С конца 70-х гг. XIX в. экономические и социальные потребности уссурийских казаков становятся содержательно все более разнообразными и самостоятельными. Этому способствовали уменьшение государственной эксплуатации труда казаков, прекращение казенных субсидий и развитие собственного казачьего хозяйства.

При общем снижении уровня активности уссурийцев в ситуации 1879 – 1884 гг., попытки оказания ими давления на власти, тем не менее, имели место и в этот период. Так, судя по сообщению посетившего Приморье в 80-е гг. А. Максимова, узнав о благополучной жизни переселенцев на приханкайских землях, оставшиеся на Уссури казаки ставили перед администрацией вопрос об организации нового переселения на юг¹⁶. Таким образом, по сути, уссурийцы добивались от администрации обеспечения более благоприятных условий для развития собственной хозяйственной деятельности.

Свои экономические интересы уссурийские казаки отстаивали не только в отношениях с государством. В рассматриваемый период уссурийское казачество впервые сталкивается со своим новым, в будущем очень важным, политическим оппонентом – приморским крестьянством. В 1879 – 1880 гг. между только что переселенными в Южно-Уссурийский край казаками и местными крестьянами возник конфликт, предметом которого явилось разграничение земельных наделов¹⁷.

В целом, нельзя не отметить, что понижение количественного показателя (массовости и длительности) политической активности уссурийцев сочеталось с повышением ее качественных характеристик. Казаки не только вполне освоили официальные институциональные механизмы общения с властью, но и начали проявлять инициативу в их использовании. Кроме того, расширение сферы интересов уссурийского казачества привело к тому, что государство перестало быть его единственным политическим контрагентом. Последнее по праву можно считать одной из важнейших вех в развитии уссурийского казачества как политического субъекта. Следует также указать, что в рассматриваемый период изменился характер не только политической активности, но и политической пассивности уссурийцев. Несмотря на общую культурную основу иммобилизм уссурийских казаков ситуаций 1858 – 1872 и 1879 – 1884 гг. имели в остальном различное содержание. В 1858 – 1872 гг. постоянная политическая пассивность казаков была связана с отсутствием у них определенных групповых интересов и регулярным административным контролем. В 1879 – 1884 гг. проявление казаками политического иммобилизма, как правило, было обусловлено наличием неполитических возможностей для удовлетворения их интересов и носило вполне добровольный, внутренне детерминированный характер.

§ 2. Политическое поведение уссурийского казачества в период 1884 – 1917 гг.

Событие, послужившее начальной вехой для следующей политической ситуации в истории уссурийского казачества, стало, вместе с тем, важнейшим рубежом в структурном развитии всего дальневосточного региона. В июне 1884 г. восточные области генерал-губернаторства Восточной Сибири были выделены в отдельное Приамурское генерал-губернаторство. Изменение статуса Дальнего Востока в административно-политической структуре империи явилось первым признаком и в еще большей степени значимой предпосылкой совер-

шившейся в последующие годы общей фундаментальной перестройки системы общественных отношений региона. Во многом благодаря корректировке региональной политики правительства и при активном содействии новой краевой администрации, в конце 80-х – начале 90-х гг. Дальний Восток вступил в новую, капиталистическую, индустриально-рыночную стадию своего развития.

Для уссурийского казачества административная реформа 1884 г. имела значимость не только с точки зрения своих исторических, макросоциальных последствий. Прежде всего, она стала непосредственной предпосылкой нового поворота в текущей политике государства в отношении АКВ. Во-первых, общеадминистративные преобразования в регионе побудили власти к реорганизации институтов управления местным казачеством. Во-вторых, появление в Приамурье собственной генерал-губернаторской администрации создало благоприятные условия для новой постановки все еще не разрешенной до конца проблемы нормализации экономического положения населения АКВ.

Внутренние структурные основания политической жизни уссурийского казачества в период 1884 – 1889 гг. сохраняли в основном свое прежнее состояние. Некоторую динамику, продолжавшую тенденции, упомянутые нами выше, в эти годы демонстрировали только групповые интересы уссурийцев.

Реформа 1884 г., открывшая новый этап в политической истории уссурийских казаков, сама по себе коснулась местного казачества лишь косвенным образом. Передача функций высшего руководства АКВ из рук главы генерал-губернаторства Восточной Сибири генерал-губернатору Приамурья, принявшему звание «Войскового Наказного Атамана Приамурских казачьих войск», произошла незаметно для огромного большинства казаков и никак не отразилась на их политической активности.

Исключение составляла административная элита АКВ, которая достаточно быстро оценила значение появления в регионе нового центра власти. Уже в 1885 г. Войсковое правление АКВ возбудило перед высшей администрацией вопрос о необходимости отвода 15-верстной полосы вдоль китайской границы

(около 3750000 дес. земли) в исключительное владение войска. При этом в обоснование своих требований правление приводило три основных аргумента: 1) образование в приграничной полосе «непрерывного ряда казачьих станиц» обеспечит «надлежащее охранение границы», 2) определение сплошной войсковой территории будет способствовать удобству административного управления и 3) убережет казаков от стеснения в «хозяйственном довольствии» со стороны крестьян. Доводы правления были полностью поддержаны наказным атаманом АКВ Беневским. Более того, Беневский предложил расширить полосу казачьего заселения до 25 верст¹⁸.

Предложения правления и наказного атамана АКВ, направленные первому генерал-губернатору Приамурья Корфу, встретили у него безусловное одобрение. Как выяснилось, Корф сам был обеспокоен тем, что крестьяне-переселенцы захватывают в крае лучшие земли, тогда как наделы казаков для хлебопашества в основном не пригодны¹⁹.

Позиция, занятая областной и краевой администрацией, была весьма знаменательна. Дело в том, что до середины 80-х гг. XIX в. государство строго придерживалось политики свободного расселения прибывающих в Приамурье крестьян, и местные власти выступали против каких-либо ограничений хозяйственной деятельности последних в районах проживания казаков²⁰. Изменение позиции местной администрации, по-видимому, было связано с постоянным недостатком в бюджете АКВ средств для выполнения им своих охранных и военных функций, что становилось острой проблемой на фоне все более часто возникающих на дальневосточных рубежах внешнеполитических кризисов.

План отвода АКВ земельных владений через Военное министерство был представлен Корфом на заключение министрам внутренних дел и государственных имуществ. Однако оба министра, опасаясь, что такой отвод может ущемить потребности государства и других сословий, потребовали его приостановки «до собрания всех необходимых данных». Тем не менее, в 1887 г. Корф предписал амурскому и приморскому губернаторам вплоть до окончательного

утверждения границ территории АКВ не допускать поселения в 25-верстной приграничной полосе лиц «неказачьего сословия», а также запретить для них приобретение на этих землях участков в собственность. В 1889 г. генерал-губернатор несколько смягчил формулировку своего распоряжения, пояснив, что в казачьей полосе допускается приписывание переселенцев к уже существующим крестьянским селениям²¹.

Другим направлением деятельности приамурской администрации в изучаемый период стала оптимизация структуры управления местным казачеством. Еще в 1886 г. Корфом была впервые выдвинута идея выделения Уссурийского полубатальона АКВ, размещенного в Приморской области, в самостоятельное военно-административное образование²². Такая мера позволила бы устранить издержки двойного подчинения уссурийского казачества: губернатору Амурской области – в военном и хозяйственном отношении, и приморскому губернатору – по гражданской части. В сочетании с предполагаемым Корфом увеличением местного казачьего населения за счет казаков-переселенцев из Европейской России, это должно было способствовать укреплению недостаточно надежно обеспеченной внешней безопасности Приморья²³.

На сей раз генерал-губернатору удалось убедить правительство в целесообразности своего проекта. 26 июня 1889 г. положение о новом Уссурийском казачьем войске было утверждено императором. Несмотря на то, что формирование административных структур войска продолжалось еще в течение почти десяти лет (до 1898 г.)²⁴, принятие принципиального решения о создании УКВ и введении в действие нормативных актов, регламентирующих его организацию и функционирование, явились последними крупными событиями в развитии рассматриваемой нами политической ситуации.

Преобразования и административные инициативы периода 1884 – 1889 гг. не вызвали со стороны казачьего населения каких-либо заметных проявлений политической активности. Отчасти это было обусловлено уже самой по себе крайне скудной осведомленностью рядовых уссурийцев о содержании обсу-

ждавшихся в это время на уровнях центральной и краевой властей вопросов. Другой, более глубокой причиной пассивности казачьего населения являлось то, что деятельность государства в эти годы почти не затрагивала его насущных потребностей. Это относилось не только к реформам краевого и войскового управления, но и к разгорающейся ведомственной борьбе вокруг проблем казачьего землепользования. Еще не испытывавшие недостатка в земледельческих и промысловых угодьях и сколько-нибудь заметного стеснения со стороны крестьян, уссурийцы не ощущали особенной необходимости в отведении АКВ сплошной войсковой территории, тем более в тех размерах, в каких она была определена в распоряжении генерал-губернатора Приамурья от 1887 г.

Куда более тесно вопросы административного статуса дальневосточного казачества и его общего землеустройства были связаны с интересами бюрократической элиты АКВ. Используя благожелательную позицию местных властей, последняя сумела добиться фактической передачи под свой контроль обширнейших земель, обладающих огромной колонизационной ценностью. Значимая роль, которую офицерско-чиновничья верхушка дальневосточного казачества сыграла в событиях 1884 – 1889 гг., свидетельствовала о том, что она становится активной и весомой силой в системе региональных политико-административных отношений.

Следующие несколько лет после придания уссурийскому казачеству войскового статуса не отмечены в его политической истории никакими существенными событиями. В конце 80-х – начале 90-х гг. XIX в. правительство и краевая администрация сосредотачивают свое внимание главным образом на решении общих экономико-стратегических проблем региона. Наряду с очередной сменной ориентиров государственной политики на Дальнем Востоке, политическая пассивность уссурийского казачества обуславливалась в этот период, с одной стороны, незавершенностью процесса социального и институционального оформления его административной элиты, а с другой, - удовлетворенностью важнейших экономических интересов рядовых казаков.

Вместе с тем, данный период характеризовался важными изменениями во внутренней структуре деятельности уссурийского казачества и ее объективациях – интересах, культурных представлениях и институциональных технологиях казаков. Окончательное определение в условиях резкого ускорения развития экономики края основных направлений хозяйственной деятельности уссурийцев в целом завершило формирование специфического набора их экономических интересов. Вовлечение в рыночные отношения и интенсификация внесловных социальных контактов казаков повлекли быстрое разрушение их традиционного быта и девальвацию поддерживающих его ценностей. Наконец, создание войсковой организации открыло перед казачеством новые институциональные возможности для политического участия. Указанные структурные изменения во многом определили траекторию эволюции политического поведения уссурийских казаков в последующие годы.

Хронологическими рубежами новой политической ситуации в истории уссурийского казачества явились 1893 и 1898 гг. В период 1893 – 1898 гг. уссурийское казачество вновь приобрело значение одного из важнейших объектов дальневосточной политики империи. Одной из главных предпосылок к этому стало быстрое нарастание международных противоречий по вопросу о доминировании в Корее и Манчжурии, поводом к которому послужила японо-китайская война 1894 – 1895 гг. Другой предпосылкой данного поворота в государственной политике явились результаты заселения и развития края за предыдущий период, побудившие центральную и местную администрацию к пересмотру своих взглядов на обязанности и нужды уссурийского казачества.

Впрочем, основное содержание позиции государственной администрации относительно УКВ оставалось неизменным: в нем видели, прежде всего, армейское подразделение, инструмент решения военных задач империи на Дальнем Востоке. Переопределению подвергся лишь круг непосредственных функций УКВ: помимо общих оборонительных (наступательных) задач и охраны границы на войско была возложена дополнительная обязанность по обеспечению

безопасности проложенного в 1891 – 1897 гг. Уссурийского участка стратегически значимой для восточных областей страны Транссибирской магистрали. Именно защита Уссурийской железной дороги, в большей мере, нежели осуществление других функций войска, послужила мотивом для организации властями в этот период переселения в Приморье казаков из Европейской России. Проект же переселения в свою очередь вновь привлек внимание государства к проблеме определения площади необходимых для УКВ земельных угодий. Кроме того, четкой фиксации границ казачьего землевладения требовало интенсивное расширение на юге Дальнего Востока зоны крестьянской колонизации.

Следует заметить, что сравнительная важность и актуальность названных задач неодинаково оценивалась различными субъектами государственной политики в отношении УКВ. В деятельности центральных правительственных органов, и в первую очередь военного ведомства, доминирующее положение занимала общая цель укрепления обороноспособности Приморья, значимая роль в достижении которой отводилась новому казачьему переселению. Краевые и областные власти, действовавшие в ситуации 1893 – 1898 гг. намного активнее центра, представляли себе приоритеты казачьей политики государства несколько иначе. С их точки зрения, ведущим, краеугольным вопросом последней должно было стать повышение материального благосостояния, надлежащее землеустройство уссурийского казачества, являющееся фундаментальным условием его роста и выполнения им всех своих функций.

Период 1893 – 1898 гг. был отмечен началом коренной трансформации культурного сознания уссурийских казаков. Ценности и стереотипы поведения, принесенные переселенцами из «старых» казачьих войск, способствовали оживлению политической жизни уссурийского казачества, обогащению ее содержания и форм. В первые годы после начала переселения влияние этих культурных традиций проявляло себя почти исключительно в поведении казаков-новоселов. Однако в дальнейшем, под воздействием культурной консолидации

уссурийской казачьей общности, они стали одним из факторов политической активизации представителей и других входящих в нее социокультурных групп.

Складывание изучаемой политической ситуации было непосредственно связано со вступлением в должность генерал-губернатора Приамурья С.М. Духовского. Едва приняв дела своего предшественника, новый генерал-губернатор в апреле 1893 г. направил военному министру рапорт с предложением о скорейшей организации переселения в АКВ и УКВ казаков из войск европейской части страны. При этом, Духовской высказывался за то, чтобы переселенцы набирались преимущественно из числа донцов, в частности, как замечал он, потому, что переселение позволит им нести службу «в обстановке, наиболее обеспечивающей сохранение их прежних боевых традиций»²⁵.

Предложения Духовского рассматривались в Военном министерстве в течение года. Наконец, проект генерал-губернатора в целом был одобрен. Военный совет согласился и с тем, что для пополнения УКВ в первую очередь следует использовать выходцев с Дона: члены совета полагали, что донцы «легче справятся с трудными условиями жизни и хозяйства в Уссурийском крае» и будут способствовать «большему подъему» в Уссурийском войске «казачьего духа». В апреле 1894 г. с соответствующим представлением Военное министерство обратилось в Госсовет. Вслед за этим, в мае того же года, Главное управление казачьих войск предписало Духовскому «озаботиться» отграничением фактического землевладения АКВ и УКВ и выяснением его достаточности для отвода «положенных земельных долей и образования войскового запаса на прибылое население». 3 июня 1894 г. переселение казаков из Европейской России в Приамурье получило официальную санкцию Госсовета²⁶.

Решение Госсовета и предписание военного ведомства были восприняты генерал-губернатором Приамурья как знак того, что правительство занимает благожелательную позицию в отношении всякого рода мер по усилению дальневосточного казачества. Судя по всему, к этому моменту Духовским уже был намечен план производства земельного отвода местным казачьим войскам. Во

всяком случае, по крайней мере, с начала 1894 г., Духовской обсуждал тему отвода в переписке с наказными атаманами АКВ и УКВ. Соглашаясь с жалобами последних на бедность казачьих войск, генерал-губернатор выражал готовность поправить их финансовое положение предоставлением казакам дополнительных земельных угодий, и в особенности обширных лесных площадей²⁷.

В ноябре 1894 г. распоряжением приамурского генерал-губернатора АКВ и УКВ во временное (вплоть до окончательного землеустройства) пользование были переданы в общей сложности 14927000 дес. земли, в т.ч. УКВ – 9142000 дес.²⁸. Целями отвода провозглашались обеспечение увеличения численности казачьего населения Приамурья и улучшения его экономического благосостояния, которые, в конечном счете, должны были способствовать выполнению войсками их главной обязанности – охраны границы империи на востоке. В качестве юридического основания отвода распоряжение указывало на статьи 1, 2, 195 и 201 Положения об АКВ 1860 г.²⁹. Следует сказать, что распоряжение Духовского содержало в себе важные оговорки, которые предусматривали: 1) неприкосновенность крестьянских поселений, оказавшихся на территории отвода и сохранение их самоуправления, 2) недопущение стеснений быта и промыслов проживающих здесь инородцев, а также 3) изъятие из казачьих угодий земель под железную дорогу, для неказачьих переселенцев и для «иных государственных и местных надобностей» по мере необходимости³⁰.

Осуществление отвода Духовского имело огромное, и на наш взгляд в большей мере негативное, значение в истории уссурийского казачества. Предоставление УКВ обширных земель и, прежде всего, доходных лесных площадей, привело к стремительному росту войскового капитала. Это, безусловно, положительно отразилось на уровне финансирования не только служебных потребностей войска, но и в определенной степени социальных нужд его населения, в первую очередь в сфере образования³¹. Однако ни военные, ни социальные потребности войска на всем протяжении его существования все же никогда не обеспечивались в достаточном объеме. Отчасти, это было связано с тем, что

значительная часть доходов УКВ тратилась нецелесообразно или непроизводительно, уходила на административные нужды и просто разворовывалась. Кроме того, эксплуатация ресурсов войсковых земель производилась крайне нерационально, в результате чего их фактическая доходность многократно и постоянно уступала потенциальной³². Не отвечая действительным интересам казачьего населения и мало способствуя решению военных задач государства, отвод, вместе с тем, стал серьезным препятствием на пути капиталистического развития Приморья и вскоре поставил уссурийское казачество в эпицентр острейших социально-политических противоречий. Важнейшую роль в том, что вопрос о судьбе отвода на долгие годы стал неразрешимой проблемой политической жизни уссурийского казачества, сыграла его офицерско-чиновничья элита. Обладая широкими возможностями для должностного и частнопредпринимательского использования ресурсов войсковой территории, она была наиболее заинтересована в утверждении и сохранении феодальных прав УКВ.

Весьма вероятно, что уже первое обращение наказного атамана УКВ (с 1890 г. им был П.Ф. Унтербергер) к приамурскому генерал-губернатору в начале 1894 г. было подготовлено при участии административной верхушки войска. Исключительно личными взглядами Унтербергера, по-видимому, не было продиктовано и другое его ходатайство, направленное главе края в январе 1897 г. В нем губернатор просил Духовского о содействии в закреплении за УКВ осуществленного в 1894 г. временного отвода в «постоянное пользование». При этом, Унтербергер призывал принять во внимание понесенные уссурийским казачеством «труды и лишения по колонизации Уссурийского края и укреплению здесь русского влияния», а также необходимость обеспечения УКВ «постоянными доходными статьями, могущими не только оправдывать годовые затраты войска, но и влиять на рост общего капитала»³³.

Указанное ходатайство осталось без последствий. Принятие решения о закреплении отведенных УКВ земель в постоянное пользование выходило за пределы компетенции генерал-губернаторской власти, оно требовало рассмот-

рения вопроса в высших государственных инстанциях и прямой санкции с их стороны. Однако рассчитывать на поддержку правительства в 1897 г. Духовской уже не мог: произведенный им отвод в это время стал вызывать в правительственных кругах все большие нарекания. Впервые отвод Духовского привлек к себе их внимание в конце 1896 – начале 1897 гг., когда согласно планам Комитета Сибирской железной дороги в Приамурье должна была начаться разметка земельных участков для крестьян-переселенцев. В отношении на имя главы военного ведомства министр земледелия и государственных имуществ высказался за отмену распоряжения Духовского как «не соответствующего точному смыслу законов». Однако, указав на то, что распоряжение об отводе основано на Положении об АКВ 1860 г., Военное министерство отвергло эти претензии, а затем и вовсе перестало отвечать на посылаемые ему запросы³⁴. Тем самым обсуждение вопроса было на некоторое время отложено, но предотвратить таким образом назревающий конфликт было уже невозможно.

Если проблема землеустройства УКВ в данный период была исключительно предметом внутриэлитарного политико-бюрократического взаимодействия, то переселенческая деятельность центральной и особенно местной администрации получила в эти годы значительно больший резонанс, напрямую и весьма ощутимо затронув интересы широких масс казаков. Во многом, это явилось результатом того, что в организации начатого в 1895 г. казачьего переселения в Приморье был допущен ряд серьезных просчетов и ошибок. Прежде всего, неоправданным оказалось стремление организаторов переселения использовать для участия в нем преимущественно выходцев из Донского и близкого ему по традициям Кубанского войска: жители давно освоенных черноземных районов с большим трудом приспособивались к условиям жизни и хозяйственной деятельности в Уссурийском крае. Кроме того, в местах выхода казаки нередко получали от администрации весьма неточные, а то и прямо недостоверные сведения о климате, почвах, природных богатствах районов колонизации, а также о своих будущих обязанностях. Наконец, власти не обеспечили

надлежащих условий морской перевозки переселенцев, следствием чего стала высокая (особенно, детская) смертность среди казаков, переправлявшихся из центра страны судами Добровольного флота³⁵.

Таким образом, предпосылки к последующим вспышкам недовольства казаков были созданы еще до их появления в крае. Решающим же фактором конфликтного поведения новоселов, как правило, являлись непродуманные и грубые действия местного войскового начальства. Так, они сыграли важнейшую роль в самом значительном выступлении переселенцев в УКВ, начавшемся летом 1895 г. в северных округах войска.

Непосредственной причиной выступления 29 семей донских казаков, выбравших место для поселения на р. Бикин и уже приступивших с одобрения войскового начальства к заготовке строевого леса, стал неожиданный приказ администрации освободить эту землю как необходимую для железной дороги. Донцы отказались исполнять приказание, и лишь обещание командира Уссурийского дивизиона доставить их за войсковой счет для создания поселения в Южно-Уссурийский край, несколько успокоило казаков. Однако, по пути на юг в пос. Краснояровском переселенцы встретились с 10 семьями своих земляков, отказавшихся перед этим занять предложенный им участок на р. Уссури и требовавших возвращения на Дон. Соединившись вместе, донцы заявили, что не останутся в крае и желают возвратиться на родину. В конечном счете, бунтующие казаки в числе 39 (по другим данным, 36) семей, прибыли в пос. Камень-Рыболов, куда для подавления выступления в сентябре 1895 г. были стянуты войска – три сотни 1-го Забайкальского казачьего полка и стрелковая рота. Однако, видя упорство казаков, власти не решились применить оружие. Прекратив на время оказывать давление на бунтующих, они смогли ослабить остроту противостояния. Вслед за этим «зачинщики» беспорядков были арестованы, а дело на них передано в суд³⁶.

Тем не менее, вполне искоренить недовольство казаков властям так и не удалось. Позднее, часть «бунтарей» из Камень-Рыболова перебралась во Вла-

дивосток, после чего в город стали стекаться недовольные условиями своей жизни в крае донцы со всей округи УКВ. Временами их общее число во Владивостоке достигало 85 семей. Перебиваясь случайными заработками, несколько лет через своих «вожаков» казаки требовали от властей возвращения на Дон за счет казны. Для этого, в частности, ими неоднократно отправлялись прошения и телеграммы на имя императора, которые перехватывались местной администрацией. Попытки выслать казаков из города были безуспешны. Движение было ликвидировано лишь в 1899 г., после вмешательства центральных властей и лично царя. Николай II запретил возвращать казаков на Дон, но повелел предоставить им лучшие земли войска по выбору. Только после этого, в мае-июне 1899 г. при помощи полиции и двух рот солдат донцы были выдворены из Владивостока. Шесть наиболее активных участников движения были арестованы³⁷.

Описанные события были высшим, наиболее длительным, организованным и массовым, проявлением политической активности уссурийцев-новоселов в ситуации 1893 – 1898 гг. Наряду с ними, недовольство казаков-переселенцев (в первую очередь, донцов) условиями своего размещения на землях УКВ неоднократно воплощалось в менее острых и масштабных формах. Среди них можно упомянуть отказы казачьих ходоков (их присылка стала практиковаться после выступления 1895 г.) от имени своих доверителей от переселения в край, подача казаками жалоб войсковому начальству и критика его действий на общинных сходах³⁸. Особенное же распространение получили различные формы пассивного протеста – всевозможные нарушения распоряжений администрации и «самовольства», чаще всего выражавшиеся в несанкционированных перекочевках одной или нескольких казачьих семей из поселка в поселок³⁹.

Проявления политической активности уссурийцев в рассматриваемый период были связаны не только с их реакцией на переселенческую политику властей. Казаки-новоселы протестовали против начальственного произвола и в других сферах. Так, в 1898 г. в Уссурийском казачьем дивизионе имело место выступление 11 казаков против бесчеловечного отношения к рядовому составу

одного из офицеров⁴⁰. Случаи выражения несогласия с позицией властей фиксировались в 1893 – 1898 гг. и среди старожильческого населения. Например, в 1896 г., после безуспешных жалоб духовному и гражданскому начальству, сход пос. Благодатного в нарушение существующего закона вынес решение об уменьшении выплачиваемого казаками пособия служителям местного церковного прихода⁴¹.

С точки зрения остроты своих форм, активности и массовости политическое поведение уссурийцев в период 1893 – 1898 гг. поднялось до уровня, не достигавшегося ни в один из предшествующих и последующих периодов его истории вплоть до 1917 г. В разнообразные виды протеста против политики местных и центральных властей были вовлечены в эти годы сотни казаков. Действия уссурийцев оказались далеко не бесплодными. Их настойчивость заставляла власти вносить коррективы в организацию переселения, вынуждала их прибегать к более гибким средствам реализации своих планов. Сталкиваясь с систематическим неисполнением своих распоряжений, казачье начальство поневоле примирялось с этим, начиная смотреть на происходящее «сквозь пальцы». Хотя переселенцам так и не удалось достичь осуществления наиболее «радикальных» из своих требований, прямым результатом их борьбы стал отказ местной администрации от приказного регулирования выбора казаками мест поселения. Необходимо также указать на то, что казачьи выступления второй половины 90-х гг. XIX в. и особенно владивостокские события привлекли к положению уссурийского казачества внимание высшей власти империи. Проблемы переселения, наряду с постепенно проявляющими себя негативными последствиями отвода Духовского, сыграли роль одной из важнейших предпосылок очередного поворота в политике правительства в отношении УКВ.

И все же во многих аспектах политическая активность уссурийцев периода 1893 – 1898 гг. обнаруживала свою внутреннюю незрелость. Действиям казаков в крайне малой степени были присущи такие черты, как сознательность, рациональность, последовательность и организованность, что значительно ос-

лабляло их эффективность, позволяя властям, несмотря на масштабы казачьего движения, достаточно легко контролировать его развитие и оперативно пресекать его наиболее опасные проявления. Подобный характер политического поведения казаков обуславливался структурным состоянием казачьего общества. Так, разрозненность и непоследовательность действий уссурийцев была сопряжена с тем, что они были, как правило, ориентированы на достижение ближайших целей и не опирались на долговременные групповые интересы – таковые в основном удовлетворялись неполитическими средствами (у старожилов), либо еще не сформировались (у новоселов). Непродуманность, спонтанность поведения казаков была тесно связана с огромной ролью в нем ценностного фактора, о чем свидетельствует уже сам состав участников выступлений, – абсолютное большинство из них были выходцы из Донского войска. Кроме того, за эмоциональной категоричностью требований бунтующих казаков, за их порою слепым упрямством, помимо мировоззренческих убеждений, скрывались также остро переживаемые трудности психологической адаптации к природным и общественным условиям новых мест проживания. Недостаточная же организованность казачьих выступлений имела своей причиной неосвоенность новоселами официальных институциональных механизмов общения с властями (часто, выступления переселенцев начинались еще до создания ими органов самоуправления) – координация политического поведения казаков осуществлялась в основном посредством неформальных технологий родственного, соседского (общинного) и территориального (земляческого) взаимодействия.

Начальной вехой следующей политической ситуации в истории уссурийского казачества, сохранявшей свои специфические параметры вплоть до событий первой русской революции стал 1898 г. На протяжении этого года и в начале следующего в политической среде казачьей общности произошли существенные изменения, коснувшиеся как соотношения сил и состава контрагентов казачества, так и преследуемых ими целей. Предпосылками к ним послужили факторы как национального, так и регионального значения. К первым из них

следует отнести общие тенденции интенсивного экономического и социального развития России рубежа XIX – XX вв. и связанную с ними облеченную в форму ведомственных трений политическую борьбу в высших эшелонах власти империи, в долгосрочном плане все более укреплявшую позиции пробуржуазных сил. К предпосылкам второго рода относилась ставшая уже вполне очевидной к концу XIX в. на фоне стремительного укрепления экономического и военного потенциалов дальневосточных соседей России, - Японии и Китая, - недостаточность темпов заселения и развития Приамурского края. В свою очередь, одной из важнейших причин последней являлись результаты предшествующей казачьей политики местной администрации и, прежде всего, главный ее итог – почти 15 млн. дес. земли, отведенных дальневосточным казачьим войскам.

Период 1898 – 1904 гг. характеризовался значительным повышением интереса к уссурийскому казачеству со стороны центральных государственных органов. При этом если ранее почти единственным контрагентом УКВ в правительстве было военное ведомство, то в данный период войско все чаще становится объектом внимания и других министерств (прежде всего, экономических), а также общеправительственных структур (Комитет министров, Комитет Сибирской железной дороги). Министерства экономического блока добивались проведения окончательного землеустройства УКВ в соответствии с действующим законодательством и передачи освободившихся земель отвода в руки казны и крестьян-переселенцев. Военное же министерство пыталось сохранить за войском как можно большие земельные владения, что позволило бы продолжить политику массовых казачьих переселений в Приморье.

Активность и инициативность казачьей политики местной администрации в данный период, напротив, заметно снизились. Под влиянием нового соотношения сил в правительстве, в 1898 – 1904 гг. позиция краевой власти по отношению к дальневосточному казачеству изменилась: генерал-губернаторы этих лет в основном весьма благожелательно воспринимали стремление гражданских ведомств к скорейшему открытию земель отвода для крестьянской ко-

лонизации и, как правило, оказывали содействие в их работе. Менее однозначную поддержку это стремление находило у глав Приморской области, в числе которых встречались и убежденные защитники интересов УКВ (Чичагов).

Внутренние структурные факторы политического поведения уссурийцев в ситуации 1898 – 1904 гг. сохраняли в основном свое прежнее состояние. Пожалуй, наиболее серьезные структурные изменения в казачье общество в эти годы внесла реформа общинного самоуправления, завершенная в войске в 1901 г. Наряду с усилением авторитарных черт в его административной организации, она сыграла в дальнейшем роль одной из предпосылок формирования у уссурийских казаков собственных специально-политических интересов.

Первым проявлением решительного поворота в казачьей политике правительства на Дальнем Востоке стало подготовленное в Комитете министров по настоянию статс-секретаря С.Ю. Витте и направленное в 1898 г. генерал-губернатору Приамурья представление о необходимости разработки предложений по окончательному землеустройству АКВ и УКВ с передачей их в Министерство внутренних дел. Однако Духовской не спешил с ответом на правительственный запрос. УКВ, где в это время уже действовало Войсковое правление, по возбужденному Комитетом министров вопросу заключения также не представило⁴².

Вскоре, в том же 1898 г., Духовского на посту главы Приамурского края сменил Н.И. Гродеков. Новый генерал-губернатор поддерживал регулярные отношения с центральными гражданскими ведомствами и был заметно более отзывчив к их инициативам. Кроме того, в декабре 1899 г. Комитетом Сибирской железной дороги в целях выяснения возможности выделения из территории АКВ и УКВ излишков земель, пригодных для крестьянской колонизации, был образован специальный орган – Особое совещание под председательством статс-секретаря А.Н. Куломзина⁴³. Его сотрудники, работая в крае в прямом контакте с местной администрацией, должны были произвести сравнительную оценку состояния и перспектив казачьего и крестьянского освоения дальнево-

сточных земель, подготовив тем самым основу для разработки правительством дальнейшей колонизационной политики.

Эти меры ускорили реализацию в крае нового правительственного курса. Уже в 1899 г. в пределах отвода Духовского с разрешения Гродекова были образованы первые переселенческие участки для крестьян⁴⁴. В том же году министр земледелия и государственных имуществ и министр финансов высказались за ограничение «чрезмерной» свободы выбора казачьими ходоками мест для водворения предварительно заготовленными в границах отвода участками. Несмотря на то, что данное предложение подразумевало сужение зоны размещения казаков в крае и косвенно должно было уменьшить число желающих переселиться, с доводами министров пришлось согласиться и Главному управлению казачьих войск, после чего эта рекомендация была направлена на рассмотрение генерал-губернатору⁴⁵.

По окончании событий, связанных с подавлением восстания «ихэтуаней», в мае 1901 г. правительство предприняло новую попытку побудить местные власти начать подготовку работ по землеустройству АКВ и УКВ. С одобрения царя, генерал-губернатору было поручено предоставить упомянутому выше Особому совещанию всю необходимую информацию по этому вопросу. По-видимому, только вмешательство императора и нажим со стороны краевой администрации заставили, наконец, правление УКВ направить в Особое совещание данные о количестве и качестве земель, находившихся в обмежованных казачьих наделах⁴⁶. Кроме того, в сентябре 1901 г. представителям УКВ пришлось принять участие в заседаниях образованной в Хабаровске «местной комиссии» по определению территории АКВ и УКВ. На комиссию, включавшую наряду с представителями казаков чиновников из земледельческого ведомства, возлагалось обсуждение вопросов, предложенных Особым совещанием. По окончании работы, комиссия пришла к заключению, что для обеспечения потребностей УКВ с учетом его предполагаемого увеличения в будущем до 29000 душ м.п. из общей площади отвода должны быть выделены около 1500000 дес. сельскохо-

зяйственных земель. Вместе с этим, по ее рекомендации в войсковом владении в качестве доходных статей должны были быть оставлены, по приблизительным оценкам, от 1600000 до 1900000 дес. лесов. Однако наказной атаман УКВ Чичагов и член Войскового правления Копейкин пожелали присоединить к решениям комиссии свое особое мнение, в котором настаивали на увеличении наделных земель войска почти до 2 млн. дес. и сохранении за ним всех лесных площадей, предоставленных Духовским⁴⁷.

Общие итоги длительной работы Особого совещания были подведены в феврале 1903 г. Отмечая крайне низкую, в сравнении с крестьянами, эффективность хозяйственного использования местными казаками своих земель, совещание предложило предоставить генерал-губернатору Приамурья право собственной властью (т.е., по-видимому, прежде всего без получения согласия военного ведомства и войсковых администраций) указывать на территории отвода местности для крестьянского заселения, а также, по договоренности с Министерством земледелия и государственных имуществ, ежегодно определять лесные районы, в которых казачьи войска могут производить порубки. Однако совещание не дало точного описания границ территории, оставляемой казакам, и соответственно не указало пределов изъятия из отвода «излишествующих земель». В результате предложения Особого совещания не получили утверждения в правительстве⁴⁸.

Дальнейшая реализация правительственной политики по разграничению зон крестьянского и казачьего заселения в пределах отвода Духовского была связана с деятельностью занимавшего с июля 1903 по июнь 1905 гг. пост наместника Дальнего Востока адмирала Е.И. Алексеева. Созданная по его инициативе комиссия под председательством наказного атамана УКВ А.М. Колюбакина летом 1904 г. представила проект, который содержал точное описание земель, предлагаемых к передаче войску в постоянное владение. В их состав должны были войти 350000 дес. земли для размещения предполагаемых к прибытию в войско в ближайшие годы 7000 душ казаков м.п., а также предназна-

ченая для дальнейшей колонизации 50-верстная полоса на правом берегу р. Бикин. В ходе рассмотрения проекта Коллюбакина наместником, к нему с «памятной запиской» обратился исполнявший в это время должность приамурского генерал-губернатора Н.П. Линеви́ч. Признавая, что его предшественники, Гродеков и Субботич, выступали за открытие земель отвода для крестьян, Линеви́ч призвал наместника воздержаться от определения границ казачьих земель до окончательного решения вопроса о размере пополнения УКВ. При этом Линеви́ч ссыла́лся на отчет бывшего наказного атамана УКВ за 1902 г., где рядом с заявлением Чичагова «о необходимости оставить за казаками владения, ныне числящиеся за ними», Николай II «изволил сделать отметку «правильно»». Тем не менее, Алексеев, указывая на то, что подобное предпочтение казачьей колонизации перед крестьянской не оправдано ни с «культурно-экономической», ни с военной точки зрения, в августе 1904 г. признал проект Коллюбакина «целесообразным»⁴⁹. Это решение было последним значимым событием в политической истории УКВ периода 1898 – 1904 гг. В дальнейшем неудачи России в русско-японской войне и подъем революционного движения на время отвлекли внимание центральных и местных властей от проблем отвода Духовского.

Общий уровень политической активности населения УКВ в период 1898 – 1904 гг. был относительно низок. После выдворения донцов из Владивостока выступления казаков-переселенцев становились в войске все более редкими. И все же выходцы с Дона порою доставляли серьезное беспокойство войсковым властям и позднее. Так, в 1899 г. жители пос. Андреевского, населенного в основном бывшими донскими казаками, отказались считать выделение подвод для «перевозки начальствующих лиц» своей обязанностью. Проведенное расследование показало, что казаки «настроены против всяких... распоряжений начальства». В полицейском рапорте отмечалось, что многие андреевцы находились под влиянием местного учителя, который, как выяснилось, разыскивался полицией по делу об «оскорблении его императорского величества»⁵⁰.

В рассматриваемый период несколько участились конфликты уссурийцев с крестьянами, возникавшие обычно на почве споров о принадлежности земельных наделов и выгонов для скота и даже, по словам одного из источников, просто «от непонимания друг друга». Эти конфликты бывали весьма затяжными и сопровождались частыми жалобами казаков властям. Например, настойчивые жалобы казаков пос. Барабаш-Левада на проживавших в том же поселке крестьян, в 1899 г. заставили наказного атамана УКВ лично обратиться к последним с предложением выселиться в другие места⁵¹. Вместе с тем, имели место случаи, когда войсковая администрация целыми селениями сгоняла крестьян с казачьих земель по собственной инициативе⁵².

Инертность населения УКВ в 1898 – 1904 гг. во многом была обусловлена ослаблением административного вмешательства в его жизнь, связанным с изменением методов регулирования казачьего переселения, а затем и его фактическим прекращением в 1902 г. Кроме того, постепенная адаптация переселенцев к условиям своей новой родины в значительной мере уже нейтрализовала столь явно выражавшееся прежде в их поведении конфликтогенное воздействие культурных и психологических факторов. Спаду в политической активности уссурийских казаков способствовала также реформа самоуправления 1901 г., ограничившая возможности доведения своих требований до администрации для большинства уссурийцев. На активности казачьего населения, несомненно, отразились войны и массовые мобилизации 1900 – 1901 и 1904 – 1905 гг.

Немногим более деятельной в рассматриваемой ситуации показала себя войсковая администрация. Как нам представляется, эта невысокая активность во многом объяснялась крайне неблагоприятным для нее раскладом политических сил, не только на центральном, но и на местном уровне: перед лицом усиливающегося давления правительства администрация УКВ практически не получала в эти годы серьезной поддержки ни со стороны краевых, ни областных властей. Вероятно, единственным исключением в этом отношении являлась деятельность губернатора Приморья в 1899 – 1903 гг. Н.М. Чичагова, о позиции

которого мы упоминали выше. В этих условиях оптимальной формой поведения для войсковой элиты становилось всяческое уклонение от содействия государственным органам и негласный саботаж их распоряжений. Несмотря на неблагоприятную обстановку, войсковая верхушка проявляла твердость и упорство в защите своих интересов, тщательно разрабатывая их аргументацию, что свидетельствовало о высокой степени осознанности и значимости последних.

Последующие изменения в политической среде уссурийского казачества явились частью общенационального революционного процесса, охватившего Россию в 1905 – 1907 гг. Революция внесла значительные коррективы в цели и характер деятельности основных политических контрагентов казачества – центральных и местных органов государственной власти. Отвлеченные событиями, происходившими в это время в Европейской России, органы центральной власти практически перестали вмешиваться в управление УКВ. Местная же администрация, отложив в сторону разрешение вопросов укрепления военного и экономического потенциалов войска, в этот период стала смотреть на казачество сквозь призму своих текущих задач, – т.е. прежде всего как на репрессивную силу, мощное орудие борьбы с революционным движением в Приморье.

С началом революционных событий в региональной среде уссурийского казачества появляются многочисленные негосударственные коллективные политические акторы – партии и общественно-политические организации, так или иначе оппозиционные правящему режиму. Хотя в 1905 – 1907 гг. уссурийское казачество не являлось для них непосредственным объектом деятельности, косвенным образом практическая и пропагандистская активность этих субъектов, безусловно, оказывала свое влияние на поведение казаков.

В силу общей скоротечности революционного процесса 1905 – 1907 гг., а также его относительно слабой интенсивности на Дальнем Востоке структуры коллективного сознания казачества не испытали в это время сильного воздействия извне, сохранив в основном прежнее состояние. Вместе с тем, этот яркий всплеск социально-политической, и в т.ч. идейной, борьбы не прошел для них

бесследно. Революция способствовала политизации социальных и оформлению специально-политических интересов населения УКВ, оживлению его исторической памяти. Кроме того, она побудила уссурийцев к первой попытке политической самоорганизации на основе выработанных ими ранее неофициальных институциональных форм внутригруппового взаимодействия.

Первые отклики уссурийцев на революционные события в стране появились довольно поздно. Отчасти это было связано с тем, что по окончании боев с японскими войсками мобилизованные на войну казаки еще длительное время находились в Манчжурии. Их демобилизация была произведена только осенью 1905 г. Непосредственными факторами политической активизации казачества послужили издание царского манифеста 17 октября 1905 г., а также, по-видимому, октябрьское и ноябрьское восстания во Владивостоке.

В конце 1905 г. в среде зажиточных уссурийских казаков была выдвинута идея созыва общего войскового схода (круга). 25 декабря 1905 г. в «Приамурских ведомостях», газете либерального направления, ее сторонники обратились ко всем казакам войска с предложением высказать свое мнение об этой инициативе. Сами авторы статьи выражали надежду, что будущий войсковой сход «рассмотрит многие насущные нужды казачества»⁵³.

Вскоре, сторонники созыва войскового круга перешли к практическим действиям. 15 января 1906 г. по предложению есаула Шестакова и при участии станичного атамана Пустынцева в ст. Полтавской был собран сход, на который были вынесены вопросы о необходимости проведения круга, его подготовке и рабочей повестке. В своем приговоре участники схода, указывая на то, что «исконно свободные» казаки имеют на сегодня меньше прав, чем некогда «крепостная Россия», а войско управляется «приезжими чиновниками», не знакомыми ни с бытом, ни с хозяйством казачества и «в большинстве случаев совершенно неподготовленными к административной деятельности», признали необходимым ходатайствовать перед наказным атаманом о разрешении войскового круга, состоящего из выборных от станиц. На круге предполагалось рассмотреть

вопросы о преобразовании его в постоянный орган, осуществляющий экономическое и социальное регулирование жизни войска, ведающий снаряжением казаков на службу и утверждением войскового бюджета, а также о создании нового учреждения исполнительной власти в УКВ в лице выборного войскового правления. Как отмечалось в приговоре, кроме этих вопросов на войсковом круге могли бы быть поставлены и другие – «в видах развития войска, но без политической подкладки»⁵⁴.

Надеясь на добрую волю наказного атамана, казаки, тем не менее, сразу же, не дожидаясь санкции «сверху», развернули деятельность по реализации своего предложения. По решению Полтавского схода, копии приговора были разосланы «войсковым товарищам» с просьбой обсудить его на станичных или поселковых сходах, отправив затем их постановления в ст. Полтавскую. Однако администрации УКВ удалось во время пресечь эту организационную работу. Полтавский станичный атаман и поддержавшие его атаманы других станиц были смещены, а есаул Шестаков, как инициатор схода, арестован⁵⁵.

После описанных выше событий казаки уже не предпринимали попыток ни взять власть в войске в свои руки, ни предъявить существующей администрации какие-либо политические, в специальном смысле этого слова, требования. Наблюдавшееся в 1906 – 1907 гг. определенное повышение уровня активности казачьего населения в основном было сопряжено с вполне ординарной для уссурийцев борьбой за сохранение и приращение границ своих поселковых наделов, воплощавшейся в обычной для них форме подачи общинных жалоб властям. Чаще всего, соперниками казаков в таких поземельных спорах являлись крестьяне. Так, весной 1906 г. казаки пос. Муравьев-Амурский потребовали от жителей соседнего села Рождественки освободить занятые ими во время нахождения мужского населения поселка на войне пустовавшие земли казачьего надела. Когда же на стороне рождественцев выступил участковый крестьянский начальник, казаки направили в Войсковое правление поселковый приговор, где, заявляя, что в их лице этим чиновником было оскорблено все войско,

указывали на то, что особые земельные права казачества напрямую обусловлены тяжестью и значимостью его государственной службы⁵⁶. С не меньшим упорством казаки защищали свои общинные земли и от покушений казны, и в т.ч. военного ведомства, также настойчиво добиваясь при этом содействия войсковой и даже краевой администрации. Примером тому могут послужить жалобы казаков пос. Графского 1906 и 1907 гг.⁵⁷.

Относительная слабая (по сравнению и с амурскими казаками и с соседним крестьянством) вовлеченность уссурийского казачества в революционное движение 1905 – 1907 гг. помимо оперативных действий войсковой администрации обуславливалась и рядом других, главным образом долговременных факторов. Важнейшим среди них, на наш взгляд, являлась обеспеченность на тот период основных экономических, материальных потребностей большинства уссурийцев, что само по себе отвращало их от поддержки радикальных требований любого рода. Необходимо также принять во внимание уже отмечавшуюся в литературе сравнительную изолированность уссурийцев от очагов революционного движения⁵⁸: казаки проживали в малонаселенных районах, в основном вдали от крупных городов, здесь же дислоцировались и казачьи части. Кроме того, политическая активность казачьей массы сдерживалась введенными в 1901 г. в УКВ ограничениями на участие населения в работе институтов местного самоуправления. Эти институты в годы революции находились в руках зажиточной части уссурийцев, активность которой на общем фоне изучаемой социальной группы была заметно большей. Именно зажиточные казаки, наиболее информированные о происходящем в стране и обладавшие более развитыми интересами, выступили инициаторами кардинальной реформы войскового управления. Однако, это выступление, не опиравшееся на деятельную поддержку остального казачьего населения, было без труда разгромлено властями.

Революционные события в Приморье еще не окончились, когда в отношениях центральной и краевой администрации вновь был поднят вопрос о границах земельных владений УКВ. Очередное обращение государственной вла-

сти к проблемам дальневосточного казачества происходило в политической обстановке, значительно отличавшейся от дореволюционной. С ноября 1906 г. новый правительственный кабинет, возглавляемый П.А. Столыпиным, приступил к проведению основополагающей для комплекса планируемых мер по ускорению капиталистической модернизации России, аграрной реформы. Хотя главным ее объектом должны были стать крестьянские общины европейских губерний, реформа затрагивала и Приамурский край. Ее значение для Приамурья состояло в том, что сюда, наряду с другими зауральскими регионами, предполагалось переместить массу безземельных и малоземельных крестьян, улучшив тем самым социально-политическое состояние и облегчив экономическое развитие центра России. Позднее, особенно с 1909 г., Дальний Восток начинает привлекать к себе и непосредственное внимание правительства. Путем в первую очередь интенсификации и государственного регулирования хозяйственного строительства в крае правительство Столыпина попыталось в это время исправить крайне неблагоприятное международное положение дальневосточных территорий России, сложившееся по окончании войны 1904 – 1905 гг.

Успешность осуществления и переселенческих планов правительства и его политики экономического развития края были тесно связаны с решением проблем отвода Духовского, и в т.ч. с землеустройством УКВ – обладателя большей и стратегически важнейшей части пространств отвода. Преодолевая противодействие Военного министерства, центральные экономические ведомства в период весны 1907 – весны 1911 гг. концентрировали свою активность в двух направлениях, первым из которых стало оперативное изъятие из территории УКВ земельных участков для прибывающих крестьян-переселенцев, а вторым, - подготовка проекта окончательного землеустройства войска, отвечающего приоритетам внутренней политики кабинета реформаторов.

Особенностью ситуации 1907 – 1911 гг. было то, что в проведении собственной политики в отношении УКВ правительству приходилось преодолевать не только препоны со стороны военного ведомства, но и не менее упорное и

часто более эффективное сопротивление местных властей. Как являвшийся в это время начальником края П.Ф. Унтербергер, так и возглавлявшие в эти годы Приморскую область В.Е. Флуг и И.Н. Свечин, выступали против подчинения земельных нужд войска и обеспечиваемых, по их мнению, его благополучием интересов обороны края целям новой экономической политики государства, и деятельно, хотя и не всегда полностью, поддерживали требования войсковой администрации. Такая позиция и активность местных властей нередко заставляли правительство отступить и вносить в свои планы существенные поправки.

Период 1907 – 1911 гг. был временем медленной, но неуклонной эволюции структурных оснований политической жизни уссурийского казачества. Под воздействием возрастающего давления государства и приморского крестьянства в эти годы происходит проблематизация, а вместе с ней и политизация основных экономических и социальных интересов уссурийцев. По мере проникновения в казачье общество рыночных отношений, расширения его коммуникации с модернизирующейся социетальной системой, новой политико-правовой информацией пополнялся когнитивный компонент его культуры, разрушались патерналистские и монархические ценности казаков. Некоторые изменения имели место и в институциональной организации уссурийского казачества: именно в этот период уссурийцы впервые избрали своего депутата в высший представительный орган страны – Государственную Думу.

Начало новому этапу в истории отношений уссурийского казачества с государством положило развернувшееся с весны 1907 г. массовое «столыпинское» переселение крестьян центральных губерний России на юг Дальнего Востока. Огромный, значительно превышавший прогнозы, наплыв переселенцев и катастрофическая нехватка предварительно заготовленных для них земельных участков побудили переселенческую администрацию края выступить с требованием выделения недостающих площадей из состава земель, закрепленных в 1904 г. за УКВ Алексеевым.

В апреле 1907 г. в письме к министру внутренних дел, генерал-губернатор выразил свое несогласие с требованиями переселенческих органов. Между прочим, при этом, он ссылаясь на свидетельство наказного атамана УКВ, по словам которого удовлетворение данных требований могло вызвать «неудовольствия и нарекания со стороны казаков, которые в свою очередь создадут почву для противоправительственной агитации, наблюдаемой уже среди части крестьянского населения»⁵⁹. Но уже в мае того же года, уступая давлению центральной администрации, Унтербергер изменил свою позицию и разрешил передачу крестьянам около 137 тыс. дес. из земель отвода 1904 г. Эта уступка вызвала возмущение наказного атамана УКВ Флуга и членов Войскового правления, заявивших Унтербергеру, что «крайняя необходимость» в отчуждении казачьих земель создана самими землеустроительными органами, плохо организовавшими переселение⁶⁰.

Для урегулирования спорных вопросов, связанных с устройством переселенцев, по указанию генерал-губернатора в июне 1907 г. во Владивостоке было образовано Особое совещание из представителей областной переселенческой организации и администрации УКВ. Несмотря на протесты войсковой администрации, предпринимавшей даже попытку прямого, минуя генерал-губернатора, ходатайства перед императором, в итоге совещание признало выделение части земель, переданных УКВ Алексеевым, для прибывающих в Приморскую область крестьян «неизбежным». Вместе с тем, совещание высказалось за прекращение с 15 июля 1907 г. движения переселенцев в область, которое вскоре (с 15 августа 1907 г.) и было прекращено решением Совета Министров⁶¹.

Однако и после этого, готовясь к новой волне крестьянского переселения в следующем году, чиновники Управления землеустройством и земледелием продолжали выступать с требованиями отчуждения различных участков отвода 1904 г., что в свою очередь вызывало постоянные возражения войсковой администрации. Наконец, своими представлениями УКВ добилось от генерал-губернатора создания в феврале 1908 г. на краевом уровне очередного особого

совещания по разграничению крестьянской и казачьей колонизации. По результатам его работы штабом Приамурского военного округа было сделано заключение, одобренное Унтербергером и представленное им в Петербург. Обращение генерал-губернатора было рассмотрено Совмином и послужило основой для его постановления, утвержденного царем 23 июля 1908 г. Постановление Совмина, в частности, обязывало генерал-губернатора в целях подготовки окончательного землеустройства АКВ и УКВ провести топографическую съемку отвода Духовского, допуская, вместе с тем, текущее выделение переселенческих участков в его границах, кроме территории, указанной в заключении окружного штаба. Кроме того, главноуправляющему землеустройством и земледелием поручалось представить в Совет Министров по соглашению с военным министром, министрами внутренних дел и финансов, соображения о сравнительных преимуществах крестьянской и казачьей колонизации Приамурья⁶².

Территория, временно предоставленная решением Совмина для исключительного казачьего заселения составляла по своей площади 1239000 дес. земли (из которых 694035 дес. находились в уже выделенных наделах) и была меньше отвода, полученного УКВ в 1904 г. По отзывам войсковой администрации, уже к началу 1909 г. (после массовых перечислений в казаки крестьян-переселенцев) почти вся эта территория была использована, вследствие чего прибывавшие из европейских казачьих войск ходоки, не находя подходящих земель, нередко отказывались от переселения⁶³. В то же время, оставшаяся предназначавшаяся УКВ часть отвода Духовского быстрыми темпами заселялась крестьянами. К 1909 г. ими было занято здесь в общей сложности свыше 1 млн. 272 тыс. дес., причем значительная доля этой земли была колонизирована в 1907 – 1908 гг.⁶⁴. Съёмочные работы, планировавшиеся в целях подготовки разграничения этой территории между крестьянами и казаками, по предложению главы Главного управления землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ), в июне 1909 г. были отложены Совмином вплоть до «окончательного выяснения вопроса о предпочтительном способе» ее колонизации⁶⁵, и так никогда и не нача-

лись. Опасаясь, что к моменту осуществления окончательного землеустройства УКВ все пригодные под переселение земли отвода Духовского отойдут крестьянам, в 1909 г. администрация УКВ стала требовать запрещения использования территории отвода для «посторонних надобностей» и предоставления войску казенных средств для самостоятельного проведения ее съемки⁶⁶.

В том же 1909 г., в соответствии с данным Советом Министров ГУЗиЗ поручением, работу по сравнительной оценке преимуществ крестьянской и казачьей колонизации в крае вела комиссия действительного статс-советника Михайлова. Подтверждая выводы совещания Куломзина, комиссия пришла к заключению, что казачья колонизация «находится в полном противоречии с действительными колонизационными задачами – плотно заселить пустующие земли и обратить их в культурное состояние». Исходя из этого комиссия предлагала упразднить казачьи войска в Приамурье, а если они будут сохранены, то наделять их землей по закону 1869 г., но так чтобы из полагающихся на душу м.п. 30 дес., пахотные земли составляли не более 15 дес. (крестьянская норма), а остальные выделялись из «других угодий» (лесов, лугов и проч.)⁶⁷.

Администрация УКВ крайне отрицательно отозвалась о заключении комиссии Михайлова. Подчеркивая важность усиления уссурийского казачества для укрепления безопасности Приморья, она указывала на необходимость учета в оценке эффективности хозяйства казаков особенностей их образа жизни. Кроме того, свои требования расширения казачьего землевладения в крае и приостановки вселения крестьян на территорию отвода Духовского, Войсковое правление обосновывало «историческими правами» войска, его ролью в освоении Приамурья и закреплении его за Россией. Наконец, отмечалось, что наличие свободных земель в УКВ является средством решения проблемы малоземелья европейских войск. В подтверждение этого, войсковая администрация приводила полученные ей при помощи военного ведомства отзывы наказных атаманов Кубанского и Терского войск, просивших правление УКВ о резервиро-

вании земель для своих казаков. Не менее категорические выводы комиссии Михайлова встретили со стороны канцелярии генерал-губернатора⁶⁸.

Тем не менее, в своем заключении по обсуждаемому вопросу, сделанном в январе 1910 г., сам Унтербергер, по-видимому, не рассчитывая на то, что позиция войсковой администрации найдет в правительстве сочувствие и, опасаясь возможной поддержки предложений комиссии Михайлова, выдвинул компромиссный проект. Согласно ему, казаки должны были получить по 15 дес. земли на душу м.п., а недостающее до нормы по закону 1869 г. возмещалось им доходными угодьями или денежной доплатой. Вместо же земель войскового запаса, по этому проекту, УКВ предполагалось предоставить казенное пособие, соответствующее получаемому войском со своей территории доходу⁶⁹.

Предложения комиссии Михайлова и генерал-губернатора были направлены в Петербург, в действующий при правительстве Комитет по заселению Дальнего Востока (КЗДВ). 20 января 1910 г. (еще до получения заключения Унтербергера) Комитетом был сформулирован общий план использования территории отвода Духовского, санкционированный вскоре Совмином и получивший силу закона после одобрения императором 3 апреля 1910 г. Закон 3 апреля 1910 г. 1) признавал «все свободные... земли отвода, подлежащими заселению в порядке общих правил о переселении на казенные земли»; 2) предоставлял главе ГУЗиЗ право ежегодно утверждать по согласованию с генерал-губернатором планы работ по образованию в пределах отвода переселенческих участков и казенных оброчных статей; 3) поручал военному министру внести по соглашению с главой ГУЗиЗ предложения о порядке окончательного землеустройства АКВ и УКВ в соответствии с нормами закона 1869 г. и наличным составом войск, включая в него и тех, кто до издания данного закона пожелал быть перечисленным в местное казачье население; 4) поручал главе ГУЗиЗ внести по соглашению с военным министром предложения о порядке передачи лесному ведомству заведования лесами, находящимися в пределах отвода⁷⁰.

Данный законодательный акт стал самым крупным успехом буржуазно-реформаторских сил в центральной администрации империи за всю историю правительственных попыток решения судьбы отвода Духовского и казачьего землевладения на Дальнем Востоке. Тем не менее, закон 3 апреля 1910 г. все же не дал окончательного и однозначного ответа на этот, чрезвычайно важный в экономическом и социальном плане для дальневосточного региона, а во внутри- и внешнеполитическом аспектах и для всей страны, вопрос. Решая проблему только принципиально, предусматривая необходимость дальнейшего согласования позиций конфликтующих ведомств, он открывал дорогу для продолжения политико-бюрократической борьбы, создавал в полной мере использованные затем возможности блокирования процесса собственной реализации.

В соответствии с пунктом третьим закона 3 апреля 1910 г., в том же апреле месяце КЗДВ поручил приамурскому генерал-губернатору представить заключения для выработки законопроекта о землеустройстве местного казачества. Данные заключения должны были быть «всесторонне соображены на местах» на основе предоставленных Комитетом материалов: 1) предложений по вопросам колонизации в крае генерал-губернатора, 2) проекта правил о наделении землей Семиреченского казачьего войска (он был предложен как образец Военным министерством) и 3) проекта правил о наделении землей АКВ и УКВ, составленного комиссией Михайлова⁷¹. Эти материалы в июне 1910 г. были предоставлены для обсуждения Войсковому правлению УКВ.

Признав проект комиссии Михайлова неприемлемым, а правила для Семиреченского войска нуждающимися в изменениях и дополнениях, правление УКВ постановило выработать собственный проект войскового землеустройства. Уже в конце июня этот проект был препровожден в канцелярию генерал-губернатора. Выработанные правлением «Правила о наделении землею УКВ» предусматривали предоставление на каждую казачью мужскую душу 30 дес. удобной земли (в отсутствие удобных земель, они должны были заменяться худшими в трехкратном размере), в т.ч. 15 дес. пашни и 5 дес. сенокоса, а также

дополнительное выделение земель в войсковой запас из расчета 10 дес. на душевой надел. Кроме того, сверх положенного по закону 1869 г., администрация требовала «на разные войсковые надобности» 1596000 дес. доходных угодий – доступных к эксплуатации кедровых лесов. Проект предполагал, что указанная земля станет войсковой собственностью, тогда как население будет пользоваться ей на правах общинного владения⁷².

Проект Войскового правления был одобрен Унтербергером и направлен им в КЗДВ. Решительность генерал-губернатора в данном случае, по-видимому, была связана с позицией Военного министерства. Еще в мае 1910 г. военный министр Сухомлинов в письме к Унтербергеру резко отрицательно оценил генерал-губернаторские предложения о частичной замене казачьих земель денежным довольствием, заявив, что его ведомство сделало «все возможные уступки» и «идти в этом деле далее» не намерено⁷³. Судя по всему, это послание вновь внушило генерал-губернатору утраченную ранее надежду на возможность возобновления борьбы в правительстве. Эта надежда, как оказалось впоследствии, была не лишена оснований.

Немногим позднее появления проекта Войскового правления, свой, альтернативный план землеустройства АКВ и УКВ был представлен Амурской экспедицией, осуществлявшей в это время под руководством Н.Л. Гондатти комплексное исследование естественных условий, экономики и административной системы края. Экспедиция предложила включить в душевой надел казака 15 дес. пашни и 15 дес. «прочих угодий» и заменить войсковой земельный запас денежным пособием от казны. Кроме того, критикуя отстаиваемый войсковой администрацией подход к казачьим войскам как к «самодовлеющим словным общинам» и желая распространить на них принципы крестьянской реформы, члены Экспедиции настаивали на необходимости наделения казаков правами собственников своих наделов⁷⁴. В конце июля 1910 г. проект Амурской экспедиции был также направлен в КЗДВ.

С августа 1910 г. в центральных ведомствах начался длительный процесс обсуждения и согласования внесенных предложений и выработки окончательного варианта законопроекта. Впрочем, и в это время войсковые власти не оставляли попыток повлиять на ход решения интересовавшего их вопроса. Так, в декабре 1910 г. через генерал-губернатора Войсковое правление УКВ отправило в Петербург свой пространный отзыв по проекту Гондатти. Выдвигая возражения по большинству пунктов этого проекта, правление особенно решительно протестовало против идеи наделения казачьего населения землей на началах собственности, справедливо указывая на то, что это лишит администрацию всякой возможности вмешательства в земельные отношения. По мнению правления, подобный «переворот в землепользовании» не мог быть оправдан до тех пор «пока не будет признано излишним существование казачьих войск, как самостоятельных единиц с особою организацией и особыми задачами». Выступая против сокращения казачьих наделов, администрация УКВ не раз подчеркивала, что это чревато «значительными осложнениями» в связи с неизбежным недовольством казаков, а, отвергая проведение внутривойскового размежевания земель силами «посторонних ведомств», аргументировала это тем, что в этом случае «темная масса населения не всегда способна будет защитить себя от различных посягательств на его интересы». Наконец, правление настоятельно требовало, чтобы окончательное утверждение войсковой территории осуществлялось через войскового наказного атамана и было «основано на авторитете Высочайшей воли»⁷⁵. Адресованный в Военное министерство, данный отзыв, по-видимому, сыграл немаловажную роль в обсуждении землеустроительного законопроекта, закончившемся лишь в следующем, 1911 г.

В сравнении с административной верхушкой казачества основная масса уссурийцев в период 1907 – 1911 г. выглядела довольно пассивной. Тем не менее, активизация земельной и переселенческой политики правительства в Приморье и разгоревшаяся вокруг нее ведомственная борьба, в отдельных своих проявлениях уже прямо затрагивавшие жизнь казачьего населения, вели к по-

степенному оживлению его политической деятельности. Так, временные ограничения территории казачьего расселения, введённые в 1904 и в 1908 гг., привели к определенному дефициту свободных земель в наиболее быстро осваивавшемся южном районе войска. Начиная ощущаться недостаток земель сделал казачье население весьма чувствительным к разного рода слухам о грядущих землеустроительных работах. Эти слухи подогревались чиновниками переселенческого управления, активно выступавшими в защиту самовольно вселившихся на территорию отвода Духовского крестьян. Косвенно об этом свидетельствовали и направленные Войсковым правлением в станичные округа летом 1910 г. запросы о затопляемости и удобстве местных земель⁷⁶.

Земельное стеснение и в еще большей степени тревожные ожидания уссурийцев привели к заметному усилению межсословной вражды. В частности, это выражалось в крайнем обострении старых поземельных споров, тянувшихся в течение многих лет. Так, в 1908 г. вновь вспыхнул уже упоминавшийся нами конфликт между казаками пос. Муравьев-Амурский и крестьянами дер. Рождественки. При чем накал страстей на сей раз был столь велик, что Войсковое правление потребовало принятия сдерживающих мер со стороны гражданской администрации, предвещая в противном случае «очень серьезное столкновение» между казаками и крестьянами⁷⁷.

Наряду с обострением старых, в рассматриваемый период активно возникали и новые земельные споры, что было связано с резко возросшими масштабами крестьянского переселения. Сколь напряженные отношения складывались между уссурийцами и крестьянами-новоселами, наглядно показывает случай в пос. Гленовском. В апреле 1910 г. в Войсковое правление поступила телеграмма гленовского поселкового атамана. Сообщая о захвате крестьянами надела поселка и «сильном возмущении» гленовцев, атаман доносил о том, что утратил контроль над ситуацией. Дело дошло до главы областного переселенческого ведомства, который был вынужден вмешаться в происходящее. Проведенное расследование обнаружило, что причиной конфликта стала сдача в наем одним

из казаков поселка своей заимки крестьянской семье. Переселение крестьянской семьи на эту заимку и было воспринято гленовцами как возможное «основание к самовольному заселению их участка другими переселенцами»⁷⁸.

Оба приведенных выше случая примечательны также тем, что власти узнавали о разворачивающихся конфликтах уже на стадии их кульминации. Эмоциональная острота межсословных противоречий была столь велика, а надежда на эффективную помощь со стороны администрации, очевидно, так незначительна, что казаки часто предпочитали защищать свои интересы непосредственно и самостоятельно, не прибегая к подаче жалоб.

Значимым фактором повышения политической активности уссурийского казачества в ситуации 1907 – 1911 гг., как и в последующем, служило также массовое перечисление в войсковое население крестьян. Побуждаемые к перечислению, как правило, только лишь стремлением получить «удобные» земельные участки и при том по существенно превышавшей крестьянскую норму, новоселы были особенно недовольны тяжестью казачьих повинностей и крайне недостаточной помощью войсковой администрации (по сравнению с переселенческой) в обустройстве поселений, постройке школ, больниц, церквей, дорог и прочих социально необходимых объектов. О том, насколько широким и острым было это недовольство, можно заключить по эпизоду с подачей показанных крестьянами пос. Кубанский в июле 1910 г. прошения об их исключении из казачьего сословия. Войсковые и краевые власти ответили на прошение отказом, главным мотивом которого являлось нежелание создавать «прецедента», способного вызвать «массовое бегство» показанных из казаков в крестьяне⁷⁹.

Внимание уссурийских казаков привлекали к себе не только вопросы, связанные с земельной и переселенческой политикой государства. Они открыто критиковали текущую социальную политику казачьей администрации и высказывались за коренное преобразование войскового хозяйственного управления по земскому образцу. Примечательно, что поводом к формулированию казака-

ми этих требований послужили расспросы, проводившиеся в 1910 г. среди войскового населения участниками Амурской экспедиции⁸⁰. Готовя таким образом аргументацию для полемики с войсковой администрацией, эти либерально настроенные чиновники своими действиями волей или неволей способствовали оживлению политического сознания уссурийцев, дифференциации и конкретизации их интересов.

Еще более развернуто и определенно формулировала свои требования, уже вполне оформившаяся в этот период торгово-промышленная прослойка уссурийского казачества и примыкавшая к ней казачья интеллигенция. Благоприятные условия для этого теперь обеспечивал не только контроль зажиточных уссурийцев над органами самоуправления, но и наличие у них собственного представителя в Государственной Думе – выдвинутого в 1907 г. совместно с верхушкой амурского казачества Н.А. Манькова. На то, чьи интересы представлял в III Думе вступивший в кадетскую фракцию депутат от АКВ и УКВ Маньков, достаточно ясно указывает место, которое в изложении нужд дальневосточного казачества корреспонденту журнала «Сибирские вопросы», он уделит таким темам, как негативные последствия грядущей отмены режима порто-франко, сокращение рынков сбыта казачьего леса, необходимость перехода от политики «временных казенных подрядов» к «здоровому экономическому росту» края и укреплению торговых связей с Манчжурией. Характеризуя позицию казаков в земельном вопросе, Маньков подчеркивал их решительное несогласие с допущением на войсковые земли крестьян-переселенцев. В качестве еще одного актуального для населения АКВ и УКВ вопроса, он указывал на обсуждавшуюся в Думе проблему введения в казачьих районах земства. По признанию Манькова, в этом отношении в казачестве не было единодушия: одна часть казаков «сочувственно» воспринимала идею всеобщего земства, тогда как другая выступала за казачье самоуправление, преобразованное «сверху донизу на широком выборном начале». Впрочем, и те и другие были согласны в том, что «современное войсковое хозяйство» должно быть ликвидировано⁸¹.

Судя по сообщаемому Маньковым (октябрь 1908 г.), наиболее зажиточная, образованная и активная часть дальневосточного казачества внимательно следила за работой Думы, ожидая от нее содействия в реализации своих насущных потребностей и даже возлагая надежды на проведение в ближайшее время «коренных реформ»⁸². Понадобилось еще несколько лет бесплодных ожиданий, для того чтобы казачья верхушка смогла вполне оценить эффективность этого поначалу многообещающего института «политического представительства».

Обращаясь к анализу основных факторов политического поведения уссурийского казачества в ситуации 1907 – 1911 гг., остановимся, прежде всего, на деятельности наиболее активной его части – войсковой администрации. Экономическая политика правительства Столыпина, как никогда ранее остро поставив вопрос об открытии отвода Духовского и окончательном землеустройстве приамурских казачьих войск, создала тем самым вполне осязаемую угрозу лишения администрации УКВ контроля над богатствами войсковых земель. Это явилось ведущей причиной резкого роста интенсивности и инициативности политической деятельности войсковых властей. Однако войсковая администрация вряд ли была бы в состоянии оказывать столь продолжительное и непреклонное сопротивление правительству, если бы не ощущала в этот период мощной поддержки местного руководства, военного ведомства, а порою и самого императора. Эти политические союзники не только обеспечивали необходимые формальные и неформальные институциональные условия для ее борьбы за свои интересы, но и прямо стимулировали эту борьбу. Наконец, нельзя не отметить важности для политического поведения войсковой элиты изменений, произошедших в ее культурных представлениях. Сообразно с новым взглядом на роль и предназначение государства, распространившимся в межреволюционный период в образованных слоях российского общества и вполне усвоенным казачьей администрацией, в отношениях с вышестоящими властями она стала проявлять небывалые ранее чувство собственной значимости и требовательность. В аргументации администрацией УКВ своих требований все более часто и откры-

то стали использоваться мотивы политического представительства, защиты интересов, традиций и образа жизни войсковой общины.

В сравнении с офицерско-чиновничьей верхушкой войска активность его населения в ситуации 1907 – 1911 гг., как уже отмечалось, была достаточно низкой. Новая правительственная политика в отношении УКВ в это время еще мало затрагивала интересы рядовых казаков. Пожалуй, единственным исключением здесь являлись участвовавшие поземельные конфликты между уссурийскими казаками и крестьянами-переселенцами. Однако связь между этими общинными столкновениями и деятельностью государственных органов была отнюдь не прямой и далеко не очевидной для большинства уссурийцев. Межсловная борьба носила хотя и весьма острый, но локальный и непосредственный, своего рода предполитический, характер.

И все-таки, относительно предшествующего периода, вовлеченность казачьей массы в политическую жизнь возросла. Данный процесс был связан не столько с текущей казачьей политикой государства, сколько с фундаментальными социально-экономическими и культурными переменами в структуре российского общества и с вызванными ими изменениями в интересах и ценностях уссурийцев. В период 1907 – 1911 гг. эти изменения коснулись пока лишь политического сознания и вербального поведения, но не политической практики казачества, и выразились в привлечении его внимания к вопросам войсковой социальной политики и управления, к собственному правовому статусу.

Указанный процесс был в особенности характерен для неформальной политической элиты уссурийского казачества – его зажиточной прослойки. Обладающая обширными и разнообразными интересами, в культурном (когнитивном и ценностном) и в институциональном аспектах она была оснащена для ведения политической деятельности значительно лучше остального казачьего населения. Тем не менее, политическая активность зажиточных уссурийцев в отношениях с местными и войсковыми властями в 1907 – 1911 гг. была также крайне низкой. Как представляется, основной причиной этого стала переоценка казачь-

ей верхушкой законотворческих возможностей Думы, равно как и собственных способностей к реализации своих интересов парламентскими средствами.

Начало следующего этапа в политической жизни уссурийского казачества может быть обобщенно датировано 1911 годом, его завершение, связанное со вступлением России и ее дальневосточного региона в новый, переходный период своей истории – февралем 1917 г. Рассматривая ситуацию 1911 – 1917 гг. с точки зрения основных целей правительственной политики в отношении УКВ, можно отметить, что их общее содержание, нашедшее свое выражение в законе 3 апреля 1910 г., в целом осталось прежним. Однако активность правительства в реализации данных целей, весомость его воздействия и соответственно влияние на исход политического противоборства заинтересованных сторон значительно уменьшились. Предпосылкою к этому стала очередная перегруппировка сил в высшем эшелоне власти империи, укрепление позиций крайне правых, консервативных кругов, ставшее особенно заметным после убийства Столыпина 1 сентября 1911 г. В казачьей политике правительства это, в частности, привело к относительному уравниванию во многом противоположно направленного влияния на ее формирование военного и хозяйственных ведомств.

Важные перемены произошли также в составе и структуре политико-административной элиты дальневосточного региона. В 1911 г. на посту генерал-губернатора Приамурья Унтербергера сменил Н.Л. Гондатти, первый гражданский глава края. Будучи убежденным сторонником умеренно-реформаторских планов Столыпина, Гондатти несомненно должен был стать опорой и проводником политики столыпинского кабинета на Дальнем Востоке. Однако вследствие значительного ослабления внимания Петербурга к казачьему вопросу в регионе, новому генерал-губернатору фактически пришлось принять на себя роль главного инициатора продолжения «столыпинской политики» в этом ее направлении. При этом энергичные попытки генерал-губернатора ускорить изъятие у УКВ угодий отвода Духовского, а также изменить непроизводительный характер казачьего хозяйства наталкивались на упорное сопротив-

ление местных военных властей, от командующего Приамурского военного округа до администрации Приморской области. В результате и на региональном уровне процесс формирования административной политики в отношении уссурийского казачества характеризовался относительным равновесием, взаимным блокированием буржуазно-реформаторских и феодально-консервативных сил.

В период 1911 – 1917 гг. продолжилась и даже ускорилась начавшаяся ранее постепенная эволюция структурных факторов политического поведения уссурийского казачества. Несмотря на то, что по своему составу основные потребности уссурийцев остались неизменными, под действием расширения хозяйственной деятельности казачьего населения, развития его социальных отношений, с одной стороны, и усиления внешнего социально-политического давления на уссурийское казачество – с другой, их интенсивность и значимость и, вместе с тем, проблематизированность и политизированность возросли. Оживились и процессы пополнения и обновления когнитивного компонента политической культуры уссурийцев, модернизации и демократизации ее ценностей. Свой прежний облик сохранила официальная институциональная структура казачества. Вместе с тем, перед его представителями открылась возможность принять участие в деятельности целого ряда появившихся в регионе в межреволюционный период негосударственных политических институтов.

Хронологически первым событием, ознаменовавшим начало изменения политической ситуации вокруг уссурийского казачества, явилось назначение новым генерал-губернатором Приамурья Н.Л. Гондатти. Дальневосточное казачество стало одним из важнейших объектов деятельности Гондатти практически с самого момента занятия им поста главы края. Из всего комплекса казачьих проблем внимание генерал-губернатора, прежде всего, было привлечено к наиболее значительной и давней среди них – к проблеме разграничения сельхозугодий отвода Духовского. В своем распоряжении по Приморской области от 1 июня 1911 г., указывая на ожидаемое в скором времени открытие в крае землеустроительных работ, Гондатти наложил запрет на рассмотрение дел по хо-

датайствам казачьих и крестьянских обществ о дополнительных прирезках казенной земли к их наделам⁸³. Данная мера фактически была направлена на полное прекращение роста наделного казачьего землевладения в области, лишая администрацию УКВ возможности использования даже тех земель, которые были определены правительством в качестве временной зоны исключительного казачьего заселения в 1908 г. В то же время, на увеличение крестьянского землевладения в пределах отвода Духовского это распоряжение существенно повлиять не могло, поскольку не запрещало отведения новых земельных участков для переселенцев. Для казачества последнее значения уже не имело: в соответствии с законом 3 апреля 1910 г. переселение казаков из Европейской России в УКВ было решено полностью завершить к 1 января 1912 г.⁸⁴.

Между тем, ожидавшееся «в скором времени» землеустроительные работы в период 1911 – 1917 г. так и не были начаты. За все это время высшие органы власти империи не смогли прийти к согласию относительно принципов казачьего землеустройства. Разработка соответствующего законопроекта была закончена в правительстве в 1911 г. Последний вариант правительственного законопроекта стал результатом серьезных уступок военному ведомству со стороны ГУЗиЗ. Согласно ему, помимо сохранения 30-десятичных душевых наделов казаков, для продолжения приема переселенцев УКВ предоставлялся войсковой земельный запас из расчета по 10 дес. на каждую наличную мужскую душу. Кроме того, сверх предусмотренного законом 1869 г., для удовлетворения войсковых потребностей УКВ должно было получить «оброчные статьи», из того же расчета – по 10 дес. на мужскую душу⁸⁵. Хотя предоставляемые угодья были намного меньше запрашиваемого войсковой администрацией, они все же были весьма значительны, а их состав свидетельствовал о том, что возобладавшие в правительстве силы не только не помышляют об упразднении приамурских казачьих войск, но и намерены усилить их и в дальнейшем.

Направленный в том же 1911 г. в Думу, данный законопроект некоторое время ждал своего рассмотрения. По-видимому, его обсуждение было начато

уже Думой четвертого созыва. Получив ее одобрение, законопроект был внесен в Госсовет. Однако верхняя палата российского «парламента» выразила свое несогласие с площадью выделяемых АКВ и УКВ оброчных статей и потребовала увеличить ее вдвое. Дума не удовлетворила это требование, и 16 декабря 1916 г. Госсовет отклонил законопроект⁸⁶.

В отсутствие законодательной базы для проведения землеустройства, «временный» запрет на прирезку земли казачьим общинам фактически действовал вплоть до 1917 г. Он был предметом постоянного недовольства войсковой администрации, но гораздо сильнее затрагивал интересы войсковых жителей. Уже в 1911 г., по сообщению годового отчета УКВ, приостановка прирезки земли к наделам вызывала «нарекания казачьего населения»⁸⁷.

Кроме краевых властей, оппонентами казачьего населения УКВ в сфере поземельных отношений в 1911 – 1917 гг. продолжали выступать военное ведомство, изымавшее для своих целей из общинных наделов уссурийцев сотни десятин земли⁸⁸, а также крестьянство. Впрочем, споры казачьих и крестьянских общин в этот период, как правило, были продолжением старых поземельных конфликтов⁸⁹. Масштабы и накал межсословного противостояния в 1911 – 1917 гг. заметно уменьшаются, чему способствовали сокращение притока в область крестьян-переселенцев и упоминавшееся распоряжение генерал-губернатора от 1 июня 1911 г. Свои земельные интересы уссурийцы в это время предпочитали защищать посредством подачи в Войсковое правление коллективных жалоб.

С приходом Гондатти на пост руководителя края, оживилась административная работа над урегулированием и другой важной проблемы, связанной с интересами УКВ и впервые определенной к специальному рассмотрению законом 3 апреля 1910 г. – проблемы передачи в казну лесных площадей отвода Духовского. После принятия указанного закона администрация УКВ заявила правительству, что передача лесов может состояться только после окончательного землеустройства войска, и продолжила их прежнюю эксплуатацию⁹⁰. Но уже в

1911 г. настойчивыми жалобами на производимые в казачьих лесах опустошительные рубки, Гондатти добился от военного министра распоряжения об ограничении лесозаготовок⁹¹. В дальнейшем, обсуждение вопроса о лесах отвода было перенесено в Петербург, где оно также происходило при деятельном участии генерал-губернатора.

Третьим направлением казачьей политики краевых властей в период 1911 – 1917 гг. стала борьба с контрабандой, получившей к тому времени значение одной из доходнейших отраслей хозяйства уссурийцев. Определенные меры к ликвидации этого явления казачьей жизни предпринимались и ранее, однако, именно при Гондатти, особенно в 1911 – 1914 гг., они приобрели наиболее масштабный, организованный и последовательный характер. Краевые власти привлекали к этой деятельности наказных атаманов и администрацию УКВ, которые неоднократно обращались к населению войска с соответствующими увещеваниями и угрозами. Большую заинтересованность в прекращении нелегального товарообмена между Россией и Китаем проявляло и центральное правительство: в 1913 г. в этих целях оно отменило действовавший до тех пор в 50-верстной приграничной полосе режим беспошлинной двусторонней торговли⁹². Однако объективная жизненная необходимость контрабандного дохода для многих казаков заставляла их оказывать упорное сопротивление давлению властей, как путем скрытого нарушения их распоряжений, так и прямого, в т.ч. вооруженного, противодействия таможенным чинам. Сопротивление казаков было не только упорным, но и организованным: контрабандистам нередко покровительствовали поселковые и станичные атаманы. В конечном итоге, и по признанию самих представителей местной администрации, антиконтрабандистская компания в УКВ оказалась «малопродуктивной»⁹³.

Четвертым важнейшим вопросом в отношениях администрации Гондатти с УКВ стало определение условий выделения из владений войска земель, занимаемых поселением Иман. К выводу о необходимости отчуждения иманских земель у войска Гондатти впервые пришел еще в пору руководства работой

Амурской экспедиции⁹⁴. К тому времени возникший на оброчных землях УКВ посад Иман был уже достаточно крупным, быстро развивающимся торгово-промышленным поселением, в большинстве своем не принадлежавшие к казакам жители которого стремились к получению прав городского самоуправления и освобождению от выплаты денежного оброка в пользу войска. Однако, не желая терять одну из своих наиболее значительных доходных статей, войсковая администрация препятствовала этому.

В июне 1911 г. канцелярия генерал-губернатора запросила наказного атамана УКВ о возможных условиях предоставления Иману, занимаемых им войсковых земель. Не возражая против необходимости получения Иманом статуса самостоятельного муниципального образования и собственника своей территории, Войсковое правление и атаман М.М. Манакин обусловили отказ войска от прав на иманские земли уплатой его населением выкупа (самостоятельно или при помощи казенной субсидии) в более чем 404 тыс. руб. По утверждению войсковой администрации, именно эта сумма, вложенная в банк под 5% годовых, должна была компенсировать УКВ, получаемый им с Имана ежегодный доход, который составлял около 20 тыс. руб. В ответ на подобные требования, краевая власть попыталась оказать на казачью администрацию давление, заявляя, что ее претензии безосновательны, поскольку Иман находится на государственной земле, которой войско только пользуется. Однако это привело лишь к тому, что казачья администрация, указывая на предрешенность обсуждаемого вопроса, по сути, прекратила дальнейший диалог со своими оппонентами⁹⁵.

В октябре 1911 г. вопрос о необходимости «изъятия» иманских земель «из пользования УКВ» был поставлен генерал-губернатором перед председателем Совмина В.Н. Коковцовым. В апреле 1912 г. текст этого представления был направлен им в правление УКВ. Но казачья администрация продолжала настаивать на своей позиции. В ее защиту она приводила многочисленные нормативные основания, ссылаясь на исторический приоритет УКВ в освоении оспариваемых земель, а также на то, что последние непременно отойдут в его собст-

венность после проведения окончательного землеустройства, так как уже находятся в «фактическом пользовании» войска. Казна же, по заявлению администрации УКВ, «никакого отношения» к землям Имана не имела⁹⁶. Потерпев очередную неудачу, краевые власти на некоторое время отложили обсуждение болезненного вопроса.

Наконец, последняя (по времени постановки, но не по значению) крупная задача казачьей политики краевых властей в изучаемый период также как вопрос о борьбе с контрабандизмом касалась интересов не столько административной элиты УКВ, сколько войскового населения. Эта задача, впервые намеченная генерал-губернатором в начале 1912 г., состояла в ликвидации или, по крайней мере, существенном уменьшении использования в хозяйстве уссурийских казаков т.н. «желтого труда» и «желтой аренды».

Вопрос о массовом использовании уссурийцами китайской и корейской рабочей силы, отдельно и как часть общей проблемы экономической и военно-политической безопасности Приамурского края, связанной с широким и плохо контролируемым притоком в него мигрантов из соседних азиатских государств, активно дискутировался на разных уровнях государственного управления и среди общественности, по меньшей мере, с момента окончания русско-японской войны. В 1910 г. правительством был принят закон, запрещающий применять труд иностранных подданных на казенных работах в Амурской и Приморской областях. В соответствии с этим законом наем китайских и корейских работников и сдачу им земли в аренду должна была прекратить и администрация УКВ. Однако основным работо- и арендодателем в войске являлась не она, а казачье население, в хозяйстве которого иммигранты играли огромную роль. Именно на это упущение и обратил свое внимание генерал-губернатор.

В январе 1912 г. Гондатти направил в АКВ и УКВ письмо, в котором рекомендовал войсковым властям побуждать казачье население к отказу от использования иностранного труда и аренды, подобно тому, как это уже делает в отношении крестьянского населения гражданская администрация⁹⁷. Несмотря

на то, что указания генерал-губернатора не имели обязательной силы, они вызвали у администрации УКВ серьезное беспокойство.

Спустя некоторое время слухи о грядущем запрещении иностранного труда и аренды стали распространяться и среди войскового населения. Опасения казаков укрепил состоявшийся в конце 1912 г. в г. Никольске-Уссурийском первый областной сельскохозяйственный съезд. По всей видимости, под влиянием местной администрации, съезд постановил «принудительно искоренить» иностранный труд в Приморской области. Присутствовавшие на съезде представители уссурийского казачества пытались не допустить принятия такого решения, но в силу малочисленности (против 100 крестьянских делегатов на съезде было лишь 11 казаков, часть из которых не имели полномочий от своих общин) их голос не был услышан. По окончании съезда, сход станицы Полтавской, отправлявший на него своего делегата, заявил о том, что принятое решение является неприемлемым и необязательным для казачьего населения. В станичном приговоре отмечалось, что использование иностранного труда и аренды неразрывно связано с особенностями казачьего образа жизни и находится в полном соответствии с законами империи. Полтавцы требовали продолжения обсуждения вопроса с учетом мнения казачества, которое должно быть выявлено «особым казачьим съездом» или посредством станичных и поселковых сборов всех домохозяев⁹⁸.

Умножавшиеся противоречия и неясности в отношениях между руководством края и дальневосточными казачьими войсками, внутренние войсковые проблемы, а также требования казачьего населения заставили, наконец, администрации АКВ и УКВ предпринять попытку полномасштабного диалога с гражданскими властями. По их инициативе в январе 1913 г. на краевом уровне было образовано «казачье совещание с участием представителей посторонних ведомств». На его рассмотрение был вынесен обширный перечень наиболее злободневных вопросов жизни местного казачества.

Часть рассматривавшихся совещанием вопросов была связана с финансовыми затруднениями казачьих войск. Жалуясь на нехватку войсковых средств для покрытия расходов на агрономические мероприятия и обустройство казаков-новоселов, представители АКВ и УКВ добивались удовлетворения этих нужд за счет денег ГУЗиЗ. Представители гражданской администрации согласились взять на себя лишь часть упомянутых расходов⁹⁹.

Некоторые из вопросов, обсуждавшихся на совещании, были подняты войсковыми администрациями под прямым давлением со стороны казачьего населения и касались облегчения самых обременительных для него натуральных повинностей. Так, казаки желали перевода своей продовольственной повинности в денежную форму с одновременным приведением ее к размеру крестьянской. Кроме того, денежной выплатой они хотели заменить свою обязанность по окарауливанию и сопровождению арестантов. Согласившись с первым из требований казаков, краевые власти отклонили второе¹⁰⁰.

Но, безусловно, важнейшими среди тем совещания явились предметы предшествующих столкновений между войсковыми администрациями, с одной стороны, и центральными и краевыми властями, с другой. Прежде всего, руководства АКВ и УКВ заявили жалобу на «затруднительное положение», в которое поставило войска инициированное генерал-губернатором распоряжение военного министра об ограничении рубок в казачьих лесах. Однако гражданские власти отклонили эти претензии. В свою очередь, представители правления УКВ вновь подтвердили свою позицию в отношении необходимости справедливой компенсации войску доходов с земель посада Иман¹⁰¹.

Ссылаясь, между прочим, на многочисленные прошения казачьих общин о земельных прирезках, администрация УКВ подняла вопрос об условиях использования земель отвода Духовского в период до ожидаемого землеустройства. Признав необходимость удовлетворения текущих потребностей как казачьего, так и крестьянского населения, совещание указало, что временные прирезки к наделам могут производиться по соглашению между генерал-губернатором и

войсковым наказным атаманом АКВ и УКВ (командующим Приамурским военным округом)¹⁰².

Поднимался на совещании и вопрос о допустимости запрещения использования иностранного труда и аренды казачьим населением. Гражданские представители заверили членов войсковых правлений в том, что «в настоящее время» власти края будут действовать в этом направлении «лишь морально», что и «имел в виду» генерал-губернатор в своем адресованном в АКВ и УКВ письме от 26 января 1912 г.¹⁰³.

Таким образом, совещание января – февраля 1913 г. не позволило войсковой администрации УКВ добиться существенных успехов в урегулировании ни одной из важнейших проблем в ее отношениях с краевой властью. Принятый совещанием порядок использования земель отвода, хотя и мог способствовать частичному удовлетворению земельных потребностей казачьего населения, саму войсковую администрацию конечно не устраивал. Вместе с тем, совещание продемонстрировало властям края твердость позиции казачьей администрации, ее нежелание идти на какие-либо уступки и компромиссы.

В июле 1913 г. свое окончательное решение получил длительное время дискутировавшийся в правительстве вопрос о лесах отвода Духовского. Согласно утвержденному царем 21 июля 1913 г. постановлению Совмина, все лесные площади УКВ, кроме входящих в состав поселковых наделов, оброчных статей и рыбных ловель, переходили в заведование Управления государственных имуществ. В результате войско лишилось контроля над большей частью использовавшейся им территории отвода и потеряло крупнейшую статью своего дохода. Впрочем, государство обязалось возмещать войску его материальные потери посредством ежегодной выплаты пособия в размере лесного дохода УКВ за 1912 либо (при недостатке средств) за 1911 г.¹⁰⁴.

После решения лесного вопроса внимание правительства было перенесено на другую крупную проблему, тесно связанную с интересами УКВ, - центральные ведомства приступили к рассмотрению «дела об устройстве поселе-

ния Иман». К концу 1913 г. принципиальное межведомственное соглашение относительно преобразования Имана в город и наделения его землей было достигнуто и даже получило одобрение царя. Чиновники областного переселенческого управления говорили о разрешении иманского вопроса как о «деле недалекого будущего». Однако, император, который, безусловно, был информирован о позиции Войскового правления УКВ, не признавая возможности безвозмездного отчуждения казачьих земель, поручил приамурскому генерал-губернатору, военному министру и министру внутренних дел прийти к договоренности о порядке и размере их выкупа¹⁰⁵. Как показали дальнейшие события, эта оговорка, по сути, заблокировала реализацию правительственного решения.

Военное ведомство, произведя перерасчет заявленных УКВ доходов от Имана, признало возможным несколько уменьшить запрашиваемую войском сумму выкупа, доведя ее до 342 тыс. руб. К августу 1914 г. к этому мнению присоединилось и МВД. Но, генерал-губернатор и местная переселенческая администрация не согласились с этими цифрами, указывая на то, что запросы войсковых властей завышены намного больше, чем предполагает Военное министерство. По расчетам переселенческой администрации, УКВ не могло претендовать на выкуп более чем в 114 тыс. руб.¹⁰⁶. Не сумев достичь соглашения с центральными ведомствами, Гондатти вновь попытался договориться с Войсковым правлением. В октябре 1916 г. его представители были приглашены в созданную приказом губернатора Приморской области комиссию по вопросу «о введении в поселении Иман городского самоуправления». Но, несмотря на все давление гражданских властей, они остались при «особом мнении»: «изъятие Иманских земель из ведения войска может и должно состояться только...за справедливое вознаграждение». При этом казачьи представители помимо прежних аргументов ссылались на «угрожающее положение экономического благосостояния» войска, связанное с возросшими военными расходами и изъятием лесных угодий. Кроме того, теперь они уверенно определяли иманские земли как войсковую собственность, утверждая, что войско стало собственни-

ком фактически используемой территории по закону 29 апреля 1869 г., также как получили по столыпинскому закону 14 июля 1910 г. свои наделы крестьяне¹⁰⁷. В конечном итоге, иманский вопрос так и остался открытым. Сдвинуть его решение с «мертвой точки» смогла лишь революция.

В конце 1914 г. краевые власти вновь обращают внимание на проблему широкого применения населением УКВ иностранного труда и аренды. В ноябре 1914 г. распоряжением наказного атамана УКВ казакам было запрещено использовать труд китайских и корейских рабочих и заключать с ними арендные договоры. Все существующие арендные отношения предписывалось расторгнуть к осени 1916 г.¹⁰⁸. Затрагивавшее интересы большинства казачьих хозяйств, и без того ослабленных военными мобилизациями, данное распоряжение не могло не вызвать массового недовольства уссурийцев. Войсковая администрация, некоторое время игнорировавшая жалобы населения, в конце концов, в январе 1917 г. была вынуждена сообщить о настроениях казаков губернатору Приморской области. В представлении Войскового правления приводился общественный приговор ст. Полтавской, направленный администрации УКВ еще в 1915 г. и ходатайствовавший об отмене распоряжения атамана. Приговор полтавцев, во многом повторял их заявление, сделанное после сельскохозяйственного съезда 1912 г. Вместе с тем, на этот раз возмущение казаков было значительно более острым: они говорили об использовании пришлой рабочей силы как о жизненно важной в условиях войны потребности и задавали в связи с этим властям риторический вопрос – «Может ли казак чувствовать себя спокойно на войне, когда он знает, что у него дома семья голодует»¹⁰⁹.

Указывая на требования казаков и на угрозу сокращения сельскохозяйственного производства в войске до «невероятных размеров», а также отмечая правовую необоснованность введенного запрета, Войсковое правление просило наказного атамана продлить сроки ликвидации «поземельных отношений с желтой расой» до тех пор, пока они не будут запрещены «в пределах всей области изданием соответствующего закона»¹¹⁰. Ответ приморского губернатора

на это представление был получен войском уже после свержения монархии в России, в марте 1917 г.

Главной тенденцией ситуации 1911 – 1917 гг. был устойчивый рост общей политической активности уссурийского казачества, основным фактором которого являлась текущая политика государства (прежде всего, в лице администрации края), блокировавшая реализацию важнейших экономических интересов уссурийцев. Вместе с тем, данная тенденция в разных слоях изучаемой социальной группы проявлялась в различных степени и формах. Политически самой активной частью казачества в этот период оставалась его административная элита. Расширение спектра направлений вмешательства государственной власти в жизнь УКВ заставило административную элиту адекватно дифференцировать свою политическую деятельность, направив ее на решение ряда новых задач. Утрата покровительства краевых властей способствовала повышению инициативности поведения войсковой администрации, ее большей самостоятельности в формулировке своих целей. Несмотря на мощное давление генерал-губернатора, казачья администрация отстаивала свою позицию с чрезвычайным упорством и категоричностью. Это было связано не только с тем, что политика Гондатти ставила под удар важнейшие источники власти и доходов руководства войска. Немалую роль здесь играла надежда на привлечение таким образом внимания и поддержки консервативной части правительства и самого, всегда сочувственно относившегося к интересам войска, императора. На то, что эта надежда была небеспочвенна, указывает судьба вопросов о войсковом землеустройстве и территории поселения Иман.

В то же время, нельзя не отметить факторов, серьезно осложнявших политическую активность войсковой элиты. Главным образом, это факторы институционального порядка. Принадлежа к нижнему звену авторитарно устроенной вертикали управления империи, администрация УКВ не имела ни официального представительства в органах высшей власти, ни хотя бы надежных каналов коммуникации с ними. В 1907 – 1911 гг., благодаря личной поддержке

Унтербергера, ей неоднократно удавалось преодолевать этот институциональный барьер. С приходом Гондатти и разделением краевой военной и гражданской власти, администрации УКВ стало значительно труднее оперативно доводить свою позицию до сведения правительства. Заметно снизилась интенсивность ее деятельности и на местном уровне, в рамках различных комиссий и совещаний, образование которых также зависело от воли генерал-губернатора.

Более сильное, чем прежде, влияние на деятельность войсковой администрации в рассматриваемый период стали оказывать требования казачьего населения. Если ранее они были для руководства УКВ по сути лишь предметом манипуляции в собственной политической игре, то в 1911 – 1917 гг. последнему порою приходилось выступать в роли представителя интересов казаков вне зависимости от своих желаний и планов.

В период 1911 – 1917 гг. деятельность краевой администрации впервые непосредственно и разносторонне затронула экономические потребности населения войска, что обусловило массовость и высокую интенсивность проявлений его недовольства. Благоприятным фоном для этого послужило прогрессирующее разложение традиционных основ политической культуры уссурийцев. Вместе с тем, острота политической борьбы казачества в 1911 – 1917 гг. была относительно не велика: ее основной формой по-прежнему являлась подача коллективных жалоб властям. Во многом это было вызвано ситуативными факторами – беспомощностью властей в практической реализации своих планов по ликвидации контрабанды и иностранного труда на территории УКВ, а также мобилизацией в 1914 – 1915 гг. значительной части взрослого мужского населения войска. Кроме того, на поведении уссурийцев все еще сказывались результаты реформы местного самоуправления 1901 г. Борьбу казачества за свои интересы как и прежде возглавляла и контролировала его зажиточная верхушка. Обладая бóльшими институциональными возможностями достижения своих целей и менее сильно ощущая ущемление казачьих интересов в экономической

и социальной сферах, она продолжала занимать достаточно умеренную позицию, что отражалось на политическом поведении всей социальной группы.

§ 3. Политическое поведение уссурийского казачества в период 1917 – 1922 гг.

Революционный переворот февраля 1917 г. открыл новый, особый структурный период в истории общесоциетальной и региональной среды уссурийского казачества, продолжавшийся на Дальнем Востоке России до ноября 1922 г. Его основное содержание составляли широкомасштабное разрушение сложившейся в российском социуме к 1917 г. структуры общественных отношений и их быстрая, разнонаправленная, и потому в целом в значительной мере стихийная, трансформация. Раньше и глубже остальных этой трансформацией была охвачена сфера политических отношений. Крайняя дестабилизация структурных оснований политической жизни общественной среды уссурийского казачества нашла выражение в частой смене политических ситуаций. При этом смена ситуаций в период 1917 – 1922 гг. обычно была сопряжена с изменениями не только целей, форм деятельности и соотношения сил контрагентов уссурийцев, но и самого набора взаимодействующих с ними властных субъектов, общего политико-идеологического спектра среды.

Следует сказать также о некоторых особенностях внутренней структуры уссурийской казачьей общности в рассматриваемый период. Революционные события не внесли существенных перемен в содержание экономических и социальных потребностей уссурийского казачества, однако резко активизировали динамику его специально-политических интересов, значимость которых в сознании казаков в эти годы заметно возросла. Политическая борьба 1917 – 1922 гг. не получила своего непосредственного отражения и в политико-культурных представлениях казаков, сохранявших относительную стабильность. Напротив, интенсивным изменениям в это время подверглась институциональная органи-

зация уссурийского казачества. Регулярно и целенаправленно приспособляемые к быстро трансформирующимся условиям среды и насущным задачам властной элиты казачества, его институты, по сути, утратили характер собственно структурных, объективно заданных и долговременных технологических рамок политического действия и приобрели ситуативную обусловленность.

Первая политическая ситуация в истории уссурийского казачества 1917 – 1922 гг. продолжалась с марта по декабрь 1917 г. Главными политическими контрагентами казачества в этот период были являвшееся носителем высшей государственной власти в России с марта по октябрь 1917 г. Временное правительство, политически представленное сельскими и волостными сходами и областными съездами приморское крестьянство, а также дальневосточная организация пользовавшаяся большим влиянием в регионе и местных земских органах власти партия социалистов-революционеров (ПСР). Несмотря на частичное совпадение общих позиций этих политических субъектов и существовавшие между ними в данный период отношения сотрудничества и поддержки, в их восприятии казачества и его требований имели место серьезные расхождения.

Заявив себя поборником уничтожения сословного деления, Временное правительство, тем не менее, не только не предпринимало никаких усилий к расформированию казачьих войск, но и препятствовало деятельности сторонников скорейшего расказачивания. Казачество оставалось необходимым для него и в целях продолжения войны, как едва ли не самая боеспособная часть разлагающейся армии, и для решения внутренних задач, как возможная социальная опора и полицейская сила. Однако, подобные планы не избавили правительство от колебаний в вопросе о сохранении казачьего землевладения и в т.ч. о судьбе отвода Духовского. Во многом данные колебания были обусловлены политической неоднородностью Временного правительства, ставшей особенно отчетливой с момента его перестройки (в мае 1917 г.) на коалиционной основе.

Более радикальных взглядов на будущее казачества в целом и приамурских войск в частности придерживалась дальневосточная организация ПСР.

Рассматривая казачество как естественное орудие контрреволюции, и следуя положениям аграрной программы партии, эсеры первоначально выступали за решительную ликвидацию социальной и административной обособленности казачьего населения и широкомасштабное перераспределение его земель в пользу крестьянства. Но в дальнейшем, желая заручиться поддержкой казаков в условиях растущей опасности «слева», они смягчили свою позицию, на время отказавшись от реализации выдвигавшихся ранее задач.

Напротив, весьма последовательным и непреклонным в своем отношении к казачеству и его сословным привилегиям было местное крестьянство, в особенности его бедняцкие и середняцкие слои. Требуя обеспечения равенства всего сельского населения в наделении землей, крестьяне крайне враждебно воспринимали любого рода действия и решения, которые могли, по их мнению, помешать осуществлению этой цели. В борьбе за свои интересы они оказывали сильное давление на земские органы и земельные комитеты Приморской области, контролировавшиеся в тот период эсерами и либеральной буржуазией.

Первой реакцией уссурийцев на известие о Февральской революции стал состоявшийся 3 марта 1917 г. в Никольске-Уссурийском сход, участие в котором приняли, главным образом, находившиеся в городе строевые казаки. Для определения дальнейшей судьбы войска его участники решили назначить на 11 марта 1917 г. созыв в Никольске-Уссурийском войскового схода (круга). Проведение работы по организации круга было поручено избранному на сходе Исполкому. Сход определил и нормы выдвижения делегатов на войсковой круг – по 5 от станичного округа и по 4 от каждой казачьей сотни (в то время в области их дислоцировалось 7). Столь значительное представительство строевых казаков должно было обеспечить поддержку кругом предложений Исполкома¹¹¹.

Наказной атаман и Войсковое правление УКВ, опираясь на указания военного министра Временного правительства А.И. Гучкова, пытались запретить проведение круга, но, в конечном счете, были вынуждены согласиться с требованиями казаков. В оговоренный срок в Никольск-Уссурийский прибыли 75 де-

легатов – 40 от станиц и 35 от строевых частей и нестроевых команд войска. В ходе работы круга делегаты от строевых частей настойчиво добивались принятия решения о ликвидации казачьего сословия, но им не удалось получить поддержки большинства, и в итоге круг постановил вынести этот вопрос на усмотрение Учредительного собрания. Намного более единодушно участники круга отнеслись к предложению о реформировании системы войскового управления. Отстранив от власти атамана и Войсковое правление, они передали управление УКВ в руки Войскового круга и его Временного исполнительного комитета (ВИК), члены которого были избраны из состава делегатов. Одновременно с этим, станичные и поселковые правления было решено заменить вновь избранными станичными и поселковыми комитетами¹¹².

Временное правительство фактически не признало итогов «самочинного» войскового круга уссурийцев. Для того, чтобы получить от правительства деньги на нужды войска, 18 – 20 марта 1917 г. ВИК был вынужден назначить своего председателя есаула Н.Л. Попова временным наказным атаманом и председателем восстановленного Войскового правления¹¹³. Новый атаман войска был представителем зажиточной части уссурийского казачества и даже занимал до революции должность советника Войскового правления.

Вскоре после окончания работы 1-го Войскового круга руководством УКВ были получены два приказа военного министра Гучкова – от 14 и 18 марта 1917 г. В первом из них министр уведомлял войско о планах правительства по реформированию гражданского управления казачьим населением. Эти планы предусматривали отмену всех правоограничений, касающихся казачества и не оправдывающихся особыми условиями его службы, реорганизацию местного управления казачьими войсками на началах широкого самоуправления и частичную компенсацию затрат казаков на военное снаряжение. Второй приказ возлагал на казачьи круги обязанность внести в правительство свои предложения относительно самоуправления и военной службы казаков. Данные предло-

жения могли быть адресованы как самому правительству, так и (в том случае, если они требовали законодательного решения) Учредительному собранию¹¹⁴.

20 марта 1917 г. приказом ВИК на 5 апреля было назначено открытие 2-го Войскового круга, на повестку которого в частности выносились вопросы об избрании атамана, об учреждении вместо ВИК «исполнительного органа для самоуправления войском», а также выработка наказа по самоуправлению УКВ «для представления в соответствующее законодательное учреждение». Тот же приказ устанавливал число и состав делегатов круга. Представительство на нем служащих казаков было значительно уменьшено: из 103 участников круга строевые и нестроевые части войска должны были выдвинуть лишь 18 делегатов. Число делегатов от каждого станичного округа ставилось в зависимость от количества проживающего в нем населения¹¹⁵.

2-й Войсковой круг, проходивший 5 – 9 апреля 1917 г. в Никольске-Уссурийском, разработал детальный проект организации войскового самоуправления. Согласно ему высшим органом самоуправления УКВ являлся Войсковой круг, состоящий из выборных. Круг ведал всеми вопросами внутреннего распорядка войска в административном и хозяйственном отношениях, избирал из лиц казачьего сословия войскового атамана и Войсковой совет, включавший (помимо атамана) трех советников. Войсковой совет был обязан действовать согласно решениям Войскового круга и распоряжениям правительства, в пределах, установленных законом. Ему подчинялись станичные и поселковые сходы и советы. Проект направлялся кругом в правительство, а также на рассмотрение открывающегося в Петрограде общеказачьего съезда, на который войско посылало своих представителей.

Тем не менее, не дожидаясь утверждения проекта, круг приступил к его реализации. Утвердив Попова атаманом УКВ, вместо сложившего полномочия ВИК он избрал советников Войскового совета. Кроме того, делегаты круга вновь подтвердили не выполненное до сих пор в полной мере решение об упразднении станичных и поселковых правлений¹¹⁶. Среди важных решений 2-го

круга следует отметить предоставление уссурийцам права свободного индивидуального выхода из сословия, а также передачу в общинное владение офицерских и церковных наделов¹¹⁷.

2-й Войсковой круг не рассматривал вопроса об упразднении казачьего сословия, но эта тема широко обсуждалась с апреля 1917 г. населением войска. Как и во многих других казачьих войсках страны в этот период, идея рассказывания в УКВ была весьма популярна. Постановления в ее поддержку в апреле 1917 г. были приняты казаками полка и дивизиона УКВ, находившимися на фронте. В начале мая делегаты фронтовых частей с наказом об упразднении казачества прибыли в войско, при содействии Войскового совета развернув в нем агитационную деятельность. Самым известным пропагандистом рассказывания среди них был Ф.И. Сорокин, член ПСР¹¹⁸.

В мае 1917 г. вопрос «казаковать или не казаковать» был вынесен на рассмотрение ряда поселковых и станичных сходов. Гленовский и Бикинский станичные округа войска, где численно преобладали вчерашние крестьяне-новоселы, высказались за упразднение казачьего сословия. Платоно-Александровский округ решил их поддержать. Донской округ раскололся на сторонников ликвидации казачества, в основном, из числа показаченных крестьян, и ее противников, из «коренных» казаков. Полтавский и Гродековский округа воздержались от окончательного решения вопроса, считая нужным отложить его до введения в войске земства, которое должно было состояться с общего согласия всего войскового населения в лице поселковых сходов¹¹⁹. Следует подчеркнуть, что, говоря о «рассказывании», большинство казаков по существу подразумевало лишь необходимость своего уравнивания с крестьянским населением в отбывании военной службы и выполнении натуральных повинностей. Отказываться от сословных преимуществ в размере душевых наделов, сторонники упразднения казачества не намеривались¹²⁰.

Однако с середины мая 1917 г. все больше уссурийцев начинают отходить от требования ликвидации казачьего сословия и в таком, «непоследова-

тельном», его понимании. Важную роль в изменении настроений уссурийского казачества сыграла выдвинутая еще в апреле 1917 г. офицерами и казаками Гвардейской казачьей бригады Особой армии «Программа казачьей партии», призванная по замыслу ее создателей послужить делу единения казаков России в политической борьбе за свои общие интересы. «Программа» представляла собой свод требований казачества к Временному правительству и Учредительному собранию. В частности, она предусматривала значительное, по сравнению с предложениями правительства, расширение компетенции войсковых кругов, вплоть до предоставления им права издания местных законов, установления монополий, пошлин и т.д., передачу всех казачьих земель, промыслов, угодий и недр территории казачьих войск в исключительную и неотчуждаемую собственность казачьего населения, а также возврат всех земель, когда-либо у казаков отчужденных. В целях представительства казачьих интересов на государственном уровне, авторы «Программы» предлагали созывать общеказачьи съезды выборных и ввести пост избираемого съездом атамана всех казачьих войск¹²¹.

Воззвание создателей «Программы казачьей партии» способствовало сплочению всех убежденных противников расказачивания среди уссурийцев и оказало сильное влияние на позицию еще не утвердившихся в своих взглядах казаков. В тоже время, оно не было единственным фактором столь важного по своим последствиям перелома в политическом сознании уссурийского казачества. Значение «Программы» состояло, прежде всего, в том, что она продемонстрировала уссурийцам-сторонникам сохранения казачества наличие у них союзников в других казачьих войсках страны, а также идеологически организовала и аргументировала их не имевшие до тех пор четкой и систематизированной формы политические предпочтения. Однако влияние идей «Программы» не были бы так велико, если бы не опиралось на ряд предпосылок.

Привлекательность «Программы казачьей партии» для уссурийцев заключалась уже в том, что в условиях нарастающего революционного хаоса и приводящего казаков в растерянность идейного плюрализма, она предлагала

казачеству ясную политическую перспективу, при этом обращаясь к нему на доступном культурном языке, взывая к его исконным традициям и ценностям. Весьма созвучными насущным нуждам уссурийского казачества оказались и пункты «Программы», касающиеся неограниченных прав казачьих войск на распоряжение ресурсами своих территорий, в т.ч. ранее отчужденных. К 1917 г. финансовое состояние войска значительно ухудшилось, его годовые бюджеты сводились с постоянным дефицитом. Несмотря на это, Временное правительство, не слагавшее с казаков их служебных обязанностей, продолжало вести наступление на экономические основы существования УКВ. Дав, в ответ на просьбу правления УКВ, в марте 1917 г. разрешение казакам использовать труд иностранных рабочих, правительство ограничило численность последних 75% от общего числа казачьих батраков¹²². 30 мая 1917 г. своим постановлением оно ввело городское самоуправление в Имане¹²³. Кроме того, в 1917 г. правительство объявило о прекращении выплаты УКВ пособия за изъятие в казну леса¹²⁴. Одновременно, резко возросло давление на казачество со стороны местного крестьянства, требовавшего уничтожения земельных привилегий казаков¹²⁵. Участились прямые захваты крестьянами казачьих земель. Наконец, успеху сторонников обособленности казачества благоприятствовала противоречивость позиции их оппонентов, наивно рассчитывавших на возможность освобождения от сословных обязанностей при сохранении прежних земельных прав.

Наиболее однозначную и сознательную поддержку требования «Программы казачьей партии» нашли у зажиточных уссурийцев, офицерства и «стариков». Уже во второй половине мая 1917 г. они взяли инициативу в свои руки, развернув контрпропаганду и противодействие агитаторам за расказачивание, вплоть до их выселения из станиц и лишения земли. Впрочем, уже в начале июня комитет Уссурийского казачьего полка телеграфировал в Войсковой совет об изменении наказа делегатам фронтовиков. Пересмотрев свою позицию, полк постановил сохранить казачество и его земельные владения¹²⁶.

11 июня 1917 г. в ст. Гродеково состоялся съезд представителей поселков южных округов войска, а также делегатов от 3 казачьих сотен и нестроевых команд. Практически единогласно съезд постановил сохранить казачество, одобрил содержание «Программы казачьей партии» и приветствовал открывшийся в Петрограде общеказачий съезд. В обращении к Учредительному собранию участники съезда высказались за возвращение УКВ лесов отвода Духовского, как «незаконно отобранных», а также потребовали вернуть им право сдачи земли в иностранную аренду¹²⁷. Немногочисленные последовательные сторонники ликвидации сословного статуса казачества, из числа проэсеровски ориентированных казаков, несмотря на помощь со стороны Войскового совета, не смогли оказать своим противникам действенного сопротивления. В июле 1917 г. их поражение в борьбе за поддержку войскового населения стало уже безоговорочным. Этому способствовали итоги общеказачьего съезда, одобрявшего основные положения «Программы казачьей партии» и принявшего решение о создании Союза казачьих войск, а также прибытие новых делегатов от полка и дивизиона УКВ (преимущественно офицеров), агитировавших за сохранение казачества. Агитаторам-фронтовикам удалось изменить позицию даже наиболее твердых в своем намерении расказачиться казаков северных округов войска¹²⁸.

3-й Войсковой круг, начавший свою работу 3 октября 1917 г. в Никольске-Уссурийском, подвел итог дискуссии о судьбе уссурийского казачества. Не дожидаясь решения Учредительного собрания, круг постановил сохранить его «самостоятельность», как «части трудового народа», имеющей свои «культурно-бытовые особенности». Кроме того, он высказался за участие уссурийцев в деятельности органов Союза казачьих войск. Делегаты одобрили список кандидатов в депутаты Учредительного собрания от УКВ и АКВ. В него, в частности, вошли комиссар Временного правительства в Амурской области Н.Г. Кожевников и атаман войска Попов. На случай избрания Попова, его заместителем был выбран прибывший с фронта подьесаул И.П. Калмыков. В наказе депутатам Учредительного собрания участники круга, в полном соответствии с принци-

пами «Программы казачьей партии», потребовали признать земли отвода Духовского неотъемлемой собственностью АКВ и УКВ, а также вернуть все свободные земли, находившиеся в их распоряжении до 1913 г.¹²⁹.

Исходя из тезисов «Программы», 3-й круг внес изменения в структуру войскового управления. Делегаты утвердили и ввели в действие «Проект временного положения об общественном самоуправлении и управлении войсковым хозяйством», разработанный на основе подобного же положения Войска Донского с учетом местных условий. Согласно «Проекту» высшим представительным органом УКВ становился формируемый всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием казаков Большой круг, наделенный обширными полномочиями и избиравший исполнительную власть в лице членов Войскового правления и атамана. Помимо этого, из числа своих делегатов, - 6 представителей станичных округов, 2 – от полка и дивизиона УКВ, и 1 – от особых и запасных сотен, - он создавал Малый круг. Функциями Малого круга являлись предварительное рассмотрение повестки работы Большого круга и решение дел по специальному поручению последнего¹³⁰. В станицах и поселках восстанавливались правления и должности атаманов.

Итоги работы 3-го Войскового круга закрепили победу в войске сторонников сохранения сословной обособленности уссурийского казачества, его вовлечения в активную политическую борьбу за свои, очень широко трактуемые, групповые интересы. Представителям зажиточных уссурийцев, главным образом офицерам, особенно горячо ратовавшим за казачью «самостоятельность», удалось взять исполнительные органы власти УКВ под практически полный контроль. Реформированная кругом структура войскового управления, возрождавшая сильную власть атаманов и расширявшая компетенцию центральных органов войска (в т.ч. исполнительных и совещательных (Малого круга)), укрепила положение новой административной элиты, усилив ее независимость от колебаний в политических настроениях казачьего населения.

Выдвинутые на 3-м круге УКВ требования передачи казачеству земель отвода Духовского вызвали широкое недовольство приморских крестьян. Под их давлением Приморский областной земельный комитет предъявил Войсковому кругу, а также правительству ответные требования. Комитет настаивал на: 1) уравнивании местного казачьего населения в земельном отношении с остальными гражданами, 2) принятии расходов по содержанию УКВ на счет государства, 3) зачислении земель области, и отвода в т.ч., в общественный фонд для распределения среди казаков и крестьян по трудовой норме¹³¹. Однако Временное правительство сочло лучшим занять среднюю позицию. Своим распоряжением, до решения вопроса Учредительным собранием, оно предоставило АКВ и УКВ часть территории отвода, включавшую 15-верстную полосу вдоль Амура и пространство вокруг казачьих поселений радиусом 10 верст. Тем не менее, казачью верхушку эта уступка не удовлетворила¹³².

Разгоравшийся конфликт не получил своего развития. Временное правительство было свергнуто в результате нового, Октябрьского, революционного переворота. Неприятие захвативших власть в стране силовым путем большевиков способствовало сближению политической элиты уссурийского казачества и доминировавших в местных административных органах эсеров и меньшевиков, их прежние разногласия во многом были отложены в сторону.

На выборах в Учредительное собрание 12 – 14 ноября 1917 г. депутатом от блока амурских и уссурийских казаков был избран Н.Г. Кожевников, правый эсер. За него проголосовало подавляющее большинство казаков. Некоторые казачьи поселки УКВ голосовали за крестьянский список, состоявший в основном из членов ПСР. Показательно, что войсковое руководство отнеслось к этому спокойно. «Уссурийский казачий вестник», официальный печатный орган УКВ, оценивал кандидатов крестьянского списка, как «социалистов-государственников, чуждых демагогии и пораженчества», с которыми, в отличие от большевиков, «можно договориться»¹³³.

В ноябре – декабре 1917 г., в период борьбы за установление на Дальнем Востоке советской власти, руководство войска не предпринимало каких-либо активных действий. Это не было связано с колебаниями в политической ориентации войсковой элиты: Малый круг УКВ, признавая лишь власть Учредительного собрания, решительно потребовал воспрепятствовать советизации края¹³⁴. Однако для ведения борьбы с Советами войсковые власти не имели необходимых сил. Население войска в массе своей не желало ввязываться в вооруженную борьбу. Противникам большевиков оставалось надеяться на скорое возвращение с фронта уссурийских казачьих частей. Тем временем, 12(25) декабря 1917 г. открывшийся в Хабаровске III краевой съезд Советов объявил о победе советской власти на Дальнем Востоке.

Яркой особенностью ситуации марта – декабря 1917 г. явился резкий подъем политической активности уссурийцев. Исходным импульсом этого подъема послужило влияние общественной среды: в первые дни революции уссурийские казаки были захвачены полубессознательным, замешанным на революционной эйфории, массовым движением населения страны. В дальнейшем, широкому вовлечению казаков в политическую жизнь способствовала демократическая перестройка институтов войскового и местного управления. Однако, с точки зрения своих ориентиров, активность казачьего населения в марте – начале мая 1917 г. была неопределенна и неустойчива. Ликвидируя наиболее непосредственные и уже давно осознанные препятствия для реализации своих насущных интересов, – часть из них (борьба с контрабандой и использованием иммигранского труда и аренды) были сняты революцией сами собой, – казаки не имели ясного представления о конечной цели этих преобразований, о своем месте как социальной группы в новом, постреволюционном обществе. Вполне естественно, что при этом в большинстве своем уссурийцы не ориентировались ни на одну из заявивших о себе в это время политических сил.

Более трезво и рационально (но в долговременном масштабе, тем не менее, весьма утопично) происходящее осмысляло образованное и состоятельное

меньшинство казачьего общества, к началу революции уже обладавшее некоторым опытом восприятия публичной политики и даже участия в ней. Оно рассчитывало, что революция позволит ему максимально расширить (в рамках словного статуса) социальные и политические права казачества, сохранив при этом в прежнем объеме казачьи экономические привилегии. Зажиточные казаки понимали, что реализация этой задачи невозможна без сильной политической поддержки на общенациональном, государственном уровне. В мае 1917 г., с началом формирования всероссийского казачьего движения, способного, как казалось, такую поддержку оказать, их политическая активность резко возросла. Отталкиваясь от стремления большинства уссурийцев удержать свои наделенные земли, от реальных финансовых и политических трудностей войска, от приобретших особое значение для казаков в условиях «смуты» традиций предков, зажиточная верхушка сумела выработать на основе «Программы казачьей партии» и предложить населению вполне определенный и привлекательный проект будущего УКВ. Ей удалось связать воедино ближайшие и весьма скромные потребности казачьего населения в материальном достатке и безопасности с собственными претенциозными планами широчайшего войскового самоуправления и возврата отвода Духовского, обусловив удовлетворение первых осуществлением вторых. Сформировав в сознании казаков новое представление об их интересах, казачья верхушка получила возможность демократическим путем, почти без применения насилия, взять власть в войске в свои руки, укрепив свое идеологическое лидерство институциональными средствами.

Необходимо отметить, что в этот период в уссурийском казачестве выделилась еще одна политически активная группировка, включавшая в себя казаков фронтовых частей УКВ. Находясь за тысячи километров от родины, эта часть войска, тем не менее, оказывала на настроения уссурийского казачества очень заметное влияние. С июня 1917 г. направленность этого влияния совпала с политическими целями зажиточных казаков. Однако в дальнейшем

именно фронтовики встали во главе всех оппозиционных новым войсковым властям уссурийцев, сыграв роль своего рода политической антиэлиты.

В декабре 1917 г. уссурийское казачество вступает в новый этап своей политической жизни. В это время территория Дальнего Востока фактически входит в состав созданного большевиками в октябре 1917 г. советского государства – РСФСР. Первый период пребывания региона под властью Советов продолжался недолго: заключительным хронологическим рубежом связанной с ним политической ситуации стал сентябрь 1918 г.

Именно деятельность органов советской власти явилась основным и определяющим компонентом ситуации декабря 1917 – сентября 1918 гг. Прежде всего, это относится к краевым и областным властям. Центральное партийное и советское руководство РСФСР в это время влияло на формирование местными советами политики в отношении УКВ лишь косвенно, посредством идеологических указаний и нормативных актов общего характера. В оперативном плане местные власти были достаточно самостоятельны, ориентируясь в своих действиях, прежде всего, на складывающуюся в крае и вокруг него обстановку. Важнейшими задачами советской казачьей политики на Дальнем Востоке в этот период были упразднение войскового и сокращение надельного землевладения казаков с уравнительным перераспределением освободившихся земель, ликвидация войсковых организаций и органов казачьего самоуправления с последующей советизацией казачьих районов. Ввиду наличия постоянной угрозы выступления внутренних и внешних антибольшевистских сил, настороженной позиции основной массы казаков, местные советские власти старались осуществлять эти задачи постепенно и с большой осторожностью. При этом им приходилось сдерживать мощный напор крестьянского движения, нагнетавшего остроту межсословного противостояния в деревне. Крестьянские сходы и советы усилили в этот период свое давление на казачество, нередко в категоричной форме требуя от него немедленного признания новой власти и передела земель.

Немалое влияние на политические настроения и поведение уссурийских казаков в декабре 1917 – сентябре 1918 гг. оказывала деятельность сил антибольшевистского лагеря. С точки зрения интенсивности данного влияния, среди них можно в особенности выделить представителей местных организаций эсеровской партии, точнее ее обособившегося в это время правого крыла. Проводя свою политику первоначально посредством земств, находившихся до апреля 1918 г. в формальной коалиции с Советами, а затем в открытой борьбе с большевиками, правые эсеры прилагали усилия к сохранению УКВ и использованию его военного потенциала как опоры своей власти. Новыми субъектами на политической сцене края и важными контрагентами уссурийского казачества в рамках ситуации декабря 1917 – сентября 1918 гг. стали державы-интервенты – Англия, Франция, США и Япония. Иностранные правительства стремились превратить УКВ в орудие свержения советской власти в Приморье, а наиболее активная среди интервентов Япония рассчитывала даже сделать его ядром своего будущего протектората на Дальнем Востоке.

Войсковое правление УКВ не признало постановлений III съезда Советов Дальнего Востока, продолжая считать единственной легитимной властью в крае земства. В ожидании прибытия фронтовых частей, верхушка войска готовилась к выступлению против советской власти. В начале января 1918 г. в Гродеково пришел первый эшелон Уссурийского казачьего полка. Однако к этому времени настроения фронтовиков, летом 1917 г. стоявших в основном за сохранение казачества, изменились. Большим влиянием среди них теперь пользовалась группа активных сторонников советской власти во главе с вахмистром Г.И. Шевченко, еще в Европейской России наладившим связь с партийными и советскими органами и неоднократно выполнявшим их поручения¹³⁵.

После прибытия Уссурийского полка и дивизиона, правление войска назначило на 20 января открытие в Имане 4-го Войскового круга. До его начала в казачьих частях были проведены митинги, участники которых выразили поддержку Советам. Одновременно с этим, в войске развернули пропагандистскую

работу представители стран-союзников и Японии, обещавшие предоставить УКВ в обмен на непризнание советской власти значительную денежную помощь и оружие¹³⁶.

На 4-й Большой круг, в соответствии с нормами, определенными на 3-м круге, прибыло 60 казачьих делегатов, в т.ч. 12 от строевых частей. Кроме того, участие в нем приняли делегаты III крестьянского съезда Приморской области, члены краевого совета и комитета партии, уполномоченные добиться от казаков признания советской власти, а также английский и французский консулы и представители богатых крестьян, прибывшие с прямо противоположными целями. Состав круга, в котором преобладали офицеры и старики, и неорганизованность фронтовиков обусловили провал резолюции в поддержку Советов. В вину советской власти круг поставил развал государства и разгон Учредительного собрания, сепаратные переговоры с Германией, а также недостаточную представленность в краевом совете земств. Круг объявил о том, что признает власть лишь Учредительного собрания, и постановил до создания авторитетной власти в центре и на местах передать всю полноту власти в УКВ Войсковому правительству. Недовольные этим решением фронтовики и сочувствующие им молодые делегаты от населения покинули круг. Оставшиеся провели выборы нового войскового атамана, которым стал подьесаул И.П. Калмыков¹³⁷.

После поражения на 4-ом круге фронтовики во главе с Шевченко начали широкую агитацию, как в частях, так и в селениях войска, призывая уссурийцев к ликвидации автономии, роспуску Войскового правления и признанию советской власти. В феврале 1918 г. ими были организованы отряды красных казаков, получившие деньги и оружие от краевого комитета советов¹³⁸.

Чувствуя возросшую поддержку населения войска, сторонники советской власти потребовали созыва нового круга. 5-й Войсковой круг был открыт 3 марта 1918 г. в пос. Графском. На нем вновь присутствовали английский и французский консулы, убеждавшие казаков принять сторону Калмыкова. Голоса депутатов разделились примерно поровну, и решение о признании советской

власти так и не было принято. В ответ, отказавшись признать Калмыкова своим атаманом, фронтовики стали разъезжаться. По окончании круга, опасаясь того, что казачье население может склониться, в конечном счете, к поддержке Советов, Калмыков решил перейти в наступление. На встрече с английскими и японскими представителями, в обмен на финансовую помощь, он принял обязательство организовать казачий отряд для свержения советской власти в южном Приморье. 9 марта, в целях «защиты интересов войска» от притеснений советской власти, Калмыков объявил частичную мобилизацию казаков от 35 лет, не бывших на фронте. Однако ему удалось собрать лишь около 100 добровольцев из офицеров и зажиточной молодежи. 12 марта 1918 г., спасаясь от ареста, решение о котором было принято Гродековским советом, Калмыков был вынужден бежать в Манчжурию¹³⁹. 19 марта Войсковое правительство констатировало факт «полного непризнания» населением войска своей власти, «выразившегося в неисполнении...приказа о частичной мобилизации»¹⁴⁰.

Настроение уссурийского казачества действительно быстро менялось. С февраля по апрель 1918 г. один за другим все станичные округа заявили о признании советской власти и слиянии казачьего населения с крестьянством. Во многих станицах и части поселков войска были созданы советы. В середине апреля 1918 г. состоялся IV областной крестьянский съезд, проходивший как объединенный съезд крестьян и казаков и принявший решение о полной замене земских и городских самоуправлений советами¹⁴¹.

Однако изменения в политическом сознании казачества носили во многом конъюнктурный характер, не имея прочной связи с его глубинными ценностями и убеждениями. Сознательно и активно советскую власть поддерживала лишь относительно небольшая часть уссурийских казаков, состоявшая в основном из фронтовиков и бедняцко-средняцкой молодежи. Именно эти казаки сформировали костяк красногвардейских казачьих отрядов и осуществляли организацию советов. Именно они, в лице Частного совещания 17 делегатов войска, в конце марта 1918 г. постановили сместить войскового атамана и прави-

тельство и приступить к подготовке ликвидационного круга¹⁴². Большая же часть уссурийского казачества соглашалась с новой властью лишь постольку, поскольку она казалась на тот момент достаточно прочной и безальтернативной. Будучи во многом идеологически индифферентной, основная масса уссурийцев была готова признать любую власть, сформированную демократическим путем (всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием)¹⁴³ и не покушающуюся на ее экономические интересы. Были среди казаков и убежденные противники нового режима, главным образом офицеры и зажиточные уссурийцы, многие из которых уходили в это время в Манчжурию, под начало Калмыкова.

С конца апреля 1918 г. в эволюции политических настроений уссурийцев происходит очередной поворот. Прежде всего, беспокойство казаков вызвали решения, принятые проходившим 8 – 14 апреля 1918 г. IV краевым съездом Советов по вопросу о земельной политике. Съезд поставил перед краевой властью задачи уравнительного перераспределения земель, ликвидации земельных преимуществ старожилов и казаков, равного с русским населением обеспечения земель китайцев и корейцев¹⁴⁴. Советские власти не успели развернуть масштабных землеустроительных работ, но крестьянское население, несмотря на предостережения «сверху», активизировало самовольные захваты казачьих земель¹⁴⁵. Другим фактором, вызвавшим изменение отношения большинства уссурийцев к советской власти послужила, ставшая, в связи с концентрацией на границах края сил интервентов и белогвардейцев, вполне ощутимой, угроза гражданской войны. Вблизи территории войска, в китайской приграничной полосе, при содействии союзников и Японии в апреле – мае 1918 г. быстро наращивал свои ряды Особый казачий отряд (ОКО) под командованием Калмыкова.

Уже 30 апреля 1918 г. Гродековский станичный сход принял постановление о мирном нейтралитете в случае вооруженного столкновения между советской властью и ее противниками¹⁴⁶. Но особенно наглядно шаткость положения Советов в казачьих районах выявил проходивший 8 – 14 мая 1918 г. в Имане 5-й (ликвидационный) Войсковой круг. Созыв данного круга должен был проде-

монстрировать способность «красных» казаков контролировать войсковые институты и тем самым подтвердить легитимный, демократический характер их ликвидации. Тем не менее, уже в процессе его организации были допущены серьезные нарушения демократических принципов. Делегаты круга не избирались, а назначались на поселковых сборах. Когда же выяснилось, что делегаты большей части селений УКВ в Иман не прибыли, к его работе были привлечены неуполномоченные населением лица¹⁴⁷.

Однако, несмотря на все усилия советских активистов, участники 5-го круга заявили о том, что советская власть одна не сможет вывести страну из кризиса. Ввиду этого, круг выступил за созыв Всесибирского Учредительного собрания. Условием же сохранения советов делегаты называли их переизбрание и пополнение полноправными представителями казаков и крестьян. Более сочувственно участники круга восприняли предложение об упразднении сословной и административной обособленности уссурийского казачества. Кругом был избран Войсковой совет УКВ во главе с С.В. Корневым и ликвидационная комиссия, на которые возлагалась работа по подготовке передачи войскового хозяйства и имущества в ведение областных органов власти¹⁴⁸.

В конце мая 1918 г. рейды ОКО на советскую территорию заставили краевые власти развернуть Гродековский фронт, в состав которого вошли и красные казачьи части под командованием Шевченко. В начале июля, в связи с наступлением белочехов, части фронта были отведены к Никольск-Уссурийскому, и это позволило Калмыкову занять 4 июля Гродеково. Своим первым приказом атаман восстановил в прежнем составе Войсковое правительство, обещал провести созыв на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования правомочного войскового круга и подтвердил приверженность курсу на автономию УКВ¹⁴⁹.

Стремление Калмыкова сохранить независимость в своих действиях привело его к конфликту с правоэсеровской Приморской областной земской управой (ПОЗУ), взявшей власть в области после свержения Советов. ПОЗУ, опира-

ясь на некоторых представителях зажиточного казачества, попыталась подчинить себе воинские части УКВ. Однако ввиду продолжающихся боев с советскими войсками конфликт вскоре был улажен. В конце июля Калмыков дал согласие подчиниться белочешскому командованию. Пополнившийся добровольцами и мобилизованными казаками (до 1500 чел. к августу 1918 г.) ОКО принял участие в наступлении интервентов на север¹⁵⁰.

В условиях осложняющейся военной обстановки, большевики приняли решение провести мобилизацию казаков северных округов УКВ. Однако в большинстве своем местное казачье население не желало защищать слабеющую власть Советов с оружием в руках. Под влиянием изменяющейся политической ситуации и настроений уссурийцев Войсковой совет УКВ прекратил ликвидационную работу, объявив о неправомерности 5-го круга. Члены совета во главе с его председателем Корневым в середине июля 1918 г. созвали в ст. Бикин новый войсковой круг. По причине идущих в южных районах войска боев, в Бикин съехались делегаты лишь трех северных округов УКВ. Бикинский съезд, осудив «организованную большевиками» гражданскую войну, отказался поддержать советскую власть в ее борьбе и постановил провести для установления порядка на Дальнем Востоке и в Сибири созыв Сибирского Учредительного собрания. Позднее, в начале августа 1918 г., в ст. Гленовской под руководством Корнева прошел совместный крестьянско-казачий съезд, прямо потребовавший ликвидации виновной в гражданской войне советской власти. Для действий против Советов в Гленовском и Бикинском округах были созданы казачьи отряды. Советские войска успели подавить выступление казаков Бикинского округа, но под натиском белогвардейцев и интервентов вскоре были вынуждены продолжить отступление¹⁵¹. После взятия Хабаровска, во второй половине сентября 1918 г. советская власть на Дальнем Востоке пала.

Эволюция политического поведения уссурийского казачества в период декабря 1917 – сентября 1918 гг. происходила под общим влиянием усложнения и поляризации его политической среды. Все более вовлекаемое в обост-

ряющуюся борьбу большевистского и антибольшевистского лагерей, казачество переживает в это время дальнейшую дифференциацию по политическим интересам и значительный рост внутренних противоречий. Установление на Дальнем Востоке советской власти и особенно появление в войске по возвращении фронтовых частей сплоченной и активной группировки сторонников и пропагандистов ее политики обнаружили непрочность и неоднородность социальной базы власти новой войсковой элиты, одержавшей победу на 3-м круге. В январе – марте 1918 г. советским активистам удалось завоевать достаточно прочную поддержку большинства фронтовиков, молодежи и беднейших казаков. Эта часть казачества не желала мириться с господством в войсковых институтах зажиточных станичников и офицеров, стремилась к сложению с себя (даже ценою потери части не приносившей особого дохода надельной земли) сословных повинностей, выступала против патриархальной власти стариков и традиционных норм казачьего быта. Ее институциональной опорой служили созданные в казачьих частях еще на фронте комитеты, а позднее казачьи советы и красногвардейские отряды. Красные казаки повели ожесточенную борьбу с войсковой верхушкой, постепенно переходя от словесной полемики к манипуляциям в процессе формирования органов войсковой власти и прямому силовому нажиму на своих противников.

Большинство казаков не приняло активного участия в советизации войска, но в итоге признало советскую власть как победившую силу, оказавшуюся способной восстановить государственный порядок в стране и в крае. Последующая земельная политика местных советов и стимулированный ей рост претензий к казачеству со стороны крестьянства, а также активизация антибольшевистских сил поколебали благожелательное отношение этих уссурийцев к новой власти. Однако наступление контрреволюционеров основная масса казаков встретила пассивно, предпочитая сохранять нейтралитет. Значительно больше, чем свержения советской власти и защиты своих сословных экономических интересов, она желала стабильности и прекращения гражданской войны.

Хронологическими рамками следующей ситуации в развитии общесоциальной и региональной среды уссурийского казачества стали сентябрь 1918 – январь 1920 гг. В европейской части страны и в Сибири в это время происходили кульминационные события гражданской войны, имевшие решающее значение для ее исхода. Вся же территория Дальнего Востока находилась под контролем различных сил белого лагеря и войск интервентов, между которыми шла скрытая, а иногда и явная, вооруженная, борьба за власть и влияние.

Доминирующей русской властью в регионе и одним из главных политических контрагентов уссурийского казачества в этот период являлась власть созданного в ноябре 1918 г. в Омске правобуржуазного правительства адмирала А.В. Колчака. До лета 1919 г. Колчак занимал по отношению к «атамановщине» Калмыкова и земельным претензиям УКВ крайне жесткую позицию, видя в них разрушительные для белого тыла проявления сепаратизма и межсословной конфронтации. Но военные поражения, заставившие «Верховного правителя» искать в казачестве Забайкалья и Дальнего Востока союзника для продолжения борьбы за «Белое дело», повлекли за собой существенные уступки УКВ с его стороны. Непосредственными проводниками и нередко «соавторами» колчаковской политики в отношении уссурийского казачества являлись уполномоченные Омского правительства в крае генералы Д.Л. Хорват и (с июля 1919 г.) С.Н. Розанов. Кроме того, роль активного субъекта в политической среде уссурийского казачества в сентябре 1918 – январе 1920 гг. стремились играть эсеровские по составу и во многом оппозиционные колчаковскому режиму местные земства во главе с ПОЗУ. Все это время они оставались принципиальными противниками казачьей автономии и передачи УКВ земель отвода Духовского.

Влиятельной военно-политической силой на Дальнем Востоке в сентябре 1918 – январе 1920 гг. стали представители и войска стран-интервентов, – прежде всего Англии, США и Японии, – а также белочехи. Среди них важнейшее значение для политического поведения уссурийского казачества приобрела в этот период позиция японского командования. Продолжая рассматривать каза-

чество как основную социальную и военную опору в деле закрепления своего влияния в Сибири и на Дальнем Востоке, Япония выступала защитником УКВ в его конфликтах с Колчаком и американскими интервентами.

В условиях неблагоприятной политической обстановки значительный спад переживает активность приморского крестьянства. Его наиболее радикально настроенные (в т.ч. в вопросе о судьбе казачьего землевладения) представители вливаются в это время в создаваемое в области под руководством большевистского подполья партизанское движение. Ведя ожесточенную борьбу с калмыковцами, пассивное большинство казачьего населения партизаны пытались нейтрализовать или привлечь на свою сторону путем агитации.

С возвращением под контроль Калмыкова территории всех станичных округов УКВ, в сентябре – ноябре 1918 г. так и не разрушенная до конца система сословных органов местного самоуправления была восстановлена. Воссозданное в прежнем составе Войсковое правительство еще в августе 1918 г. разместилось во Владивостоке. Резиденцией самого атамана с сентября 1918 г. стал Хабаровск. Здесь же базировался ОКО. Подавляющая часть уссурийских казаков фактически признала власть Калмыкова. Лишь немногочисленное ядро красного казачества во главе с советскими активистами не примирилось с ней, присоединившись к партизанам. Многие же бывшие красногвардейцы, вернувшись домой, по просьбам войскового населения были прощены атаманом на условии искупления своей вины «перед Родиной» службой в ОКО¹⁵².

21 октября 1918 г. в Хабаровске был собран 5-й Чрезвычайный Войсковой круг. Ввиду продолжающегося отсутствия в стране авторитетного правительства, способного установить твердую власть, круг одобрил предлагаемый Калмыковым курс на сохранение войсковой автономии. Поддержку депутатов получили и все остальные предложения Калмыкова – о дополнительной мобилизации казаков в ОКО, о получении от союзников займа для покрытия расходов войска на 1918 – 1919 гг. и о создании союза дальневосточных казачьих войск под руководством Г.М. Семенова. Последнее, по утверждению атамана,

позволило бы достичь казачьей гегемонии на Дальнем Востоке. Для «общего дела государственного строительства» круг признал союз казачьих войск «совершенно необходимым». Участники круга избрали делегатов на предстоящий съезд дальневосточных казаков в Чите и разработали его программу, в основу которой лег принятый еще 3-м кругом наказ УКВ в Учредительное собрание¹⁵³.

Наконец, 5-й круг принял специальную резолюцию по отводу Духовского. Круг постановил взять отвод «обратно в ведение УКВ и распоряжаться таковым до разрешения этого вопроса Учредительным собранием». Свое решение депутаты обосновывали незаконностью изъятия казачьих земель, огромной казенной задолженностью войску (свыше 1 млн. 700 тыс. руб.) и значимостью отвода как «главного источника войскового дохода». Кроме того, в резолюции утверждалось, что казаки получили земли отвода «не царским указом», но завоевав их «по собственной инициативе»¹⁵⁴. Хотя в резолюции подчеркивались экономические цели возвращения отвода, вряд ли организаторов ее принятия интересовали в первую очередь они. В условиях войны наладить нормальную эксплуатацию ресурсов этой территории было достаточно сложно. Кроме того, свои текущие финансовые потребности войско собиралось покрыть за счет займа. Для войсковой верхушки значение принятого кругом решения состояло скорее в том, что оно подводило некую правовую основу под ее претензии на политическое доминирование в области: с возвратом отвода, под власть атамана и правления УКВ переходила бóльшая часть территории Приморья.

Вскоре, не взирая на протесты Временного Сибирского правительства и местных земских властей, УКВ силой вернуло себе контроль над землями отвода. В то же время Калмыков получил от Японии заем в сумме 2 млн. руб. В ноябре 1918 г. соглашением атаманов ЗКВ, АКВ и УКВ, без проведения съезда, был оформлен союз дальневосточных казачьих войск, находившийся под негласным покровительством японского командования. Заполучив в свои руки столь серьезную силу, Япония оказалась как никогда близка к осуществлению проекта сибирско-дальневосточного протектората. Однако создание 18 ноября

1918 г. в Омске правительства Колчака нарушило эти планы. Колчак и возглавляемый Семеновым союз казачьих войск сразу же вступили в ожесточенную конфронтацию. Готовый вспыхнуть между ними вооруженный конфликт был улажен только вмешательством союзников¹⁵⁵. Тем не менее, и после этого отношения казачьих войск с Омским правительством оставались напряженными.

В октябре 1918 – январе 1919 гг. среди населения УКВ постепенно нарастало недовольство политикой Калмыкова. Его причинами являлись широкие мобилизации казаков, проводимый Калмыковым массовый террор против мирных жителей и особенно открытая ориентация атамана на Японию¹⁵⁶. Крайним проявлением этого недовольства стало вооруженное выступление казаков ОКО 27 – 28 января 1919 г. в Хабаровске.

В выступлении приняли участие свыше 500 казаков, в основном бывших красногвардейцев. Хотя тайные группы недовольных стали возникать в ОКО задолго до начала выступления, оно было по существу стихийным, и не имело ни организованного руководства, ни четкого плана, ни ясных целей. Единственным, к чему определенно стремились взбунтовавшиеся казаки, было смещение или даже физическое устранение Калмыкова. Не найдя его, казаки сдались находившемуся в Хабаровске американскому отряду, заявив, что не желают служить у атамана¹⁵⁷.

Выступление казаков крайне обеспокоило Калмыкова, заставив его опасаться за прочность своей власти над войском в целом. В феврале 1919 г. атаман расформировал Юридический отдел ОКО, являвшийся главным инструментом проводимой им политики репрессий. Кроме того, для восстановления своего авторитета и осуждения участников выступления, Калмыков решил созвать новый круг. До его начала Калмыков провел ряд встреч с представителем Колчака генералом П.П. Ивановым-Риновым, в ходе которых негласно признал власть «Верховного правителя». Тем самым, атаман подготовил последующее публичное признание колчаковского режима, которое должно было произвести благоприятное впечатление на видевших в Колчаке защитника национально-

государственных ценностей и интересов зажиточных уссурийцев и стариков и опровергнуть обвинения Калмыкова в пособничестве японцам.

6-й круг УКВ открылся 21 февраля 1919 г. в Хабаровске. Объясняя на круге причины бунта казаков ОКО, Калмыков обвинил в его подготовке американцев, уже давно выступавших против необоснованных репрессий атамана в отношении населения. Для расследования обстоятельств произошедшего депутатами круга была создана следственная комиссия. По итогам расследования выступление было определено как мятеж, поводом к которому послужило плохое отношение некоторых лиц командного состава к казакам. По рекомендации комиссии эти офицеры были арестованы Калмыковым. Кроме того, круг сократил число служащих казаков, постановив пополнять ОКО главным образом за счет добровольцев. Мобилизованные в ОКО уссурийцы были выделены в отдельные части, под командованием офицеров исключительно из состава УКВ¹⁵⁸. Таким образом, круг по существу оправдал действия бунтовщиков. Вместе с тем, от оценки роли в случившемся Калмыкова депутаты уклонились.

Этому, безусловно, способствовали коррективы, внесенные Калмыковым в свою политику. По предложению атамана 1 марта 1919 г. круг признал власть Колчака, указав при этом, что перед его правительством стоит задача скорейшего созыва Всероссийского Учредительного собрания для вывода страны из политического хаоса. Кроме того, круг обратился к Омскому правительству с просьбой «во избежание осложнений в области» законодательно закрепить за УКВ земли отвода Духовского. Вслед за этим, Калмыков объявил о своем решении выступить с ОКО на Восточный фронт. На время отъезда Калмыкова и.о. войскового атамана назначался начальник штаба ОКО Ю.А. Савицкий¹⁵⁹.

Нормализация отношений войска с колчаковскими властями вскоре стала приносить войсковой верхушке свои плоды. 1 мая 1919 г. Омское правительство выдало ЗКВ, АКВ и УКВ «Грамоту», подтверждавшую все правовые особенности казачьего землевладения, службы и бытового уклада, военного и гражданского управления. Кроме того, оно обещало издать закон, дающий гаран-

тии сохранения широкого внутреннего самоуправления, завоеванного казачьими войсками после Февральской революции¹⁶⁰.

Тем не менее, Калмыков не торопился выполнять взятые обязательства по оказанию Колчаку военной поддержки. По существу, он продолжал курс на сохранение политической самостоятельности войска, по-прежнему опираясь в этом на помощь Японии. Под различными предлогами отбытие ОКО на фронт постоянно откладывалось. Подобные действия Калмыкова возбудили недовольство среди офицеров ОКО. В ночь с 10 на 11 мая 1919 г. 70 офицеров и юнкеров потребовали от заместителя атамана есаула А.П. Эпова (Калмыков был в отъезде) отправить их на фронт, одних или вместе с отрядом. Сторону офицеров приняла и часть рядового состава ОКО, по-видимому, из числа добровольцев. Выступление носило мирный характер, оружия его участники не применяли. Однако вернувшийся в отряд Калмыков произвел аресты офицеров, а также Эпова¹⁶¹.

После выступления офицеров атаман обратился к Войсковому правительству с просьбой созвать круг для своего отчета и сложения полномочий. Конечно, Калмыков не собирался расставаться с властью: этот маневр был своего рода жалобой атамана войсковому населению на оказываемое офицерами неподчинение и должен был лишь активизировать поддержку с его стороны. Однако ситуацию осложнили противоречия, возникшие между атаманом и правительством УКВ во главе с Савицким. В своем постановлении от 29 мая 1919 г. Войсковое правительство выразило несогласие с «некоторыми положениями внутренней политики» Калмыкова, упрекая его в действиях через голову правительства, могущих привести к развалу войска¹⁶². Раскол в войсковой верхушке, очевидно, был связан с желанием части зажиточных уссурийцев направить военные силы УКВ на помощь Колчаку и неприятием ей независимой и беспринципной позиции атамана. Чтобы вернуть доверие этих казаков, атаман попытался оправдать свое стремление оставить отряд в крае необходимостью борьбы с партизанами. 29 мая – 9 июня 1919 г. ОКО провел крупную операцию по

очищению от партизанских отрядов районов рр. Кии и Хора. Однако напряженность в отношениях Калмыкова и Войскового правительства не исчезла.

17 июня 1919 г. в Гродеково был собран 7-й Войсковой круг. Огласив на первом заседании круга постановление от 29 мая, Войсковое правительство заявило о сложении полномочий, по существу предложив депутатам выбирать между ним и атаманом. Опасаясь лишиться власти, Калмыков был готов на применение против своих оппонентов вооруженной силы. Однако замешательство депутатов длилось недолго. Еще до начала круга большинство поселковых и станичных сходов выступили против отставки Калмыкова¹⁶³. Политика автономии вполне устраивала подавляющую часть уссурийцев, которая не желала принимать участия в гражданской войне и отнюдь не стремилась оказаться в рядах колчаковской армии. Депутаты вновь избрали Калмыкова атаманом УКВ и вернули полномочия Войсковому правительству, несколько изменив его состав. Одобрение депутатов получило и предложение Калмыкова снять вопрос об отправке ОКО на фронт ввиду растущего в области партизанского движения¹⁶⁴.

Летом 1919 г. разбитые Красной Армией в Поволжье колчаковские войска были оттеснены к Уралу, но, не сумев закрепиться и здесь, были вынуждены продолжить отступление на восток. В Сибири и на Дальнем Востоке ширилась деятельность красных партизан. Стремясь сплотить и обезопасить тыл своей армии, Колчак попытался укрепить отношения с местным казачеством и одновременно возложить на него основную тяжесть борьбы с партизанскими отрядами. В июле 1919 г. Колчак назначил главным начальником Приамурского края генерала Розанова, заместителем которого стал атаман союза дальневосточных казачьих войск Семенов. Приказами от 29 августа Розанов значительно расширил власть войсковых атаманов ЗКВ, АКВ и УКВ, предоставив учреждаемым ими «прифронтовым» судам право разбора дел казаков неслужилого состава по преступлениям, совершенным на территории войск. 2 сентября 1919 г. Розанов назначил Калмыкова уполномоченным по охране государственного

порядка в Хабаровском и Иманском уездах, а также начальником гарнизона Хабаровска. Вслед за этим, 12 сентября, правительство Колчака приняло постановление о временной передаче АКВ и УКВ отвода Духовского, за исключением «выделенных земель» и недр. Кроме того, впредь до окончательного землеустройства войскам было решено выплачивать ежегодное вознаграждение¹⁶⁵.

В итоге, с сентября 1919 г. руководство УКВ на вполне «легальных» основаниях сосредоточило в своих руках военную, гражданскую и хозяйственную власть над большей частью Приморской области. Получив столь широкие полномочия, Калмыков не замедлил ими воспользоваться. Уже в начале сентября в Имане его части вступают в вооруженный конфликт с давними недоброжелателями атамана – американскими интервентами. Иманский инцидент стал поводом для выступления Калмыкова с открытым протестом против американского произвола. Протест был адресован атаманом главнокомандующему войсками интервентов Отани, Розанову, атаманам ЗКВ и АКВ, а также опубликован в местной прессе. Текст протеста завершался требованием поставить американцев «в рамки» или вовсе избавить край от их «разлагающего нашу государственность на востоке» присутствия¹⁶⁶. Водворять «порядок» на подконтрольной территории Калмыков продолжал и в дальнейшем. Так, в октябре 1919 г. по его приказу были подвергнуты обстрелу самовольно вошедшие в Амур китайские канонерки¹⁶⁷. Военные акции Калмыкова против интервентов, осуществляемые под лозунгом «спасения и возрождения единой великой России», способствовали всплеску популярности атамана у населения войска. Однако очень скоро среди уссурийцев возобладали иные настроения.

С сентября 1919 г. Калмыков приступил к наращиванию сил ОКО. Сначала пополнение отряда, развернутого в конце сентября в бригаду, а к началу января 1920 г. – в дивизию, производилось за счет главным образом невоинского населения края и полосы КВЖД, а также пленных красноармейцев. Однако в декабре 1919 г. критическое состояние колчаковского фронта, рост активности партизан и широкое разочарование жителей края в жизнеспособности бе-

лого движения, побудили атамана прибегнуть к мобилизации всех казаков УКВ, способных носить оружие, сроков службы 1908 – 1917 гг. Мобилизация на фоне близящегося краха колчаковского режима вызвала массовое недовольство уссурийских казаков¹⁶⁸. В обстановке обостряющегося конфликта между населением и войсковой верхушкой в Приморье пришло известие о том, что 4 января 1920 г. Колчак передал всю полноту власти на территории «Российской Восточной Краины» атаману Семенову.

Ситуация сентября 1918 – января 1920 гг. характеризовалась общим снижением политической активности казачьего населения, что было связано как с возросшей гомогенностью внешней среды казачьего общества, так и упрощением его внутренней дифференциации. Просоветски ориентированная политическая элита, артикулировавшая и агрегировавшая в предшествующий период недовольство части казаков курсом, проводимым войсковой администрацией, была в это время лишена не только организационных рычагов воздействия на казачество, но и каких-либо надежных каналов коммуникации с ним. Политическая жизнь советских активистов и казаков-красногвардейцев, принявших участие в партизанском движении, с одной стороны, и остальной части казачьего населения УКВ, - с другой, протекали в период сентября 1918 – января 1920 гг. в значительной мере независимо друг от друга.

В силу изменения обстановки в крае, в сентябре 1918 – январе 1920 гг. единственным, безальтернативным выразителем воли уссурийцев стала группировка активных сторонников сословной обособленности и автономии уссурийского казачества. Монополизировав управление войском, она вновь повела борьбу за скорейшую реализацию политических задач, впервые поставленных на 3-м Войсковом круге. Но в отличие от первого периода своего пребывания у власти, в новой ситуации, – ситуации полиархии в стране и регионе, - представители зажиточного казачества в достижении своих целей, и в первую очередь, в стремлении вернуть войску отвод Духовского, были склонны больше полагаться на собственные силы, нежели дожидаться внешней санкции.

На протяжении почти всего рассматриваемого периода власть войсковой элиты опиралась на достаточно твердую поддержку большинства населения УКВ. Это, конечно, не означает, что уссурийцы разделяли все политические цели руководства УКВ. По-видимому, наиболее привлекательной в его политике для казаков была декларируемая приверженность идее возрождения национальной государственности, демократическому пути формирования власти в стране (посредством созыва Учредительного собрания) и войсковой автономии, во многом препятствовавшей втягиванию уссурийцев в гражданскую междоусобицу. Попытки отхода войсковой верхушки от этих принципов, выражавшиеся в открытом сближении Калмыкова с японскими интервентами и мобилизациях казаков в ОКО, привели к смене относительной пассивности уссурийцев резким подъемом их недовольства, высшим проявлением которого стало вооруженное выступление в январе 1919 г. Однако своевременная корректировка Калмыковым своей политики быстро вернула ему расположение казаков.

В мае – июне 1919 г. войсковая элита пережила острый внутренний конфликт. Часть зажиточного казачества, возглавляемая Войсковым правительством, намеревалась покончить с по существу продолжаемой Калмыковым политикой автономии и принять непосредственное участие в гражданской войне на стороне Колчака, как антибольшевистского лидера, способного восстановить целостность российского государства. По всей видимости, именно государственнические ценности были основным мотивом выступления этой части войсковой элиты против фактически узурпировавшего власть в войске Калмыкова и его ближайших сподвижников, руководствовавшихся исключительно личными амбициями. Однако, население войска в лице своих депутатов отказало в поддержке «партии войны», подтвердив свое доверие атаману и его политике «бездействия». Вынужденный же, по причине резкого изменения к ноябрю – декабрю 1920 г. военной обстановки в крае и вокруг него, отход Калмыкова от своего прежнего курса повлек за собой стремительный крах его власти в УКВ.

С падением колчаковского режима в январе 1920 г. на Дальнем Востоке постепенно сложилась новая политическая ситуация, которая сохранялась вплоть до мая 1921 г. Основное содержание этой ситуации было связано с образованием ДВР и ее, увенчавшейся, в конечном счете, успехом, борьбой за утверждение своей власти в Приморье.

Созданное большевиками в качестве инструмента политического сдерживания и противодействия интервенции на Дальнем Востоке, в своей внутренней политике «буферное» государство было призвано нейтрализовать наиболее непримиримые к советскому режиму силы и подготовить общедемократические предпосылки к последующей интеграции региона в РСФСР. Исходя из этих базовых принципов, власти ДВР строили и свои отношения с уссурийским казачеством. Осторожной, но последовательной поддержкой своих сторонников в УКВ они стремились лишить социальной опоры лидеров казачьей автономии, с тем, чтобы достичь в итоге важнейшей цели – ликвидации сословной и административной обособленности уссурийского казачества.

В Приморье представителем власти ДВР в этот период являлось Временное правительство (ВП) ПОЗУ (затем – Приморское областное управление), сформированное в результате коалиции контролировавших местные земства эсеров и большевиков. Эсеровское большинство в ВП ПОЗУ во многом расходилось с большевиками во взглядах на предназначение и будущее, внешне- и внутривполитические задачи ДВР. Однако в вопросе о расказачивании и ликвидации автономии УКВ позиции вынужденных союзников в целом совпадали.

В наибольшей степени это было обусловлено теми тесными отношениями, которые связывали Войсковое правительство УКВ с новым главой белого движения на Дальнем Востоке атаманом Семеновым и японскими интервентами. Выбитый из Забайкалья, Семенов пытался использовать УКВ как орудие и основу создания подвластного ему политического образования в Приморье. Широкое содействие атаману в этом предприятии была готова оказать Япония. В период января 1920 – мая 1921 гг. Япония осталась единственной иностран-

ной державой, сохранившей и даже увеличившей свое военное присутствие в крае. Не сдерживаемая более прямым давлением других интервентов, она стала решительнее и жестче добиваться осуществления своих планов политической колонизации Дальнего Востока. Казачеству, теперь, в первую очередь, казачеству уссурийскому, в этих планах по-прежнему отводилось особое место.

Падение Колчака и мощный подъем в крае партизанского движения способствовали расширению выступлений уссурийцев против мобилизации и продолжения гражданской войны. В начале января 1920 г. протесты такого рода были заявлены многими станичными и поселковыми сходами, особенно в южных округах УКВ. Помимо выдвижения антивоенных требований, казаки призывали также к удалению из края интервентов и объединению войскового населения с крестьянством. В отдельных же случаях казачье население открыто отказывалось от поддержки войсковых властей: так, на проходившем в январе 1920 г. в пос. Кукелевском крестьянско-партизанском съезде об этом объявили представители 10 поселков Гленовского округа¹⁶⁹.

Видя невозможность силового подавления казачьего недовольства, Калмыков решился на созыв нового Войскового круга. 8-й Войсковой круг собрался 19 января 1920 г. в Имане. Атаман не прибыл на круг, прислав вместо себя своего заместителя Савицкого. Савицкому удалось склонить депутатов круга к одобрению деятельности Калмыкова и осуждению противников мобилизации. Однако эти решения не возымели никакого действия: новые победы партизан, взявших 26 января Никольск-Уссурийский, лишили атамана поддержки большинства уссурийских казаков. В конце января – начале февраля 1920 г. станичные округа войска начали признавать власть партизанского Военно-революционного штаба, а затем – власть ПОЗУ, при помощи партизан сменившую 31 января во Владивостоке правление генерала Розанова. В Гродековском и Полтавском округах под руководством Шевченко были созданы казачьи отряды, влившиеся в ряды партизанской армии. Под угрозой окружения со стороны революционных войск, Калмыков был вынужден покинуть Хабаровск и пе-

рейти китайскую границу. Его сопровождал отряд в 600 чел., лишь небольшая часть которого принадлежала к уссурийскому казачеству. В Манчжурии отряд был разоружен китайскими властями, а сам атаман арестован. В сентябре 1920 г. при попытке к бегству Калмыков был убит¹⁷⁰.

21 – 24 февраля 1920 г. в ст. Гродеково прошел съезд делегатов УКВ. На нем присутствовали 168 казаков, представлявших все станичные округа войска, кроме Гленовского, где еще продолжались бои. Съезд был организован и возглавлен лидерами красного казачества и представителями партизанского командования. Делегаты съезда постановили лишить Калмыкова звания войскового атамана и предать его революционному суду как уголовного преступника. Единогласно ими была принята резолюция об упразднении казачества «как отдельного от всего русского народа сословия». До проведения общеобластного съезда, который должен был выработать «конструкцию власти на местах», станичные и поселковые правления переименовывались во временные волостные и сельские ревкомы. В качестве органа войсковой власти на переходный к слиянию с крестьянством период на съезде был избран Военно-революционный комитет (ВРК)¹⁷¹.

Под влиянием организаторов съезда делегаты приняли также решение о «принципиальном» непризнании власти земства и немедленном создании советов. Но такая радикальная позиция не могла получить одобрения областной большевистской организации, заинтересованной в условиях прямой угрозы японского нападения в сохранении коалиции с правыми социалистами. По-видимому, именно по ее указанию уже 26 февраля ВРК заявил о своей готовности руководствоваться распоряжениями ВП ПОЗУ¹⁷².

К апрелю 1920 г. все станичные округа УКВ вынесли постановления о ликвидации казачества. Одновременно с этим, ВРК развернул подготовку к передаче хозяйства и имущества в ведение областного земства. Официально утвердить завершение ликвидационной деятельности ВРК должен был Войсковой

круг, созыв которого был намечен на 1 июля 1920 г.¹⁷³. Однако последующие события воспрепятствовали этим планам.

В июне 1920 г. из Харбина в Гродеково с группой офицеров прибыл помощник войскового атамана и председатель Войскового правительства полковник Савицкий. В Гродеково Савицкий выступил с заявлением о восстановлении полномочий Войскового правительства в его прежнем составе и экстренном созыве 9-го Чрезвычайного Войскового круга¹⁷⁴. Таким образом, в войске произошел раскол.

Одной из предпосылок появления нового властного центра в УКВ было несогласие с политикой ВРК части войскового населения, обвинявшей комитет в превышении своих полномочий, а также отрицавшей право станичных и поселковых сходов решать вопрос об упразднении казачества, относящийся к компетенции Войскового круга¹⁷⁵. Однако, даже в округах, оказавшихся под властью Войскового правительства, – Гродековском, Платоно-Александровском и частично Донском, – идея сохранения войска не пользовалась устойчивой поддержкой большинства населения. Единственной надежной опорой правительства Савицкого были зажиточные уссурийцы и старики. В этих условиях его длительное существование было бы невозможно, если бы не обеспечивалось прямой политической и военной помощью извне. В июне – ноябре 1920 г. это была, прежде всего, помощь японских интервентов. В соответствии с навязанным Японией ВП ПОЗУ соглашением от 29 апреля 1920 г., она получила возможность оккупировать 30-верстную «нейтральную» полосу вдоль Уссурийской дороги вплоть до ст. Свягино. Таким образом, южные округа УКВ и часть Донского станичного округа оказались под контролем японских войск.

С 10 по 23 июля 1920 г. в Гродеково проходили заседания 9-го Чрезвычайного Войскового круга. На круге присутствовала лишь половина от полного состава его депутатов (44 из 87). Прибывшие представляли почти исключительно Гродековский, Платоно-Александровский и Донской округа войска. Депутаты круга признали февральский съезд в Гродеково неправомочным и отме-

нили его решения. Круг подтвердил восстановление прежней войсковой администрации во главе с Калмыковым. Выразив недоверие ВП ПОЗУ, он заявил о подчинении войска власти атамана Семенова. Желая привлечь к себе казачье население, депутаты и Войсковое правительство объявили о своей заинтересованности в прекращении гражданской войны, об отзыве всех служащих, как у белых, так и у красных, уссурийцев, и роспуске существующих на войсковой территории вооруженных отрядов. Однако в этом вопросе круг проявил непоследовательность. Демобилизации по его решению не подлежали казаки, находившиеся в войсках Семенова. Кроме того, круг дал согласие на формирование из сторонников администрации Савицкого отряда войсковой самообороны¹⁷⁶.

Параллельно с работой 9-го Гродековского круга, во Владивостоке, при ВП ПОЗУ, а затем при открывшемся в городе 21 июня 1920 г. Народном собрании ДВР, действовало совещание делегатов станичных округов, не принявших власти Савицкого. Также выступая за прекращение гражданской войны в крае, совещание заявило, что его необходимыми условиями являются победа над силами «реакции», изгнание японских интервентов и ликвидация УКВ. Не признавая решений 9-го Чрезвычайного круга, население Гленовского, Бикинского, Полтавского и части Донского округов через своих представителей просило ВП ПОЗУ и Народное собрание о присоединении к крестьянству и введении в этих районах войска земского управления. О непризнании итогов Гродековского круга заявил и ВРК. Тем не менее, 27 июля 1920 г., ссылаясь на необходимость «избежать продолжения раскола», он сложил свои полномочия¹⁷⁷. Данное решение, очевидно, было принято ВРК под прямым влиянием властей ДВР: дальнейшая эскалация конфликта с Войсковым правительством могла бы спровоцировать вмешательство его японских покровителей.

Однако самороспуск ВРК не способствовал укреплению позиций «Гродековской группировки». Большая часть территории и населения войска по-прежнему находилась вне ее контроля. Кроме того, Войсковое правительство столкнулось с серьезными финансовыми трудностями. Они вынудили войско-

вую администрацию просить субсидирования от ВП ПОЗУ. Предоставив деньги и поставив, таким образом, Войсковое правительство в зависимость от себя, в сентябре 1920 г. ВП ПОЗУ потребовало от него разоружения войсковой самообороны. В итоге, Войсковому правительству пришлось начать переговоры с местными властями, продолжавшиеся и после официального вхождения Приморской области в начале ноября 1920 г. в состав ДВР. В ходе переговоров Савицкий согласился признать правительство ДВР при условии сохранения войскового самоуправления (с перевыборами администрации на объединительном круге) и гарантий безопасности для него и его сторонников, за исключением уголовных преступников. Однако в действительности Савицкий оставался убежденным приверженцем объединения войска под властью Гродековской администрации. Не прекращая переговоров, Войсковое правительство пыталось укрепить и расширить свою власть над населением войска вооруженным путем. По его решению, части войсковой самообороны заняли пожелавший отделиться от «Гродековской группировки» Платоно-Александровский станичный округ. Вслед за этим, Войсковое правительство направило свои отряды в ст. Полтавскую. Однако на этот раз они были остановлены земской милицией. Неудачей окончилась и попытка Савицкого поднять восстание в северной части Донского округа, жители которой, в основном бывшие донцы, традиционно выступали за сохранение казачества. Большая часть местного населения не присоединилась к посланцам войсковой администрации¹⁷⁸.

В ноябре – декабре 1920 г. в район Гродеково начали прибывать выбитые Народно-революционной армией (НРА) ДВР из Забайкалья семеновские и капелевские войска. Вместе с ними в Приморье приехал и сам походный атаман дальневосточных казачьих войск Семенов. Семенов предоставил Савицкому должность своего заместителя, а позднее выделил необходимые для войсковой администрации денежные средства¹⁷⁹. Полученная военная, финансовая и политическая поддержка позволили Войсковому правительству пойти на открытый разрыв отношений с властями ДВР.

Реальная угроза вовлечения части населения УКВ в подготавливаемое Семеновым вооруженное выступление против ДВР в Приморье, побудило ее правительство активизировать борьбу с «Гродековской группировкой». В январе 1921 г., на основании наказов ряда станиц и поселков, Приморское областное управление ДВР назначило созыв Войскового круга. 10-й Войсковой круг открылся 8 марта 1921 г. в г. Имане. На нем присутствовало 27 депутатов и 22 представителя с правом решающего голоса от Гленовского, Бикинского, Полтавского и части Донского округов. Круг, обвинив Войсковое правительство в подготовке при помощи интервентов гражданской войны, потребовал его смещения, роспуска войсковой самообороны и прекращения финансирования ДВР подчиняющихся Савицкому округов. Вместо правительства Савицкого на круге было избрано Войсковое правление под председательством С.С. Петрологина, бывшего члена ВРК. 2 апреля все решения Иманского круга были утверждены правительством ДВР, а администрация Савицкого объявлена стоящей вне закона¹⁸⁰. Таким образом, фактический политический раскол войска получил свое организационное оформление.

Гродековское правительство не признало итогов Иманского круга и приняло решение о созыве 10-го Чрезвычайного Войскового круга УКВ в Гродеково. Заседания круга, в которых участвовало 45 депутатов и 7 представителей от поселков, проходили с 16 по 24 апреля 1921 г. Войсковое правительство отвергло обвинения «коммунистов», заявив о своей приверженности национальным интересам и воле казачьего населения. Участники круга выразили ему свою поддержку. Савицкий, до сих пор занимавший должность заместителя войскового атамана, был избран кругом главой войска¹⁸¹.

26 апреля 1921 г. в Гродеково состоялся съезд представителей 9-ти казачьих войск России, избравший Семенова походным атаманом всех казачьих войск российской восточной окраины. Съезд обсудил план действий против ДВР, реализация которого, по сути, должна была привести к созданию в Приморье прояпонского буферного государства под властью атамана¹⁸². В конце

мая 1921 г. в области действительно произошел белогвардейский переворот, приведший к власти, однако, иных лидеров.

Определяющим внешним ситуативным фактором поведения уссурийского казачества в период января 1920 – мая 1921 гг. являлось политическое и военное противостояние на Дальнем Востоке большевиков и сформированных под их руководством в апреле 1920 г. органов власти ДВР и антибольшевистских сил, роль ядра которых в это время выполняли японские интервенты и войска атамана Семенова. Это противостояние послужило главной предпосылкой для нового появления в войске двух противоборствующих элит, пользующихся покровительством и помощью различных лагерей. Основным предметом борьбы этих элит стали вопросы ликвидации сословного статуса и упразднения войсковой организации уссурийского казачества, а также признания им власти ДВР. За положительное решение этих вопросов выступала пробольшевистская казачья элита и ее активные сторонники из числа бывших фронтовиков, молодежи и беднейших уссурийцев. Лидеры красных казаков, нередко, особенно в период своего единовластия в войске в феврале – мае 1920 г., пытались форсировать реализацию указанных задач и даже ставить более радикальные цели (например, немедленной советизации области и УКВ). Однако в этих случаях дальневосточное партийное руководство и органы ДВР, исходя из своих стратегических приоритетов, как правило, своевременно сдерживали их. Осторожность проводимой властями ДВР политики расказачивания, временное снятие ими с повестки дня вопроса о надельном казачьем землепользовании, послужили важным фактором расширения влияния красного лагеря среди казаков.

Борьбу за сохранение социальной и административной самостоятельности уссурийского казачества в ситуации января 1920 – мая 1921 гг. возглавила сформированная еще в предшествующий период войсковая администрация, содействие которой оказывали главным образом зажиточные казаки. Довольно быстро отбросив использовавшийся ей по началу лозунг нейтралитета в гражданской войне, войсковая элита деятельно участвовала в действиях белого ла-

геря и интервентов против большевиков. Сближение Войскового правительства и антибольшевистских сил было результатом, прежде всего, недостатка у него собственных ресурсов для борьбы с красными казаками, за спиной которых стояли власти ДВР, а также встречного стремления Японии и Семенова к использованию УКВ в собственных целях. Обеспечив войсковой элите необходимые военную и финансовую помощь, открытый союз с силами, выступавшими за продолжение междоусобной войны и укрепление иностранного влияния в крае, вместе с тем, способствовал ее дискредитации в глазах многих казаков.

В условиях ожесточенного противоборства «красной» и «белой» элит и их сторонников заметно возросла активность казачьего большинства. Основная масса уссурийцев вновь, как и весной 1917 г., раскалывается по вопросу о расказачивании. Однако смысл, вкладываемый казаками в этот вопрос в новой ситуации, был во многом иным: если в 1917 г. необходимость сохранения или отказа от сословного статуса оценивалась уссурийцами главным образом с точки зрения возможных социальных выгод (облегчение повинностей) и культурных (утрата привычного образа жизни), а также отчасти экономических (земельных) потерь, то на сей раз отношение к нему выработывалось на основе более значимых для казаков интересов и ценностей. Теперь вопрос о расказачивании был тесно связан для них с вопросами об участии в гражданской войне, об отношении к интервенции, о будущем российской государственности на Дальнем Востоке и собственном выживании. Видя в ДВР и большевиках сильную власть, стремящуюся и могущую обеспечить внутренний мир и защиту дальневосточной окраины от посягательств извне, и убеждаясь в том, что существование УКВ служит затягиванию войны и интервенции, в период января 1920 – мая 1921 гг. большая часть казачества фактически согласилась с ликвидацией войска. Как представляется, данное решение было результатом не столько агитации и политической мобилизации уссурийцев со стороны красной казачьей элиты, сколько внутреннего выбора казаков. Этот выбор казачье население

продолжало отстаивать даже после самороспуска ВРК и несмотря на прямое силовое давление Войскового правительства.

Последняя политическая ситуация в рамках структурного периода 1917 – 1922 гг. продолжалась с мая 1921 по ноябрь 1922 гг. Ее формирование и развитие было связано с приходом к власти в Приморье контрреволюционного правительства Меркуловых и их преемника М.К. Дитерихса, вступивших в вооруженную борьбу с ДВР за контроль над областью и дальневосточным регионом в целом. Основные цели казачьей политики ДВР в Приморье в данный период оставались прежними. Однако в обстановке назревания вооруженного конфликта с белогвардейцами, открытую поддержку которым оказывало Войсковое правительство, власти республики ускорили ликвидацию структур казачьего самоуправления на территории войска, находившейся в сфере их влияния. Наряду с этим, они предпринимали попытки мобилизации казаков в ряды НРА.

Намного большую важность в качестве военной силы УКВ представляло для Временного Приамурского правительства (ВПП) Меркуловых и Дитерихса. Кроме того, содействие уссурийского казачества имело для них немалое идеологическое значение. Широко пропагандируя свою приверженность национальным интересам и ценностям, Меркуловы и особенно Дитерихс рассматривали проникнутое, по расхожему представлению, патриархальными русскими традициями казачество как своего естественного и необходимого союзника.

Огромная роль в формировании политической ситуации на российском Дальнем Востоке в мае 1921 – ноябре 1922 гг. как и прежде принадлежала Японии, все еще не терявшей надежды включить регион в сферу своего постоянного и безраздельного влияния. Однако связанный с этими планами интерес ее к уссурийскому казачеству, в особенности после окончательного поражения атамана Семенова в борьбе за власть в Приморье, заметно ослабел. Тем не менее, присутствие японских войск в «нейтральной» зоне вдоль южной части Уссурийской железной дороги оставалось важным фактором сдерживания политической активности местного казачьего населения.

Уже через несколько дней после белогвардейского переворота во Владивостоке, 1 июня 1921 г. войсковая администрация Савицкого объявила о поддержке правительства Меркуловых. Однако разгоревшийся вскоре острый конфликт между ВПП и Семеновым, формальным высшим главой войска, поставил Савицкого и Войсковое правительство в затруднительное положение. Оно осложнялось тем, что на стороне Семенова выступала значительная часть офицеров и военных чиновников УКВ, служивших в отрядах атамана. Кроме того, в районе резиденции Войскового правительства в Гродеково было сосредоточено большое количество семеновских войск. Тем не менее, уже в июне 1921 г. администрация решительно разорвала отношения с Семеновым, заявив о недопустимости его пребывания в области. Чтобы не подвергаться давлению сторонников атамана, Войсковое правительство переехало из Гродеково во Владивосток. Здесь 19 июля Савицкий вошел в состав аппарата ВПП, возглавив в нем казачье ведомство. В августе 1921 г., лишившись политической и финансовой поддержки Японии, а затем и собственных войск, оставшихся без жалования, Семенов был вынужден признать ВПП. В сентябре 1921 г. он отбыл в Китай¹⁸³.

Основными причинами столь резкого разрыва администрации Савицкого с Семеновым явились крайняя непопулярность последнего у населения области и большинства уссурийцев, видевших в нем ярого поборника войны и приспешника иностранных интервентов. Помимо этого, сама войсковая элита рассматривала прояпонскую ориентацию и казачий сепаратизм Семенова как помеху делу единения белых сил под флагом национального освобождения.

Выражая поддержку правительству Меркуловых, войсковая администрация признавала, что окончательное решение вопроса об отношении к нему находится в компетенции Войскового круга¹⁸⁴. Однако, в условиях нежелания большинства казаков принимать участие в гражданской войне и сохраняющейся приверженности части зажиточной верхушки к олицетворяемой Семеновым политике «атамановщины», добиться от депутатов положительной резолюции

по данному вопросу было бы крайне трудно. Вероятно, поэтому предполагаемый Войсковой круг так и не был созван.

Сближение Войскового правительства с режимом Меркуловых и нарастающая угроза военного конфликта с последним, побудили руководство ДВР активизировать в июле – августе 1921 г. до сих пор сдерживавшийся им процесс передачи функций управления хозяйством и населением северных округов войска в руки общегражданской администрации. В соответствии с административно-территориальной структурой ДВР все земли УКВ были разделены между Приамурской и Приморской областями. В пределы Приамурской области были включены Гленовский и Бикинский округа и северная часть Донского округа. В сентябре 1921 г. ликвидация структур войска на этой территории в основном завершилась. 23 сентября Войсковое правление, возглавляемое Петрологинным, объявило о переносе своей деятельности в Приморскую область¹⁸⁵. Однако начавшиеся вскоре в Приморье боевые действия прервали эту работу.

В конце ноября 1921 г. войска ВПП повели наступление на север. Оно было чрезвычайно успешным: части НРА, потерпев ряд поражений, быстро отступали. В боях на стороне ВПП приняли участие и воинские подразделения, находившиеся в распоряжении Войскового правительства. Они были скомплектованы на добровольной основе и включали в себя несколько сотен казаков. В ходе наступления войсковые части и белое командование пытались привлечь под свои знамена население северных станичных округов. Но местные казаки не откликнулись на эти призывы, лишь в некоторых случаях соглашаясь на организацию дружин для охраны линии Уссурийской железной дороги. Столь же в целом безуспешной оказалась начатая еще в ноябре 1921 г. при содействии Войскового правления мобилизация казаков северного района УКВ в НРА¹⁸⁶.

22 декабря 1921 г. «белоповстанческая» армия заняла Хабаровск и продолжила свое движение на запад. Военные успехи ВПП и освобождение северных округов из-под власти ДВР, создали, по мнению войскового атамана и правительства, необходимые условия для объединения войска под их руково-

дством. 26 декабря 1921 г. в Гродеково с этой целью ими был созван 11-й Чрезвычайный Войсковой круг. Однако большая часть депутатов северных округов на круг вновь не прибыла¹⁸⁷. Впрочем, и прибывшие на него депутаты фактически не являлись действительными выразителями воли казачьего населения. Принятые ими решения о воссоединении округов войска под властью администрации Савицкого и проведении мобилизации казаков не имели никаких практических последствий.

После поражения под Волочаевкой в феврале 1922 г., под натиском НРА войска Меркуловых были вынуждены начать стремительное отступление. К концу марта 1922 г. части НРА достигли района ст. Свягино близ Спасска, и ввиду опасности столкновения с располагавшимися к югу силами японских интервентов, остановились на этом рубеже. Таким образом, Войсковое правительство вновь утратило контроль над территорией трех северных округов войска.

Понесенные поражения в войне с ДВР подорвали веру имущих слоев населения Приморья в правительство Меркуловых. Осознавая это, члены ВПП в начале июня 1922 г. уступили свою власть ген. Дитерихсу, установившему в области военную диктатуру. В целях легитимации его правления и идеологического оправдания продолжения вооруженной борьбы с большевиками в конце июля – начале августа 1922 г. во Владивостоке был собран Земской собор, состоявший в основном из представителей местной буржуазии, духовенства и белого офицерства. Активное участие в организации и деятельности собора приняла войсковая администрация УКВ. Участники Земского собора избрали Дитерихса «Правителем Земского Приамурского края». Кроме того, собором была сформирована «Земская Приамурская Дума», в состав которой должны были войти 3 представителя от УКВ¹⁸⁸.

Свою поддержку Дитерихсу руководство УКВ оказывало по существу вопреки позиции войскового населения. В июле 1922 г. жители южных станичных округов бойкотировали выборы в Земской собор. Поселковые собрания Гродековского округа требовали проведения выборов в Учредительное собра-

ние ДВР, выдвигая в качестве одного из кандидатов председателя Хабаровского Войскового правления Петрологонова. С требованиями признания власти ДВР в августе выступили и казаки ст. Полтавской. Группа полтавцев, «сочувствующих коммунизму и действующих разлагающе на поселок [ст. Полтавскую – А.К.] и станичный округ», вместе с семьями были высланы белогвардейцами в ДВР. Тем не менее, уже в конце сентября 1922 г. Полтавское станичное правление в ходатайстве Приморскому областному нарревкому признало правительство ДВР «как единственно законную власть на русском Дальнем Востоке» и просило о своей защите от «самочинных действий государственного преступника Дитерихса»¹⁸⁹.

В сентябре 1922 г. «земская рать» Дитерихса предприняла попытку наступления на позиции НРА. Однако к концу сентября наступление белых выдохлось. Дитерихс объявил о введении в южном Приморье осадного положения и всеобщей мобилизации. В ответ, 2 октября население ст. Полтавской восстало против власти «Правителя». После боя с белогвардейцами казаки оставили станцию и ушли в сопки на соединение с партизанами¹⁹⁰.

Через несколько дней НРА ДВР перешла в наступление. К 20-м числам октября ею были заняты все южные округа войска. 25 октября 1922 г., после завершения эвакуации японских интервентов, части НРА вошли во Владивосток. 14 ноября 1922 г. Народное собрание ДВР приняло решение о присоединении республики к РСФСР.

Ситуация мая 1921 – ноября 1922 гг. характеризовалась значительным понижением политической активности населения УКВ. Оно не было следствием массовой политической индифферентности уссурийцев, хотя рост безразличия к политике в ее узком смысле, к борьбе за власть элитарных группировок, среди казаков, конечно, имел место. Тем не менее, основная масса уссурийцев в этот период сохраняла достаточно устойчивую ориентацию на поддержку ДВР и проводимой ею политики расказачивания, с которыми войсковое население связывало свои надежды на мир и восстановление российского суверенитета

над Дальним Востоком. Пассивность же большинства казаков в отношении потерявшего их доверие Войскового правительства была во многом обусловлена ситуативными обстоятельствами – ставшей особенно неблагоприятной после меркуловского переворота внешней обстановкой, а также отсутствием содействия и руководства со стороны Войскового правления и властей ДВР, отказавшихся от прямой борьбы с администрацией Савицкого.

С началом боевых действий между ДВР и ВПП политический иммобилизм уссурийских казаков достиг своего пика. Основная часть казачьего населения не желала принимать участие в вооруженной борьбе ни на одной из сторон. Симпатии казаков к ДВР были не настолько велики, чтобы побудить их вступить в братоубийственную войну и пожертвовать собственной безопасностью. Кроме того, конечный исход борьбы был уже достаточно очевиден. Рост политической активности казачьего населения наметился лишь летом 1922 г., когда контроль белых властей за ситуацией на местах значительно ослабел. Вооруженное же выступление казаков в начале октября 1922 г. было прямой реакцией на угрозу их принудительной мобилизации.

§ 4. Политическое поведение уссурийского казачества в период 1922 – 1930 гг.

С окончанием гражданской войны и включением территории ДВР в состав РСФСР дальневосточный регион вступил в новый структурный период своей политической истории. Региональная система политических отношений была вновь интегрирована в это время в политическую систему России и полноценно вовлечена в процессы ее функционирования и развития. При этом ее внутренняя структура была приведена в соответствие со специфическими принципами нового постреволюционного авторитарного режима, окончательно утвердившего себя в российском обществе к началу 20-х гг. Рубеж новой

структурной стадии в истории Дальнего Востока явился вместе с тем и начальной вехой следующей ситуации в эволюции политической среды уссурийского казачества. Завершение данной политической ситуации можно отнести к 1930 г., на протяжении которого основные районы расселения уссурийского казачества были охвачены компанией массовой коллективизации.

В рамках ситуации ноября 1922 – 1930 гг. основным политическим контрагентом казачества вновь стала единая государственная власть, восстановившая свое верховенство и суверенитет на всей территории страны. Тем не менее, несмотря на восстановление и даже усиление централизованности системы государственного управления, как политический субъект, она сохраняла определенную внутреннюю неоднородность, что в частности нашло свое отражение и в политике государства в отношении уссурийских казаков. В подходах к ней советских органов различного уровня имели место некоторые расхождения.

В рассматриваемый период уссурийское казачество по существу не являлось самостоятельным объектом политики правительства. Отчасти это объяснялось общей неразработанностью позиции партийного руководства в отношении казачьего населения страны. Несмотря на отдельные попытки постановки казачьего вопроса на уровне центральной власти, в целом на протяжении всех послевоенных 20-х гг. в политике проводимой ей в отношении казачества и остального сельского населения качественных различий практически не было. Тем не менее, и на этом общем фоне невнимание правительства к уссурийскому казачеству, да и к другим казачьим общинам азиатской части страны, было особенно заметным. Это было связано с тем, что в отличие от территорий проживания казаков Европейской России, и, прежде всего, районов Дона, Кубани и Терека, их земли не имели для советского государства большого экономического значения. Кроме того, культурное своеобразие и социальная обособленность азиатского казачества были не столь ярко выраженными и устойчивыми.

Более взвешенно и ответственно в этом отношении была настроена местная советская администрация волостного (районного), уездного (окружного) и губернского уровней, работающая в непосредственном контакте с казачьим населением. В некоторых случаях ее представители, констатируя слабость поддержки казаками советской власти, приходили к признанию необходимости учета живых еще «сословных традиций», корректировки экономической политики в казачьих районах и принятия специальных мер по повышению политической и общественной активности местного населения. Однако эти предложения, как правило, не находили отклика и содействия вышестоящих инстанций. В то же время, свобода собственной административной инициативы низовых органов, и без того небольшая, со временем неуклонно ограничивалась.

Приграничное положение уссурийского казачества определило сравнительную значимость влияния на его поведение еще одного сложного политического субъекта – российской белой эмиграции в Манчжурии, или точнее, представляющих ее политических организаций. Местные эмигрантские объединения, многие из которых пользовались негласной поддержкой иностранных правительств, и в первую очередь японского, стремились оказывать активное воздействие на политическую ситуацию на Дальнем Востоке и даже предпринимали попытки свержения в регионе советской власти. При этом своим едва ли не главным социальным союзником в борьбе с большевистским режимом в крае они считали казачество, и в т.ч. казачество уссурийское. Политические контакты эмигрантов и уссурийского казачества поддерживались посредством проникновения в казачьи районы Приморья из-за границы вооруженных отрядов с террористическими, пропагандистскими и организационными целями.

В послевоенный период первой, самой актуальной задачей политики местных властей в отношении уссурийского казачества стало завершение ликвидации административных учреждений УКВ, национализации его имущества и земель. В этих целях в ноябре 1922 г. Приморским губревкомом был создан Приграничный район, в состав которого вошли три южных станичных округа

УКВ, переименованные в волости. Высшим органом власти в районе стал районный ревком, размещавшийся в Гродеково. В волостях (округах) власть была передана волревкомам, в селениях – сельревкомам¹⁹¹. Ревкомы были созданы и в бывших северных округах войска. Помимо упомянутых специальных задач на ревкомы, действовавшие в казачьих волостях, возлагались и общие для этих чрезвычайных органов на Дальнем Востоке обязанности, в т.ч. по подготовке налоговой компании, наведению «революционного порядка» и выявлению сочувствующих советской власти лиц, для их продвижения в дальнейшем в состав местных советов¹⁹².

Первая компания по сбору продналога с казачьего населения, прошедшая в начале 1923 г. оказалась весьма успешной. Так, в Никольск-Уссурийском уезде казачьи волости имели лучшие показатели по объему собранного налога: в Полтавской и Гродековской волостях было собрано 90% от запланированного, в Платоно-Александровской волости – 60%, В то же время, средний показатель сбора налога по уезду составлял лишь 36,3%¹⁹³.

Со значительно большими трудностями местные ревкомы столкнулись в решении остальных задач. В частности, по малочисленности находившихся в их распоряжении сил, они были не в состоянии справиться с приобретаемым в приграничной полосе все более широкий размах уголовным и политическим бандитизмом, а также продолжающейся в массовых масштабах контрабандной деятельностью. Также по объективным причинам, ревкомам не удалось выявить необходимого количества казачьих активистов, сочувствующих советской власти. По завершении революционных событий традиционную роль наиболее активной части казачества возвратили себе оппозиционно настроенные жакиточные казаки и старики.

В январе 1923 г. Приграничный райревком и подчиненное ему административное образование, ввиду выполнения возлагавшейся на них задачи, были упразднены. Вскоре после этого, в январе – феврале 1923 г. в Приморской губернии были проведены выборы в советы, в результате которых на смену рев-

комам в южных казачьих селениях и волостях пришли новые административные органы¹⁹⁴. Несколько позже советизация охватила северные казачьи волости, входившие в состав Приамурской губернии.

Мы не располагаем данными о результатах выборов 1923 г. конкретно в казачьих волостях Приморской и Приамурской губерний. Однако по имеющимся сведениям, эти результаты не имели каких-либо существенных отличий от общих итогов данных выборов в приморской и приамурской деревне¹⁹⁵. Уровень же участия сельского населения в первых советских выборах на Дальнем Востоке был довольно высок. Так, в Приморской губернии он достиг 60% мужчин, имеющих право голоса. Женщины в выборах участия почти не принимали. Несмотря на все усилия ревкомов и партийных органов среди 4,5 тыс. избранных в целом по губернии членов сельсоветов коммунистов насчитывалось лишь несколько десятков человек, тогда как «кулацкого и несочувствующего соввласти элемента» в их составе оказалось до 25%. В крупнейшем в губернии Никольск-Уссурийском уезде, где казаки составляли почти треть всего восточнославянского населения, в большинстве сельсоветов отмечалось «вполне ясно выраженное» влияние кулачества. Непрочными позиции партии были и в избранных на волостных съездах советских делегатов волисполкомах. В том же Никольск-Уссурийском уезде доля партийцев среди членов волисполкомов составляла в среднем около 15%. Решающего перевеса в советских органах коммунистам удалось добиться лишь на уровне уезда и выше¹⁹⁶.

В казачьих волостях на выборах 1923 г. активностью отличались, прежде всего, те, кто до революции входил в состав местных правлений и сходов дворянских или же принимал участие в избрании последних, т.е. зажиточные хозяева и пожилые казаки-главы больших семей (старики). Остальное казачье население не пыталось оспаривать их традиционное «право» на власть и держалось в целом пассивно. Большинство уссурийцев еще не вполне осознало различий в социальной (классовой) сущности между советскими органами власти

и прежними учреждениями сословного самоуправления и продолжало относиться к новой администрации столь же отчужденно, как и к старой¹⁹⁷.

В 1923 – 1924 гг., в рамках общей политики местного советского и партийного руководства в деревне, в казачьих районах был реализован ряд взаимосвязанных институциональных мер, призванных повысить общественно-политическую активность середняцкой и бедняцкой части сельского населения, укрепить ее хозяйства и стимулировать их переход к коллективным формам организации труда. Так, задача социально-политической мобилизации крестьянского большинства должна была решаться за счет вовлечения его представителей в деятельность формируемых на местах комсомольских, женских и других общественных организаций. Более широкими функциями наделялись особенно интенсивно создававшиеся в этот период на Дальнем Востоке крестьянские комитеты общественной взаимопомощи (кресткомы). Наряду с выявлением бедняцко-середняцкого актива и укреплением его связей с советскими органами, в круг обязанностей кресткомов входили также оказание социальной помощи своим членам и поддержка их хозяйственной деятельности. В тесном взаимодействии с кресткомами, в роли их своего рода экономических филиалов, должны были работать пионеры нового производственного уклада в деревне – сельскохозяйственные и промысловые кооперативы.

В казачьих волостях Приморья, по признанию представителей советской администрации, осуществление указанных организационных мероприятий шло медленно и с большими трудностями. Плохо в казачьих селениях «прививались» кресткомы. Там же, где кресткомы все-таки возникали, они приобретали «характер организации, занимающейся побочными заработками» и не способствовали «классовому расслоению» казачества. Значительно меньше, чем крестьяне, казаки участвовали в создании советских кооперативов. Единичными были случаи вовлечения в комсомольские ячейки молодых уссурийцев. Наибольший отклик организационная политика новой власти встретила у женской части казачьего населения. В целом же, местная администрация оценивала ка-

зачью массу в политическом плане как «консервативную и пассивную». По ее свидетельству, даже бывшие партизаны, «доброжелательно» относящиеся к советской власти, активности в укреплении ее позиций в деревне не проявляли, а идею коллективизации воспринимали прямо неприязненно. Немногочисленная же группа уссурийцев-большевиков, работавших главным образом в городских парторганизациях, к этому времени утратила связь со своими земляками¹⁹⁸.

Низкая эффективность советской политики в районах проживания уссурийских казаков в конце 1923 – начале 1924 гг. обратила на себя специальное внимание местных властей. В целях исправления положения Никольско-Уссурийский уездный исполком потребовал от нижестоящих органов усилить деятельность по вовлечению казаков, и особенно бывших партизан, молодежи и женщин, в советские, общественные и кооперативные организации, а также в партию, активизировать культурно-просветительскую работу в казачьих районах, содействовать развитию в них сельского хозяйства и расширению кооперативной сети. Уездные власти подчеркивали необходимость соблюдения в отношении казачьего населения «революционной законности» и «особой предусмотрительности» в работе комиссий по определению избирательных прав¹⁹⁹.

Отдельным направлением советской политики в приморской, и в т.ч. казачьей, деревне в 1923 – 1924 гг. становится проведение нового землеустройства. В отличие от буржуазной земельной политики Столыпина, для советского землеустройства казачье землевладение, точнее его еще не тронутая надельная часть, не являлось единственным объектом перераспределения. Тем не менее, оставшиеся у казаков земельные излишки были весьма велики и продолжали привлекать к себе интерес государства. В плотно заселенных и освоенных черноземных районах «старых» казачьих войск в 20-е гг. советские власти так и не пошли на проведение крупных земельных переделов. В казачьих районах Сибири и Дальнего Востока они действовали значительно решительнее.

В 1923 г. в ДВО была сформирована система советских земельных органов, приступивших к разработке планов землеустроительных работ в регионе.

В соответствии с этими планами в частности из 530 тыс. дес. удобной земли, находившейся в наделах уссурийских казаков, предполагалось изъять 245 тыс. дес. излишков. В этом случае земельные участки казачьих хозяйств сократились бы до 50 (в бывших южных округах) или 40 (в северных округах) дес.²⁰⁰. В дальнейшем эти нормы были уменьшены до 25 – 36 дес. на хозяйство. Но и эти цифры значительно превышали средние показатели фактического землепользования уссурийцев, в точном соответствии с которыми они должны были надеяться землей согласно положениям Земельного кодекса РСФСР. Эта уступка казачеству была сделана по настоянию Дальревкома, убедившего центральную администрацию в необходимости учета при проведении землеустройства в ДВО того обстоятельства, что освободившиеся от сословных повинностей казаки в скором времени смогут увеличить обрабатываемые площади²⁰¹.

В 1923 г. землеустроительные работы в уссурийских казачьих волостях почти не проводились. Однако уже в это время казачьи земли стали подвергаться многочисленным самовольным захватам со стороны русского и корейского крестьянского населения Приморья, по-видимому, ожидавшего от новой власти поддержки своих действий. Казачьи общины отвечали на претензии крестьян ожесточенным противодействием. Советская администрация, принципиально возражавшая против любых несанкционированных земельных переделов, как правило, выступала в защиту казаков.

По получению от правительства необходимых средств, в 1924 г. местные земельные органы приступили к широкомасштабному землеустройству казачьего населения. Стараясь не ущемить интересов основной, середняцкой, массы уссурийцев, они действовали достаточно осторожно, без спешки разбирая спорные ситуации, тщательно изучая обоснованность требований казаков и крестьян²⁰². Корректность работы земельных органов и относительно высокие нормы наделения землей позволили избежать серьезных коллективных конфликтов между казачьим населением и властями в ходе землеустройства.

Значительно менее терпимо к советской земельной политике отнеслась зажиточная верхушка уссурийцев, интересов которой власти во внимание, разумеется, не принимали. Грядущее урезание наделов, а также осознание невозможности мирного оттеснения большевиков от власти посредством выборов, толкнули часть зажиточных казаков на путь открытой вооруженной борьбы с коммунистическим режимом в Приморье. Главной формой такой борьбы для этих казаков стало участие в действиях отрядов «белобандитов». В 1923 – 1924 гг. деятельность белых банд в Приморье имела особенно широкий размах. С декабря 1922 по декабрь 1923 гг. только в Никольск-Уссурийском уезде действовало 26 контрреволюционных отрядов и групп. Отряды белобандитов формировались, как правило, в Китае или Корее, нередко под руководством белоэмигрантских организаций (например, Гензанской организации генерала Глебова) и на деньги иностранных правительств. Состав банд был очень пестрым, но их ядро обычно образовывали кадровые офицеры царской армии, и в т.ч. офицеры УКВ. На советской территории белобандиты должны были вести разведывательную, пропагандистскую и террористическую деятельность, но их главной и конечной задачей являлась организация восстаний населения против советской власти под лозунгами национального освобождения и реставрации монархии²⁰³. В этом отношении казачьи районы, особенно бывшие южные округа УКВ, а также Донской округ, рассматривались ими как наиболее перспективные.

Белобандитам действительно удалось найти здесь определенную поддержку и даже пополнить свои ряды. Так, в действовавшие в мае – июне 1923 г. на территории бывших южных округов УКВ отряды есаула Овечкина и полковника Емлина вступили соответственно 70 жителей Платоно-Александровской волости и 20 человек из пос. Софье-Алексеевский и Бараново-Оренбургский Гродековской волости. Казаки, присоединявшиеся к бандам, принадлежали обыкновенно к числу зажиточных станичников и, как правило, являлись родственниками белоэмигрантов или контрабандистами. Помощи от

остального казачьего населения банды практически не получали. Ввиду недоброжелательного отношения большинства уссурийцев, белобандиты по существу отказались от агитации, занявшись главным образом погромами и ограблением кооперативов и корейских поселков, убийствами коммунистов и комсомольцев, совработников, военных и сотрудников ГПУ, а также сочувствующих новой власти. Порою, в конечном итоге, их деятельность приобретала чисто уголовный характер²⁰⁴.

Борьба с политическим бандитизмом в Приморье стала в 1923 – 1924 гг. одним из приоритетных направлений деятельности местной советской администрации. В начале 1924 г. этот вопрос специально рассматривался Дальбюро РКП(б) и Дальревкомом. По решению Дальбюро в Приморье для координации действий по борьбе с бандитизмом был создан военный совет. Для ликвидации белых банд были привлечены регулярные части Красной Армии, а также «подвижные» отряды из местных коммунистов, комсомольцев и бывших партизан. В Гродеково, Полтавке и Имане были размещены воинские гарнизоны. Одновременно с этим советские и партийные органы усилили разъяснительную работу среди населения и объявили амнистию участникам банд, готовым явиться с повинной. К концу 1924 г. количество белых банд на территории губернии и их активность значительно снизились²⁰⁵.

В конце 1924 – начале 1925 гг. в Приморье прошла новая избирательная компания. Ее итоги свидетельствовали об укреплении влияния партии и советской власти в деревне. За счет участия в выборах части женского населения, несколько возрос общий уровень активности избирателей, достигший 36%. Доля коммунистов и комсомольцев увеличилась в сельсоветах до 13%, в волисполкомах – до 61%. В деревне был создан бедняцко-средняцкий актив, сумевший выступить на выборах в роли организованного противовеса кулачеству²⁰⁶. Кроме того, влияние последнего было ослаблено лишением наиболее заметных его представителей избирательных прав. Вытеснение зажиточных из местных советов, особенно волостного уровня, происходило и в казачьих районах. Этому

способствовало и проведенное еще в феврале 1924 г. в Приморской губернии укрупнение волостей, уменьшившее их количество с 71 до 30. Границы новых административных единиц на территории войска уже не совпадали с границами станичных округов и имели смешанное крестьянско-казачье население. Многие станицы потеряли статус волостных центров. Таким образом, прежние административно-территориальные связи, повышавшие сплоченность и эффективность политической деятельности казачьей верхушки, были нарушены.

Выборы 1925 – 1926 гг. в целом подтвердили прочность политических позиций партии в приморской деревне. При незначительном снижении в местных советах (главным образом, в волисполкомах) процента коммунистов и комсомольцев, в них удалось вовлечь больше представителей «беспартийного актива», в т.ч. женщин, бедняков и середняков²⁰⁷. Это свидетельствовало об определенном успехе политики «классового расслоения» сельского населения и изоляции его имущей прослойки.

Результаты выборов 1925 – 1926 гг. в районах проживания уссурийцев, как можно судить на примере данных по с. Сергеевскому (бывший Гродековский округ), оказались для партии менее успешными. Так, в составе новоизбранного сергеевского сельсовета не было ни одного коммуниста или комсомольца. Лишь один из его членов числился «освобожденным от налога по маломощности». Вместе с тем, до половины членов сельсовета составляли женщины и молодые казаки (до 35 лет). Председателем сергеевского сельсовета был, по-видимому, приезжий: в графе сословной принадлежности до революции он указал себя крестьянином, а также сообщил о пройденной службе в Красной Армии. Следует отметить, кроме того, относительно высокий уровень активности сергеевцев на выборах – общая явка на них избирателей составила 49%, в т.ч. женщин – 44%²⁰⁸.

Таким образом, несмотря на сохраняющуюся большую, по сравнению с крестьянством, настороженность казачьей массы в отношении коммунистической идеологии, ее доверие и интерес к советским органам власти, и как след-

ствие, ее политическая активность возросли. Зажиточные станичники и старики быстро утрачивали положение «естественной» политической элиты казачества, его «коллективного разума», опекуна и представителя. В этой роли их все более заменяло государство, советские и партийные органы. В 1925 – 1926 гг. осуществлявшееся ими формирование в казачьих районах институтов общественно-политической мобилизации населения значительно ускорилось. Увеличилось количество кресткомов, комсомольских, женских и иных организаций. В результате степень вовлечения казачьего населения, особенно молодежи, в их работу превысила соответствующие крестьянские показатели. Во многом благодаря целенаправленной политике местной администрации, казачьи районы лучше крестьянских были обеспечены культурно-просветительскими и образовательными учреждениями, прессой²⁰⁹. Расширение сети производственных и снабженческо-сбытовых кооперативов вело к росту интереса казаков к коллективному хозяйствованию, а также создало условия для сокращения масштабов казачьей контрабанды, к занятию которой в 20-е гг. многих уссурийцев побуждала катастрофическая нехватка отечественных товаров. Укреплению авторитета советской власти в глазах бедняцко-средняцкой массы казаков послужило также окончательное решение в Приморье к началу 1926 г. проблемы политического и уголовного бандитизма²¹⁰.

Успешные стихийные процессы экономической и социальной адаптации казачества (переход к трудовому хозяйству и окрестьянивание) к новым условиям своей жизни вне прежнего сословного статуса, корректное регулирование и поддержка этих процессов государством, систематически осуществляемая им политическая мобилизация и индоктринация способствовали тому, что с середины 20-х гг. большинство уссурийцев не на словах, а на деле, т.е. собственным поведением, признали партийно-советский режим и по сути добровольно уступили ему свою политическую волю, вновь приняв роль послушных и безынициативных «подданных». Результаты выборов в Приморье (точнее, Владивостокском округе) второй половины 20-х гг. демонстрировали практически не-

уклонный рост присутствия в сельских и районных советских органах коммунистов и комсомольцев, а также наиболее безоговорочно поддерживавших линию партии представителей сельской бедноты, батраков и женщин²¹¹.

Менее успешно в направляемую партией местную административную и общественно-политическую работу вовлекался середняк. Эта прослойка сельского населения, особенно весомая среди казаков, в отличие от бедноты не нуждалась в прямой материальной помощи со стороны государства и поэтому значительно более сдержанно относилась к его экспроприаторской политике в отношении кулачества, к разжигаемой им в деревне классовой борьбе. Улучшения своего благосостояния середнячество искало в развитии собственного хозяйства, в сфере производственных, экономических, а не властно-перераспределительных, политических отношений. Экономический «стиль мышления» уссурийца-середняка находил свое выражение в частности в его избирательном отношении к информации, предлагаемой советской прессой. По сообщению корреспондента «Красного знамени», посетившего в 1925 г. бывшие Полтавский и Гродековский округа УКВ, из наиболее часто выписываемых газет – среди них называются «Красное знамя», «Беднота», «Крестьянская правда» и «Приморский крестьянин», - самую высокую оценку у населения получала последняя, наименее нагруженная официозом и освещающая в основном вопросы местной жизни. При этом читатели «Приморского крестьянина» высказывали пожелание, чтобы в этой «славной газетке» «побольше...агрономы писали»²¹².

В 1926 г. Приморская губерния была ликвидирована, а ее территория разделена между тремя округами, состоявшими из районов – укрупненных низших административных единиц, сменивших волости. Эта реформа сопровождалась расширением прав сельсоветов и райисполкомов, за счет придания им дополнительных (хозяйственных) функций. Представители середняцкого казачьего актива пытались использовать предоставленные права для ориентирования работы советов на решение местных хозяйственных проблем. Так, в начале 1926 г. в

этих целях при Гродековском РИК было даже создано особое «экономическое совещание». Однако на окружном уровне данная инициатива была осуждена как «уклон», как пренебрежение в пользу хозяйственных вопросов остальными и в частности административными задачами советских органов²¹³. Расширение функций сельских и районных советов, действовавших под все более жестким надзором вышестоящих инстанций, было направлено на укрепление и тотализацию государственного регулирования жизни села, а не на развитие местного самоуправления. Партийное руководство не желало поощрять автономной политической активности сельского населения, хотя бы и в области экономической политики. Подобное отношение властей не могло не способствовать росту политической пассивности середняцкой прослойки, ее замыканию в сфере реализации частных и обыденных интересов.

Напротив, весьма высокий уровень сохраняет во второй половине 20-х гг. политическая активность зажиточного казачества, экономическая деятельность которого все теснее блокировалась государством. В 1926 – 1927 гг. в Приморье, как и по всей стране, было развернуто открытое и всестороннее наступление на кулачество, имевшее целью ликвидацию его как социальной прослойки. В эти годы на экономически наиболее деятельную часть сельского населения было возложено дополнительное налоговое бремя. Дополнительными объектами налогообложения стали неземледельческие заработки и сложные сельхозмашины. Если с начала 1923 до лета 1926 гг. все казачье население платило налог, сумма которого была в 2 раза меньше совокупного объема выплат (включая повинности и расходы на военную службу), производимых им до революции, то теперь размер обложения его зажиточной верхушки вновь приблизился к его дореволюционным показателям²¹⁴. Одновременно с этим, в свою решающую фазу вступили проводимые в казачьих районах землеустроительные работы. К их ускорению земельные органы подталкивало возобновившееся в 1926 г. переселенческое движение в область и рост поземельных претензий крестьянства. На-

конец, в сентябре 1926 г. после временной «либерализации», правительством была вновь расширена категория лиц, лишаемых избирательных прав²¹⁵.

Пытаясь отстоять свои экономические, социальные и специально-политические интересы зажиточные казаки в 1926 – 1927 гг. резко усилили давление на советы. На сельских собраниях они критиковали советскую земельную и налогово-распределительную политику, требовали прекращения землеустройства и переселения, а также восстановления сословных привилегий²¹⁶. Осознавая ограниченность собственных сил, зажиточная верхушка старалась вернуть себе былое влияние на казачью массу. Скованная в своих возможностях политической борьбы в ходе избирательных компаний и в советах, она предпочитала использовать для этой цели неформальные, традиционные социальные связи и структуры, в т.ч. общинные и родственные. Обстановка в деревне благоприятствовала мобилизационной деятельности зажиточных казаков: начавшееся переселение и крестьянские земельные захваты привели к новому всплеску сословной розни и сплочению части уссурийцев вокруг общинных институтов. В некоторых случаях межсословное противостояние выливалось в открытые столкновения казаков и крестьян²¹⁷.

Однако частичное совпадение интересов и ценностей зажиточных казаков и остального казачьего населения носило обусловленный стечением внешних обстоятельств и потому кратковременный характер. Администрацией вскоре были пресечены самовольные действия конфликтующих сторон, планомерное землеустройство было продолжено и всякая почва для возрождения групповой солидарности уссурийского казачества исчезла. Летом 1928 г., государство лишило общинные институты остатков прежних полномочий: их деятельность в сфере землепользования и землеустройства была подчинена всестороннему контролю со стороны сельсоветов. Одновременно, правительством было введено дополнительное индивидуальное налогообложение кулацких хозяйств. Еще раньше, в декабре 1928 г., по постановлению ЦИК СССР, лица, лишённые избирательных прав, стали получать землю в трудовое пользование в последнюю

очередь²¹⁸. Таким образом, советские власти, невзирая на сопротивление зажиточных слоев деревни, продолжали и усиливали политику их изоляции и дискриминации. Мощное и хорошо организованное давление государства и отсутствие социальных союзников привело значительную часть кулачества к отказу от активного сопротивления властям. Меньшая же его часть продолжала эту, по сути, безысходную борьбу, используя в основном террористические методы.

В конце 1928 – 1929 гг. обстановка в приморской деревне несколько изменилась. Форсирование местными советскими и партийными органами работы по организации коллективных хозяйств, а затем начавшаяся в европейской части страны кампания по массовой принудительной коллективизации вызвали беспокойство и раздражение средней прослойки сельского населения, особенно заметные в казачьих районах. Это в частности отразилось на ходе и результатах избирательной кампании зимы 1928 – 1929 гг. В Гродековском и Ивановском районах Владивостокского округа, в населении которых уссурийские казаки составляли значительную долю, явка на выборы существенно снизилась. В то же время, многие из принявших участие в голосовании выразили недовольство политикой властей. В итоге, по признанию бюро окружного комитета партии, на выборах в Гродековском, части Ханкайского и Ивановского районов (эти районы охватывали большую часть территории бывших южных округов УКВ) зажиточные имели «частичный успех»²¹⁹.

Однако в целом контроль над населением деревни партийными и советскими органами утрачен не был. Общие итоги выборов 1928 – 1929 гг. по Владивостокскому округу в очередной раз принесли «улучшение состава» сельсоветов. Твердой опорой государства и партии в деревне оставались беднота, батрачество, женщины и молодежь. Недовольные намечающимся поворотом в советской политике середняки были не готовы пойти на решительный разрыв с властью и тем более самостоятельно повести борьбу с ней. Зажиточное казачество было слишком малочисленно. Кроме того, его силы и ресурсы были уже во многом подорваны. Таким образом, ситуация в приморской деревне вполне

созрела для начала следующего этапа в аграрной политике государства. В январе 1930 г. в Приморье была развернута массовая коллективизация. Одними из первых «преимущества нового социалистического уклада» в сельском хозяйстве испытали на себе районы компактного проживания уссурийских казаков.

Рассматривая специфику ситуации ноября 1922 – 1930 гг. в политической истории уссурийского казачества, следует подчеркнуть, что она обуславливалась не столько собственно ситуативными факторами, сколько радикально изменившимися на этом временном отрезке структурными основаниями последних. Важнейшее содержание этих изменений состояло в резком упрощении, гомогенизации политической среды уссурийского казачества. По существу единственным контрагентом казаков в этой сфере вновь, как и до революции, становится система государственного управления, но на сей раз значительно более централизованная, разветвленная и эффективная. Государственная политика не просто приобретает значение мощнейшего фактора среды казачества, но фактически образует собой эту среду, тем самым превращаясь в исключительную внешнюю предпосылку генезиса политического поведения уссурийцев.

Главными задачами государственной политики в отношении сельского населения страны, и уссурийского казачества, как его неспецифицируемой части, в рассматриваемый период являлись стимулирование социального (классового) расслоения последнего с последующей политической мобилизацией «трудовых», бедняцко-средняцких слоев крестьянства и изоляцией, а затем и ликвидацией его «классово чуждой» зажиточной верхушки. В решении этих задач советское государство опиралось на объективные процессы структурной трансформации крестьянского общества, – дифференциации его экономических интересов, разложения патриархальной культуры, адаптивной деградации традиционных, и, прежде всего общинных, институтов, - при необходимости корректируя и интенсифицируя их в соответствии с собственными планами.

Подобная «структурная обоснованность» обусловила относительно высокую успешность советской политики в деревне 20-х гг., и пример казачества здесь особенно показателен. Самый позитивный отклик советская политика встретила у наиболее ущемленных в своих интересах в дореволюционный период, ценностно дезориентированных в ходе общественной модернизации и нуждавшихся в институциональной поддержке категорий казачьего населения – бедняков, молодежи и женщин. Их политическая активность в период ноября 1922 – 1930 гг. резко возросла, их энтузиазм, спровоцированный государством, был использован им же в своих целях и в отвечающих этим целям формах. Не столь отзывчивой на политические предложения власти оказалась середняцкое ядро уссурийского казачества. Прочность экономического положения и относительная материальная самодостаточность середняков определила их «аполитичность» и доктринальную невосприимчивость. Тем не менее, при некоторой отчужденности от текущей советской политики в 20-е гг., к советской власти как таковой казак-середняк относился благожелательно – никаких серьезных конфликтов (интересов или ценностей) между ними в этот период не возникало. Последовательным и сознательным противником советского режима в 20-е гг. являлось только зажиточное казачество, предпринимательские интересы и патриархальные ценности которого находились в глубоком противоречии, как с практикой, так и самими идейно-мировоззренческими основаниями коммунистического режима. Однако и с идеологической, и с организационной, и с ресурсной точек зрения оно было не в состоянии оказать советскому государству какого-либо действенного политического сопротивления.

¹ Коваленко А.И. Культура дальневосточного казачества: история формирования, проблемы возрождения. Дис...канд. ист. наук. Владивосток, 1995. С. 37; Приамурье (Факты. Цифры. Наблюдения). М., 1909. С. 75; Савицкий А.Ю. Краткий исторический очерк Уссурийского казачьего войска. Владивосток, 1996. С. 9.

² Алябьев А.А. Далекая Россия. Уссурийский край. СПб., 1872. С. 97; Ермак Г.Г. Семейный и хозяйственный быт казаков юга Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX вв.). Дис... канд. ист. наук. Владивосток, 2000. С. 120; Иванов Р. Краткая история АКВ. Благовещенск, 1912. С. 81 – 82.

- ³ Богданов Р.К. Воспоминания амурского казака о прошлом, с 1849 по 1880 г. Хабаровск, 1900. С. 70 – 71.
- ⁴ Иванов Р. Указ. соч. С. 138 – 139; Приамурье. С. 81; Сергеев О.И. Казачество на российском Дальнем Востоке в XVII – XIX вв. М., 1983. С. 71.
- ⁵ Алябьев А.А. Указ. соч. С. 96 – 97, 103; Максимов А. Уссурийский край // Русский вестник. 1888. т. 197. С. 261 – 262 и др.
- ⁶ Алябьев А.А. Указ. соч. С. 105 – 106; Максимов А. Указ. соч. С. 261 – 262.
- ⁷ Муров Г.Т. Люди и нравы Дальнего Востока. Томск, 1901. С. 154.
- ⁸ Богданов Р.К. Указ. соч. С. 70 – 71.
- ⁹ Иванов Р. Указ. соч. С. 145.
- ¹⁰ Материалы, относящиеся до земельного и экономического положения Амурского и Уссурийского казачьих войск. СПб., 1902. Вып. 1. С. 20 – 21.
- ¹¹ Материалы... Вып. 1. С. 23 – 24.
- ¹² Материалы... Вып. 1. С. 23.
- ¹³ Материалы... Вып. 1. С. 24 – 25, 73; УКВ: история и современность / Сост. В.Д. Иванов, О.И. Сергеев. Владивосток, 1999. С. 13.
- ¹⁴ РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 688. Л. 2об. – 4об.
- ¹⁵ Иванов Р. Указ. соч. С. 162 – 163; Материалы... Вып. 1. С. 22, 23, 73; Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. СПб., 1880. Т. 15. Ч. 2. С. 340, 342, 404; УКВ: история и современность. С. 13 – 14, 32.
- ¹⁶ Максимов А. Указ. соч. С. 263.
- ¹⁷ Крестьянство Дальнего Востока СССР. XIX – XX вв. Владивосток, 1991. С. 72 – 73.
- ¹⁸ Материалы... Вып. 2. С. 16 – 17.
- ¹⁹ Материалы... Вып. 2. С. 17 – 18.
- ²⁰ Материалы... Вып. 2. С. 13 – 15.
- ²¹ Материалы... Вып. 2. С. 19 – 21.
- ²² Иванов Р. Указ. соч. С. 177.
- ²³ Иванов Р. Указ. соч. С. 177; Сергеев О.И. Указ. соч. С. 62.
- ²⁴ Сергеев О.И. Указ. соч. С. 62 – 63.
- ²⁵ Материалы... Вып. 1. С. 81 – 82.
- ²⁶ Материалы... Вып. 1. С. 80, 88 – 93; Вып. 2. С. 21; Сергеев О.И. Указ. соч. С. 72.
- ²⁷ Материалы... Вып. 2. С. 24; Унтербергер П.Ф. Приморская область. 1858 – 1898 гг. СПб., 1900. С. 62.
- ²⁸ Сергеев О.И. Указ. соч. С. 92 – 93.
- ²⁹ Материалы... Вып. 2. С. 21.
- ³⁰ РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 5. Д. 938. Л. 46.
- ³¹ Унтербергер П.Ф. Указ. соч. С. 63.
- ³² Приамурье. С. 88.
- ³³ Материалы... Вып. 2. С. 26.
- ³⁴ Материалы... Вып. 2. С. 25 – 27.
- ³⁵ Материалы... Вып. 1. С. 213; Сергеев О.И. Указ. соч. С. 72 – 73; Унтербергер П.Ф. Указ. соч. С. 100 – 101.
- ³⁶ Материалы... Вып. 1. С. 214; РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 562; Сергеев О.И. Указ. соч. С. 116.
- ³⁷ Материалы... Вып. 1. С. 214 – 215; Сергеев О.И. Указ. соч. С. 116 – 117; Хохлов Г.Т. Путешествие уральских казаков в «Беловодское царство». СПб., 1903. С. 95 – 96.
- ³⁸ Материалы... Вып. 1. С. 36, 190; Вып. 3. С. 298.
- ³⁹ Сергеев О.И. Указ. соч. С. 115.

- ⁴⁰ Сергеев О.И. Указ. соч. С. 120.
- ⁴¹ Сергеев О.И. Указ. соч. С. 118.
- ⁴² Материалы... Вып. 2. С. 28 – 30.
- ⁴³ Материалы... Вып. 2. С. 31.
- ⁴⁴ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 607. Л. 2 об.
- ⁴⁵ Материалы... Вып. 1. С. 52 – 53, 54, 59.
- ⁴⁶ Материалы... Вып. 2. С. 31, 49.
- ⁴⁷ Журналы местного совещания по вопросу об определении территории Амурского и Уссурийского казачьих войск, вместе с особыми мнениями представителей УКВ. Хабаровск, 1901. С. 8, 10, 27, 29 – 30.
- ⁴⁸ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 607. Л. 101 об., 121об.
- ⁴⁹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 607. Л. 114 – 115, 121об., 123, 124об.
- ⁵⁰ Сергеев О.И. Указ. соч. С. 114.
- ⁵¹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 607. Л. 303.
- ⁵² Слюнин Н.В. Современное положение нашего Дальнего Востока. СПб., 1908. С. 75 – 76.
- ⁵³ Савченко С.Н. Уссурийское казачье войско в годы гражданской войны на Дальнем Востоке. 1917 – 1922 гг. Дис... канд. ист. наук. Владивосток, 1998. С. 47 – 48.
- ⁵⁴ Далекая окраина. 1917. 23 марта.
- ⁵⁵ Далекая окраина. 1917. 23 марта.
- ⁵⁶ ГАПК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 7, Л. 6 – 7, 12об.
- ⁵⁷ ГАПК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 12, Л. 43 – 43об.
- ⁵⁸ Сергеев О.И. Классовая борьба дальневосточного и забайкальского казачества во второй половине XIX – начале XX вв. // Классовая борьба и революционные выступления на Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX в. Владивосток, 1988. С. 35.
- ⁵⁹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 607. Л. 202 – 203.
- ⁶⁰ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 607. Л. 229, 232 – 233.
- ⁶¹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 526. Л. 3об.; Ф. 1. Оп. 4. Д. 2146. Л. 124 – 128, 137 – 138.
- ⁶² Годовой отчет УКВ по гражданской части за 1908 г. Владивосток, 1909. С. 5; Приамурье. С. 91.
- ⁶³ Годовой отчет УКВ за 1908 г. С. 5 – 6; РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 172. Л. 126.
- ⁶⁴ Годовой отчет УКВ за 1908 г. С. 6; Материалы по земельному вопросу в Азиатской России. Пг., 1917. Вып. 2. С. 54.
- ⁶⁵ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 172. Л. 140.
- ⁶⁶ Годовой отчет УКВ за 1908 г. С. 6.
- ⁶⁷ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 239. Л. 325 – 326, 328, 332, 443об.
- ⁶⁸ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 239. Л. 179 – 180об., 199 – 208, 250 – 257, 444.
- ⁶⁹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 241. Л. 14 – 14 об., 23.
- ⁷⁰ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 241. Л. 3 – 3об.
- ⁷¹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 241. Л. 14 – 14об.
- ⁷² РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 241. Л. 109 – 123; Труды Амурской экспедиции. СПб., 1911. Прил. к Вып. 5. С. 105.
- ⁷³ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 241. Л. 23 – 24.
- ⁷⁴ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 241. Л. 504 – 509, 613; ТАЭ. Вып. 1. С. 88; Прил. 1 к Вып. 1. С. 11.
- ⁷⁵ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 241. Л. 601 – 610об., 613об.
- ⁷⁶ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 241. Л. 358 – 374, 576об. – 577; д. 607, л. 302об.
- ⁷⁷ ГАПК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 7. Л. 88, 90.
- ⁷⁸ ГАПК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 33. Л. 104 – 105.

- ⁷⁹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 739. Л. 6 – 9, 20об. – 22.
- ⁸⁰ ТАЭ. Вып. 9. С. 242 – 244.
- ⁸¹ У Н.А. Манькова, депутата АКВ и УКВ // Сибирские вопросы. 1908. № 35 – 36. С. 58 – 61.
- ⁸² У Н.А. Манькова... С. 61.
- ⁸³ Годовой отчет УКВ по гражданской части за 1914 г. Владивосток, 1915. С. 7 – 8.
- ⁸⁴ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 739. Л. 46.
- ⁸⁵ Материалы... Вып. 2. С. 54 – 55.
- ⁸⁶ Материалы... Вып. 2. С. 55.
- ⁸⁷ Годовой отчет УКВ по гражданской части за 1911 г., Владивосток, 1912. С. 5.
- ⁸⁸ Годовой отчет УКВ за 1914 г. С. 8.
- ⁸⁹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 607. Л. 332.
- ⁹⁰ Годовой отчет УКВ за 1911 г. С. 13.
- ⁹¹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 339. Л. 26 – 27.
- ⁹² История Северо-Восточного Китая XVII – XX вв. Владивосток, 1987. Кн. 1. С. 296.
- ⁹³ Кротова М.В. Борьба с контрабандной торговлей в приграничных районах Дальнего Востока и полосе отчуждения КВЖД (1900 – 1917 гг.) // Дальний Восток в контексте мировой истории: от прошлого к будущему. Владивосток, 1997. С. 119, 121.
- ⁹⁴ Дубинина Н. Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти. Хабаровск, 1997. С. 45.
- ⁹⁵ ГАПК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 25. Л. 5, 9об., 23 – 26.
- ⁹⁶ ГАПК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 25. Л. 27 – 32об.
- ⁹⁷ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 339. Л. 1об., 8об.
- ⁹⁸ Дальний Восток. 1913. 7 февраля.
- ⁹⁹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 339. Л. 1, 5 – 5об.
- ¹⁰⁰ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 339. Л. 6об., 8.
- ¹⁰¹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 339. Л. 26 – 27, 50 – 50об.
- ¹⁰² РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 339. Л. 39об. – 49об.
- ¹⁰³ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 339. Л. 8об., 9, 18.
- ¹⁰⁴ Настольный календарь-справочник. 1919. С. 140; Годовой отчет УКВ за 1914 г. С. 14 – 15.
- ¹⁰⁵ ГАПК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 25. Л. 1об., 16.
- ¹⁰⁶ ГАПК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 25. Л. 35 – 35об., 37 – 37об., 63.
- ¹⁰⁷ ГАПК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 25. Л. 88 – 89.
- ¹⁰⁸ РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 12. Д. 772. Л. 17об. – 18.
- ¹⁰⁹ РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 12. Д. 772. Л. 17 – 17об.
- ¹¹⁰ РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 12. Д. 772. Л. 18 – 18об.
- ¹¹¹ Савченко С.Н. Указ. соч. С. 49.
- ¹¹² Далекая окраина. 1917. 23 марта; Савченко С.Н. Указ. соч. С. 50 – 51.
- ¹¹³ Савченко С.Н. Указ. соч. С. 52.
- ¹¹⁴ Кириенко Ю.К. Временное правительство и казачество // Проблемы истории казачества XVI – XX вв. Ростов н/Д, 1995. С. 99 – 100; Савченко С.Н. Указ. соч. С. 53.
- ¹¹⁵ Далекая окраина. 1917. 23 марта.
- ¹¹⁶ Савченко С.Н. Указ. соч. С. 53 – 55.
- ¹¹⁷ Щагин Э.М. Октябрьская революция в деревне восточных окраин России (1917 – лето 1918 г.). М., 1974. С. 130.
- ¹¹⁸ Савченко С.Н. Указ. соч. С. 56 – 57.
- ¹¹⁹ Савченко С.Н. Указ. соч. С. 56 – 57; Щагин Э.М. Указ. соч. С. 130 – 131.
- ¹²⁰ Щагин Э.М. Указ. соч. С. 131.
- ¹²¹ Савченко С.Н. Указ. соч. С. 58 – 59.
- ¹²² РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 12. Д. 772. Л. 15.

- ¹²³ Материалы по земельному вопросу... С. 71 – 72.
- ¹²⁴ Савченко С.Н. Указ. соч. С. 34.
- ¹²⁵ Крестьянство Дальнего Востока. С. 100; Щагин Э.М. Указ. соч. С. 129.
- ¹²⁶ Савченко С.Н. Указ. соч. С. 59 – 60.
- ¹²⁷ Савченко С.Н. Указ. соч. С. 60; Щагин Э.М. Указ. соч. С. 133.
- ¹²⁸ Савченко С.Н. Указ. соч. С. 60 – 62.
- ¹²⁹ Савченко С.Н. Указ. соч. С. 64 – 66; Щагин Э.М. Указ. соч. С. 189.
- ¹³⁰ Савченко С.Н. Указ. соч. С. 65 – 66.
- ¹³¹ Щагин Э.М. Указ. соч. С. 189.
- ¹³² Крестьянство Дальнего Востока. С. 104.
- ¹³³ Уссурийский казачий вестник. 1917. 22 декабря.
- ¹³⁴ Крестьянство Дальнего Востока. С. 115.
- ¹³⁵ Савченко С.Н. Указ. соч. С. 69 – 70; Шевченко Г. Фронтвики-уссурийцы // Вместе со всей Россией. Хабаровск, 1988. С. 169 – 170.
- ¹³⁶ Савченко С.Н. Автономия Уссурийского казачьего войска в годы гражданской войны (1918 – 1919) // Вопросы истории гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке России. Владивосток, 1994. С. 137.
- ¹³⁷ Исхакова О.Д. К вопросу о контрреволюционности уссурийского казачества // Арсеньевские чтения (VI). Уссурийск, 1992. С. 79; Савченко С.Н. Указ. соч. (1994). С. 137 – 138; Шевченко Г. Указ. соч. С. 171 – 172.
- ¹³⁸ Савченко С.Н. Указ. соч. (1998). С. 75 – 76.
- ¹³⁹ Исхакова О.Д. Указ. соч. С.79; Савченко С.Н. Указ. соч. (1994). С. 138; Указ. соч. (1998). С. 76 – 77.
- ¹⁴⁰ Щагин Э.М. Указ. соч. С. 226.
- ¹⁴¹ Крестьянство Дальнего Востока. С. 118; Савченко С.Н. Указ. соч. (1998). С. 75 – 82; Щагин, Э.М. Указ. соч. С. 228 – 229.
- ¹⁴² Вестник Маньчжурии. 1918. 16 апреля.
- ¹⁴³ Щагин Э.М. Указ. соч. С. 226.
- ¹⁴⁴ Савченко С.Н. Указ. соч. (1998). С. 81.
- ¹⁴⁵ Крестьянство Дальнего Востока. С. 126 – 127.
- ¹⁴⁶ Савченко С.Н. Указ. соч. (1998). С. 83.
- ¹⁴⁷ Савченко С.Н. Указ. соч. (1998). С. 83 – 84.
- ¹⁴⁸ Савченко С.Н. Указ. соч. (1998). С. 84.
- ¹⁴⁹ Савченко С.Н. Указ. соч. (1998). С. 87 – 90.
- ¹⁵⁰ Савченко С.Н. Указ. соч. (1998). С. 90 – 95.
- ¹⁵¹ Крестьянство Дальнего Востока. С. 118; Савченко С.Н. Указ. соч. (1998). С. 95 – 99.
- ¹⁵² Савченко С.Н. Указ. соч. (1998). С. 106; УКВ: история и современность. С. 46.
- ¹⁵³ Савченко С.Н. Указ. соч. (1998). С. 108 – 111.
- ¹⁵⁴ Настольный календарь-справочник. С. 140 – 141.
- ¹⁵⁵ Савченко С.Н. Указ. соч. (1994). С. 140; Его же. Указ. соч. (1999). С. 43 – 45.
- ¹⁵⁶ ГАПК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 28. Л. 84; Савченко С.Н. Указ. соч. (1998). С. 112 – 113.
- ¹⁵⁷ Савченко С.Н. Указ. соч. (1998). С. 117 – 119.
- ¹⁵⁸ ГАПК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 30.
- ¹⁵⁹ Савченко С.Н. Указ. соч. (1998). С. 122 – 124.
- ¹⁶⁰ ГАПК. Ф. 4. Оп. 1. Д. 28. Л. 114 – 114об.
- ¹⁶¹ Савченко С.Н. Указ. соч. (1999). С. 57 – 58.
- ¹⁶² Приамурская жизнь. 1919. 24 июня.
- ¹⁶³ Савченко С.Н. Указ. соч. (1998). С. 129 – 130.

- ¹⁶⁴ Савченко С.Н. Указ. соч. (1999). С. 62.
- ¹⁶⁵ Савченко С.Н. Указ. соч. (1998). С. 135 – 137; УКВ: история и современность. С. 48.
- ¹⁶⁶ Приамурье. 1919. 14 сентября.
- ¹⁶⁷ Савченко С.Н. Указ. соч. (1998). С. 139.
- ¹⁶⁸ Савченко С.Н. Указ. соч. (1998). С. 138 – 142.
- ¹⁶⁹ Савченко С.Н. Указ. соч. (1998). С. 143 – 144.
- ¹⁷⁰ Савченко С.Н. Указ. соч. (1998). С. 144 – 149; УКВ: история и современность. С. 49 – 50.
- ¹⁷¹ Протокол съезда делегатов УКВ, состоявшегося в ст. Гродековой с 21 по 24 февраля 1920 г. // Земская жизнь Приморья. 1920. № 5 – 6. С. 25 – 27.
- ¹⁷² Протокол... С. 27.
- ¹⁷³ УКВ: история и современность. С. 50.
- ¹⁷⁴ Савченко С.Н. Указ. соч. (1998). С. 154 – 155.
- ¹⁷⁵ Савченко С.Н. Указ. соч. (1998). С. 155.
- ¹⁷⁶ Савченко С.Н. Указ. соч. (1998). С. 155 – 159.
- ¹⁷⁷ ГАПК. Ф. 6. Оп. 1. Д. 5. Л. 5 – 6; Д. 8. Л. 1 – 2; Никифоров П.М. Записки премьера ДВР. М., 1963. С. 201 – 202.
- ¹⁷⁸ Савченко С.Н. Указ. соч. (1998). С. 161 – 163.
- ¹⁷⁹ Савченко С.Н. Указ. соч. (1998). С. 164.
- ¹⁸⁰ Савченко С.Н. Указ. соч. (1998). С. 165 – 167; УКВ: история и современность. С. 51.
- ¹⁸¹ УКВ: история и современность. С. 51 – 52; Уссурийский казачий вестник. 1921. 17 апреля
- ¹⁸² УКВ: история и современность. С. 52.
- ¹⁸³ Савченко С.Н. Указ. соч. (1998). С. 171 – 176, 178 – 180, 183 – 186.
- ¹⁸⁴ Савченко С.Н. Указ. соч. (1998). С. 180.
- ¹⁸⁵ Савченко С.Н. Указ. соч. (1998). С. 186 – 188.
- ¹⁸⁶ Савченко С.Н. Указ. соч. (1998). С. 191 – 193; Уссурийский казачий вестник. 1921. 12 ноября.
- ¹⁸⁷ Савченко С.Н. Указ. соч. (1998). С. 192; УКВ: история и современность. С. 53.
- ¹⁸⁸ УКВ: история и современность. С. 53; Ципкин Ю.Н. Белое движение на Дальнем Востоке. Хабаровск, 1996. С. 150 – 151.
- ¹⁸⁹ Борьба за власть Советов в Приморье (1917 – 1922 гг.). Сб. док. Владивосток, 1955. С. 759 – 760; Савченко С.Н. Указ. соч. (1998). С. 195.
- ¹⁹⁰ Савченко С.Н. Указ. соч. (1998). С. 196.
- ¹⁹¹ Савченко С.Н. Указ. соч. (1998). С. 198 – 199; Строительство Советов // Советское Приморье. 1925. № 11. С. 4.
- ¹⁹² Строительство Советов. С. 5.
- ¹⁹³ ГАПК. Ф. П-2921. Оп. 1. Д. 26. Л. 11 – 11об.
- ¹⁹⁴ Строительство Советов. С. 4 – 5.
- ¹⁹⁵ ГАПК. Ф. П-2921. Оп. 1. Д. 26. Л. 34.
- ¹⁹⁶ ГАПК. Ф. П-2921. Оп. 1. Д. 26. Л. 11об. – 12.
- ¹⁹⁷ ГАПК. Ф. П-2921. Оп. 1. Д. 26. Л. 34.
- ¹⁹⁸ ГАПК. Ф. П-2921. Оп. 1. Д. 26. Л. 34 – 36.
- ¹⁹⁹ ГАПК. Ф. П-2921. Оп. 1. Д. 26. Л. 45.
- ²⁰⁰ Материалы по экономическому районированию Приморья. Владивосток, 1925. С. 59, 186.
- ²⁰¹ Лыкова Е.А. Земельная политика советского государства на Дальнем Востоке (окт. 1917 – 1929 гг.). Дис... канд. ист. наук. Владивосток, 1981. С. 81 – 84.
- ²⁰² ГАПК. Ф. 998. Оп. 2. Д. 5; Лыкова Е.А. Указ. соч. С. 135.

- ²⁰³ Самойлов А.Д. На страже завоеваний Октября. М., 1986. С. 136 – 138; Флеров В.С. Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства. Томск, 1973. Т. 1. С. 352 – 353, 368 – 369.
- ²⁰⁴ Два года Советской власти в Приморье. Владивосток, 1925. С. 139 – 140; Самойлов А.Д. Указ. соч. С. 138 – 139, 150 – 151.
- ²⁰⁵ Самойлов А.Д. Указ. соч. С. 139 – 141, 150 – 151.
- ²⁰⁶ Местные советы Приморья. Страницы истории. Сб. док. Владивосток, 1990. С. 9; Строительство Советов. С. 7.
- ²⁰⁷ Материалы к отчетному докладу Владивостокского окрисполкома 3-му окружному съезду Советов. Владивосток, 1929. С. 127 – 128.
- ²⁰⁸ ГАПК. Ф. 1094. Оп. 16. Д. 3. Л. 11 – 12.
- ²⁰⁹ Красное знамя. 1925. 23 декабря; Лыкова Е.А. Казачья деревня на Дальнем Востоке в 20-е гг. // Арсеньевские чтения (VI). Уссурийск, 1992. С. 100 – 101.
- ²¹⁰ Самойлов А.Д. Указ. соч. С. 157 – 158.
- ²¹¹ Материалы к отчетному докладу... С. 127 – 128.
- ²¹² Красное знамя. 1925. 23 декабря.
- ²¹³ Местные советы Приморья. С. 77 – 78.
- ²¹⁴ ГАПК. Ф. П-2921. Оп. 1. Д. 26. Л. 35; История казачества Азиатской России. Екатеринбург, 1995. Т.2. С. 123.
- ²¹⁵ История казачества Азиатской России. Т. 3. С. 111 – 112.
- ²¹⁶ Лыкова Е.А. Указ. соч. (1992). С. 100.
- ²¹⁷ Лыкова Е.А. Указ. соч. (1981). С. 131, 147.
- ²¹⁸ История казачества Азиатской России. Т. 3. С. 123; Лыкова Е.А. Указ. соч. (1981). С. 163, 167.
- ²¹⁹ Местные советы Приморья. С. 83 – 84.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование позволяет нам сформулировать ряд обобщающих выводов. Прежде всего, рассмотрев историческую эволюцию политического функционирования уссурийской казачьей общности во второй половине XIX – первой трети XX вв., мы можем выделить в ней три основных периода, отличающихся устойчивой спецификой форм поведения казаков и их общей политической ориентации.

Рамками первого периода в истории политического поведения уссурийских казаков, по нашему мнению, следует считать 1858 и 1875 гг. Для поведения казаков в этот период были типичны иммобилизм и пассивное сопротивление деятельности администрации. Исключительным объектом политической, или скорее общественной, ориентации уссурийцев являлось государство. Данная ориентация была внутренне противоречива, и соединяла в себе как патерналистские мотивы, так и установки на отчуждение-избегание.

Примерно с 1875 г. и до окончания гражданской войны на Дальнем Востоке (1922 г.) ведущей тенденцией развития политического поведения уссурийского казачества стало медленное, но в целом неуклонное повышение его активности, массовости, организованности и автономности, увеличение его инструментального разнообразия. К этому периоду относится широкое распространение практики подачи уссурийцами индивидуальных и коллективных прошений и жалоб, начало освоения ими таких форм политического поведения как электоральная активность, участие в работе представительских институтов, лоббистская деятельность. Следует, однако, отметить, что использование новых, более развитых и эффективных форм участия в политической жизни в это время оставалось прерогативой в основном административной элиты казачества и его зажиточного слоя, мало затрагивая основную массу казаков. Заметно расширился в период 1875 – 1922 гг. круг политических ориентаций уссурийского казачества: наряду с государственной властью его контрагентами, про-

тивниками или союзниками, становятся различные негосударственные политические субъекты как косвенного (прежде всего, ЗКВ и АКВ, а также приморское крестьянство), так и прямого (партийные организации, особенно эсеровская и большевистская) типа, и даже, как это было в годы революции и гражданской войны, иностранные правительства.

С окончанием гражданской войны в развитии политического поведения уссурийцев наступил новый период, продолжавшийся до 1930 г. Для данного периода был характерен относительно высокий средний уровень политической активности казаков, рост ее массовости и регулярности, разнообразия ее институциональных форм. Вместе с тем, специфической чертой эволюции политической активности уссурийцев в 1922 – 1930 гг. стало неуклонное вытеснение ее автономных проявлений мобилизованным поведением. И позитивные, и негативные политические ориентации казачества и его деятельность в эти годы постепенно вновь фокусируются на государственных органах.

Обозначенные выше важнейшие тенденции и вехи исторической динамики политического поведения уссурийского казачества достаточно точно соответствуют хронологии изменений в содержании, соотношении и способе взаимодействия рассматривавшихся в настоящей работе поведенческих факторов и могут быть объяснены на их основе. При этом, на наш взгляд, ключевое значение для понимания эволюции политического функционирования уссурийского казачества имеет реконструкция соотношения и взаимодействия его внутренних и внешних структурных факторов. Характер их связи определяет порядок детерминации (координации) поведения социальной общности в политике, или иными словами меру ее политической субъектности. В истории уссурийского казачества можно выделить два периода, когда внешняя детерминация его политического поведения значительно и устойчиво преобладала над внутренней.

Первый из них, продолжавшийся с 1858 по 1872 гг., характеризовался высокой экономической и социальной зависимостью уссурийцев от государства (вытекавшей как из сословного статуса казаков, так и из особых естественных и

общественных условий жизни колонизируемой окраины), крайней неразвитостью их собственных первичных, а значит и политических, интересов, закрытостью и авторитарностью институтов войскового управления. Сосредоточение контроля над важнейшими предпосылками, как политической, так и неполитической жизни уссурийцев в руках государства, видевшего в них лишь средство реализации своих планов, определило общую пассивность казаков во всех сферах. Десубъективированное состояние казачества санкционировалось и усугублялось патриархальными и патерналистскими традициями его политической культуры.

Второй период политической десубъективации уссурийского казачества относится к 1922 – 1930 гг. В это время государство приступило к координации со своими задачами не только интересов и институтов, но и культурных представлений казачества. Вместе с тем, в отличие от периода 1858 – 1872 гг., в данном случае прямое вмешательство властей ограничивалось главным образом управлением политической структурой казачьего общества, а его средствами являлись в основном законодательство и пропаганда. Лишь позднее, уже в 30-е гг., опираясь на достигнутое в политической сфере, советская администрация смогла приступить к тотальному огосударствлению экономической и социальной жизни бывшего казачества, тесно связанному с широким применением методов непосредственного принуждения. Кроме того, структурные преобразования советской власти в целом были направлены не на подавление, а на целенаправленную стимуляцию политической активности казаков, и действительно сопровождались бурным развитием ее мобилизованных форм.

Различный характер внешней детерминации политического функционирования уссурийской казачьей общности в начальный и заключительный периоды ее истории был обусловлен не только глубокой трансформацией, пережитой за это время вмещающим социумом, но и изменениями в структуре самой социальной группы. Полвека, с 1872 по 1922 гг., политическая жизнь уссурийского казачества развивалась при все возрастающей роли внутренних струк-

турных факторов. Среди них же, в свою очередь, постоянно, и особенно быстро с 90-х гг. XIX в., росла значимость групповых интересов, прежде всего экономических. Сопряженная с этим активизация и рационализация политической деятельности затронула в первую очередь административную элиту и имущий слой казачества. Культурные представления для последних имели скорее «рабочее» (мировоззренческое), а также инструментальное значение, - как материал и средство для идеологических построений и манипуляций. Напротив, в формировании политического поведения большинства уссурийцев, масштабы интересов которых не позволяли использовать их для надежной ориентации в «большом мире» национальной и даже местной политики, культуре продолжала принадлежать важная, самодовлеющая роль. Противоречивое влияние на поведение казачества оказывала его институциональная организация, полнее всего контролировавшаяся государством. Официальные, формируемые «сверху» институты местного и войскового управления длительное время находились в состоянии рассогласованности с развитием политического поведения казаков, порою опережая, но чаще тормозя его. Полноценно свою вспомогательную, технологическую функцию в политической жизни уссурийцев они стали выполнять лишь в период 1917 – 1922 гг., в результате самореорганизации войска.

Политическая, и координирующие ее экономическая и социальная структуры казачьего общества, сложившиеся в процессе его относительно самостоятельного развития, безусловно, осложнили для советского государства задачу мобилизации казаков в своих целях. Однако препятствия на пути ее решения еще далеко не стали непреодолимыми. Капиталистическая модернизация затронула казачество крайне неравномерно, усвоение ее плодов казаками находилось в жесткой зависимости от особенностей их социального положения. Поэтому революционная борьба и репрессивная деятельность советской власти 20-х гг., ликвидировавшие в социальном и отчасти физическом плане наиболее политически развитые и автономные страты уссурийского казачества, – «старорежимную» и «белую» казачьи элиты, а затем и зажиточную верхушку в целом,

- во многом повлекли за собой политический регресс всей социальной группы. Большинство уссурийцев, с типичным для него «ценностнорациональным» поведением и еще не разрушенной в своих основах «подданической», этатистской культурой, не только не имело возможностей, но и не стремилось сопротивляться возвращению государством своих традиционных прав хозяина общества.

Список использованных источников и литературы

1. Неопубликованные источники

Фонды ГАПК:

- Ф. 1 – Заведующий переселенческим делом Приморского района (1888 – 1917 гг.)
- Ф. 4 – Войсковое правление УКВ (1897 – 1919 гг.)
- Ф. 6 – Полтавское станичное правление (1893 – 1905, 1920 гг.)
- Ф. 998 – Калининский районный земельный отдел исполкома Калининского райсовета (1924 – 1937 гг.)
- Ф. 1094 – Избирательные комиссии по выборам в местные советы депутатов трудящихся
- Ф. П-2921 – Никольск-Уссурийский уездный комитет РКП(б) (1921 – 1926 гг.)

Фонды РГИА ДВ:

- Ф. 1 – Приморское областное правление (1867 – 1917 гг.)
- Ф. 702 – Канцелярия приамурского генерал-губернатора (1884 – 1917 гг.)
- Ф. 704 – Канцелярия военного губернатора Амурской области (1858 – 1917 гг.)

2. Опубликованные источники

2.1 Документы и сборники документов

1. Борьба за власть Советов в Приморье (1917 – 1922 гг.). Сб. док. / Архив. отд. Управления МВД Прим края. Прим. краев. гос. архив. – Владивосток, 1955. – 831с.
2. Всеподданнейший отчет военного губернатора Приморской области генерал-лейтенанта Чичагова за 1900 год. – Владивосток, 1901.
3. Годовой отчет Уссурийского казачьего войска по гражданской части за 1908 г. – Владивосток, 1909.
4. Годовой отчет Уссурийского казачьего войска по гражданской части за 1911 г. – Владивосток, 1912.
5. Годовой отчет Уссурийского казачьего войска по гражданской части за 1914 г. – Владивосток, 1915.
6. Два года Советской власти в Приморье. – Владивосток, 1925.
7. Журналы местного совещания по вопросу об определении территории Амурского и Уссурийского казачьих войск, вместе с особыми мнениями представителей УКВ. – Хабаровск, 1901.
8. Материалы к отчетному докладу Владивостокского окрисполкома 3-му окружному съезду Советов. – Владивосток, 1929.
9. Материалы, относящиеся до земельного и экономического положения Амурского и Уссурийского казачьих войск. В 4 вып. – СПб., 1902. – Вып. 1 – 3.

10. Материалы по земельному вопросу в Азиатской России. – Пг., 1917. – Вып. 2.
11. Материалы по экономическому районированию Приморья. – Владивосток, 1925.
12. Местные советы Приморья. Страницы истории. Сб. док. / Сост.: С.И. Лазарева и др. – Владивосток, 1990. – 327 с.
13. Наставление станичным и поселковым обществам и должностным в сих обществах лицам УКВ при исполнении ими служебных обязанностей. – Владивосток, 1914.
14. Отчет высочайше командированного на Дальний Восток по переселенческому делу товарища главноуправляющего землеустройством и земледелием сенатора Иваницкого. – СПб., 1909.
15. Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. – СПб., 1880. – Т. 15. Ч. 2.
16. Свод законов Российской империи. Учреждение гражданского управления казаков. – СПб., 1903. – Т. 2.
17. Труды Амурской экспедиции. В 16 вып. – СПб., 1911 – 1913. – Вып. 1, 5, 9.

2.2 Исторические, экономические, географические и иные описания

1. Азиатская Россия. В 3 т. – СПб., 1914. – Т. 1.
2. Алябьев А.А. Далекая Россия: Уссурийский край / А.А. Алябьев. – СПб., 1872.
3. Жернаков А. О казаках уссурийских в связи с краткой историей Уссурийского казачьего войска / А. Жернаков. – Владивосток, 1915.
4. Иванов Р. Краткая история Амурского казачьего войска / Р. Иванов. – Благовещенск, 1912.
5. Краткое описание Дальнего Востока и прилегающих к нему областей Северной Маньчжурии и Северной Кореи. – Хабаровск, 1912.
6. Надаров И.Г. Очерк современного состояния Северо-Уссурийского края / И.Г. Надаров. – Владивосток, 1884.
7. Приамурье (Цифры. Факты. Наблюдения). – М., 1909.
8. Савицкий А.Ю. Краткий исторический очерк Уссурийского казачьего войска / А.Ю. Савицкий. – Хабаровск, 1908.
9. Слюнин Н.В. Современное положение нашего Дальнего Востока / Н.В. Слюнин. – СПб., 1908.
10. Унтербергер П.Ф. Приморская область. 1858 – 1898 гг. / П.Ф. Унтербергер. – СПб., 1900.
11. Холодов Н. Уссурийский край / Н. Холодов. – СПб., 1908.

2.3 Мемуары и записки

1. Богданов Р.К. Воспоминания амурского казака о прошлом, с 1849 по 1880 г. / Р.К. Богданов. – Хабаровск, 1900.

2. Венюков М.И. Путешествия по Приамурью, Китаю и Японии / М.И. Венюков. – Хабаровск, 1970. – 240 с.
3. Краснов П. По Азии. Путевые очерки Маньчжурии, Дальнего Востока, Китая, Японии и Индии / П. Краснов. – СПб., 1903.
4. Лигин Ю. На Дальнем Востоке / Ю. Лигин. – М., 1913.
5. Максимов А. Уссурийский край / А. Максимов. // Русский вестник. 1888. Т. 197. – С. 244 – 275.
6. Муров Г.Т. Люди и нравы Дальнего Востока / Г.Т. Муров. – Томск, 1901.
7. Никифоров П.М. Записки премьера ДВР / П.М. Никифоров. – М., 1963. – 287 с.
8. Пржевальский Н.М. Путешествие в Уссурийском крае / Н.М. Пржевальский. – Владивосток, 1990.
9. Хохлов Г.Т. Путешествие уральских казаков в «Беловодское царство» / Г.Т. Хохлов. – СПб., 1903.
10. Шевченко Г. Фронтвики-уссурийцы / Г. Шевченко // Вместе со всей Россией. Хабаровск, 1988. – С. 169 – 172.

2.4 Периодика

А) Газеты

1. Былков П. Выборы в Учредительное собрание в Приамурье // Уссурийский казачий вестник. 1917. 22 декабря.
2. Желтый вопрос в крае // Дальний Восток. 1913. 7 февраля.
3. Мобилизация в северных округах войска // Уссурийский казачий вестник. 1921. 12 ноября.
4. Никель Ан. Карандашом о деревне // Красное знамя. 1925. 23 сентября.
5. Общественный приговор станицы 15 января 1906 г. // Далекая окраина. 1917. 23 марта.
6. Приказ по УКВ 20 марта 1917 г., № 23 // Далекая окраина. 1917. 23 марта.
7. Протест Атамана Калмыкова // Приамурье. 1919. 14 сентября.

Б) Журналы

1. Елисеев А.В. Южно-Уссурийский край и его русская колонизация / А.В. Елисеев // Русский вестник. – 1891. Т. 216. № 10.
2. Отвод ген. Духовского и УКВ // Настольный календарь-справочник по Дальнему Востоку. – 1919. – С. 140 – 141.
3. Протокол Съезда делегатов УКВ, состоявшегося в станице Гродековой с 21 по 24 февраля 1920 г. // Земская жизнь Приморья. – 1920. – № 5 – 6. – С. 25 – 27.
4. Строительство Советов // Советское Приморье. – 1925. – № 11. – С. 3 – 15.
5. У Н.А. Манькова, депутата амурского и уссурийского казачьих войск // Сибирские вопросы. – 1908. – № 35 – 36. – С. 58 – 62.

6. Чарнецкий Л. Ближайшие колонизационные мероприятия в Приморье // Советское Приморье. – 1925. – № 4. – С. 83 – 111.

3. Научно-исследовательская литература

3.1 Монографии

1. Алексеев А.И. Освоение русского Дальнего Востока (конец XIX – 1917 г.) / А.И. Алексеев, Б.Н. Морозов. – М., 1989. – 224 с.
2. Аргудяева Ю.В. Крестьянская семья у восточных славян на юге Дальнего Востока России (50-е гг. XIX в. – начало XX в.) / Ю.В. Аргудяева. – М., 1997. – 314 с.
3. Баталов Э.Я. Политическая культура современного американского общества / Э.Я. Баталов. – М., 1990. – 256 с.
4. Блауберг И.В. Становление и сущность системного подхода / И.В. Блауберг, Э.Т. Юдин. – М., 1973. – 270 с.
5. Бурлацкий Ф.М. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма / Ф.М. Бурлацкий, А.А. Галкин. – М., 1985. – 384 с.
6. Вебер М. Избранные произведения / М. Вебер. Сост. Ю.Н. Давыдов. – М., 1990. – 805 с.
7. Вятр Е. Социология политических отношений / Е. Вятр. Под ред. Ф.М. Бурлацкого. – М., 1979. – 463 с.
8. Георгиевский А.П. Русские на Дальнем Востоке / А.П. Георгиевский // Тр. ДВГУ. Сер. 3. – Владивосток, 1929. - №9, Вып. 4. – 115 с.
9. Дальний Восток России: из истории системы управления / Сост.: Н.А. Троицкая. – Владивосток, 1999. – 233 с.
10. Дегтярев А.А. Основы политической теории / А.А. Дегтярев. – М., 1998. – 236 с.
11. Дубинина Н. Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти / Н.Дубинина. – Хабаровск, 1997. – 204 с.
12. Ивашинников Ю.К. Физическая география Дальнего Востока России / Ю.К. Ивашинников. – Владивосток, 1998. – 323 с.
13. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII – февр. 1917 г.) / Редкол.: А.И. Крушанов и др. – М., 1991. – 471 с.
14. История Европы. В 8 т. / Редкол.: М.А. Барг и др. – М., 1994. – Т. 4. – 509 с.
15. История казачества Азиатской России. В 3 т. – Екатеринбург, 1995. – Т. 2,3.
16. История культуры Дальнего Востока России XVII – XX веков / И.Г. Стрюченко и др. – Владивосток, 1998. – 299 с.
17. История Северо-Восточного Китая XVII – XX вв. В 2 кн. / Редкол.: А.И. Крушанов и др. – Владивосток. 1987, 1989. – Кн. 1,2.
18. Картины былого Тихого Дона. В 2 т. – М., 1992. – Т. 1. – 256 с.
19. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования / И.Д. Ковальченко. – М., 1987. – 440 с.

20. Крестьянство Дальнего Востока СССР. XIX – XX вв. / Под общ. ред. акад. А.И. Крушанова. – Владивосток, 1991. – 416 с.
21. Парсонс Т. Система современных обществ / Т. Парсонс. Под ред. М.С. Ковалевой. – М., 1998. – 270 с.
22. Ракитов А.И. Историческое познание / А.И. Ракитов. – М., 1982. – 303 с.
23. Самойлов А.Д. На страже завоеваний Октября / А.Д. Самойлов. – М., 1986. – 302 с.
24. Саначев И.Д. История Дальнего Востока / И.Д. Саначев. – Владивосток, 1997. – Ч. 1. – 132 с.
25. Сергеев О.И. Казачество на российском Дальнем Востоке / О.И. Сергеев. – М., 1983. – 127 с.
26. Сидоркина З.И. Демографические процессы и демографическая политика на российском Дальнем Востоке / З.И. Сидоркина. – Владивосток, 1997. – 128 с.
27. Уссурийское казачье войско: история и современность. / Сост.: В.Д. Иванов, О.И. Сергеев. – Владивосток, 1999. – 120 с.
28. Унпелев Г.А. Социалистическая индустриализация Дальнего Востока / Г.А. Унпелев. – Владивосток, 1972. – 296 с.
29. Флеров В.С. Дальний Восток в период восстановления народного хозяйства / В.С. Флеров. – Томск, 1973. – Т. 1. – 493 с.
30. Ципкин Ю.Н. Белое движение на Дальнем Востоке / Ю.Н. Ципкин. – Хабаровск, 1996. – 182 с.
31. Чилкот Р.Х. Теории сравнительной политологии / Р.Х. Чилкот. – М., 2001. – 560 с.
32. Щагин Э.М. Октябрьская революция в деревне восточных окраин России (1917 – лето 1918 г.) / Э.М. Щагин. – М., 1974. – 369 с.

3.2 Статьи

1. Абеленцев В.Н. Вехи истории амурского казачества в первой половине XX в. / В.Н. Абеленцев // Первая общероссийская научно-практическая конференция «Казачество как фактор исторического развития России». – СПб., 1999. – С. 35 – 37.
2. Агафонов А.И. Казачество Российской империи: некоторые теоретические и методологические проблемы изучения / А.И. Агафонов // Проблемы истории казачества XVI – XX вв. – Ростов н/Д, 1995. – С. 19 – 29.
3. Гаджиев К.С. Политическая культура: концептуальный аспект / К.С. Гаджиев // Полис. – 1991. – №6. – С. 69 – 83.
4. Галлямова Л.И. Промышленное освоение юга Дальнего Востока во второй половине XIX в. / Л.И. Галлямова // Хозяйственное освоение Дальнего Востока в эпоху капитализма. – Владивосток, 1989. – С. 23 – 36.
5. Галлямова Л.И. Транспортное освоение Дальнего Востока во второй половине XIX – начале XX вв. / Л.И. Галлямова, М.А. Ковальчук // Хозяйственное освоение Дальнего Востока в эпоху капитализма. – Владивосток, 1989. – С. 110 – 122.

6. Егоров Н.Г. Рыбные промыслы дальневосточного крестьянства во второй половине XIX – начале XX вв. / Н.Г. Егоров // Хозяйственное освоение Дальнего Востока в эпоху капитализма. – Владивосток, 1989. – С. 99 – 109.
7. Ермак Г.Г. Бытовые условия жизни семьи дальневосточного казачества / Г.Г. Ермак // Семья и семейный быт в восточных регионах России. – Владивосток, 1997. – С. 28 – 33.
8. Ермак Г.Г. Культура уссурийского казачества: традиции и современность / Г.Г. Ермак // Первая общероссийская научно-практическая конференция «Казачество как фактор исторического развития России». – СПб., 1999. – С. 86 – 88.
9. Иванов В.Д. Взаимоотношения уссурийских казаков с приграничным населением сопредельных территорий (вторая половина XIX – начало XX вв.) / В.Д. Иванов // Многонациональное Приморье: история и современность. – Владивосток, 1999. – С. 75 – 83.
10. Исаева Т.С. Особенности становления и развития органов Советской власти на Дальнем Востоке в восстановительный период / Т.С. Исаева // Организационно-политическое укрепление советов на Дальнем Востоке СССР (окт. 1922 – 1983 г.). – Владивосток, 1985. – С. 3 – 15.
11. Исхакова О.Д. К вопросу о контрреволюционности уссурийского казачества / О.Д. Исхакова // Арсеньевские чтения (VI). – Уссурийск, 1992. – С. 77 – 79.
12. Кириенко Ю.К. Временное правительство и казачество / Ю.К. Кириенко // Проблемы истории казачества XVI – XX вв. – Ростов н/Д, 1995. – С. 98 – 101.
13. Коваленко А.И. Казачье самоуправление под влиянием реформ 60 – 70-х гг. XIX в. / А.И. Коваленко // Государственная служба российского казачества. – Владивосток, 1998. – С. 35 – 38.
14. Кротова М.В. Борьба с контрабандной торговлей в приграничных районах Дальнего Востока и полосе отчуждения КВЖД (1900 – 1917 гг.) / М.В. Кротова // Дальний Восток в контексте мировой истории: от прошлого к будущему. – Владивосток, 1997. – С. 118 – 123.
15. Кутузов М.А. Уссурийские казаки: национальный состав социальной группы / Кутузов М.А. // Многонациональное Приморье: история и современность. – Владивосток, 1999. – С. 73 – 75.
16. Лыкова Е.А. Казачья деревня на Дальнем Востоке в 20-е гг. / Е.А. Лыкова // Арсеньевские чтения (VI). – Уссурийск, 1992. – С. 98 – 101.
17. Маркедонов С.М. Донское казачество и Российская империя (история политических отношений) / С.М. Маркедонов // Общественные науки и современность. – 1998. – № 1. – С. 103 – 111.
18. Мандрик А.Т. Формирование и развитие рыбной промышленности на Дальнем Востоке России (XVII – XIX вв.) / А.Т. Мандрик // Хозяйственное освоение русского Дальнего Востока в эпоху капитализма. – Владивосток, 1989. – С. 49 – 62.
19. Некрасов Е.Е. Правовые вопросы эволюции казачьего самоуправления / Е.Е. Некрасов // Первая общероссийская научно-практическая конференция «Ка-

- зачество как фактор исторического развития России». СПб., 1999. – С. 172 – 175.
20. Писаренко В.В. Губернаторское управление казачьими войсками и охраной границы на российском Дальнем Востоке / В.В. Писаренко // Государственная служба российского казачества. – Владивосток, 1998. – С. 67 – 70.
21. Побережников И.В. Освоение восточных районов России в казачьем фольклоре / И.В. Побережников // Исторический опыт освоения восточных районов России. Вып. 1. – Владивосток, 1993. – С. 106 – 109.
22. Позняк Т.З. Динамика численности городского населения Приморской области и изменение основных источников его пополнения во второй половине XIX в. / Т.З. Позняк // Четвертая дальневосточная конференция молодых историков. Доклады и тезисы. – Владивосток, 1996. – С. 52 – 67.
23. Романова Г.Н. Значение русско-китайских торговых связей в хозяйственном освоении Дальнего Востока / Г.Н. Романова // Хозяйственное освоение Дальнего Востока в эпоху капитализма. – Владивосток, 1989. – С. 135 – 144.
24. Савченко С.Н. Автономия Уссурийского казачьего войска в годы гражданской войны (1918 – 1919) / С.Н. Савченко // Вопросы истории гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке России. – Владивосток, 1994. – С. 137 – 141.
25. Савченко С.Н. Дальневосточный казачий сепаратизм в годы гражданской войны (1918 – 1919 гг.) и поездка атамана Дутова на Дальний Восток / С.Н. Савченко // Из истории гражданской войны на Дальнем Востоке (1918 – 1922 гг.). – Хабаровск, 1999. – С. 40 – 74.
26. Сергеев О.И. Дореволюционная историография забайкальского и дальневосточного казачества / О.И. Сергеев // Социально-экономическое развитие дальневосточной деревни (дореволюционный период). – Владивосток, 1982. – С. 22 – 31.
27. Сергеев О.И. Классовая борьба дальневосточного и забайкальского казачества во второй половине XIX – начале XX вв. / О.И. Сергеев // Классовая борьба и революционные выступления на Дальнем Востоке во второй половине XIX – начале XX в. – Владивосток, 1988. – С. 24 – 36.
28. Тикиджьян Р.Г. Казачество России: история и современность / Р.Г. Тикиджьян // Социально-политический журнал. – 1994. – № 3 – 6. – С. 214 – 217.
29. Торопов А.А. К вопросу о депортации корейского населения / А.А. Торопов // Политические репрессии на Дальнем Востоке СССР в 1920 – 1950 – х гг. – Владивосток, 1997. – С. 245 – 256.
30. Троицкая Н.А. Участие буржуазии Европейской России в освоении Дальнего Востока в период домонополистического капитализма / Н.А. Троицкая // Хозяйственное освоение Дальнего Востока в эпоху капитализма. – Владивосток, 1989. – С. 129 – 134.
31. Цымбурский В.Л. Человек политический между ratio и ответами на стимулы / В.Л. Цымбурский // Полис. – 1995. – №5. – С. 15 – 33.

32. Чернопицкий П.Г. О судьбах казачества в советский период / П.Г. Чернопицкий // Проблемы истории казачества XVI – XX вв. – Ростов н/Д, 1995. – С. 164 – 167.
33. Шишкин И.К. Типы лугов Приханкайского района и их хозяйственная ценность / И.К. Шишкин // Производительные силы Дальнего Востока. Вып. 3. – Хабаровск – Владивосток, 1927. – С. 121 – 145.

3.3 Диссертации

1. Ермак Г.Г. Семейный и хозяйственный быт казаков юга Дальнего Востока России (вторая половина XIX – начало XX вв.): Дис.... канд. ист. наук / Г.Г. Ермак. – Владивосток, 2000. – 208 с.
2. Коваленко А.И. Культура дальневосточного казачества: история формирования, проблемы возрождения: Дис...канд. ист. наук / А.И. Коваленко. – Владивосток, 1995. – 295 с.
3. Лыкова Е.А. Земельная политика советского государства на Дальнем Востоке (окт. 1917 – 1929 гг.): Дис... канд. ист. наук / Е.А. Лыкова. – Владивосток, 1981. – 219 с.
4. Савченко С.Н. Уссурийское казачье войско в годы гражданской войны на Дальнем Востоке. 1917 – 1922 гг.: Дис... канд. ист. наук / С.Н. Савченко. – Владивосток, 1998. – 298 с.
5. Умрихин А.В. Политико-административное устройство Дальнего Востока России во второй половине XIX – начале XX вв.: Дис... канд. ист. наук / А.В. Умрихин. – Благовещенск, 1998. – 170 с.

3.4 Справочная и энциклопедическая литература

1. Время. События. Люди. Приморье. 1917 – 1980 / Редкол.: В.Д. Сафронов и др. – Владивосток, 1982. – 398 с.
2. Казачьи войска / Под ред. В.К. Шенк. – М., 1992. – 462 с.
3. Казачий словарь-справочник. В 3 т. – М., 1992. – Т. 1. – 286 с.
4. Отечественная история: энциклопедия: В 5 т. / Редкол.: В.Л. Янин и др. – М., 1996. – Т. 2. – 656 с.
5. Приморский край: Краткий энциклопедический справочник. – Владивосток, 1997. – 596 с.

3.5 Электронные материалы

1. Сухачева Г.А. Азиатские этнические меньшинства // Доступно из URL: <http://www.fegi.ru/PRIMORYE/HISTORY> [Дата обращения: 10 января]
2. Чернолуцкая Е.Н. Приморский край в советский период // Доступно из URL: <http://www.fegi.ru/PRIMORYE/HISTORY> [Дата обращения: 12 февраля]

Приложение

Теоретико-концептуальный аппарат диссертационного исследования

1. Среда как фактор генезиса, развития и политического функционирования социальной системы (к §1 I главы)

Непосредственному изучению всякого системного объекта, и в том числе объекта социального, его состава, структуры и функций, должно предшествовать возможно более тщательное рассмотрение его внешней среды, макрокосма. Вместе с тем, методологическая дисциплина системного исследования требует избирательного порядка описания интересующей нас среды. Такое описание не может быть «всеядным» и «одномерным». Сама предполагаемая структура основного объекта исследования, тесно связанная с поставленными исследователем целями и задачами, задает перечень тех аспектов среды, которые нуждаются в приоритетном выделении и изучении, и тех, от которых мы вправе в той или иной степени абстрагироваться. В нашем случае, общую среду уссурийского казачества мы, прежде всего, подразделяем на природный и социальный компоненты, различающиеся спецификой составляющих их элементов и в еще большей мере характером связующих эти элементы отношений. Исходя из цели нашей работы, в природной среде казачества нас будут интересовать те ее элементы, которые более всего воздействовали на формы хозяйствования казаков, а значит, в конечном счете, влияли на их социальную и политическую жизнь. Речь идет о таких экологических факторах экономики как ландшафтно-климатические особенности территории и ее обеспеченность ресурсами. Что касается социальной среды, то здесь рассмотрению должен быть подвергнут значительно более широкий круг явлений, относящихся к экономической, социальной и политической структурам общества. Учитывая особое, периферийное, пограничное положение казачества в физическом и социальном простран-

стве России, имеет смысл разделять его социальную среду на две части – собственно вмещающую социетальную систему (российское общество) и внешние, иноэтнические и инополитические социетальные системы, зачастую связанные с казачеством очень интенсивными и устойчивыми отношениями.

Помимо «горизонтальной» полисистемности среды уссурийского казачества необходимо принимать во внимание ее «вертикальную» сложность, ее иерархичность. Понятие иерархической соподчиненности позволяет избежать упрощений в описании взаимодействия систем различных уровней, в особенности толкования их в действительности опосредованных, порой многократно, отношений как непосредственных и прямых. Применительно к нашему исследованию данное понятие значимо постольку, поскольку дает возможность зафиксировать опосредованную форму включения уссурийского казачества в природное и социальное пространство России. Экологические и общественные условия всероссийского значения являлись лишь наиболее общими, базовыми факторами формирования и функционирования уссурийской казачьей общности. Кроме того, в диахронном аспекте они сыграли роль отдаленных исторических предпосылок ее генезиса. Непосредственными же детерминантами развития уссурийского казачества, своеобразно преломлявшими действие общих макрофакторов, были специфические параметры природной и общественной среды дальневосточного региона страны.

2. Общество и регион с точки зрения системного подхода (к §2 I главы)

Вопрос об отношениях и сравнительной значимости факторов социетального (системного) и регионального (субсистемного) уровней есть, по сути, вопрос о структуре, или, точнее, структурах – природной, внешесоциетальной и внутрисоциетальной (экономической, социальной и политической) – пространства, заключенного в границах России изучаемого нами периода, о степени их однородности и централизованности. Очевидно, что наименее однородной и централизованной является природная, ландшафтно-климатическая и ресурс-

ная, структура описываемого пространства. С одной стороны, природная среда России крайне многообразна и состоит из большого числа достаточно автономно функционирующих экосистем. С другой, - ареалы даже крупных природных комплексов часто не совпадают с политическими границами России, что делает довольно проблематичным рассмотрение природы нашей страны в качестве целостной и самостоятельной системы. Почти столь же гетерогенной и децентрализованной выглядит организация его внешнесоциетального окружения. Соседями России во второй половине XIX – первой трети XX вв. являлись около двух десятков европейских, азиатских и американских социумов с самым различным уровнем социально-экономического развития, культурными традициями и политическими режимами. Эти структурные особенности природной и внешнесоциетальной сред России предопределили тот факт, что их влияние имело свою собственную направленность в каждом конкретном регионе страны. Можно сказать, что природные и внешнесоциетальные факторы, действовавшие на региональном уровне, относились к тем же факторам общероссийского значения как первичные, доминантные и непосредственные к вторичным, второстепенным и опосредованным. Объективно, они оказывали на российскую социетальную систему скорее дифференцирующее, внутренне усложняющее ее воздействие.

Различной степенью гомогенности и централизации обладали разные типы инфраструктурной организации российского социума. Для его экономической структуры, в наибольшей мере связанной с естественными предпосылками жизни общества, была характерна самая высокая степень дезинтеграции, закреплению которой во второй половине XIX – первой трети XX вв. способствовали неизжитые еще вполне архаичные черты национального хозяйства – широкое распространение натуральных и экстенсивных форм производства и присваивающих потребительских промыслов. На более высоком уровне интеграции стояла социальная организация российского общества, формирование которой происходило в условиях столкновения дифференцирующего влияния

природной среды (опосредованной экономикой) и инокультурного окружения, с одной стороны, и унифицирующего, координирующего воздействия общегосударственного законодательства и внутрисоциетальной коммуникации, с другой. Что же касается политической (политико-правовой) структуры российского общества, то она была главным и самым непосредственным механизмом обеспечения единства и целостности всей социетальной системы. Уже в силу этого ей не могли не быть присущи самая высокая степень однородности и централизованности. Более того, в России второй половины XIX – первой трети XX вв., существовавшей, с незначительным перерывом в условиях жесткого авторитарного режима, эти онтологические свойства политико-правовой структуры общества получили особое и даже гипертрофированное развитие. Этому способствовали относительно малая плотность и нерегулярность социальных и экономических связей населения страны, ее чрезвычайно разнородная природная среда и сложнейшее внешнесоциетальное, геополитическое окружение.

Тенденции капиталистического развития России внесли в эту иерархию свои коррективы. Расширение и уплотнение сети рыночных связей постепенно повышало единство и взаимосвязанность экономической жизни страны, все более подчинявшейся общим функциональным закономерностям не только долгосрочного, но и конъюнктурного порядка. При этом интеграция на экономическом уровне опережала аналогичный процесс в более консервативной сфере социальных структур, и особенно неформализованных, бытовых микросоциальных отношений, регулируемых преимущественно культурными традициями.

Выделив важнейшие черты структурной организации природного и общественного пространства России, мы можем перейти к рассмотрению двух взаимосвязанных вопросов – о значении понятия «регион» с точки зрения избранного нами научного подхода и о пространственных границах региональной среды изучаемого объекта.

Исходя из принципов системного подхода, выделение региона в стране, как подсистемы в социетальной системе, должно опираться на выявление его

структурных особенностей, внутренней целостности и специфических функций. Ввиду полиструктурности вмещающей системы ее региональное деление может быть проведено по разным критериям – экономическим, социальным, политическим. Региональная организация внутрисоциетального пространства может быть выявлена и на основе структурной дифференциации смежных ему внешних систем – природных и внешнесоциетальных. Границы регионов, выделенных на разных структурных уровнях, могут, как совпадать, так и существенно расходиться. Комплексное изучение среды всякого социального объекта требует корреляции территориальных границ включающих его месторазвитие региональных систем всех уровней (типов).

Географически месторазвитием уссурийского казачества служила южная часть восточной окраины России, за которой исторически закрепилось общее наименование «Дальний Восток». На сегодня в это понятие включают территории Приморского и Хабаровского краев, Амурской, Магаданской, Камчатской и Сахалинской областей (иногда также Забайкальской области и республики Якутии). Рассмотрим, допустимо ли применительно к интересующему нас периоду (конец 50-х гг. XIX в. – начало 30-х гг. XX в.) придавать пространственным границам Дальнего Востока значение региональных, правомерно ли выделять Дальний Восток в качестве особой подсистемы российского общества.

С точки зрения природных условий Дальний Восток, расположенный на стыке крупнейшего материка и крупнейшего океана планеты, обладает определенной климатической и ландшафтной целостностью и спецификой, которые достаточно четко отделяют его от остальной части страны. Вместе с тем, его внутренняя ландшафтная и ресурсная структура отличается крайней мозаичностью¹. В аспекте внешнесоциетального окружения особенность Дальнего Востока представляется еще более очевидной. Дальний Восток являлся практически единственным местом контактов российского социума с восточно-азиатскими обществами (Японией, Кореей и особенно Китаем) и территорией наиболее непосредственного взаимодействия с североамериканскими странами

(США). Кроме того, благодаря своему побережному положению, уже в рассматриваемый период он приобрел роль второй по значимости, после западной границы, зоны интеграции России в систему общемировых, прежде всего экономических, связей. Особенности природной и внешнесоциетальной среды Дальнего Востока являлись объективными предпосылками для достижения им регионального, субсистемного статуса в составе российской социетальной системы.

Тем не менее, характер экономических и социальных структуры и функций Дальнего Востока в конце 50-х гг. XIX в. – начале 30-х гг. XX в. не дает оснований определять его в качестве самостоятельного региона. Дальний Восток не имел собственной отраслевой производственной специализации в национальном хозяйстве (ее формирование началось не ранее 10-х – 20-х гг. XX в.), плотность его внутренних экономических связей уступала плотности связей внешних. Низкий уровень развития производительных сил, товарная зависимость и аграрно-сырьевая ориентация делали край типичной, слабо обособленной частью огромной азиатской окраины страны. В социальном аспекте Дальний Восток также не может быть отделен от зауральского региона: общие колонизационные задачи и тип экономики обуславливали сходную структуру социальных отношений, основой специфики которой были большая доля механического прироста населения, диспропорция его полового состава, отсутствие помещичьего класса и высокий удельный вес социальных категорий военнослужащих и казаков.

Напротив, на уровне политических структур региональный потенциал Дальнего Востока проявил себя значительно раньше. С 1884 г. и практически без перерыва вплоть до конца интересующего нас периода географические пределы края в довольно близком соответствии воспроизводились в границах ряда административных образований – Приамурского края (1884 – 1917 гг.), Дальневосточной области (1922 – 1926 гг.), Дальневосточного края (1926 – 1938 гг.).

Исходя из поставленных в нашей работе задач, уровень политических отношений является для нас приоритетным. Поэтому в ситуации несовпадения пространственных границ экономической, социальной (зауральская часть России) и политической (Дальний Восток) региональных сред уссурийского казачества именно последняя будет избрана нами в качестве коррелята, основного поля исследования. При отсутствии специальных оговорок, термин «регион» в настоящей работе будет употребляться в значении пространства ближайшей политической среды уссурийской казачьей общности или, иными словами, в значении территории Дальнего Востока в ее административных границах.

3. Внутренняя организация социальной системы (ко II главе)

Среда и ее активность являются не единственной, но одной из двух основных детерминант всякой системной функции. Другой ее детерминантой, генетически вторичной, но по непосредственности своего действия более значимой, служит сама система, а точнее все ее остальные функции и обеспечивающая их инфраструктура. Внутренняя самодетерминация системы или иными словами взаимодетерминация всех ее функций и структурных компонентов представляет собой одно из необходимых проявлений качества «системности». Она позволяет системе существовать как сложному целому, отличному от своей среды и составляющих его частей.

С точки зрения своей внешней, средовой детерминации, всякая функция системы, функция каждого ее компонента, есть процесс и результат адаптации-адаптирования, непосредственного приспособливания к объективно заданным условиям или их преобразования. Одновременно с этим, с точки зрения своей внутренней, системной детерминированности, она выступает как процесс и продукт координации, отношений взаимоприспособливания и взаимопреобразования, связывающих ее с другими функциями и компонентами данной системы.

В социальных системах координация функций (системы в целом и ее отдельных компонентов) предстает в форме междусферного, межгруппового и межличностного согласования структуры общественно-значимой деятельности, т.е. прежде всего таких ее составляющих как интересы, культурные нормы и институциональные технологии. На наш взгляд, можно выделить два основных вида координации деятельности в обществе. Исторически более ранним и чаще практикуемым видом координации является координация стихийная. Для стихийной координации функциональной деятельности в обществе характерны децентрализованность и локальность (микросоциальность), добровольность, а порою и бессознательность, спонтанность (подражание). Данный вид координации в особенности присущ экономическим и социальным отношениям, а также связям между этими двумя сферами общественной жизни.

Демографический рост человеческих обществ, расширение и дифференциация направлений их деятельности еще задолго до появления государства обнаружили ограниченность возможностей, недостаточность стихийной координации. Это повлекло за собой формирование на ее основе и постепенное обособление нового механизма согласования функций общественного целого – механизма организованной координации. В отличие от координации первого вида, тесно слитой с адаптивной практикой, данный механизм, в конечном счете, развился в самостоятельную, специализированную сферу политико-управленческой деятельности. К особенностям этого второго вида координации можно отнести ее централизованный, макросоциальный и властно-принудительный характер, ее высокую осознанность и целенаправленность.

Сущностно, организованная координация (политическая деятельность) нацелена на выявление структур деятельности различных общественных сфер и групп, их согласование с системоцентрической точки зрения и властное внедрение согласованных структурных моделей в процесс функционирования социальной системы. Таким образом, структурные основания других функций общества выступают для его политической функции в качестве объекта. По-

средством их согласования вырабатываются направляющие политическую (в особенности, государственно-управленческую) деятельность интересы (цели), которые в свою очередь служат основой для формирования остальных компонентов ее собственной структуры – культурного и институционального.

Помимо организованной, целевой координации, специфической для политики в ее отношениях с другими сферами общественной жизни, в этих отношениях неизбежно присутствует и стихийная, генетическая координация, реализуемая в процессе обыденного межличностного общения. Воздействию последней в наибольшей мере подвержен культурный структурный компонент политической деятельности.

Следует заметить, что координация системных функций может носить не только внутренний, но и внешний по отношению к данной системе характер. Это возможно в том случае, если данная система является частью социетальной метасистемы. Координационные связи системы в рамках метасистемы имеют меньшую плотность и интенсивность, чем внутрисистемная координация, и обычно определяют ее функционирование только в общих чертах. В особенности это касается стихийной координации. Однако между данной системой и другими компонентами метасистемы может осуществляться и организованная, политическая координация. При наличии такого механизма метасистема способна оказывать на структурные основания функционирования системы мощное и весьма специальное воздействие. Как правило, особенно весомую роль организованная метасистемная координация играет в формировании институциональной базы политического функционирования системы. Так, политико-административные институты уссурийского казачества в огромной степени являлись прямым продуктом законодательной деятельности правительства империи.

4. Политические интересы (к §1 II главы)

Исходным импульсом всякой политической деятельности служит появление у ее субъекта определенного, более или менее отчетливо выраженного политического интереса. Под политическим интересом мы понимаем такого рода направленную на конкретный объект групповую общественно-значимую потребность, удовлетворение которой требует применения политических средств и использования, в конечном счете, политической власти².

Политические интересы могут иметь различное происхождение и содержание. Большая и важнейшая их часть формируется за пределами политической сферы, в процессе повседневной экономической и социальной деятельности индивидов и групп. Постоянные, основные направления и объекты этой деятельности фиксируются и закрепляются в соответствующих экономических и социальных интересах действующих субъектов. Осознанность и групповая сплоченность таких интересов обычно не высоки. Им свойственны «самоочевидность», узкая специализированность и отвлеченность от макросоциальных предпосылок своей реализации, игнорирование последних. Их общность в масштабах социальной группы носит не актуальный, но скорее потенциальный, объективный, типологический характер. Данные черты экономических и социальных интересов связаны с особенностями направляемой ими деятельности, ее стихийностью (децентрализованностью) и репликативностью. Экономическая и социальная деятельность осуществляется в значительной мере в непосредственных, микросоциальных формах, в основном воспроизводясь в рамках уже сложившихся, относительно стабильных внутренних и внешних отношений субъекта деятельности (социальной группы).

Политизация экономических и социальных интересов начинается с появления непреодолимого обычными средствами препятствия их прямому осуществлению. Таким препятствием, как правило, оказываются противоположно направленная деятельность другого коллективного субъекта, либо противоречия, возникающие внутри самой рассматриваемой группы. Устойчивая невозмож-

ность осуществления представителями данной группы своих жизненных интересов стимулирует более или менее активное осмысление последних. Это осмысление выявляет, с одной стороны, их коллективную значимость, а с другой, - объективную обусловленность их реализации положением группы в структуре общественных отношений. В результате за непосредственными условиями и объектами групповых потребностей обнаруживаются их общие и основополагающие макросоциальные предпосылки и факторы. Возникает понимание того, что изменение (политическими средствами) этих предпосылок, существующей структуры общественных, межгрупповых отношений является необходимым предварительным этапом на пути удовлетворения непосредственных, первичных экономических и социальных нужд членов данной группы.

Таким образом, политические интересы возникают как продукт рефлексии и развертывания интересов экономических и социальных, отражая собой необходимость в осуществлении более сложной, коллективной и властно опосредованной деятельности по реализации последних. В отличие от первичных групповых потребностей политический интерес направлен не на те или иные конкретные материальные и духовные блага, но на сами возможности их использования и контроля или иными словами на общественный статус субъекта данного интереса. Следует отметить, что макросоциальные условия и объекты политической деятельности социальной группы, ее статусная позиция в общественной системе, не обладают эмпирической очевидностью, практической наглядностью. Их полномасштабное и адекватное выявление предполагает обобщение значительного объема информации, формулирование и синтез необходимых для описания организации общества абстрактных понятий. В силу этого в политической сфере, как ни в какой иной, процесс обыденного осознания объективных групповых интересов подвержен разного рода редуцирующим, упрощающим искажениям. С другой стороны, содержательная сложность политических интересов служит предпосылкой появления их теоретических, идео-

логических реконструкций, которые наряду с познавательными, нередко выполняют и манипулятивные, мифотворческие функции.

Неполитические общественные отношения являются основным, но не единственным источником политических интересов. С ростом активности и регулярности политической практики социальной группы, по мере развития и обострения порождаемых ей противоречий и борьбы, данная практика все в большей мере приобретает для группы самостоятельное значение и ценность. Направленные на регуляцию условий экономической и социальной деятельности группы ее политические отношения постепенно сами превращаются в объект оценивания и корректировки, становясь тем самым основой формирования особых специально-политических интересов. Последние принадлежат к высшей синтетической форме общественного сознания, требующей от социального субъекта наличия у него развитых знаний о политическом устройстве вмещающей социетальной системы и понимания механизма взаимообусловленности своего политического и неполитических статусов, а значит объективно наиболее широко открытой воздействию различных идеологических спекуляций.

5. Политическая культура (к §2 II главы)

Огромная, часто недооцениваемая, роль в процессах осознания человеком своих политических интересов и их воплощения в конкретном политическом поведении принадлежит культурному фактору. Политическая культура способна заметно трансформировать отражение объективных потребностей своих носителей в их сознании, а некоторых случаях и воспрепятствовать ему. От ее содержания, кроме того, во многом зависит выбор человеком тех или иных форм и способов реализации уже осознанных им политических интересов. Политическая культура, как нередко подчеркивают изучающие ее ученые, обладает свойством тотальности: в различной степени она пронизывает собой все политические отношения данного общества или его отдельной социальной группы (если речь идет о субкультуре)³. К этому можно добавить, что она обуславливает

также все политическое восприятие и мышление членов данной человеческой общности.

Морфологически (топологически) политическую культуру можно определить как ядро, социогенный фундамент политического сознания, функционально – как образ политической жизни, способ политического существования и воспроизводства общества. Это определение фиксирует наряду с всеобъемлющим и универсальным характером действия культуры, также и присущие ей устойчивость и инерционность. Политическая культура – длительно, исторически складывающийся и сохраняющийся духовный феномен, обобщенный долговременный опыт, субстрат политического развития общества. Свойство субстратности политической культуры ограничивает тотальность ее воздействия и распространения, позволяя проводить различие между культурным фундаментом и актуальным уровнем политического сознания и деятельности. Культура задает общий облик, структурную организацию и рамки политического сознания и практики в целом, но ни в коей мере не исчерпывает всего их многообразного и изменчивого содержания.

Политическая культура имеет сложный состав, который может быть описан по различным критериям. Наиболее дискуссионным является вопрос об основных формах организации политико-культурной информации или, иначе говоря, об основных формах отражения политической культурой действительности. Пионеры политико-культурных исследований, Г. Алмонд и С. Верба выделяли в составе политической культуры когнитивные (познавательные), аффективные (эмоциональные) и оценочные (ценностные) ориентации⁴. В дальнейшем в работах зарубежных и отечественных исследователей в эту схему вносились различные поправки. Наиболее значимыми и бесспорными среди данных поправок, с нашей точки зрения, можно признать две. Первая из них связана с исключением из состава политической культуры аффективного (эмоционального) компонента. Действительно, аффекты вряд ли правомерно рассматривать в качестве общественно обусловленного, типизированного (в национальном или

групповом масштабе) и исторически развивающегося, т.е. собственно культурного явления. В силу своей жесткой детерминированности индивидуальной и общей биологией человека и по сути внеисторического характера, они должны быть отнесены к иному, качественно особому, психологическому слою политического сознания.

Общая суть второй поправки заключается в необходимом, по мнению многих исследователей, выделении в составе политической культуры дополнительного, поведенческого компонента. Данный компонент, вбирающий в себя исторически сложившиеся образцы (модели, шаблоны) политического поведения, выполняет роль посредника между идеальными, отвлеченными представлениями о политике и реальной деятельностью человека в этой сфере, способствуя трансформации, «переводу» первых во вторую.

Различным образом политическую культуру структурируют с точки зрения ее содержания. При этом меньше всего разногласий вызывает идентификация главных объектов политической культуры, которыми, вслед за Г. Алмондом, исследователи обычно признают политическую систему в целом, а также самого субъекта-носителя культуры как типичного представителя определенной социальной общности⁵. Вместе с тем, следует принимать во внимание, что любая политическая культура отражает политическую систему не всецело, во всей ее эмпирической сложности, но фиксирует ее наиболее устойчивые, постоянные структурные отношения и длительно существующие элементы (институциональные и неинституциональные субъекты). Содержание же конкретных политико-культурных представлений зависит как от развитости соответствующей политической системы, так и от качеств носителя культуры и особенностей статуса его социальной группы, от того способа которым этот носитель и эта группа включены в политическую систему общества в целом, от состояния их собственных политических и неполитических функциональных связей.

Ключевое значение в изучении политической культуры любого общества имеет понимание того, что последняя является неотъемлемой частью его обще-

культурной традиции. Культурный пласт общественного сознания, отличительными признаками содержания которого служат высокая степень устойчивости, бессознательности, обобщенности и универсальной значимости, вообще характеризуется существенно меньшей отраслевой специализированностью в сравнении с его актуальным, функционально-практическим слоем. Это создает благоприятные условия для прямого переноса (трансцензуса) в политику культурного опыта (прежде всего, ценностей и стереотипов поведения), выработанного и апробированного в других сферах общественной жизни.

Основные свойства политической культуры определяют своеобразие ее динамики. Заметные сдвиги в политической культуре, как правило, происходят под влиянием масштабных и глубоких изменений в структуре политической системы или положении, занимаемом в ней тем или иным коллективным субъектом, носителем субкультуры, а также под действием общесоциетальных и общекультурных трансформационных процессов. Необходимо отметить, что в силу обобщенности, слабой осознаваемости и огромной жизненной значимости своего содержания культура отличается высокой ригидностью по отношению к изменениям внешней среды. Культурные феномены могут сохраняться и тогда, когда они теряют свою функциональность и даже приобретают дисфункциональную роль. Только долговременный, всеобъемлющий и непримиримый конфликт с реальностью может привести к полному разрушению и замене прежних культурных представлений⁶. Однако значительно чаще вытеснение старых, отживших или утративших на какой-то период актуальность, культурных традиций новыми, более адекватными изменившейся среде происходит медленным, эволюционным путем, что приводит к синхронному существованию в рамках одной культуры исторически разновременных и порою очень отличных по своему содержанию слоев.

6. Политические институты (к §3 II главы)

В силу своей крайней обобщенности, неоперациональности, интересубъективной неоднозначности культурный опыт сам по себе еще не является достаточным средством и условием для практической реализации политического интереса. Для того чтобы такая реализация стала возможной помимо культурного обоснования и осмысления данный интерес должен найти адекватное организационно-технологическое, институциональное воплощение.

Под институтом, в общем смысле, мы понимаем устойчивую нормативную форму (процедуру, технологию) социального взаимодействия. Важнейшие функции институциональных норм состоят в рационализации и стереотипизации, операциональной конкретизации и координации внутренних поведенческих ориентаций индивидов, что является необходимой предпосылкой для осуществления ими согласованной совместной деятельности. Таким образом, институты выступают мощным фактором трансформации, унификации, а в определенных случаях и блокирования политической активности человека. Сила воздействия институциональных норм на индивидуальное и групповое поведение обусловлена их внешним, объективированным, отчужденно-принудительным характером. Вместе с тем, технологичность и более высокая осознанность институциональных регулятивов в сравнении с культурными, с одной стороны, придает этому воздействию узкоспециальную направленность, а с другой, - расширяет возможности для сознательного сопротивления ему.

Будучи детерминированными и функциональными интересами и культурным опытом данной социальной общности, институты обладают, тем не менее, по отношению к ним значительной самостоятельностью. Один и тот же институт может использоваться, как последовательно, так и одновременно, для реализации очень широкого диапазона разнообразных интересов (функций). Кроме того, в силу относительной ценностной нейтральности институциональные технологии при наличии определенных функциональных потребностей, могут с большим или меньшим успехом быть «встроены» в различные куль-

турные контексты. В то же время, в историческом аспекте институциональные нормы, как более специализированные и менее жизненно значимые, характеризуются большей в сравнении с культурными регулятивами изменчивостью.

Родовое понятие института имеет огромный объем, включая в себя весьма различные по своим свойствам явления. Отражением наиболее глубоких различий, существующих между общественными институтами, служит начавшееся с работ Э. Дюркгейма обособление в обществознании двух теоретических подходов к их изучению – нормативно-юридического и социологического⁷. Приоритетным предметом исследования для первого из них являются формальные организации, действующие на основе законодательно или иным образом публично утвержденных норм, для второго, – неформальные структуры общественных отношений, существование которых обеспечивают нормы «неписаного» права, обычаи и стереотипы. Именно «юридическим» институтам в наибольшей мере присущи такие качества, как специализированность и рациональность (функциональная и конвенциональная). Они имеют ярко выраженный принудительный, объективированный характер и изменяются путем целенаправленной реорганизации. Напротив, «социологические» институты, как правило, лишены четких структуры и функционального предназначения. Они слабо осознаются вовлеченными в их деятельность людьми и воспринимаются ими как нечто естественное. Для них свойственны медленные, эволюционные и стихийные изменения. «Социологические» институты очень тесно связаны с культурными нормами и часто представляют собой продукт их технологического развертывания, институализации.

Характерной особенностью политической сферы является высокая степень формализации ее институциональной структуры. Тем не менее, в политической жизни любого общества, и в особенности общества традиционного, практически всегда присутствуют и неформальные институты. Они способны складываться в самостоятельные и весьма могущественные властные структуры, альтернативные официальным. Однако, по-видимому, значительно чаще в

политике встречается сращивание, своего рода симбиоз публичных, официальных и «теневых», неофициальных и даже нелегальных организационных структур, соединение в рамках одного и того же политического института формальных и неформальных отношений.

Говоря о специфике «юридических» и «социологических» институтов, мы уже коснулись вопроса о факторах их генезиса и отметили ту роль, которую играют в этом процессе правовые нормы и культурные представления. Следует указать, что наряду с культурными представлениями в образовании институтов, в т.ч. политических, участвуют и такие естественно-исторические факторы как обыденная, регулярно воспроизводимая практика социального взаимодействия и стихийный обмен институциональными технологиями между различными сферами общественной жизни. Отдельный институт редко является продуктом исключительного воздействия какого-либо одного из указанных факторов. Чаще всего, формирование института происходит в процессе взаимодействия ряда естественных детерминант или же совокупности естественных и правовых механизмов, при чем один из этих факторов играет обычно ведущую роль. В формировании политических институтов в качестве такого определяющего фактора, как правило, выступает законотворческая деятельность государства.

7. Структурный и ситуативный уровни исследования политического поведения (к III главе)

Заключительная глава нашей работы посвящена решению центральной из поставленных в ней проблем – синтетическому объяснению, системной характеристике политического поведения уссурийского казачества (политического функционирования уссурийской казачьей общности), как результата динамического взаимодействия совокупности внешних (средовых) и внутрисистемных факторов. Часть из этих факторов уже являлись предметом нашего анализа. В предыдущих главах нами были рассмотрены долговременные, структурные детерминанты политической жизни уссурийцев – организация естественной и общественной, в т.ч. политической, среды уссурийской казачьей общности, а

также присущие последней устойчивые интересы, культурные представления и институциональные технологии. Данные факторы задавали основания и пределы объективно возможного в политической деятельности казаков, формировали ее общие относительно стабильные рамки. Однако выявление структурных рамок политического поведения, как динамического, функционального аспекта политической жизни социальной группы, является лишь первым этапом его исследования. Исходя из них можно реконструировать только, как правило, достаточно обширный в каждый исторический момент спектр предоставляемых объективными условиями поведенческих альтернатив. Для объяснения же имевшего место в действительности выбора между этими альтернативами, генезиса конкретного коллективного политического действия необходимо обратиться к иному пространственному и временному масштабу факторного анализа. От структурных, статических макрорамок политического поведения субъекта мы должны перейти к его непосредственному процессуальному, функциональному контексту. Под функциональным контекстом политического поведения изучаемого группового субъекта, или историко-политической ситуацией, мы понимаем фазу периода воспроизводства определенного структурного состояния среды, характеризующуюся наличием фиксированного набора взаимодействующих с данным субъектом политических акторов, постоянством их ресурсных потенциалов, целей и форм деятельности.

¹ См. об этом: Ивашинников Ю.К. Физическая география Дальнего Востока России. Владивосток, 1999. С. 5 – 12.

² В своем содержательном определении группового интереса, в различении его объективной сущности и субъективного выражения, автор исходит из общих принципов марксистского подхода к решению данной проблемы (См.: Вятр Е. Социология политических отношений. М., 1979. С. 169 – 173).

³ Баталов Э.Я. Политическая культура современного американского общества. М., 1990. С. 28 – 29.

⁴ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Современный Левиафан: Очерки политической социологии капитализма. М., 1985. С. 182.

⁵ Баталов Э.Я. Указ. соч. С. 13.

⁶ Бурлацкий Ф.М., Галкин А.А. Указ. соч. С. 203 – 207.

⁷ Дегтярев А.А. Основы политической теории. М., 1998. С. 99 – 101.